

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В Е С Т Н И К
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 7

ИСТОРИЯ

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2012

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
А.С. Булдаев, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); *Н.Н. Татарникова*
(зам. председателя, директор издательства); *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук,
доц.; *Т.С. Базарова*, д-р пед. наук, доц.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук, проф.;
А.В. Гаськов, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. наук, проф.;
Ц.З. Доржиев, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имixelова*, д-р филол. наук, проф.;
Л.П. Ковалева, канд. филол. наук, проф.; *К.Б.-М. Митупов*, д-р ист. наук,
проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук, проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук,
проф.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук, проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

К.Б.-М. Митупов, д-р ист. наук, проф. (главный редактор); *М.Н. Балдано*, д-р
ист. наук, проф. (зам. главного редактора); *А.А. Буркина*, канд. социол. наук,
доц. (зам. главного редактора); *Т.Е. Санжиева*, д-р ист. наук, проф.; *А.Д. Цы-
биктаров*, д-р ист. наук, проф.; *С.В. Васильева*, д-р ист. наук, доц.;
Е.Н. Палхаева, д-р ист. наук, доц.; *Т.В. Паликова*, д-р ист. наук, доц.

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 7

ИСТОРИЯ

Научное издание

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 7

ИСТОРИЯ

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77–36152 от 06 мая 2009 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редактор
Ж.В. Галсанова

Компьютерная верстка
Л.П. Бабкиновой

Подписано в печать 31.05.12. Формат 60x84 1/8.
Уч.-изд.л. 22,78. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1000. Заказ № 185.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24
riobsu@gmail.com

**Университет Байкальской Азии в современных условиях
(к 80-летию БГПИ-БГУ, 1932-2012 гг.)**

В статье освещается история становления и развития старейшего высшего учебного заведения в республике. Дается анализ кадрового состава и научного потенциала, основных подразделений и материально-технической базы учебного заведения.

Ключевые слова: высшая школа, Бурятский государственный университет, история.

S.V. Kalmykov

**The university of Baikalian Asia in modern conditions
(to the 80th anniversary of BSPI- BSU, 1932-2012)**

The article is devoted to the history of formation and development of the oldest higher educational institution in the republic. The staff structure and scientific potential, the main subdivisions and material and technical basis of the educational institution have been analyzed.

Keywords: higher education, Buryat State University, history.

Современные процессы интеграции науки и образования заставляют по-новому осмыслить традиции университетского образования в России. Первые светские научные и образовательные институты – Петербургская академия наук, Академический университет (1724) и Московский университет – были организованы в соответствии с лучшими моделями европейской науки и высшей школы. У их истоков стояли выдающиеся европейские интеллектуалы.

Высшее образование в Сибири и на Дальнем Востоке имеет свою уникальную историю. В уездном дореволюционном городе Верхнеудинск (с 1934 г. – Улан-Удэ) в 1905-1906 гг. размещался Восточный институт, открытый во Владивостоке в 1898 г. Второе высшее учебное заведение за Уралом (после Томского университета) имело отделения: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское, китайско-маньчжурское. Обучение было рассчитано на четыре года. Обязательными предметами были богословие, география, этнография, английский язык и язык изучаемой страны, политическая организация и государственное устройство России, европейских стран, Кореи, Японии, политическая экономика и коммерческая география, международное право, счетоводство, товароведение. Директором института был назначен выдающийся востоковед Дмитрий Матвеевич Позднеев. Главной задачей Института являлась подготовка кадров для административной, торгово-промышленной, военно-политической деятельности России на Дальнем Востоке. Таким образом, Верхнеудинск стал третьим за Уралом вузовским городом.

Впервые вопрос об открытии высшего учебного заведения в советской республике поднял Морхоз Петрович Хабаев – заведующий бурят-

монгольским отделением при педагогическом факультете Иркутского государственного университета. Вскоре вышло постановление бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) от 16 октября 1930 г. «Об организации в Верхнеудинске бурят-монгольского вуза», в котором отмечалась необходимость организации агропедагогического института в городе [1, л.15]. 10 января 1932 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял заключительное постановление «Об открытии Бурят-Монгольского агропединститута в г. Верхнеудинске» [1, л.35].

Официальное открытие первого высшего учебного заведения в Бурятии произошло 10 февраля 1932 г. На торжественном заседании Ученого совета выступил директор М.П. Хабаев: «...мы сегодня с вами, с трудящимися Бурят-Монголии и со всем советским народом, приветствуем это историческое решение...» [5, с.27]. Было создано первое высшее учебное заведение Бурятии – педагогический институт, что имело большое значение для развития системы образования, науки и культуры региона.

Базой нового высшего учебного заведения стало бурят-монгольское отделение Иркутского педагогического института, переведенное в Верхнеудинск в конце января 1932 г. Профессорско-преподавательский состав пополнился за счет высококвалифицированных специалистов, прибывших из Иркутска, – проф. Н.Н. Козьмин и М.П. Алексеев, доц. В.П. Денисов, А.М. Ремизов, и.о. доц. В.Д. Кудрявцев и М.В. Широковский [5, с.29].

В Бурят-Монгольском пединституте было открыто четыре отделения: физико-математическое, естествознания, литературно-лингвистическое и историко-экономическое (в 1933 г. из-за небольшого количества студентов передано Ир-

кутскому пединституту), в состав вошли также четыре общеинститутские кафедры: педагогики, диамата и ленинизма, политической экономии, бурят-монгольского языка. Первым проректором института стал доцент В.Д. Кудрявцев, впоследствии видный ученый, доктор педагогических наук, военрук – генерал-майор в отставке А. П. Фальк, помощником директора по АХЧ – А.Г. Тангасов, врачом и преподавателем школьной гигиены – А.О. Назаров, работавший одновременно наркомом здравоохранения республики. В течение 3-4 лет пединститут пополнялся новыми преподавателями, прибывшими из Москвы, Иркутска и других городов. На кафедры были приглашены Б. Барадин, В.Т. Ветров, П.Т. Шеретов, В.А. Святогор, В.Ф. Аханынов, А.М. Убугунов, Н.П. Егунов, Н.Е. Левский, А.В. Маковский и др. В 1932 г. в институте было 22 преподавателя, в 1938 г. – 33, в 1941 г. – 42 [2, с.4-5].

В институте началась подготовка преподавателей для средних школ и техникумов по физике, математике, биологии, русскому языку и литературе. Обучение было определено в четыре года. Первый набор студентов состоялся осенью 1932 г. и составил 146 человек, в их число вошли выпускники средних школ, техникумов и учителя-практики, не имевшие педагогического образования.

Первый выпуск педагогов с высшим образованием состоялся летом 1932 г. – 15 третьекурсников бывшего бурят-монгольского отделения Иркутского пединститута. В 1936 г. в пединституте – первый выпуск студентов, преподавателей русского языка и биологии в количестве 34 чел.

В 1932-1935 гг. велась разработка структуры учебного процесса: ежегодно менялись учебные планы и программы, разрабатывались формы самостоятельной работы студентов, производственная практика стала частью учебного процесса. С 1935 г. вузы страны, и наш институт в том числе, стали работать по единым учебным планам, разработанным управлением подготовки учителей Наркомпроса РСФСР и утвержденным Всесоюзным комитетом по делам высшей школы.

Великая Отечественная война изменила работу института. Обновился состав преподавателей, сократилось число студентов. Обучение стало трехгодичным, начало учебного года было перенесено с 1 сентября на 1 октября. Один учебный корпус был переоборудован в эвакуационный госпиталь, поэтому учебные занятия проводились в две смены. Несмотря на трудности военного времени, численность студентов выросла с

515 в 1942 г. до 816 в 1945 г. В первую годовщину победы 42 работника и студента были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [5, с.63].

В послевоенные годы укрепилась учебно-материальная база пединститута. Преподавательский состав пополнился такими высококвалифицированными специалистами, как В.А. Абрамов, Д.Д. Амоголонов, И.А. Асалханов, А.В. Булгадаев, А.А. Дуринов, И.Л. Дульбинов, С.Е. Зенин, И.В. Измайлов, Б.С. Содномов, В.П. Тюшев, Г.И. Упхонов, П.Ш. Хаглеев, П.И. Хайдуков и др. В 1947 г. за успехи в подготовке кадров и активную научно-исследовательскую деятельность институту было присвоено имя первого бурятского ученого, известного востоковеда Д. Банзарова.

Важнейшими задачами вуза по-прежнему оставались подбор и подготовка кадров. В конце 1960-х гг. произошли качественные изменения в составе преподавателей: из 250 человек профессорско-преподавательского коллектива 8 были докторами и 88 – кандидатами наук. Первыми докторами наук, профессорами стали Н.П. Егунов (1968), Е.Е. Тармаханов, Д.Б. Улымжиев, М.П. Хамаганов (1969), Н.И. Иванов (1970). Затем защитили докторские диссертации Ц.Ц. Цыдыпов, О.А. Нечаева, Ф.Н. Гаханов, В.И. Затеев.

В 1980 г. доля дипломированных преподавателей института составляла 41%. Поэтому ректорат стал активно направлять преподавателей в целевую аспирантуру в ведущие вузы и отраслевые академические институты страны. В середине 80-х гг. 90% аспирантов БГПИ обучалось в Москве и Ленинграде [4, с.231]. Уже к 1985 г. из 335 преподавателей института 173 имели степени и звания, что составило 51,6 % [4, с.233]. Среди педагогических вузов Сибири и Дальнего Востока БГПИ имел лучший показатель по преподавателям высшей квалификации (докторов наук, профессоров).

В 1990 г. в институте была открыта аспирантура по четырем специальностям, преподаватели активно занимались научными исследованиями в различных областях, ими подготовлен ряд крупных монографий, сборников статей и т.д. Конференции, проводимые на базе института, имели не только республиканский, но и региональный и международный уровень.

Социально-экономические преобразования в стране обусловили перестройку работы вузов, пединститута в частности. Перед учебными заведениями возникла задача обеспечения стабильного функционирования, касавшаяся глав-

ным образом финансирования образования. Традиционные схемы организации образовательного процесса сдерживали развитие вуза, поэтому решался вопрос об открытии классического университета.

В сентябре 1995 г. на базе БГПИ и Бурятского филиала Новосибирского госуниверситета был создан Бурятский государственный университет. Новый статус позволил, во-первых, расширить перечень специальностей, во-вторых, возможности наращивания своего исследовательского потенциала, как за счет собственных ресурсов, так и за счет привлечения академических организаций; в-третьих, выполнять функции поддержания интеллектуального климата в обществе.

На сегодняшний день Бурятский государственный университет предоставляет широкий спектр возможностей для личностного и профессионального развития. За годы своего существования вуз подготовил более 40 тысяч специалистов. В университете реализуются основные и дополнительные образовательные программы среднего профессионального образования и высшего профессионального образования (программы бакалавриата; подготовки специалиста; магистратуры), программы послевузовского профессионального образования, ведется обучение в интернатуре, ординатуре и докторантуре. Число направлений подготовки (специальностей), по которым в Бурятском государственном университете реализуются основные образовательные программы среднего и высшего профессионального образования, превышает 100. Подготовка кадров в системе послевузовского профессионального образования ведется по 50 специальностям докторантуры и аспирантуры и 19 специальностям клинической ординатуры и интернатуры.

Сегодня более 10 000 студентов обучается на 12 факультетах, 3 институтах, колледже, 2 филиалах (п. Бохан Иркутской области, пгт. Агинское Забайкальского края). На 78 кафедрах, 14 из которых созданы совместно с институтами и отделами научных центров СО РАН, работает свыше 1000 преподавателей, в т.ч. 180 докторов наук, профессоров, из них 9 действительных членов и членов-корреспондентов государственных академий России (РАН, РАО, РАМН), более 30 академиков общественных академий России, 575 кандидатов наук, доцентов.

Бурятский государственный университет является одним из крупнейших научно-образовательных центров Сибири и Дальнего Востока. В университете действует более 30 совместных с академическими учреждениями науч-

но-исследовательских и научно-образовательных центров, лабораторий и кафедр.

Научные исследования сконцентрированы по 5 приоритетным направлениям развития: «Прогнозная характеристика азиатско-тихоокеанского вектора развития России», «Инновационные технологии сохранения и укрепления здоровья на основе развития интегративной медицины», «Природная среда и условия устойчивого развития Байкальского региона», «Физико-химические и геологические исследования в Байкальском регионе», «Формирование личности в поликультурном регионе».

В университете действует 11 докторских диссертационных советов по 19 научным специальностям, три из которых объединены с научными институтами Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. За три последних года в диссертационных советах защищено свыше 30 докторских и 250 кандидатских диссертаций.

Ежегодно преподаватели и сотрудники публикуют около 70 монографий и 150 статей в зарубежных и российских рецензируемых изданиях. «Вестник Бурятского государственного университета» входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов.

В 2006 г. в сотрудничестве с Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН создан Центр стратегических востоковедных исследований. Основная тематика научных разработок – междисциплинарная реконструкция исторического прошлого народов АТР, выявление закономерностей и специфики современного развития стран, осмысление проблем глобализации в аспекте взаимодействия культур.

Для успешного развития политического, экономического, научного и культурного взаимодействия со странами АТР и уровня проработки правовой базы международного сотрудничества создан Центр правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами АТР под руководством проф. Ю.И. Скуратова совместно с Московским государственным социальным университетом и Уральской государственной юридической академией.

В 2002 г. совместно с Институтом динамики систем и теории управления СО РАН и Бурятским научным центром СО РАН организован Научно-образовательный и инновационный центр системных исследований и автоматизации под руководством академика РАН С.Н. Васильева. Основными задачами центра являются комплексная поддержка развития и использования математических и информационных исследований в системе образования и науки региона.

Под руководством академика РАН Г.А. Жеребцова при БГУ создана и успешно функционирует кафедра космической физики. На базе университета действует уникальная совместная астрофизическая лаборатория, позволяющая использовать возможности солнечных радиотелескопов и радиотелескопа «Квазар», расположенного в Тункинском районе Республики Бурятия.

БГУ имеет развитые научно-образовательные связи с учебными и академическими учреждениями в Европе (Германия, Австрия, Голландия, Франция, Польша, Швеция, Венгрия и др.) и Азии (Монголия, Китай, Корея, Япония). Университет входит в глобальные научные сети Eurasia Pacific, Asia Network, имеет опыт работы по международным грантовым программам.

Программа стратегического развития БГУ включает проект создания Байкальского научно-образовательного и инновационного центра на основе государственно-частного партнерства в пос. Горячинск Прибайкальского района Республики Бурятия. Основной целью центра является разработка научно обоснованных подходов к решению актуальных проблем развития экономики региона.

Бурятский государственный университет обладает богатым опытом сотрудничества с зарубежными партнерами. Главным залогом этого является качество обучения и научных исследований.

Соглашения о сотрудничестве в области обучения и науки связывают университет с образовательными и научно-исследовательскими центрами Монголии, КНР, Кореи, Японии, Турции, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Финляндии, Франции, США.

В рамках соглашений ежегодно осуществляется обмен студентами для прохождения языковых и страноведческих стажировок. Бурятский государственный университет активно привлекает иностранных преподавателей как носителей языка и высококвалифицированных специалистов для повышения уровня языковой и страноведческой компетенции студентов и преподавателей.

Для студентов Бурятского государственного университета на протяжении длительного времени работают различные стипендиальные программы: им. Гете (Германия) – с 1992 г.; DAAD (Германия) – с 1992 г.; PAD (Германия) – с 1997 г.; «Germanistische Institutpartnerschaft» (Германия) – с 2004 г.; UNINET (Австрия) – с 2007 г.; Австрийской службы академических обменов (Австрия) – с 2002 г.; Университета Внутренней Монголии (Китай) и Педагогического университета Внутренней Монголии (Ки-

тай) для студентов, специализирующихся на изучении китайского и монгольского языков.

БГУ является участником ряда глобальных научных сетей, имеет опыт работы по международным грантовым программам TACIS, TEMPUS, DAAD, UNINET, Фулбрайт и др. С 2005 г. университет является полноправным членом в международной сети «Университет Арктики», с 2006 г. – международной сети университетов UNINET Eurasia-Pasific (Австрия), занимающихся исследованиями стран Центральной и Восточной Азии. В университете работает представительство Германской службы академических обменов (DAAD), при котором совместно с Центром евразийского сотрудничества и факультетом иностранных языков осуществляются программы мобильности молодых ученых, стажировки и назначаются стипендии на защиту ученой степени Phd в университетах Германии и т.д.

Большой общественный резонанс в регионе вызвало открытие Института Конфуция на базе Бурятского государственного университета. Заключено более 20 договоров с образовательными и исследовательскими центрами Китайской Народной Республики, Монголии, Республики Корея, Японии. Все это позволило усилить подготовку с ориентацией на историю, философию и филологию стран Востока и Запада.

Сегодня при университете созданы и успешно функционируют признанные в России и за рубежом научные школы. Университет располагает современной лабораторной и приборной базой, в нем работают ученые с мировым именем. Бурятский государственный университет успешно сотрудничает с ведущими вузами (Московским, Новосибирским, Томским, Сибирским, Иркутским, Читинским, Северо-Восточными государственными университетами) и академическими учреждениями (Бурятским, Иркутским, Новосибирским, Якутским научными центрами СО РАН, институтами Дальневосточного и Уральского отделений РАН), имеет развитые культурные и научно-образовательные связи с учебными и академическими учреждениями в Европе (Германии, Австрии, Голландии, Франции, Польше, Швеции, Венгрии и др.) и Азии (Монголии, Китае, Кореи, Японии и др.) [3, с.5].

Бурятский государственный университет – многопрофильный, образовательный, научно-исследовательский и культурно-просветительский комплекс, успешно выполняющий задачу подготовки квалифицированных, конкурентноспособных специалистов.

Литература

1. ГАРБ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 494. Л.15-35
2. Калмыков С.В. Бурятский государственный университет: история и современность // Вестник Бурятского университета. Сер.4: История. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. Вып. 4.
3. Калмыков С.В. Исследовательский университет Байкальской Азии. – Новосибирск: Наука, 2010.
4. Осинский И.И. Альма-матер. – Улан-Удэ, 1999.
5. Хабаев М.П. Очерки истории формирования высшего педагогического образования в Бурятии. – Улан-Удэ, 1983.

УДК 378.4

© *А.А. Буркина, К. Б.-М. Митупов*

Исторический факультет БГУ в год восьмидесятилетия

А.А. Burkina К.-В.М. Mitupov

BSU Department of History in the eightieth years

Исторический факультет является старейшим факультетом Бурятского государственного университета. 10 февраля 1932 г. в Бурят-Монгольском агропединституте было открыто четыре отделения: физико-математическое, естествознания, литературно-лингвистическое и историко-экономическое. Заведующим кафедрой истории стал профессор Н.И. Козьмин. В 1933 г. на историко-экономическое отделение был сделан первый набор – 25 студентов. Через год отделение было переведено в Иркутский университет. В 1937 г. отделение было вновь открыто, и уже в 1940/41 учеб. г. осуществлен первый выпуск 10 студентов-историков. В 1942 г. на отделении была создана кафедра истории Отечества, заведующим был назначен кандидат исторических наук С.Н. Чеботарев, членами кафедры были Никифор Петрович Егунов, Вениамин Павлович Тюшев, Николай Доржиевич Шулунов, Бимба Доржиевич Цибикив и Мэри Лазаревна Абрамсон.

В 1955 г. исторический и филологический факультеты были объединены в историко-филологический факультет, который уже спустя почти 30 лет, в 1987 г. вновь был разделен на исторический и филологический. Первым деканом факультета стал кандидат исторических наук, доцент Н.П. Егунов. В разные годы деканами факультета были назначены: кандидат филологических наук, доцент А.А. Белоусов, кандидаты исторических наук, доценты В.П. Тюшев, М.П. Хабаев, кандидаты филологических наук, доценты С.Ш. Чагдуров, В.Б. Махатов, кандидат исторических наук, доцент В.В. Морохоев, кандидат филологических наук, доцент С.Ж. Балданов, кандидат исторических наук, доцент В.М. Пыкин, доктор исторических наук, доцент

В.Ц. Ганжуров, кандидаты исторических наук, доценты А.В. Голых, Ю.П. Шагдуров, кандидат педагогических наук, доцент М.Г. Цыренова, доктор исторических наук, профессор К.Б.-М. Митупов.

За 80-летний период своего существования исторический факультет достиг многого: здесь работают высококвалифицированные специалисты, налажены стабильные связи с ведущими научными центрами, на факультете издаются научные журналы, зарекомендовавшие себя в академической среде, успешно работает 2 диссертационных совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по истории и политологии, социологии и философии.

Исторический факультет – один из старейших факультетов в системе гуманитарного блока Бурятского государственного университета. Он является системообразующим центром исторического образования в республике. В связи с возросшими требованиями к высшей школе на историческом факультете в последние годы вводятся новые специальности. С 1997 г. ведется подготовка по специальности «регионоведение», с 1999 г. – по направлению «политология», а с 2009 и 2011 гг. – по специальностям «философия» и «социология» соответственно.

Сегодня исторический факультет перешел на многоуровневую систему образования, что потребовало от коллектива значительных усилий и еще раз подтвердило высокий уровень квалификации профессорско-преподавательского состава. Образовательный процесс на факультете включает широкую сферу подготовки специалистов – бакалавров, магистров, аспирантов, докторантов, а также программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации

через Институт непрерывного образования (директор М.Г. Цыренова – ведущий преподаватель кафедры истории Отечества).

Факультет располагает уникальными возможностями для подготовки высококвалифицированных специалистов, способных нестандартно решать сложные задачи в различных сферах социальной политики, гуманитарных наук, культуры, образования и менеджмента. За один только 2011/12 учеб. г. защитили докторские диссертации С.В. Васильева, М.И. Добрынина, В.В. Номоева Т.В. Паликова, Е.Н. Палхаева. Кроме того, защитили кандидатские диссертации Е.Л. Бадмацыренова, Н.С. Баранова, М.С. Новолодская, А.И. Дарханова, С.З. Ахмадулина, В.В. Калашникова, А.А. Шестаков и др.

Исторический факультет БГУ – это не только учебный, но и научно-исследовательский центр. Этому способствует высокий профессиональный уровень коллектива факультета, где на пяти кафедрах работает 65 преподавателей из них 27 докторов и 37 кандидатов наук, известных своими исследованиями в стране и за рубежом. Ученые факультета публикуют результаты научных разработок в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и других крупных российских университетских центрах, а также в США, Индии, Китае, Монголии, Южной Корее, Польше и т.д.

В 2011 г. факультет успешно прошел процедуру государственной аттестации и аккредитации. Научно-образовательный процесс на факультете обеспечивают 5 кафедр: всеобщей истории; истории Отечества; истории Бурятии; философии; политологии и социологии. Исторический факультет БГУ одновременно ведет подготовку по специальностям «политология», «история», «социология», «философия», включающим обязательное изучение двух иностранных языков. В связи с научным направлением по изучению истории и культуры Внутренней Азии студенты-историки осваивают китайский и монгольский языки до 4-го курса, что позволит им работать с историческими источниками.

В современном мире информатизация и глобализация стали основными факторами, кардинально влияющими на развитие общества и системы образования. В связи с этим формы организации получения и обновления знаний на историческом факультете значительно усовершенствованы. Реальными шагами в решении проблем создания перспективной системы образования совместно с отделом дистанционных технологий в образовании являются: формирование единой образовательной информационной сре-

ды; использование открытых форм обучения; обеспечение открытого дистанционного доступа к распределенным информационным и технико-технологическим ресурсам. В технологическом плане проводятся работы по интеграции компьютерных телекоммуникационных сетей, научно-методического обеспечению учебного процесса и научных исследований, основанных на применении современных средств автоматизации. Особенно активно эти работы осуществляются в рамках комплексных свободных программ, таких как ГЕКАДЕМ, ЧАТ, МОДУЛ, СКАЙП, для студентов Агинского и Боханского филиалов. Новейшие программы применяются в осуществлении межрегиональных научных и научно-практических он-лайн конференциях. В результате у нас сформировалась и продолжает развиваться система научно-образовательного провайдера, различных форм дистанционного обучения. Подтверждением этому служат разработанные, постоянно обновляемые и успешно применяемые ГЕКАДЕМ-курсы, преимущественно с использованием кейс-технологии, мультимедийные учебные средства, обучающие программы, электронные учебники, в том числе и для средней школы.

Разработано в программе ГЕКАДЕМ 54 базовых учебных курса по специальности «история», 28 курсов по специальности «политология», 36 – по направлению подготовки «социология», 42 – по специальности «философия».

В рамках эксперимента Минобразования России по дистанционному обучению (преимущественно с использованием кейс-технологии ДО) коллектив ИФ одним из первых участвовал в детальной проработке и внедрении на практике принципов работы с авторами – разработчиками курсов (А.Д. Дашиева, Е.А. Высотина, В.Д. Дугаров, О.Н. Полянская, О.А. Убеева) преподавателями-консультантами (тьюторами); организации взаимоотношений базовых учебных заведений с их региональными учебными центрами. Стремление объединить учебно-методические разработки с новейшими информационными технологиями вызвано прагматичной целью – сформировать перспективное образовательное пространство, доступное для всех, вне территориальной зависимости.

Современный уровень подготовки историков, социологов, политологов и философов обеспечивается также за счет контактов с ведущими российскими и иностранными научно-образовательными центрами. Наш факультет поддерживает прямые связи с университетами

Польши, Германии и Монголии. Студенты, аспиранты и преподаватели факультета стажируются за рубежом. Так, в сентябре-ноябре 2010 г. состоялась научная стажировка О.Н. Полянской при Польской академии наук (ПАН). Научная командировка позволила изучить документы архивов ПАН в Варшаве и Кракове и подготовить ряд статей, выявляющих польскую составляющую в истории российской научной школы монголоведения. В рамках долгосрочного договора о сотрудничестве с представителями Хэнтэйского аймака Монголии организован и проведен научно-практический семинар «Жизнь диаспоры в устной истории».

В рейтинге научной деятельности институтов, факультетов БГУ исторический факультет занимает первое место за последние 5 лет. Кафедры факультета по рейтингу научной деятельности за последнее время стабильно входят в первую двадцатку 77 кафедр университета. По мнению НИЧ БГУ, «среди факультетов и институтов бесспорным лидером за весь период является исторический факультет, который значительно опережает другие структуры по количеству опубликованных работ...».

Традиционным направлением научно-исследовательской деятельности коллектива кафедры всеобщей истории является изучение истории, культуры, историографии Монголии, а также анализ проблем международных отношений во Внутренней Азии и соседствующих стран.

Одним из интереснейших международных интеграционных проектов стала организация и проведение в Восточной Сибири и Монголии систематической международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». Университет возглавил десятистороннее соглашение с Восточно-Сибирской государственной академией образования (г. Иркутск), Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (г. Улан-Удэ), Забайкальским государственным гуманитарно-педагогическим университетом (г. Чита), Институтом археологии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор), Иркутским государственным университетом (г. Иркутск), Иркутским государственным техническим университетом (г. Иркутск), Монгольским государственным университетом, Национальным музеем Монголии, Улан-Баторским государственным университетом (г. Улан-Батор) В рамках данного соглашения работают более 140 ученых из России, Монголии, Японии, Германии, Канады, Австралии, Венгрии.

Результаты конференции позволили осуществить обмен новейшими результатами полевых и лабораторных исследований, определить направления деятельности в области изучения древней истории и палеоэкологии Прибайкалья, Забайкалья и Центральной Азии, поднять на более высокий уровень интеграцию вузовской и академической науки в рамках России, Монголии и стран-участниц археологических и палеогеографических исследований во Внутренней Азии.

Перспективное направление патриотического воспитания, осуществляемое кафедрой истории Отечества, – сотрудничество с Ассоциацией жертв политических репрессий. В рамках этого сотрудничества была опубликована «Книга памяти жертв политических репрессий в Бурятии» в 5 томах, подготовлен к изданию 6-й том, студентами-историками защищено 5 дипломных работ на основе документов Архива УФСБ по РБ.

Научная деятельность кафедр нашла отражение в издании востребованных учебно-методических пособий и монографий. Весомым достижением является издание новых учебников по истории. Принципиально то, что помимо университетских учебников специалистами кафедр подготовлена серия учебников и учебных материалов для средней школы «История Бурятии», «Хрестоматия по истории Бурятии», «Рабочая тетрадь по истории Бурятии». Грантодержателями научно-исследовательских проектов РГНФ являются преподаватели кафедры всеобщей истории и кафедры истории Бурятии: д-р ист. наук Д.Д. Амоголонова, д-р ист. наук А.Д. Цыбиктаров, канд. ист. наук А.З. Бадмаев, д-р ист. наук, проф. Т.Е. Санжиева. Важнейшим направлением деятельности факультета является вовлечение в научно-исследовательскую работу студентов. Ежегодно проводится студенческая научно-практическая конференция, издаются сборники тезисов студенческих работ. Студенты старших курсов участвуют в работе различных региональных и всероссийских научных конференций, зачастую наиболее активные имеют ежегодно около 10 публикаций. Студенты факультета в течение ряда лет занимаются обработкой археологических материалов, полученных в результате полевых работ. Среди них О.Н. Горковенко, Ю. Брянская, Свиридова, Н. Ефимов.

Студенты исторического факультета принимают активное участие в различных научных конференциях, круглых столах, конкурсах как внутривузовского, так и всероссийского уровня.

*Преимущества исторического образования
в БГУ:*

- сильная академическая школа: 26 профессоров – членов различных академий, 37 доцентов;
- огромные потенциальные возможности для научной деятельности (ежегодно 10-15 выпускников получают приглашения в аспирантуру);
- обширное поле применения полученных знаний в органах государственного местного управления, в политических и общественных организациях, в школах и вузах, в коммерческих структурах;
- ежегодные практики в учебных заведениях, в том числе археологическая, музейная и архивная;
- развитая система студенческого самоуправления;
- надежная теоретическая и методическая база по воспитательной работе;
- студенты исторического факультета не только обладают фундаментальными знаниями в области всемирной и отечественной истории,

археологии, музееведения и других родственных наук, но и имеют прекрасную подготовку к воспитательной работе с детьми и молодежью;

- возможность участия в археологических и этнографических экспедициях;
- минимальная стоимость обучения сочетается с высоким качеством образования.

Сохраняя верность своим традициям, исторический факультет успешно развивается, создавая фундаментальную основу для дальнейшего наращивания своего потенциала.

Мы чтим память основателей и созидателей нашего факультета, определивших принципы и приоритеты в его развитии на многие годы вперед.

Мы гордимся выпускниками факультета – их более 9 тысяч, и все они своим вдохновенным и творческим трудом приумножили славу отечественной науки и образования, а также своей Alma Mater – Бурятского государственного университета.

УДК 378

© *Е.Е. Тармаханов*

80 лет историческому факультету БГПИ-БГУ

Статья старейшего преподавателя, участника Великой Отечественной войны, с 1953 г. работающего на историческом факультете, Е.Е. Тармаханова представляет собой воспоминания автора о развитии одного из первых подразделений БГПИ с 1932 г. по настоящее время.

Ключевые слова: Бурятский агропединститут, БГПИ, БГУ, исторический факультет, историческое образование.

Е.Е. Tarmahanov

80 years of historical faculty of BSU-BSPI

The article is written by E.E. Tarmahanov, the oldest teacher, the participant of the Great Patriotic War. He has been working at the historical faculty since 1953, and the article is the author's recollections concerning the development of one of the first departments of BSPI from 1932 through the present time.

Keywords: Buryat agropedinstitut, BSPI, BSU, historical faculty, historical education.

До 1932 г. в Бурятии не было ни одного высшего учебного заведения. В дореволюционное время высшее образование имели лишь немногие из бурят – Д. Банзаров, Г. Цыбиков, Ц. Жамсарано, М.Н. Богданов. На бурят-монгольском отделении при Иркутском университете высшее образование одними из первых получили буряты П.Т. Хаптаев, А.И. Балдунников, Д.А. Абашеев, Т.В. Баханов, Г.И. Упхонов и др.

На основе бурят-монгольского отделения Иркутского университета открылся высший педагогический институт в г. Верхнеудинск, что явилось реализацией ленинской национальной политики по повышению культуры на окраинах

России. Большую роль в открытии Бурятского агропединститута сыграли преподаватели ИГУ Морхоз Петрович Хабаев, Николай Николаевич Козьмин, автор ряда работ по истории Бурятии и Сибири. Первоначально в пединституте было открыто два отделения: историческое и физико-математическое. Первым директором института стал молодой Морхоз Петрович Хабаев. Всестороннюю помощь ему в организации учебного процесса в высшем учебном заведении и систематизации деятельности оказывал Н.Н. Козьмин, читавший лекции по истории СССР на историческом отделении. Однако в 1934 г. в связи отъездом в Иркутск Н.Н. Козьмина историче-

ское отделение было закрыто, а студенты переведены в бурят-монгольское отделение Иркутского университета. Вновь отделение открылось в 1937 г. Прибыли новые преподаватели: Никифор Петрович Егунов, Александр Петрович Панчуков, Павел Иванович Бартанов, Георгий Иванович Упхонов и др. Первый выпуск исторического отделения (10 человек) состоялся перед началом Великой Отечественной войны. Многие выпускники были призваны на фронт и, героически сражаясь, погибли, их имена записаны на университетской мемориальной доске. В военное время отделение работало, учились только девушки. Мужчины пополнили студенческие ряды только в 1944 г. Среди них были Николай Павлович Шаргоев, Ефрем Егорович Тармаханов, Эрдэни Карпович Хадаханэ. Позже на историческом отделении учились Иван Александрович Батудаев, ставший ректором БГПИ (1967-1986 гг.), Бато Михайлович Митупов, Бато Бадмаевич Батуев, Николай Константинович Шантанов, Илья Михайлович Занданов, Игнатий Александрович Соктоев, впоследствии известные ученые, преподаватели высших учебных заведений.

Увлекательно читали лекции по истории, литературе, политэкономии Николай Доржиевич Шулунов, профессор Чеботаров, Василий Абрамович Абрамов, Иван Алексеевич Манжигеев.

До 1969 г. на историческом отделении существовала одна кафедра, в состав которой входили Н.П. Егунов, Д.Б. Улымжиев, И.А. Асалханов, И.М. Тимофеев, Е.Т. Тимофеева, возглавлял ее доцент Е.Е. Тармаханов. Д.Б. Улымжиев защитил докторскую диссертацию. Кафедра истории была разделена на кафедру истории СССР и кафедру всеобщей истории. Е.Е. Тармаханов заведовал кафедрой истории СССР, а кафедру всеобщей истории возглавил Д.Б. Улымжиев. Ректором БГПИ был кандидат исторических наук, доцент Николай Доржиевич Шулунов (1960-1965).

Кафедры были небольшими. На кафедре истории СССР работали Н.П. Егунов, И.М. Тимофеев, И.А. Асалханов, на кафедре всеобщей истории читали лекции Борис Очирович Гатанов, специалист по истории Востока, и Ширап Бадиевич Чимитдоржиев, впоследствии доктор исторических наук, монголовед. Никифор Петрович Егунов был первым доктором исторических наук и профессором не только на факультете, но и в педагогическом институте.

Факультет постепенно рос, на нем ежегодно обучалось примерно 350-400 студентов очного и заочного обучения. Выпускники остались на

кафедрах истории СССР, Отечества, это кандидаты исторических наук Светлана Васильевна Евдокимова, Елена Алексеевна Высотина, защитившая кандидатскую диссертацию под руководством профессора Иркутского университета И.И. Кузнецова; на кафедру всеобщей истории пришел кандидат исторических наук, специалист по истории Монголии Дмитрий Доржиевич Хуташкеев.

Многое для исторического факультета сделано кандидатом исторических наук, доцентом Юрием Петровичем Шагдуровым. Он работал деканом факультета, директором филиала БГУ в Монголии. В последние годы жизни он был первым проректором БГУ.

Мы гордимся своими выпускниками – это известный ученый Иван Иосифович Осинский, доктор философских наук, работавший много лет проректором БГПИ по научной работе, ныне председатель диссертационного совета по специальности «философия», Геннадий Цыденович Молонов, доктор педагогических наук, на протяжении многих лет заведовал кафедрой педагогики.

Особую гордость факультета составляет его выпускник Борис Ванданович Базаров, достигший огромных успехов в науке, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор ИМБТ и председатель совета Бурятского научного центра.

Выпускники факультета Владимир Борисович Прокопьев и Геннадий Никитич Струбинов были министрами культуры, Лев Яковлевич Похосоев и Иван Александрович Батудаев – заведующими отделами Бурятского обкома КПСС. Наш выпускник Алдар Валерьевич Дамдинов, кандидат исторических наук, успешно работает ныне министром образования республики. Его заместителем работает выпускник истфака БГПИ Бочеев Александр Иннокентьевич, кандидат педагогических наук. Вторым заместителем министра является Валерий Васильевич Сергеев.

Выпускники истфака БГПИ-БГУ пополнили ряды предпринимателей, руководителей учреждений, глав администрации районов. Главой администрации Кяхтинского района работает историк Валерий Цыремпилов, В советское время выпускники факультета работали председателями колхозов, например, в послевоенные годы колхозом «Заря коммунизма» Осинского района успешно руководил Владимир Афанасьевич Аштуев.

Немало выпускников истфака работали и ныне работают учителями в школах. Многие из них удостоены высокого звания «Заслуженный учитель Республики Бурятия», «Заслуженный

учитель Российской Федерации». Это Людмила Степановна Николаева, Лариса Савельевна Паркина, Галина Федоровна Дементьева, Валентина Николаевна Шопхоева, кандидат исторических наук Инга Викторовна Гордина и многие другие.

В 1990-2000-е гг. защитили докторские диссертации Т.Е. Санжиева, в течение 15 лет заведовавшая кафедрой истории и культуры Бурятии; М.Н. Балдано, заведующая секцией истории ИМБТ СО РАН; М.М. Боронова, работавшая много лет заведующей межвузовской кафедрой истории России; З.Е. Цыренова, С.В. Бураева, Е.С. Митыпова, длительный период работавшая заместителем директора Музея истории им. М.Н. Хангалова; Д.К. Чимитова – декан юридического факультета БГУ; В.Д. Дугаров, монголовед, член кафедры всеобщей истории. В 2011-2012 гг. успешно защитили докторские диссертации Светлана Владимировна Васильева, директор Научной библиотеки БГУ, Виктория Владимировна Номогоева, заведующая кафедрой истории и культуры Бурятии БГУ; Татьяна Вадимовна Паликова – директор музея истории БГУ, Анна Максимовна Плеханова – сотрудник ИМБТ СО РАН; Елизавета Николаевна Палхаева – заведующая кафедрой истории Отечества БГУ.

Диплом с отличием получила выпускница исторического факультета БГПИ доктор исторических наук, профессор Любовь Алексеевна Зайцева, заведующая кафедрой истории Бурятской сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. На этой же кафедре работают выпускники истфака БГПИ кандидаты исторических наук, доценты Александр Яковлев, Екатерина Семенова, Татьяна Будаева, Нина Тумурхонова, Любовь Зангеева, Александр Карначев, ныне декан гуманитарного факультета БГСХА, и др.

По инициативе и под руководством ректора БГПИ доктора педагогических наук, профессора, член-корреспондента Российской академии образования Степана Владимировича Калмыкова пединститут был преобразован в Бурятский государственный классический университет. Исторический факультет Бурятского госуниверситета продолжает свое развитие на основе фундаментализации и гуманитаризации образования, повышения его качества, интеграции учебного и научного процесса.

На историческом факультете работает дис-

сертационный совет по защите докторских диссертаций, председателем которого является доктор исторических наук, профессор Константин Бато-Мункич Митупов, долгое время возглавлявший кафедру истории Отечества, факультет и был первым проректором БГУ.

Студенты истфака с интересом слушали лекции профессора Г.Д. Басаева (ректора БГПИ в 1986-1993 гг.) по истории КПСС, профессора В.И. Затеева по философии, профессора Г.Ц. Молонова по педагогике.

Исторический факультет в настоящее время развивает научные связи с Иркутским университетом, Читинским педагогическим университетом, гуманитарными институтами Республики Саха-Якутия, Республики Хакасия, Республики Тыва, Институтом истории и археологии СО РАН. Существуют давние связи истфака БГУ с кафедрами истории России БГСХА им. В.Р. Филиппова, технологического университета, Восточно-Сибирской академии культуры и искусства. Лекции студентам исторического факультета читают профессор сектора истории ИМБТ СО РАН Гармажап Лудупович Санжиев, Марина Намжилонна Балдано, Светлана Валерьевна Бураева.

Ныне исторический факультет возглавляет кандидат социологических наук, доцент Анна Антоновна Буркина. В последние годы поменялось руководство кафедрами: кафедру истории Отечества возглавляет доктор исторических наук Е.Н. Палхаева; кафедру истории и культуры Бурятии – доктор исторических наук В.В. Номогоева и кафедру всеобщей истории – кандидат исторических наук, доцент А.З. Бадмаев. Профессорский состав включает выпускников разных вузов: БГПИ – Т.Е. Санжиева, Д.К. Чимитова, В.Д. Дугаров, З.Е. Цыренова, Е.С. Митыпова, В.В. Номогоева, Т.В. Паликова, Е.Н. Палхаева; МГУ – К.Б.-М. Митупов, М.М. Боронова; ЛГУ – Е.Е. Тармаханов; ИГУ – Г.Д. Басаев; ТГУ – А.Д. Цыбиктаров; ДВГУ – С.В. Васильева. В Бурятском государственном университете истфак лидирует по числу докторов наук, профессоров.

Выпускники истфака БГУ доктора наук работают в разных вузах и учреждениях. Так, В.Б. Базаржапов, Л.Б. Жабаева – в технологическом университете, А.А. Елаев – в Архивном управлении республики, И.С. Цыремпилова – во ВСГАКИ.

УДК 947.010(571.54)

© А.Д. Цыбиктаров

**Особенности исторического развития населения степных районов Монголии
и Забайкалья в эпоху бронзы и раннем железном веке
(середина II – середина I тыс. до н.э.)**

В статье показана специфика исторического развития населения степей Южного Забайкалья, Восточной и Центральной Монголии и прилегающих районов Китая в эпоху бронзы и раннем железном веке по сравнению с другими областями зоны евразийских степей. Она заключалась в том, что при переходе от бронзового к раннему железному веку здесь не произошло трансформации материальной и духовной культуры в областях, расположенных к западу от Центральной Азии, что выразилось в прекращении развития археологических культур позднего бронзового века и формировании новых культур скифо-сибирского типа. Раскрываются причины этой особенности.

Ключевые слова: эпоха бронзы, ранний железный век, переходный период, специфика, кочевое скотоводство, трансформация, палеогеография, адаптация.

A.D. Tsybiktarov

**The peculiarities of the historical development of population in Mongolian
and South Transbaikalyian steppe areas in the Bronze era and the early Iron age
(the middle of the II– middle of the I millennium B.C.)**

The particularities of historical development of the population of steppes of Southern Zabaykalye, Eastern and Central Mongolia and the adjacent regions of China during the Bronze era and the early Iron age in comparison with the other areas of the Euroasian steppes zone have been shown in the article. It concluded in the transition from the Bronze to the early Iron age, there was no transformation of material and spiritual culture which in the areas located to the West from Central Asia, was expressed in the termination of the development of late Bronze age archaeological cultures and formation of new cultures of the Scythian-Siberian type. The reasons of this feature are revealed.

Keywords: Bronze era, early Iron age, transition period, particularity, nomadic cattle breeding, transformation, paleogeography, adaptation.

Бронзовый век в степной зоне Евразии был временем утверждения производящего хозяйства в качестве ведущей отрасли экономики населения. Отрасли присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) стали иметь второстепенное значение и дополнять продукцию скотоводства и земледелия. В природно-климатическом отношении эпоха бронзы в целом была временем становления современной природной среды, хотя следует отметить, что на протяжении как бронзового века, так и последующих периодов раннего железного века и средневекового времени имели место определенные климатические колебания в природной среде в сторону сухости или увлажнения. Древние этнические общности, представленные населением степных археологических культур, безусловно, реагировали на изменения природной среды и в процессе адаптации к ним вырабатывали определенные новации в ведении хозяйства, в своей материальной и духовной культуре. Эти общие особенности в культурно-

историческом развитии населения степей Евразии в эпохи бронзы и раннего железа нашли отражение и в культуре населения степной зоны Южного Забайкалья и Монголии в эти периоды.

Культура местного автохтонного населения степных районов Южного Забайкалья, Восточной и Центральной Монголии в бронзовом и раннем железном веках представлена памятниками культуры плиточных могил. Благодаря исследованиям нескольких поколений отечественных и монгольских археологов она получила достаточно полную и подробную характеристику в литературе [2; 33; 19; 26; 12; 4; 24; 8; 9; 37; 38; 42], что избавляет нас от подробного описания. Территория распространения рассматриваемого культурного образования огромна. Она охватывает пределы трех стран: Монголии, Российской Федерации и Китая почти от берегов Байкала на севере до предгорий Нань-Шаня на юге, от хребтов Большого Хингана на востоке до котловины Больших озер на западе Монголии. В рамках этого условного прямоугольника

почти в 1800 км с востока на запад и 1400 км с севера на юг заключена огромная площадь в 2 млн 520 тыс. км².

Основными памятниками культуры плиточных могил, изученными в значительных объемах, являются погребальные. Нами учтены материалы более 600 таких захоронений, раскопанных по всей территории распространения культуры. Они классифицируются на несколько типов: обычные плиточные могилы (давшие название культуре), фигурные могилы, погребения дворцового типа. Плиточные могилы внешне выглядят в виде прямоугольных оградок, в той или иной степени возвышающихся над уровнем дневной поверхности. Оградки типа плиточных могил по своему назначению были полифункциональны. Основное их назначение было связано с погребением умерших людей. Но они использовались и в качестве жертвенников.

Захоронения в плиточных могилах, как правило, индивидуальные. Парные захоронения единичны, коллективных нет совсем. Умерших укладывали на спине с вытянутыми ногами и руками. В подавляющем большинстве случаев их ориентировали головой на восток (66,4%). Из других направлений чаще встречались ЮВВ и ЮВ (25,2%). Инвентарь в могилах представлен украшениями, принадлежностями одежды и туалета, реже орудиями труда. Еще более редкой находкой являются предметы вооружения. Среди погребений встречаются и безынвентарные, в которых отсутствуют хоть какие-либо находки, даже фрагменты керамики, не представлявшие никакой ценности. Характеризуя инвентарь из плиточных могил в целом, нельзя не отметить одну особенность. В ней очень слабо представлены изделия, украшенные в скифо-сибирском зверином стиле, хотя поздний этап развития культуры плиточных могил приходится на скифское время.

Фигурные могилы представляют собой ограды, стенки которых вогнуты вовнутрь. Плиты оград возвышаются над уровнем кладки до 70 см. Положение костяков и их ориентация в фигурных могилах по сравнению с погребениями в обычных плиточных могилах более разнообразны. Костяки в них лежали на спине вытянуто, на животе, на боку с согнутыми ногами. Наряду с традиционной восточной ориентировкой умерших иногда ориентировали на Ю, ЮЮВ, ССЗ.

Инвентарь из фигурных могил ничем не отличается от находок в плиточных могилах. Это украшения, принадлежности одежды, однако следует отметить золотые височные украшения

(заколки для волос, увенчанные скульптурными головками козлов), фрагмент расписного сосуда из Тэвш-ула в Монголии. Среди захоронений в фигурных могилах встречаются и безынвентарные погребения. Таким образом, по составу находок и некоторым особенностям погребального обряда фигурные могилы совершенно идентичны плиточным могилам и существовали в рамках одной археологической культуры, представляя собой один из вариантов погребальных сооружений и обряда захоронения¹.

Очень своеобразный вариант в погребальной практике населения культуры плиточных могил составляют захоронения так называемого дворцового типа². Внешне они представляют собой крупные каменные выкладки курганного типа овальной или подпрямоугольной в плане формы размером до 6-8 м в поперечнике. Под ними находятся могильные ямы глубиной от 50 см до 1,5-2,5 м, плотно забутованные камнем. Костяки лежат на спине в вытянутом положении, головой ориентированы в восточном направлении. Во всех без исключения могилах найдены черепа животных количеством от 3-5 до 30 в одном погребении. Они принадлежали, как правило, домашним животным: лошади, мелкому и крупному рогатому скоту. Представители дикой фауны встречаются в единичных случаях и представлены изюбрем, косулей, бизоном. Использование черепов животных было обусловлено нормами погребального обряда. Они тщательно отделялись от туловища и укладывались лобной частью вниз. Черепа животных укладывали вокруг погребенного, двумя рядами в изголовье и в ногах, полукругом с одной стороны или двумя полукружиями с обеих сторон могильной ямы.

Захоронения сопровождаются очень богатым и разнообразным инвентарем. Он включал орудия труда, предметы вооружения, украшения, принадлежности одежды и туалета (в том числе наборные пояса), изготовленные из бронзы, кости, камня. В каменных кладках и забутовке могильных ям обнаружены фрагменты глиняных

¹ В последнее время некоторые исследователи, такие как А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар, выделили фигурные могилы в отдельную культуру Тэвш [20, с. 104-105].

² Вопрос о культурной принадлежности погребений дворцового типа дискуссионный. И.И. Кириллов, О.И. Кириллов и Ю.С. Гришин выделяют их в самостоятельную культуру бронзового века Восточного

Забайкалья [15, с. 50-52; 16, с. 33-35; 17; 10, с. 66-70]. В.В. Волков, Н.Л. Членова и автор статьи считают их одним из типов памятников культуры плиточных могил [37, с. 17-19; 38, с. 128-136; 42, с. 249-250; устное сообщение В.В. Волкова автору статьи].

сосудов, которые по технологии изготовления, орнаментации идентичны керамике из обычных плиточных могил. Внешняя поверхность сосудов имела отпечатки перевитого шнура или была заглажена, верхняя их часть украшалась наlepными рассеченными валиками [15, с. 51-52; 16, с. 34-35; 17, с. 10-15]. Вместе с тем необходимо отметить, что в плиточных могилах керамика обычно представлена фрагментами, из которых практически не восстанавливаются целые сосуды, а по материалам дворцовских погребений такие сосуды воссоздать можно. Погребения дворцовского типа принадлежали, на наш взгляд, к привилегированным слоям населения культуры плиточных могил и представляли собой захоронения родо-племенной знати.

В антропологическом отношении население культуры плиточных могил было монголоидным и характеризовалось особенностями северной сибирской ветви большой монголоидной расы. Черепа брахикранные с низким сводом, высота лица в среднем умеренная или большая, лицо очень плоское, с широким уплощенным переносьем и слабо выступающими носовыми костями. В целом население культуры плиточных могил было ярко выраженными монголоидами и отличалось значительным единством антропологического типа [11, с. 64-67; 5, с. 433, 437, 443; 6, с. 95, 99; 7, с. 22-23; 35, с. 7; 1, с. 231]. В последнее время стали намечаться локальные особенности в антропологическом типе населения западных и восточных районов ее распространения. В восточных районах черепа имеют сильно выраженную брахикранию и более широкий череп [6, с. 99; 35, с. 7; 1, с. 231]. «В центральных областях Монголии проживали племена центральноазиатского (антропологического. – *А.Д.*) типа» [36, с. 59]. Однако, отмечают антропологи, настаивать на них вряд ли следует [6, с. 99; 1, с. 231].

Основой хозяйства населения культуры плиточных могил являлось кочевое скотоводство. Разводили лошадей, мелкий и крупный рогатый скот. Д. Наваан сообщает о находках в плиточных могилах костей верблюда [30, с. 41-42; 31, с. 308; 12, с. 57-61; 4, с. 92-95; 8, с. 99-101; 9, с. 193-196; 25, с. 95-119; 38, с. 147-149]. По нашим подсчетам, кости лошади были найдены в 54% могил, овец – в 35,8% могил, коров – 16,6% могил, диких животных – в 4,8% могил. Соотношение костей домашних животных убедительно указывает на кочевую структуру стада. По мнению В.В. Волкова, Д. Наваана и Ю.С. Гришина, скотоводство приняло кочевой характер с начала I тыс. до н.э. [4, с. 92; 24, с. 104-105; 9, с. 194].

Г.П. Сосновский и Н.Н. Диков считали, что перекочевки совершались на небольшие расстояния и носили сезонный характер [30, с. 41; 31, с. 308; 12, с. 61]. С нашей точки зрения принципиальных различий между взглядами тех и других нет, т.к. в обоих вариантах не отрицаются перекочевки в процессе ведения хозяйственной деятельности. Вероятно, амплитуда кочевек зависела от природно-климатических условий: на севере лесостепной зоны они были небольшими, на юге в засушливых гобийских районах – значительно большими. Такая ситуация прослеживалась еще в 40-х гг. XX в. у монголов. Расстояние от зимовок до летних стоянок колебалось от 5 до 185 км [22]. Однако, по нашему мнению, переход населения степных районов Забайкалья и Монголии к подвижной форме ведения скотоводческого хозяйства совершился гораздо раньше – в середине II тыс. до н.э. [39]. Это произошло в среде населения селенгинско-даурской культуры времени энеолита и ранней бронзы в конце существования этого культурного образования в результате адаптации ее населения к изменению природно-климатической обстановки – сухому теплему климату, установившемуся в Монголии и Забайкалье во второй четверти II тыс. до н.э. [3, с. 165; 13, с. 197-200, рис. 1.7; 14, с. 34, 37 – табл. 2]. При переходе к ведению кочевого и полукочевого скотоводства сменился образ жизни. В совокупности два данных фактора вызвали трансформацию материальной и духовной культуры населения степей Монголии и Южного Забайкалья. Результатом этих процессов стала смена археологических культур при переходе от раннего бронзового века к средне-бронзовому времени в середине II тыс. до н.э. Селенгинско-даурская культура сменилась культурой плиточных могил [40, с. 22, 26, 43; 41, с. 182-183]

Находки бронзовых и железных изделий, литейных форм, шлаков как отчасти в самих плиточных могилах, так и на стоянках, памятники горного дела, клады и случайные находки типологически близких к инвентарю погребений металлических изделий свидетельствуют о существовании у плиточников высокоразвитого бронзолитейного производства и выплавки железа. В плиточных могилах обнаружены захоронения литейщиков, т.е. людей, профессионально связанных с горным делом, выплавкой металлов и производством из него различных изделий. Это указывает на выделение профессиональных мастеров-ремесленников [12; 4; 25; 9; 29; 41; 42].

Охота, рыболовство и собирательство в хозяйственных занятиях населения культуры плиточных могил

точных могил играли подсобную роль. Об этом свидетельствует редкость находок костей диких животных по сравнению с костями домашних животных (см. их процентное соотношение выше). В незначительном объеме плиточники занимались земледелием. В кладке сильно разрушенной плиточной могилы № 14 могильника Жаргаланта в Южной Бурятии были найдены две зернотерки (раскопки автора), а Д. Эрдэнбатором в плиточной могиле № 5 могильника Элст-хотол в Булганском аймаке Монголии – крупный фрагмент кольца-утяжелителя от деревянной мотыги¹. По данным С.В. Киселева и Д. Наваана, с выдувов в среднем течении р. Толы происходят каменные песты и зернотерки тагарских форм, свидетельствующие о занятиях земледелием [18, с. 362; 24, с. 153]. Бассейн р. Толы входил в ареал распространения данного культурного образования, что позволяет использовать эти находки для реконструкции палеоэкономики его носителей.

Духовную культуру, религиозные верования населения культуры плиточных могил наряду с материалами погребений характеризуют наскальные рисунки – петроглифы селенгинского типа. Они наносились на скальные плоскости охрой красного и желтого цветов. Наиболее распространенными их сюжетами являются изображения оградок, человечков, пятен, хищных птиц. Семантика петроглифов была связана с идеей плодородия скота, посевов, обеспечения благополучия населения культуры плиточных могил через обращение с мольбами к высшим небесным силам [27; 28; 4; 24; 8; 25; 22, 23; 34].

В определении времени существования культуры плиточных могил существуют разные варианты ее датировки и внутренней периодизации. Г.И. Боровко, Г.П. Сосновский, С.В. Киселев, Н.Н. Диков, В.В. Волков, И.И. Кириллов и О.И. Кириллов определяли время ее существования скифской эпохой VII – III вв. до н.э. [2; 31; 19; 12; 4; 15; 17]. А.П. Окладников, Ю.С. Гришин, Д. Наваан, Э.А. Новгородова, считая, что расцвет данной культуры пришелся на скифское время, были склонны полагать, что плиточные могилы могли появиться в середине II тыс. до н.э., а завершение ее развития произошло в III в. до или во II в. н.э. [26; 9; 24; 25]. Н.Л. Членова, разделяя мнение первой группы ученых, считала, что поздние плиточные могилы также со-

оружались во II в. н.э. [42]. По нашему мнению, культура плиточных могил датируется от периода развитой бронзы до раннескифского времени с середины II тыс. до VI в. до н.э. и в своем развитии прошла три этапа – тологойский времени развитого бронзового века, XV–XIII вв. до н.э., чулутский периода поздней бронзы, XIII–VIII вв. до н.э., и ацайский начального периода скифского времени, VIII–VI вв. до н.э. [40, с. 22; 37, с. 11-17; 38, с. 88-125]. Вместе с тем мы не исключаем возможность сооружения некоторых плиточных могил до V–III до н.э.

Таким образом, культура плиточных могил существовала очень длительное время. При этом, если согласиться с мнением сторонников датировки наиболее ранних плиточных могил временем развитой бронзы, из всех археологических культур степной полосы Евразии она не претерпела, наряду с кобанской культурой предгорных и горных районов Кавказа, кардинальных трансформационных изменений при переходе от эпохи бронзы к раннему железному веку. Но начало существования кобанской культуры соотносится с периодом позднего бронзового века евразийских степей [32, с. 252-267].

При переходе от позднего бронзового века к эпохе раннего железа практически во всех областях евразийских степей – от Причерноморья на западе до Тувы на востоке – произошла смена археологических культур. Позднебронзовые археологические культуры прекратили свое развитие и сменились новыми культурными образованиями раннего железного века, которые принято называть культурами скифо-сибирского типа, а время их существования – скифской эпохой. Одной из отличительных особенностей этих культур является широкое распространение в среде их населения изделий так называемой скифской триады: оружия и конского снаряжения скифо-сибирских типов, звериного стиля в искусстве [32, с. 5-7; 33, с. 5-7].

Указанные новации прослеживаются и в культуре населения Южного Забайкалья и Монголии, но не в таком полном объеме, как у населения степной зоны от Тувы до Причерноморья. Сопоставление материалов из плиточных могил позднего бронзового века (чулутского этапа XIII–VIII вв. до н.э.) и начального периода раннего железного века (ацайского этапа VIII–VI вв. до н.э.) по разным аспектам (экономика, материальная и духовная культура, погребальный обряд) показало плавное эволюционное развитие этой культуры на протяжении конца бронзового и начала раннего железного веков. При

¹ Выражаю глубокую благодарность Д. Эрдэнбатору за представленную информацию и возможность ознакомиться с находкой в Институте истории АН Монголии (г. Улан-Батор).

этом с распространением среди других этнических общностей евразийских степей изделий скифо-сибирских форм население культуры плиточных могил по-прежнему продолжало пользоваться бронзовым инвентарем так называемых карасукских типов предшествующего чулутского этапа. Инвентарь скифо-сибирского типа получил в среде людей рассматриваемой культуры незначительное распространение. С вступлением в ранний железный век не сменился и тип погребальных сооружений. Новые черты появились лишь в деталях их конструкции [37, с. 11-17; 38, с. 116-122; 40, с. 22].

Вместе с тем зафиксированные изменения в составе сопровождающего инвентаря (увеличение количества предметов вооружения, уменьшение количества керамики и некоторые другие моменты) соотносятся с теми новыми особенностями, которые были характерны для культур скифо-сибирского типа более западных областей Великого пояса степей Евразии. Это обстоятельство свидетельствует о том, что эпохальные изменения, происходившие в среде степного населения от Тувы до Причерноморья, имели место и в историческом развитии населения культуры плиточных могил. Но все же все имеющиеся данные указывают на то, что при переходе от бронзового к раннему железному веку на территории Южного Забайкалья и значительной части Монголии изменения происходили в рамках прежней культуры позднего бронзового века. Это означает, что культура населения скифского времени степной зоны Забайкалья, Северной, Центральной, Восточной, Южной, отчасти Внутренней Монголии складывалась, как показывают приведенные данные, на основе культуры плиточных могил времени развитой и поздней бронзы. Следовательно, можно выдвинуть положение о том, что резкой смены облика материальной культуры и погребального обряда на рассматриваемых территориях при переходе от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железа не произошло. Переход осуществлялся плавно и эволюционно, значит, не было резких изменений в верованиях и хозяйстве. В этом заключается одна из главных особенностей своеобразия культурно-исторических процессов при переходе от бронзового к раннему железному веку в Центральной Азии по сравнению с более западными областями евразийских степей. Там везде при переходе от одной эпохи к другой наблюдается четкая смена позднебронзовых культур культурами скифо-сибирского типа.

Исследователи справедливо полагают, что трансформация позднебронзовых культур в раз-

ных сферах жизнедеятельности их носителей (материальной и духовной культуре, социальных отношениях, общественном строе) при переходе к эпохе раннего железа во многом была связана с изменениями, произошедшими в их хозяйственном укладе. В экономике населения многих областей степной зоны при переходе от позднебронзовой эпохи к скифскому времени произошел переход к кочевому или полукочевому скотоводству [32, с. 5; 33, с. 5-6].

В степях Монголии и Южного Забайкалья формирование кочевого и полукочевого типа скотоводческого хозяйства произошло, на наш взгляд, гораздо раньше – в середине II тыс. до н.э. Как уже указывалось, это событие в экономической жизни степного населения сопровождалось трансформацией его материальной и духовной культуры, завершившееся образованием новой археологической культуры – культуры плиточных могил¹. Эти трансформационные процессы наблюдались в среде населения селенгинско-даурской культуры времени энеолита и ранней бронзы и датируются второй четвертью II тыс. до н.э. На протяжении этого времени отмечалось завершение развития данного культурного образования, сопровождавшееся вызреванием нового культурного облика ее населения в результате появления новаций в разных сферах его жизнедеятельности под воздействием происходившей смены хозяйственного уклада. Эти процессы гипотетически можно представить в следующем виде.

Изменения в хозяйственном укладе вызвали модификации в материальной и духовной культуре и в образе жизни населения селенгинско-даурской культуры в целом. Изначально носители этой культуры жили оседло и вели комплексное многоотраслевое хозяйство, сочетавшее отрасли производящей и присваивающей экономики: земледелие, скотоводство, охоту, рыболовство и собирательство. Комплекс материальной и духовной культуры селенгинцев был адаптирован к такому хозяйственному и оседлому жизненному укладу и получил соответствующее оформление [41, с. 74-101, 149-158]. С установлением сухого и теплого климата во второй четверти II тыс. до н.э. ухудшились условия для занятия земледелием и отраслями присваивающего хозяйства. По этой причине основой хозяйства постепенно становилось скотоводст-

---

¹ В Западной Монголии аналогичные процессы, происходившие в среде носителей монгольского варианта афанасьевской культурной общности, завершились образованием культуры херексуров [40, с. 26-28, 43].

во, которое к середине II тыс. до н.э. приняло подвижный характер. Люди перестали жить оседло и перешли к подвижному образу жизни. В процессе адаптации к изменившемуся образу жизни происходила трансформация материальной и духовной культуры. В результате этих процессов завершилось развитие селенгинско-даурской культуры, и она сменилась культурой плиточных могил.

Таким образом, с формированием нового хозяйственного уклада – кочевого и полукочевого скотоводства у населения степей Центральной, Восточной Монголии и Южного Забайкалья – и связано происхождение археологической культуры плиточных могил. Население этой культуры со времени ее формирования в середине II тыс. до н.э. продолжало заниматься, как показывают материалы тологойского этапа средне-бронзового (XV-XIII вв. до н.э.) и чулутского этапа позднебронзового (XIII-VIII вв. до н.э.) времени, кочевым и полукочевым скотоводством на протяжении второй половины II тыс. и начала I тыс. до н.э. Эта форма ведения скотоводческого хозяйства у плиточников не сменилась и с вступлением в скифскую эпоху VIII-III вв. до н.э. Весь же комплекс материальной и духовной культуры (в том числе инвентарь, религиозные верования и погребальный обряд) населения культуры плиточных могил еще с середины II тыс. до н.э. был самым тесным образом связан с кочевым и полукочевым скотоводством и образом жизни, соответствовавшим такой номадной экономике. По этой причине с началом скифской эпохи в степях Евразии население культуры плиточных могил в связи с сохранением прежнего типа хозяйства, кочевого и полукочевого уклада жизни продолжало пользоваться привычным инвентарем карасукских типов, придерживаться прежних верований, хоронить

своих умерших сородичей по прежним погребальным обрядам. В результате на территории ее распространения не произошло и смены археологической культуры, как это четко прослеживается в других областях Великого пояса степей Евразии.

Таким образом, главная особенность культурно-исторического развития населения степных районов Монголии и Забайкалья в эпоху бронзы и раннем железном веке в пределах середины II – середины I тыс. до н.э. по сравнению с другими районами Великого пояса степей Евразии заключалась в том, что на их территории номадное скотоводство возникло гораздо раньше, чем в других районах евразийских степей, – в середине II тыс. до н.э. Такой тип хозяйства там продолжал сохраняться и с переходом к эпохе раннего железа. В свою очередь эта особенность экономического развития степного центральноазиатского населения обусловила плавное эволюционное его вхождение в ранний железный век без кардинального изменения жизненного уклада, без трансформации материальной и духовной культуры и без смены культурного облика в целом. В результате с наступлением скифской эпохи в Центральной, Восточной Монголии и Южном Забайкалье продолжила свое развитие культура плиточных могил, которая, по существу, являлась культурой бронзового века, сформировавшейся еще в середине II тыс. до н.э. Вместе с тем в скифское время в облике населения культуры плиточных могил появляются определенные новации, обусловленные общими эпохальными изменениями этого периода и контактами с группами населения культур скифо-сибирского типа соседних территорий. Но такие новации не определяли своеобразия и специфики культурного облика людей.

Литература

1. Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208-241.
2. Боровко Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Вып. 2. – С. 43-88.
3. Вишпер П.Б., Дорофеев Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 160-167.
4. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.
5. Гохман И.И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сборник МАЭ. – Т. 18. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 428-443.
6. Гохман И.И. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов Забайкалья // СЭ. – 1967. – № 6. – С. 95-99.
7. Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник МАЭ. – Т. 36. Л.: Наука, Ленинград, отделение, 1980. – С. 5-34.
8. Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М.: Наука, 1975. – 136 с.
9. Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 204 с.
10. Гришин Ю.С. Забайкальские культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологические статьи и мате-

риалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. – Тула: Гриф и К, 2002. – С. 55-76.

11. Дебец Г.Ф. Череп человека из плиточной могилы в Херексурин-Ури (Забайкалье) // Записки БМИК. – 1952.- Т. XVI. – Улан-Удэ. – С. 63-67.
12. Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 108 с.
13. Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В. История степных экосистем Монгольской Народной Республики // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики. – Т. XXXII. – М.: Наука, 1989. – 215 с.
14. Дорофеюк Н.И. Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии): автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 2008. – 49 с.
15. Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье: учеб. пособие. – Иркутск: Типография Читин. управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1979. – 96 с.
16. Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 38 с.
17. Кириллов О.И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – 20 с.
18. Киселев С.В. Монголия в древности // Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. – 1947. – Т. IV, вып. 4. – С. 355-372.
19. Киселев С.В. Эпоха производства орудий из бронзы // История Монгольской Народной Республики. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Гл. 2. – С. 46-51.
20. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной центрально-азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – С. 104-117.
21. Ковалева В.И. Природные условия Монгольской Народной Республики и расселение кочевников: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 1951. – 13 с.
22. Мазин А.И. Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 39 с.
23. Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, Сибир. издательская фирма, 1994. – 241 с.
24. Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн уе. – Улаанбаатар, 1975. – 200 с.
25. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука., 1984. – 168 с.
26. Окладников А.П. Древнее население Сибири и его культура // Народы Сибири. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С.21-107.
27. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. – Л.: Наука, Ленинград. отделение, 1969. – 220 с.
28. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. – Л.: Наука, Ленинград. отделение, 1970. – 264 с.
29. Сергеева Н.С. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1981. – 152 с.
30. Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. – 1940. – Вып. 8. – С. 36-42.
31. Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // ТОИШК ГЭ. – 1941. – Т. 1. – С. 273-309.
32. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1989. – 464 с.
33. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1992. – 493 с.
34. Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 208 с.
35. Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985. – 20 с.
36. Тумэн Д. Антропология современного населения МНР: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 1992. – 62 с.
37. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 24 с.
38. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.
39. Цыбиктаров А.Д. Формирование кочевого скотоводства в Центральной Азии в свете данных археологии и палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья и его влияние на культурно-историческое развитие населения бронзового века // Этноистория и этноархеология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С. 194-198.
40. Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2003. – 49 с.
41. Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н.э.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. – 236 с.
42. Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1992. – С. 247-354.

Цыбиктаров Александр Дондопович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: kafedra_vist@bsu.ru

Tsybiktarov Alexander Dondopovich, doctor of historical sciences, professor, department of general history, Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 930. 25 (5-015)

© Ю.С. Худяков

Копье и стрела как символы воинской и государственной власти у древних и средневековых кочевников Центральной Азии

Статья посвящена предметам вооружения древних и средневековых кочевников Центральной Азии, которые выполняли и символическую функцию.

Ключевые слова: лук, стрела, оружие, кочевые племена, древний, эпоха, символическое содержание.

Yu.S. Khudyakov

A Spear and an arrow as symbols of military and state power in ancient and medieval nomads of Central Asia

The article is devoted to the weaponry objects of ancient and medieval nomads of Central Asia, which served a symbolic function.

Keywords: bow, arrow, weapon, nomadic tribes, ancient, era, symbolic content.

Со времени выделения оружия в класс специализированных предметов, предназначенных для поражения противника или защиты от такого поражения, оно начинает выполнять, наряду со своей основной функцией, знаковую роль. Вероятно, к числу наиболее древних предметов вооружения, выполнявших символическую функцию в культурах энеолита и раннего бронзового века в степном поясе Евразии, можно отнести каменные боевые топоры и каменные булавы, обнаруженные в памятниках энеолита и раннего бронзового века в степях Евразии [Шилов, 1995. С. 295, 298]. Среди них встречаются высокохудожественные изделия, изготовленные из мрамора, вычурной изящной формы, снабженные декоративными деталями и тщательно отполированные. В некоторых культурах булавы и топоры в качестве властной символики сохранились в течение последующих исторических периодов вплоть до Нового времени.

В развитом бронзовом веке среди кочевого населения степного пояса Евразии получили распространение высокоэффективные бронзовые предметы вооружения ближнего боя: копья, кельты и кинжалы, изготовленные по технологии тонкостенного бронзолитейного производства [Черных, Кузьминых, 1989. С. 268]. Среди этих предметов выделяются повышенной эффективностью копья, которые давали возможность поразить противника при сближении [Кожин, 1993. С. 26]. Поэтому с момента своего появления металлическое древковое колющее оружие стало выполнять в культуре евразийских кочевников не только боевые, но и символиче-

ские функции.

В археологических материалах, относящихся к сейминско-турбинскому транскультурному феномену на территории лесостепных и степных регионов Евразии, металлические копья стали наглядными символами и атрибутами воинской и публичной власти наиболее выдающихся воинов и военных вождей, о чем наглядно свидетельствует появление бронзовых наконечников копий, снабженных рифлением и петлями на втулке. На этих приспособлениях могли крепиться бунчуки из конских волос, знамена или штандарты. В этот же период в культурах населения Евразийских степей появились копья, изготовленные из серебра и серебряных сплавов, украшенных орнаментом и инкрустированных золотом. Такие копья были обнаружены в составе Бородинского клада, найденного в Бессарабии [Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 28-31]. Помимо своих боевых качеств, благодаря длинному древку, копье с прикрепленным к древку полотнищем или пучком волос могло служить важным инструментом для демонстрации определенных сигналов. С помощью таких опознавательных знаков древние кочевники могли на определенном расстоянии различить своих от чужих или продемонстрировать присутствие носителей властных полномочий.

В эпоху развитой бронзы знамена и флаги на древках копий приобрели важное значение в качестве опознавательных знаков для передачи сигналов на расстоянии во время военных действий. Появление военных отрядов, в составе которых воины были выстроены в шеренги и

вооружены копьями, потребовало особых сигналов или команд для управления войсками на поле боя [Худяков, 1995. С. 82]. С помощью демонстрации, смены или размахивания флажками военачальники могли сообщать необходимые сигналы во время боя. Высоко поднятое знаменосцами и хорошо видимое над сражающимися воинами знамя должно было вселять в них уверенность во время сражения и вдохновлять атаки на противника. Вполне вероятно, что в период развитой бронзы знамена приобрели характер фетишей, которые стали объектами поклонения.

Помимо копий с бунчуками и знаменами определенное символическое значение в политической практике древнего населения Евразийских степей имели и другие виды оружия. С развитием бронзолитейной технологии предметы вооружения стали украшать орнаментом и объемными фигурами. В памятниках развитого бронзового века встречаются кинжалы, украшенные литыми бронзовыми навершиями в виде фигур или голов животных либо многофигурных композиций, в составе которых изображены люди. Геометрический орнамент встречается на поверхности кельтов и боевых топоров, а также дротиков и бронзовых стрел. Среди предметов, найденных в Бородинском кладе, помимо копий имеется посеребренный кинжал, украшенный орнаментом и золотой инкрустацией, а также каменные булавы и шлифованные каменные топоры вычурной формы. Эти предметы, представлявшие для своего времени немалую ценность, также могли служить символами власти.

После появления в арсенале древних скотоводческих племен первого вида военной техники – боевых колесниц – боевые знамена, или штандарты, стали укреплять на кузовах этих боевых повозок [Кожин, 1987. С. 114]. В наборе оружия воинов-колесничих были копья со знаменами, выпелами и подвешенными к древку под наконечником шарами. Такое копье изображено на оленем камне из памятника Херексурин Дэнж в Монголии [Волков, 1981. С. 159]. В условиях большой запыленности поля сражения, вызванной колесами боевых колесниц, знамена выполняли опознавательную функцию. По ним соплеменники могли судить о расположении своих воинов-колесничих во время наступления или передвижения по полю боя. С дальнейшим развитием технологии бронзолитейного дела в культурах позднего бронзового века складывается традиция украшения предметов вооружения изображениями голов животных, которая заложила основы звериного стиля в декоратив-

но-прикладном искусстве nomadов скифского времени [Волков, 1967. С. 63; Членова, 1976. С. 67].

В скифское время властная и военная символика приобрела в культурах древних nomadов иное направление и нашла свое воплощение в зооморфных образах. По мнению А.П. Окладникова, в период широкого распространения скифского звериного стиля кочевники евразийских степей на всем протяжении от Восточной Европы до Центральной Азии и Ордоса использовали в качестве символов бронзовые навершия с изображениями животных или иногда людей, которые крепились на длинных древках, подобно наконечникам копий [Окладников, 1976. С. 185]. Сарматские воины применяли в качестве боевых знамен штандарты с изображением головы дракона и матерчатым окончанием, напоминающим воздушного змея. Такие штандарты, крепившиеся к древку, использовались для обозначения местонахождения военачальника и передачи сигналов воинам во время сражения. В некоторых случаях в качестве навершия использовалось изображение лани, символизирующей солнечное божество [Нефедкин, 2004. С. 139-142]. Появление специализированных воинских штандартов с фигурными навершиями можно считать результатом развития знамен, крепившихся к древкам копий. В отличие от наконечников копий со знаменами штандарты выполняли сугубо символические функции.

Изменение символической роли оружия в культурах древних nomadов скифского времени было связано с повышением значения лука и стрел в условиях конных сражений у кочевых народов степного пояса Евразии. Впервые символическое значение стрел в культурах кочевого населения степного пояса Евразии как высокоэффективного оружия дистанционного боя было осознано еще в эпоху развитой бронзы, когда появились бронзовые втульчатые наконечники, украшенные елочным орнаментом [Худяков, 1993. С. 67]. Вероятно, стрела, представляющая собой метательный снаряд, способный преодолеть значительную дистанцию на большой скорости, могла восприниматься древними nomadами в качестве всепроникающего средства поражения или главного оружия победы.

Однако со времени освоения кочевыми народами верховой езды, позволившей создать отряды конных лучников, способных одержать победу над врагом в дистанционном бою, применяя массированный обстрел противника в рассыпном строю, луки и стрелы стали основным оружием легковооруженных конных воинов.

Важным свойством стрелы как метательного снаряда, помимо поражающих качеств, была возможность передачи определенного сигнала на значительное расстояние. Поэтому луки и стрелы стали служить не только по своему прямому назначению, но и для олицетворения воинской доблести, силы и власти.

Согласно сведениям источников, в скифское время лук стал одной из инсигний царского достоинства у скифов Причерноморья, поскольку он олицетворял собой наиболее эффективное для этого времени наступательное оружие дистанционного боя [Худяков, 2004. С. 107].

Скифские номады украшали верхние концы своих луков роговыми и костяными фигурными навершиями с орнаментом или изображением головы орла с большим клювом [Черненко, 14-16].

Кочевники евразийских степей в скифское время наносили на металлические и костяные наконечники стрел различные знаки. В памятниках культуры скифов в Северном Причерноморье на поверхности лопастей, граней и втулок нескольких бронзовых втульчатых наконечников стрел выделены геометрические фигуры. На лопасти трехлопастного бронзового наконечника, отнесенного к культуре савроматов, имеется изображение кибити сложного лука [Черненко, 1981. С. 10, 99]. В памятниках культур скифского времени в Туве обнаружены бронзовые наконечники стрел с насечками и знаками [Чугунов, 2000. Рис. 2, 11; 4, 11, 13-15]. В кургане Аржан-2, в котором были погребены представители высшей знати кочевых племен, входивших в состав Аржанского племенного союза, были обнаружены стрелы с железными наконечниками, украшенными золотой инкрустацией. В археологических материалах, относящихся к скифскому времени, которые были обнаружены на территории Монголии, представлены бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел, лопасти которых украшены вырезами и округлыми отверстиями [Волков, 1967. С. 58-59]. Древние кочевники пазырыкской культуры Горного Алтая наносили различные знаки и метки на грани костяных и роговых стрел. Среди них выделяются фигуры в виде дуги с поперечной полосой, которые напоминают схематичное изображение лука с настроенной стрелой. Высказывалось мнение, что эти фигуры являются воспроизведением начертаний родовых тамг [Кочев, 1994. С. 59].

Вероятно, знаки, метки и инкрустирование наконечников стрел производились с различными целями. В некоторых случаях такие знаки могли обозначать родовую принадлежность вои-

на-стрелка или мастера-изготовителя, в других – символически усиливать поражающее действие стрелы. Золотая инкрустация железных наконечников должна была подчеркивать высокий социальный статус их владельца, военного вождя или «царя», погребенного в кургане Аржан-2. Золоченые стрелы должны были символизировать высшую военную и политическую власть кочевого правителя [Худяков, 2004. С. 109]. Обычные бронзовые наконечники соответствовали оружию рядового скифского лучника. Согласно сохранившейся легенде, скифский царь Ариарант приказал своим воинам принести по одной стреле, из бронзовых наконечников которых был отлит огромный бронзовый котел, чтобы можно было убедиться, насколько многочисленно его войско [Черненко, 1981. С. 101].

Со скифского времени прослеживается традиция украшения не только наконечников, но и окраски древков стрел в красный или другие цвета [Черненко, 1981. С. 99]. С древками стрел или дротиков связана другая скифская легенда, согласно которой другой скифский царь Скилур, опасаясь, что после его смерти между сыновьями могут возникнуть раздоры, предложил своим потомкам «связку дротиков, приказывая переломить ее; когда же все отказались, он сам, вынимая дротики поодиночке, легко переломил все, объясняя сыновьям, что действуя заодно, они останутся сильными, а разделившись и враждующ друг с другом, будут слабы» [Хазанов, 1975. С. 195].

Если возможности украшения луков и стрел для представителей правящей элиты евразийских номадов скифского времени были ограничены необходимостью использовать царские луки и стрелы по своему прямому назначению, то особой роскошью отличалось убранство парадных горитов, в которых представители знати хранили и носили свое оружие. Поверхность этих чехлов украшалась золотыми пластинами с барельефными изображениями многофигурных композиций, реальных или мифических животных, выполненных в зверином стиле [Черненко, 1981. С. 63]. Экипированный парадным горитом с луком и стрелами, мечом или кинжалом в ножнах, обернутых золотой фольгой, подпоясанный ремнем с золотыми бляхами, в головном уборе, одежде и обуви, украшенной золотыми бляшками скифский, сакский или аржанский правитель заметно выделялся своим облачением, оружием и сбрусой своего коня от своих подданных.

В последующий период, когда все кочевые племена Центрально-Азиатского региона были

объединены в составе хуннской державы под властью шаньюев, символическое значение разных видов оружия прослеживается не столь отчетливо, как в скифское время. В курганах высшей хуннской знати, исследованных в Забайкалье и Монголии, почти не найдено оружия, хотя обнаружены остатки парадной повозки, украшения из золота и нефрита. Согласно легенде о захвате престола шаньюя сыном и наследником Туманя Модэ, такое символическое значение приобрели сигнальные стрелы, железные наконечники которых были снабжены костяными шариками-свистунками, издающими в полете пронзительный свист. С помощью таких стрел Модэ смог приучить своих воинов к беспрекословному послушанию, что позволило ему устранить своего отца и захватить власть в хуннском объединении [Бичурин, 1950. 46]. Свистунка послужила символом преданности воинов своему военному вождю в деле захвата власти силой оружия.

В культурах хунно-сяньбийского времени в Саяно-Алтае была распространена традиция окраски деревянных кибитей луков и древков стрел в красный и черный цвета, украшение их ломаными линиями и орнаментальными поясками [Худяков, 1986. С. 78]. Вероятно, такая раскраска и цветовая гамма имели определенное символическое значение.

Судя по изобразительным источникам, в хунно-сяньбийское время кочевники Саяно-Алтая и Центральной Азии продолжали использовать бунчуки и знамена. Рисунки бунчуков под наконечниками копий изображены у всадников с петроглифов Кара-Оюка в Горном Алтае [Горбунов, 2003. Рис. 34, 8]. Изображение бунчука на древке копья имеется на одной из многофигурных композиций, изображенной на деревянной планке, обнаруженной в таштыкском склепе на памятнике Тепсей III в Минусинской котловине [Грязнов, Завитухина, Комарова, Миняев, Пшеницина, Худяков, 1979. Рис. 59, 2].

Значительно больше информации о символическом использовании оружия содержат письменные и изобразительные источники о кочевых народах Центральной Азии эпохи раннего средневековья.

Судя по сведениям китайских источников и изобразительным материалам, сложившиеся в древности кочевнические традиции символического использования определенных видов оружия были унаследованы древними тюрками, уйгурами и енисейскими кыргызами. А.П. Окладников отметил, что у древних тюрков были зна-

мена с навершием в виде золотой волчьей головы, поскольку волк считался тюркским тотемом [Окладников, 1976. С. 185]. Согласно легенде, традицию использовать голову волка в качестве знамени ввел сам основатель правящего рода древних тюрков Ашина. Он «над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головой – в воспоминание своего происхождения» [Бичурин, 1950. С. 221]. У древних тюрков эти знамена считались оружием, о чем говорится в китайских источниках: «Из оружия имеют роговые луки со свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотой волчьей головой» [Бичурин, 1950. С. 229]. На древнетюркских петроглифах в Саяно-Алтае, Монголии, на Тянь-Шане и в Семиречье представлены изображения различных вариантов знамен, крепившихся к древкам копий под наконечниками. Среди них выделяются бунчуки, знамена, флаги и штандарты, которые различаются по форме и особенностям крепления волосяных пучков или матерчатых полотнищ. По мнению казахского исследователя З.С. Самашева, знамена являлись официальными инсигниями власти правителя, флаги и штандарты относились к военачальникам, бунчуки – к воинам [Самашев, 1992. С. 174-177].

В качестве бунчуков древние тюрки могли использовать волчьи, или конские хвосты, или пучки волос других животных. Изображения копий с бунчуками присутствуют на древнетюркских петроглифах в разных районах Центральной Азии. На памятниках Хар-Хад в Монголии, Кара-Оюк в Горном Алтае, Жалтырак-Таш в Семиречье древнетюркские всадники показаны с копьями в руках, на древках которых под наконечниками укреплены бунчуки [Самашев, 1992. Рис. 180-181]. Для крепления бунчука на втулке копья иногда размещалось специальное кольцо [Худяков, Табалдиев, 2009. С. 118]. В отдельных случаях подобные пучки волос изображены прикрепленными на противоположном, нижнем конце древка копья. Возможно, что они были у тех копий, которые имели втоки. Подобные копья показаны у всадников на петроглифическом памятнике Кара-Оюк в Горном Алтае [Горбунов, 2003. 35, 3а, 3б]. На многих петроглифах древнетюркские всадники изображены с копьями, на древках которых развеваются знамена. Они имели полотнище прямоугольной формы с двумя или тремя косицами, расположенными по углам, а иногда и по центру. Такие знамена изображены на памятниках Чаган в Горном Алтае, Саймалы-Таш в Кыргызстане,

Ешкиольмес, Тамгалы и Ой-Джайлю в Казахстане [Самашев, 1992. Рис. 180]. Иногда вместо одного полотнища на древко крепилось два или три небольших флажка или вымпела. Всадник с таким копьём изображен на петроглифах у с. Никитенка [Самашев, 1992. Рис. 44]. В некоторых случаях полотнище могло крепиться не непосредственно к древку копья, а к перекладине, привязанной к древку. Такое полотнище принято называть штандартом. Копья со знаменами и штандартами использовались не только для церемоний, но и в качестве боевого оружия. На памятнике Чаган всадник атакует противника копьём со знаменем [Черемисин, 2004. С. 42-47]. На памятнике Жалгыз-Тобе в Горном Алтае изображен всадник, атакующий пешего лучника копьём со штандартом [Горбунов, 2003. Рис. 35, 16]. На памятнике Никитенка в Восточном Казахстане два всадника охотятся на горных козлов копьями со штандартами [Самашев, 1992. Рис. 40]. Однако, помимо знамен, в культуре древних тюрков в качестве властных и посольских полномочий использовались и стрелы. По свидетельству китайских источников, «стрела с золотым копьёцом и восчаной печатью» использовалась древнетюркскими послами или полномочными представителями власти «вместо предписания на бумаге» [Бичурин, 1950. С. 229-230]. В каганате западных тюрков стрела служила символом воинской единицы, насчитывающей десять тысяч человек. Само государство и народ назывались Он Ок Эли – «государство десяти стрел» и Он Ок Будун – «народ десяти стрел». Назначая военачальника в одну из таких стрел, каган вручал ему стрелу в качестве символа властных полномочий. Иногда этим обычаем пользовались китайские власти, стремясь противопоставить друг другу разные группировки знати западных тюрков. Стремясь привести к власти одного из претендентов на каганский престол Шегуя, китайский император послал ему «бамбуковую стрелу с белым пером» [Бичурин, 282]. В качестве властной символики у древних тюрков использовались и другие оружия, атрибуты воинского костюма и конского снаряжения: наборные воинские пояса, парадное клинковое оружие и доспехи, парадная сбруя верхового коня. В эпоху раннего средневековья древнетюркская символика верховной государственной, военной и административной власти получила широкое распространение среди других тюркоязычных кочевых этносов.

Для уйгурских правителей, происходивших из рода Яглакар и возглавлявших конфедерацию

телесских племен, а затем Уйгурский каганат, также были характерны «волчи знамена». В истории взаимоотношений уйгуров с китайской империей Тан известен случай, когда каган Моюн-Чур принудил китайского посла «поклониться волчьему знамени» [Бичурин, 1950. С. 311].

Более основательно изучена властная символика и атрибутика боевых знамен у курыкан. Важные наблюдения в отношении изображений курыканских знамен на петроглифах Прибайкалья были сделаны А.П. Окладниковым. Курыканские знамена изображены в руках у скачущих всадников в виде прямоугольных полотнищ с двумя или тремя косицами, прикрепленных к длинным древкам. В одном случае знамя изображено укрепленным на лошади без всадника. Всадники-знаменосцы изображены скачущими или гонящими верблюдов [Окладников, 1976. С. 184-185].

Бунчуки и знамена служили важными символами властных полномочий в государстве енисейских кургузов. В китайских источниках говорится, что кыргызские воины употребляют на войне «лук с стрелами и знамена» [Бичурин, 1950. С. 352]. Особое знамя было водружено в ставке кыргызского правителя. «Государь называется Ажо; почему и прозывается также Ажо. У него водружено знамя» [Бичурин, 1950. С. 352]. По другим сведениям, Ажэ установил один штандарт, низ его весь красный» [Кюнер, 1961. С. 60]. В мусульманских источниках есть упоминания о том, что знамена у кыргызов были зеленого цвета [Бартольд, 1963. С. 495]. Водружение знамени символически означало утверждение власти кыргызского правителя на завоеванных землях. Об этом говорится в послании кыргызского кагана уйгурскому правителю: «Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя» [Бичурин, 1950. С. 355-356]. Кыргызские знамена и флаги изображены у тяжеловооруженных конных воинов на Сулекской писанице. Знамя имело прямоугольное полотнище и две косицы. Оно крепилось в верхней части древка копья, под наконечником. Небольшие флаги имели по две косицы. Они крепились к древку под наконечником [Евтюхова, 1948. Рис. 187, 193]. Важно отметить, что на петроглифах кыргызские всадники не просто держат копьё со знаменами и флагами в руках, но атакуют этими копьями своих противников. Вероятно, помимо копий символическое значение у кыргызов имели и другие виды оружия и воинского снаряжения. Известно, что в период позднего средневековья кыргызский князь Иренак посылал русским си-

бирским воеводам «стрелы с грозами» – символические послания с угрозой начать военные действия [Потапов, 1957. С. 46].

Символическое значение оружия сохранялось в культуре монгольских кочевников в эпоху наивысшего могущества Монгольской империи. В период объединения монгольских племен Чингис-ханом и последующих завоеваний символом его власти было «девятибунчужное», или, по другим данным, «девятиножное» знамя Сульдэ-Богдо, которое особо охранялось и почиталось и которому приносились жертвы [Скрынникова, 1997. С. 87]. Форма этого знамени реконструировалась по-разному, однако наиболее вероятной представляется конструкция, составленная из бунчуков на девяти древках, один из которых возвышается над остальными. В составе общегосударственных символов Монгольской империи было не только это знамя, но и лук и стрелы.

По сведениям европейских послов и миссионеров, по приказу великого хана Мункэ был изготовлен «самый тугой лук, который едва могли натянуть два человека, и две стрелы, головки

которых были серебряные и полные отверстий, так что, когда их пускали, они свистели, как флейты» [Липец, 1984. С. 72]. Подобный серебряный наконечник был обнаружен в памятнике Часовенная Гора под Красноярском [Гаврилова, 1965. С. 73]. В материалах культур тюркских и монгольских nomadов Алтая и Забайкалья, относящихся к эпохе позднего средневековья, представлены железные двухлопастные наконечники разных типов, украшенные серебряной и золотой чеканкой, которые могли служить подтверждением властных или посольских полномочий [Худяков, 2004. С. 111]. Из источников известно, что подобные «золочены стрелы» рассылал своим подданным хан Кучум, когда созывал их на борьбу с казачьим отрядом Ермака [Миллер, 1941. С. 559].

Традиция почитания оружия, в том числе знамен, крепившихся к древкам копий, а также лука и стрел сохранилась у тюркских и монгольских народов степного пояса Евразии вплоть до этнографической современности.

Литература

1. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 471-543.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: JL, 1950. Ч. I. 381 с.
3. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. 148 с.
4. Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 253 с.
5. Гаврилова А.А. Могильник Кудьргэ как источник по истории алтайских племен. М.: JL, 1965. 143 с.
6. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III – XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (допех). Барнаул, 2003. 174 с.
7. Грязнов М.П. и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, С.С. Миняев, М.Н. Пшеницина, Ю.С. Худяков. Новосибирск, 1979. 166 с.
8. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.
9. Кожин П.М. Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 109-126.
10. Кожин П.М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 16-41.
11. Кочеев В.А. Знаки на стрелах (к вопросу о назначении тамгообразных знаков на костяных наконечниках стрел из курганов Горного Алтая скифского времени) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 57-59.
12. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.
13. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. 263 с.
14. Нефедкин А.К. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н. э. – V в. н. э. СПб.; М., 2004. 192 с.
15. Окладников А.П. История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976. 458 с.
16. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 307 с.
17. Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992. 288 с.
18. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
19. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. 343 с.
20. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.
21. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 65-73.
22. Худяков Ю.С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1995. 98 с.
23. Худяков Ю.С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 102-113.
24. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. 292 с.
25. Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981. 167 с.
26. Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российской Федерации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. С. 39-50.

27. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.
 28. Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М., 1976. 104 с.
 29. Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 213-238.
 30. Шилов Ю.А. Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995. 744 с.

Худяков Юлий Витальевич, доктор исторических наук, профессор, г. Новосибирск.
Khudyakov Julius V., doctor of historical sciences, professor, Novosibirsk.

УДК 1(031)+221

© *Ч.Ц. Цыренов*

Буддийская антология «Хунминцзи» и ранний период китайского буддизма*

* Статья написана при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН Проект 33.4, номер гос. регистр. 01201252890.

Статья посвящена малоизученной китайской буддийской антологии VI в. н.э. «Хунминцзи» (автор – Сэнью). Проанализированы особенности построения данного произведения, а также представлены сводные династийно-биографические данные об авторах сочинений, вошедших в «Хунминцзи».

Ключевые слова: период северных и южных династий, «Хунминцзи», буддийский историограф Сэнью, ранний китайский буддизм, династийно-хронологический каркас.

СН. Ts. Tsyrenov

Buddhist anthology «Hunmintszi» and the early period of Chinese Buddhism

The article is devoted to the less studied Chinese Buddhist anthology of the VIth century B.C.»Hongmingji» (its author – Sengyou. The peculiarities of the construction of this work have been analyzed. The summarized dynastic and biographical data on the authors of manuscripts included in «Hunmin ji» have been also analyzed.

Keywords: period of Northern and Southern dynasties, «Hongmingji», Sengyou-Buddhist historian, early Chinese Buddhism, dynastic-chronological framework.

«Хунминцзи» («Собрание сочинений, светоч истины распространяющих») является важным источником по историографии и философии раннего китайского буддизма.

Цель данной статьи – описание структуры буддийской антологии «Хунминцзи», а также создание династийно-хронологического каркаса для изучения биографических сведений об авторах сочинений, включенных в «Хунминцзи». Предлагаемый династийно-хронологический каркас должен помочь исследователям в анализе и реконструкции особенностей исторического фона создания изучаемого собрания сочинений. В буддийской антологии «Хунминцзи» зафиксированы дискуссии периода «Шести династий» (III-VI вв. н.э.) между буддизмом и китайскими религиями за главенствующее положение в духовной жизни китайского общества. Автор-составитель данного собрания – китаец, буддийский придворный монах-историограф по имени Сэнью (445-518 гг. н.э.). Годы его жизни приходятся на период династий Южная Ци (479-502) и Лян (502-557). Биографические данные о Сэнью можно найти в «Жизнеописаниях достойных

монахов» (цзюань 11) [1].

Актуальность исследований по данной проблеме обусловлена тем, что ранний этап адаптации индийского буддизма к китайским этнокультурным реалиям все еще остается малоизученной страницей истории духовной культуры Китая. Исследованием и переводом сочинений данного сборника в разной степени занимались отечественные востоковеды – М.Е. Ермаков, Т.Г. Комисарова, М.Е. Кравцова, Т.Г. Сторчевая и Е.А. Торчинов, среди зарубежных востоковедов можно назвать В. Либенталя и Э. Цюрхера, а также Макита Тайре, Жэнь Цзюй и Лю Лифу [2]. Необходимо отметить, что «Хунминцзи» является первым в истории китайского буддизма литературным памятником, созданным для защиты буддийского вероучения, и насчитывает почти 150 тыс. иероглифов. Центральное место в «Хунминцзи» занимают религиозно-философские сочинения крупнейших буддийских идеологов IV-V вв. – Даоаня (312-385 гг. н.э.), Хуэйюаня (334-416 гг. н.э.), Кумарадживы (344/350-413 гг. н.э.), Сунь Чо (314-371).

Прежде чем перейти к рассмотрению антоло-

гии «Хунминцзи», необходимо дать краткий исторический обзор той эпохи.

Как известно, после распада древней империи Восточная Хань Китай распался на северные и южные царства, между которыми шла постоянная борьба. Северные династии были основаны вождями протомонгольских кочевых племен, а на юге были собственно китайские династии. При дворах всех этих династий шла непрерывная борьба за власть и влияние между различными группировками. Идеалы совершенного правителя, о которых когда-то говорил Конфуций, были забыты сильными мира сего. И как следствие авторитет конфуцианства был сильно поколеблен, в китайском социуме образовался духовный вакуум, который должен был

быть чем-то заполнен. По словам Л.Е. Янгута, период Северных и Южных династий был «переломным моментом для конфуцианства, именно в этот период его противостояния с буддизмом и проверялась на прочность его позиция как идеология служилого сословия и социального регулятора общественной и повседневной жизни китайцев» [3]. Такая ситуация оказалась очень благоприятной для распространения буддизма, представители которого начали энергично завоевывать доверие в народных массах, а также при дворах правителей разных династий.

Для наглядного восприятия данные о количестве и династийной принадлежности авторов «Хунминцзи» представлены в следующем виде (табл. 1).

Таблица 1

									Итого авторов	Итого текстов
Кол-во авторов по дин.						4 автора			4 автора	
Кол-во текстов по дин.						10 текстов				10 соч.
Династии				Сев. дин.	Сев. Вэй (386-534)	Поздняя Цинь (384-417)				
Династии	Вост. Хань	Вэй Шу У	Зап. Цзинь (265-316)							
Династии				Южн. дин.	Вост. Цзинь (317-420)	Лю Сун (420-479)	Южн. Ци (479-502)	Лян (502-557)		
Кол-во текстов по дин.	2 текста	0	0		47 текстов	39 текстов	15 текстов	73 текста		176 текстов
Кол-во авторов по дин.	2 автора	0	0		19 авторов	13 авторов	10 авторов	75 авторов	119 авторов	
Общий итог по авторам и текстам «Хунминцзи»									123 автора [4]	186 текста

Как видно из таблицы 1, подавляющее большинство текстов и их авторов относится к Южным династиям, а именно к периоду династии Лян.

Особенностью лянского периода китайской истории было то, что императоры этой династии активно поддерживали и развивали буддийское вероучение. Это объяснялось стремлением лянских императоров ослабить влияние даосизма, который представлял угрозу для правящих слоев китайского общества. Буддизм же в тот период на даосском фоне выглядел более миролюбивой религией.

Структура и оглавление «Хунминцзи» представлены в таблице 2.

Таблица 2

Свитки (цзюань)	Главы (пянь)	Содержание глав	Авторы текстов	Династии
Цз. 1.	1	«Ли хо лунь»	Моу цзы	Вост. Хань
	2	«О правде и лжи»	Аноним	Вост.

				Хань(?)
Цз. 2.	3	«О разъяснении буддизма»	Цзун Бин (375-443)	Лю Сун
Цз. 3.	4	«Иносказательные рассуждения о Дао»	Сунь Чо	Вост. Цзинь
	5	«Ответ отшельника Цзун Бина Хэ Чэнтяню по опровержению трактата «О Черном и Белом»»	Цзун Бин	Лю Сун
Цз. 4.	6	«О постижении природы(человека)»	Хэ Чэнтянь	Лю Сун
	7	«Переписка Хэ Чэнтяня и Янь Яньчжи»	Янь Яньчжи	Лю Сун
Цз. 5.	8	Переписка Ло Цзюньчжана («О перерождении») и Сунь Шэна	Ло Цзюньчжан (292-372) Сунь Шэн(308/320- 379/391)	Вост. Цзинь
	9	«О бессмертии души»(Чжэн Даоцзы), «Новые рассуждения о телесной форме и душе»(Хуань Тань)	Чжэн Даоцзы (Чжэн Сяньчжи) Хуань Тань	Лю Сун Вост. Хань
	10	«Монахи не должны почитать правителя»	Хуэйюань	Вост. Цзинь
	11	«О буддийской рясе монахов»	Хуэйюань	
	12	«Ответ Хуань Сюаню о разъяснении воздаяния»	Хуэйюань	
	13	«О трояком воздаянии»	Хуэйюань	
Цз. 6.	14	«Возражения /на критику/ буддийского учения»	Ши Даохэн	Вост. Цзинь
	15	«Сравнение двух учений»	Мин Сэншао	Южн. Ци
	16	«О сочинении Чжан Жуна «Об уставах школ»	Чжоу Янь	Южн. Ци
	17	«О сочинении даоса Гу «О варварах и китайцах»	Се Чжэньчжи	Южн. Ци
Цз. 7.	18	«Опровержение трактата даоса Гу «О варварах и китайцах»»	Чжу Чжаочжи	Лю Сун
	19	«Сомнения по трактату даоса Гу «О варварах и китайцах»	Чжу Гуанчжи	Лю Сун
	20	«Возражения на трактат даоса Гу «О варварах и китайцах»»	Хуэйтун	Лю Сун
	21	«О жунах и китайцах»	Сэнминь	Лю Сун
Цз. 8.	22	«О разрешении сомнений»	Сюань Гуан	Лян
	23	«Об уничтожении сомнений»	Лю Се	Лян
	24	«Анализ трактата даоса Гу «О варварах и китайцах»»	Сэншунь	Лян
Цз. 9.	25	«Записка о том, что, когда душа прозревает, человек становится Буддой»	Имп-р дин. Лян У-ди	Лян
	26	«Опровержение трактата о смертности души»	Сяо Чэнь	Лян
	27	«Опровержение трактата о смертности души»	Цао Сьвэнь	Лян
Цз.10.	28	«Высочайший ответ подданным на рассуждения о том, что душа смертна»	Император дин. Лян У-ди	Лян
	29	«Письма-ответы начальников областей»	Ши Фаюнь	Лян
Цз.11.	30	«Ответ Хэ Шанчжи Сунскому Вэнь-ди о восхвалении буддизма»	Хэ Шанчжи	Лю Сун
	31	«Переписка двух наставников Гао и Мин с Ли Мяо»	Ли Мяо	Лю Сун
	32	«Переписка Вэньсюаньского вана и чжунчэна Кун Чжигуя о сомнениях в буддизме»	Кун Чжигуй и Сяо Цзылян	Южн. Ци
	33	«Ответ двух наставников Даогао и Даобяо правителю Ложной Цинь Яо Люэ, который убеждал их отказаться от монашества»	Даобяо, Даогао.	Поздняя Цинь
	34	«Переписка трех наставников Сэнце, Сэнцяня и Кумарадживы с правителем Цинь по вопросу об отказе от монашества»	Сэнце, Сэнцянь, Кумараджива и Яо Син	Поздняя Цинь
	35	Переписка наставника Хуэйюаня и Хуань Сюаня об отказе от монашества»	Хуэйюань, Хуань Сюань	Вост. Цзинь
	36	«Переписка наставника Сэн-яня начальника округа Цинчжоу Лю Шаньмина о присуждении ему степени сюэя»	Сэн-янь, Лю Шаньмин	Южн. Ци
Цз.12.	37	«Письмо Ши Даоаню»	Си Цзаочи	Вост. Цзинь
	38	«Ответ Цяована о конфуцианстве и буддизме»	Цяован	Лю Сун
	39	«Обсуждение с наставниками приема пицци сидя на поджатых ногах»	Чжэн Даоцзы	Лю Сун
	40	«О приеме пицци сидя на земле поджав ноги с чаньским наставником»	Чжэн Даоцзы	
	41	«Ответ наставника Ши Хуэй-и Фань Болуню»	Ши Хуэй-и	Лю Сун
	42	«Переписка Фань Болуня с двумя наставниками Шэном и Гуанем»	Фань Болунь, Шэн и Гуань	Лю Сун

	43	«Споры с блюстителем нравов Ваном о приеме пищи сидя на поджатых ногах»	Фань Болунь	
	44	«Первый министр Хэ Чун докладывает о том, что монахи не должны почитать правителя»	Хэ Чун	Вост. Цзинь
	45	«Переписка Хуань Сюаня с восемью высшими сановниками по вопросу о монашеском почтении»	Хуань Сюань(369 – 404)	Вост. Цзинь
	46	«Переписка Хуань Сюаня и начальника вана по вопросу о почитании правителя»	Хуань Сюань и Ван Ми	Вост. Цзинь
	47	«Ответ Лушаньского наставника Хуэйюаня Хуань Сюаню о том, что монахи не должны почитать правителю»	Хуэйюань, Хуань Сюань	Вост. Цзинь
	48	«Разрешение монахам не почитать правителя государства Сюань-Чу «	Хуань Сюань	
	49	«Переписка Хуэйюаня и Хуань Сюаня по вопросу о принципах отбора монахов»	Хуэйюань	
	50	«Переписка Чжи Даолина и Хуань Сюаня «	Чжи Даолин, Хуань Сюань	Вост. Цзинь
Цз.13.	51	«Доклад Ши Даопэна из монастыря Тяньбаосы цисскому императору У-ди об обсуждении инспектирования монахов»	Ши Даопэн	Южн. Ци
	52	«Сущность учения Будды»	Си Чао	Вост. Цзинь
Цз.14.	53	«Два чжана о домашних поучениях»	Янь Яньчжи	Лю Сун
	54	«Дневная свеча»	Ван Гай	Вост. Цзинь
Цз.15.	55	«Воззвание к горе Тайшань»	Чжу Даошунан	Лян
	56	Сочинение о призыве злых духов	Ши Чжицзин	Лян
	57	Извещение об уничтожении злых духов	Ши Баолин	Лян

Как видно из таблицы 2, хронологический и династийный порядок в рамках всего сборника соблюдается только в самых общих чертах, хотя в пределах некоторых цзюаней все же соблюдается династический принцип. Так, в цзюани № 4 и 7 вошли произведения только периода династии Лю Сун, а в цзюани № 8, 9, 10 и 14 включены произведения периода династии Лян. Что касается остальных цзюаней, то в них содержатся произведения разных династий.

Сторонники конфуцианства и даосизма враждебно воспринимали иноземное учение, при дворах правителей разных династий проводились философские и религиозные дискуссии между буддийскими монахами и конфуцианцами. Полемика между буддийским и коренными китайскими учениями началась с даосских и конфуцианских антибуддийских сочинений (Ван Фоу «Канон просвещения варваров (мудрецом) Лаоцзы» [6]; Гу Хуань «Трактат о варварах и китайцах»; Хуэйлинь «Трактат о белом и черном»; Фань Чжэнь «О смертности души» и т.д.). В такой ситуации буддийские идеологи должны были ответить на эти вызовы и защищать свои позиции в китайском обществе. Религиозные споры и дискуссии проводились в форме личной переписки, а также на придворных диспутах, содержание которых фиксировали буддийские

придворные историографы.

Первая придворная полемика состоялась предположительно при дворе Цзинлинского князя Цзыляна на рубеже 80-90-х гг. V в. Вторая была организована по инициативе Лянского У-ди в 508-509 гг. [7] В полемике периода Лян приняли участие представители буддизма и конфуцианства: на стороне буддийского учения участвовало 62 буддийских монахов, все их сочинения были направлены на опровержение известного сочинения Фань Чжэня «О смертности души». Данная полемика завершилась победой буддийских монахов, так как на их стороне был сам лянский государь У-ди (502-557 гг.).

В результате анализа сочинений «Хунминцзи» нами было выделено четыре главные темы дискуссий между представителями противоборствующих сторон:

- 1) дискуссия о «смертности души»;
- 2) дискуссия о «варварах и китайцах»;
- 3) дискуссия о «воздаянии»;
- 4) дискуссия о характере взаимоотношений государственной власти и буддийского духовенства.

В таблице 3 отражены сведения о наиболее известных и ярких авторах и их сочинениях, они расположены в соответствии с указанными темами дискуссий.

Таблица 3

Периоды	1. Пробуддийские авторы и их сочинения	2. Антибуддийские авторы и их сочинения
Восточная Цзинь (317-420)	1. Ло Цзюньчжан (Ло Хань) (292 -372) «О перерождении» («Гэпэнлунь») 2. Чжэн Даоцзы (364-427), начальник обл. Юйчжан, «О бессмертии души»	Сунь Шэн (308/320-379/391), конф. «Письмо к Ло Цзюньчжану»
Ранний период Южных династий	1. Цзун Бин, живописец, каллиграф и музыкант (375-443) «Опровержение трактата о Белом и Черном», «Минфо лунь» 2. Янь Яньчжи (384- 456) «Возражения Хэ Чэнтяню»	1. Хэ Чэнтянь (370-447) конф. «Дасин-лунь» 2. Хуэйлинь (кон. 4 – нач. 5 в.) «О Белом и Черном»
	Чжу Чжаочжи (? – ?) «Опровержение трактата о варварах и китайцах» Чжу Гуанчжи (?-?), чиновник, «Опровержение трактата о варварах и китайцах» Хуэйтунь (? – ?) «Возражения на трактат о вар-варах и китайцах» Се Чжэньчжи (? – ?), придворный советник «Письмо Гу Хуаню» Сэнминь (? – ?) монах, «Возражение на трактат Гу Хуаня «О варварах и китайцах»» Хуэйюань (334-416) «Монахи не должны почитать императора»	Гу Хуань (420 ? -483 ?), даос, «О варварах и китайцах» ¹ Хуань Сюань (369-404), восточноциньский генерал и узурпатор власти Вост. Цзинь. Дай Куй (326-396), чиновник-буддист «О сомнениях в буддизме»
	Чжан Жун (444 – 497), литератор и каллиграф «Об учениях»	Чжоу Юн (ок. 473), даосский отшельник, «Опровержение сочинения Чжан Жуна»
	1. Сэншунь (?-?), монах «Опровержение трактата «Три раскола»; 2. Лю Се (ок. 465-532), литератор «Трактат об уничтожении сомнений»; 3. Сюань Гуан (?-?) «Трактат о разрешении сомнений»	«Три разрушения» анонимное даосское сочинение, написанное от имени буддийского монаха Чжан Жуна.
	1. Цао Сьвэнь (?-?) «Опровержение трактата Фань Чжэня». 2. Сяо Чэнь (476-512), высший сановник, «Опровержение трактата Фань Чжэня»	Фань Чжэнь ок. 450-515 «Трактат о смертности души»

В дополнение к таблицам 1, 2 и 3 мы приводим таблицу 4, в которой авторы «Хунминцзи» четко разграничены по отдельным династическим периодам. Такое расположение позволит исключить возможные недоразумения в вопросе отнесения авторов «Хунминцзи» к конкретным династическим периодам. Кроме того, такой формат таблицы в полной мере позволит нам одним взглядом охватить весь этот сложный период китайской истории, а также проследить пространственно-временные взаимосвязи между разными историческими личностями и важнейшими историческими событиями Китая.

Таблица 4

Авторы					Ши Сэнцзи (?-?)		
					Ши Даобяо (?-?)		
					Ши Даохэн (345-417)		
					Яо Син (366-416)		
Дина-стии				Сев. Вэй (386-534)	Поздняя Цзинь (384-417)		
Дина-стии	Вост. Хань	Вэй Шу У	Зап. Цзинь (265-316)				

¹ Данное сочинение не вошло в сборник «Хунминцзи».

Династии				Вост. Цзинь (317-420)	Лю Сун (420-479)	Южн. Ци (479-502)	Лян (502-557)
Авторы	Хуань Тань (23-50)			Ло Цзюньчжан (292-372) «О пере- рождении»	Хэ Чэнтянь (370-447) «Дасинлунь»	Гу Хуань (420 ? – 483 ?) «О варварах и китайцах»	Сяо Чэнь (476-512) «Опровер- жение трак- тата Фань Чжэня»
	Моу Жун (?-?)			Сунь Шэн (308/320 – 379/391)	Шэн Юэ (441-513)	Чжан Жун (447-497)	Ши Чжицзин (?-?)
				Хэ Чун (292- 346)	Ши Хуэй-и (372-444)	Ши Даопэн (355-434)	Ши Бао- линь(??)
				Дао Ань (312-385)	Янь Яньчжи (384 456)	Ши Сэн-янь (?-?)	Ши Чжу даошун (?-?)
				Сунь Чо (314-371)	Хуэйлинь (кон. IV – нач. V в.) «О Бе- лом и Чер- ном»	Лю Шань- мин (Лю Цзюньбай) (432-480)	Ши Фаюнь (465-537)
				Хуэйюань (334- 416) «О тройком воздаянии»	Ли Мяо (?-?)	Сяо Цзыян (460-494)	Ши Сюань- гуан (V в.) «Трактат о разрешении сомнений»
				Бянь Сычжи (??)	Фань Тай (Фань Болунь) (355-428)	Мин Сэн- шао (?-483)	Цао Сывэнь (??) «Опровер- жение трак- тата Фань Чжэня».
				Хуань Сюань(369 – 404)	Чжу Чжаочжи (??)	Се Чжэнь- чжи (??)	Лян У-ди
				Чжи Даолинь (ок. 314 – 366 н.э.)	Чжу Гуанчжи (??)	Чжоу Юн (V в.)	Сэн Шунь (??)
				Си Цзаочи (?? 383)	Хэ Шанчжи (382-460)	Кун Чжигуй (447-501)	Лю Се (Ху- эйди) (ок.465 – 532)
				Дай Куй (326-396)	Чжан Син-ань (?-?)		Ши Сэнью (445-518)
				Ван Гай (??)	Цяован (?-?)		Фань Чжэнь (ок. 450-515)
				Ван Ми (360-407)	Цзун Бин (375-443) «Опроверже- ние трактата о Белом и Чер- ном»		Ши Сэнминь (??)
				Си Чао (336-378)	Хуэйтун (??) «Возражения на трактат о варварах и китайцах»		
				Ма Фань (??-?)			
				Юань Кэчжи (??-?)			
				Хуань Цянь (??-?)			
				Юй Бин (296-344)			
				Хэ Уцзи (?? – 410)			

В заключение приведем слова известного специалиста по китайскому буддизму Лю Лифу [8] по поводу «Хунминцзи»: «...Исследование, перевод и комментирование сочинений из анто-

логии «Хунминцзи» все еще находятся еще на самых начальных стадиях». На наш взгляд, данная исследовательская тема представляет значительный научный интерес. Мы надеемся, что

предложенные сводные династийно-хронологические данные об авторах «Хунминцзи» помогут в деле уточнения датировок отдельных сочинений, а также позволят система-

тизировать разрозненные исторические данные об авторах и их сочинениях и тем самым внести свой вклад в изучение этого важного периода развития китайского буддизма.

Примечания

1. Хуэйцзяо. Жизнеописания достойных монахов / пер., коммент. и исследование М.Е. Ермакова. М.: Восточная литература, 1991. Т. 1.
2. Комиссарова Т.Г. «Монах не должен кланяться императору». Из буддийской полемики IV–VI вв. // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М., 1987; Торчинов Е.А. Даосско-буддийское взаимодействие (теоретико-методологические проблемы изучения) // НАА. 1988. № 2; Кравцова М.Е. Хунминцзи // Китайская философия. Энциклопедический словарь / ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. – 573 с. – С. 385, 507-509; Сторчевая Т.Г. Спор о «бессмертии души» (шэнь бу ме) в Китае (IV–VI вв.) // Общество и государство в Китае: материалы XVIII науч. конф. М., 1987. Ч.1. – С. 90-94; Торчинов Е.А. Даосско-буддийское взаимодействие (теоретико-методологические проблемы изучения) // НАА. 1988. № 2; Liebenthal, Walter, Shih Huiyuan's Buddhism as set forth in his Writings / Walter Liebenthal // Journal of the American Oriental Society. Vol. 70. № 4. 1950; Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China. Vol. 1. Leiden, 1955.
3. Янгутов Л.Е. Традиции Праздникапарамиты в Китае. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – 272 с.
4. В данное число не входит 2 анонимных автора сочинений «Чжэн-у лунь» («О правде и лжи») и «Сан по лунь» («Три разрушения»).
5. Необходимо отметить, что в 340 г. известный буддист Фа Цзу (Бо Юань) доказал, что антибуддийское сочинение даоса Ван Фоу являлось фальшивкой и его автор был приговорен к заточению в темницу буддийского монастыря (см. Кожин П.М. Китайский буддизм // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология и религия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. – 2007. – 871 с. С.261.
6. Кравцова М.Е. Шэнь ме лунь // Китайская философия. Энциклопедический словарь / ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. – 573 с. – С.509.
7. Данное сочинение не вошло в сборник «Хунминцзи».
8. Лю Лифу. Возвеличивать Дао, прояснять учение: «Хунминцзи». Исследование. – П

Литература

1. Буддизм: словарь / под ред. Н. Л. Жуковской, А. Н. Игнатовича, В. И. Корнева. – М. : Республика, 1992.
2. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология и религия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. – 2007. – С.261.
3. Китайская философия : энциклопедический словарь / ред. М. Л. Титаренко. – М. : Мысль, 1994. – 573 с.
4. Комиссарова Т. Г. Монах не должен кланяться императору : из буддийской полемики IV–VI вв. // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. – М., 1987.
5. Радуль-Затуловский, Я. Б. Великий китайский атеист Фань Чжэнь // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – М. ; Л., 1957. – № 1. – С. 282-316.
6. Сторчевая, Т. Г. Спор о «бессмертии души» (шэнь бу ме) в Китае (IV–VI вв.) // Общество и государство в Китае: материалы XVIII науч. конф. – М., 1987. Ч.1. – С. 90-94.
7. Торчинов, Е. А. Даосско-буддийское взаимодействие (теоретико-методологические проблемы изучения) // НАА. – 1988. – № 2.
8. Янгутов, Л. Е. Традиции Праздникапарамиты в Китае. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2007. – 272 с.
9. Хуэйюань. Монах не должен оказывать почести императору; пер. с кит. А.С. Мартынова // Буддизм в переводах : альманах. – СПб., 1993. – Вып. 2. – С. 179-191.
10. Лю Лифу. Хун дао мин цзяо: «Хунминцзи». Исследование. – Пекин, 2004.
11. «Хунминцзи» / сост. Сэнью; пер. Лю Лифу, Ху Юн. – Пекин, 2011.
12. Liebenthal, Walter. Shih Huiyuan's. Buddhism as set forth in his Writings // Journal of the american Oriental Society. Vol. 70. № 4. 1950.
13. Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China : Vol. E. Zürcher . – Leiden, 1955.

Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела философии, религиоведения и культурологии ИМБТ СО РАН. 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. Тел.: 21-53-75, e-mail.: chts17@mail.ru
Tsyrenov Chinghis Tsybikdorzhievich, candidate of historical sciences, junior researcher, department of philosophy, religion and culture studies, IMBT SB RAS. 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova str. 6. Tel.: 21-53-75.

Агван Доржиев и ступа, возведенная в память об Учителе Далай ламы XIII

В статье представлена история и прослежен процесс возведения ступы, субургана в память об Агван Доржиеве, общественном и религиозном деятеле бурятского народа кон. XIX в. – нач. XX в. на его родине в с. Хара-Шибирь Заиграевского района Республика Бурятия.

Ключевые слова: буддизм, ступа, субурган, скульптор, композиция, личность, деятель, культурный ландшафт.

G.A. Mironova

Agvan Dorzhiev and a mortar erected in memory of the Teacher Dalai lama XIII

In the article history and the process of construction of mortar, a suburgan in memory of Agvan Dorzhiev, the public and religious figure of the Buryat people of the end of the XIXth – beginning of the XXth centuries, in the village Khara-Shibir, Zaigraevsky district of the Republic of Buryatia have been described.

Keywords: Buddhism, mortar, suburgan, sculptor, composition, personality, figure, cultural landscape.

В эру творчества культурные приоритеты формируются именно благодаря активности, целенаправленности конкретных людей, чей пример становится своеобразной путеводной нитью для других. Роль личности оказывается определяющей во всех сферах жизни. Искусство в высших своих проявлениях поднимается до философского осознания реальности. Поэтому философ и художник в сущности говорят об одном, только разными средствами. В этом смысле искусство в большей мере является проявлением любви к мудрости, нежели современная философия, либо страдающая начетничеством, либо замкнувшаяся в аналитической игре оторванно от жизни ума [1].

Сегодня, когда невозможно представить жизнь общества без духовных ориентиров, имя Агвана Доржиева [2], религиозного и общественного деятеля бурятского народа, достойно представлено в научном, культурном пространстве. В настоящей статье попытаемся осуществить историческую реконструкцию процесса возведения в 1990-х гг. ступы-субургана в память о А. Доржиеве на его родине, в с.Хара-Шибирь Заиграевского района.

При беседе с автором скульптуры [3] А. Доржиева, сооруженного в комплексе субургана, ступы удалось выяснить, каким образом была устроена ступа и изготовлен скульптурный портрет. Начало процесса возведения ступы связано с приездом Далай-ламой XIV в Бурятию, когда были организованы встречи с верующими на стадионе им. 25-летия Октября в г. Улан-Удэ. Программой было предусмотрено посещение делегацией родины А. Доржиева – с. Хара-Шибирь. Собралось много народа, был устроен молебен около небольшого субургана, посвя-

щенного А. Доржиеву. При встрече с верующими Далай-лама сказал, что Агван Доржиев достоин значительного по размерам памятника-ступы. После его отъезда сказанные им слова и заложили основу организационных дел по возведению ступы.

Автор скульптуры неоднократно встречался со старожилками, которые, вспоминая о А. Доржиеве, говорили: «манай Гушэг багша». Он изучал фотографии Агвана Доржиева, общался со строителями субургана, инженером и руководителем проекта Бадмой-Цыреном Чимитовым. Вместе определяли соотношение высоты скульптуры и субургана, параметры, чтобы создать целостный архитектурно-художественный комплекс, который органично вписался бы в горный и степной ландшафт долины [4].

Фонд Агвана Доржиева, созданный по инициативе землячества в 1992 г. для увековечивания памяти цанид-хамбо А. Доржиева, организовал сооружение *субурганов* в селах Заиграевского района Бурятии на пожертвования спонсоров: АО «Бурятзолото», авиационного завода, Бурятэнерго, предприятий и учреждений Заиграевского района, а также уроженцев Эрхирика, Дабатуйя, Хара-Шибири, Шэнэ Бусы и других сел.

Для возрождения духовных и культурных центров буддизма был проведен ряд организационных мероприятий, в том числе обращение в правительство республики, например, жители с. Ацагат написали письмо в Совет Министров БурАССР.

За последние десятилетия сооружены целые комплексы ступ по всей территории этнической Бурятии, а комплекс, созданный на родине Агвана Доржиева, является одним из уникальных

памятников мемориального характера, удачно вписавшимся в культурный ландшафт.

Рост числа подобных памятников на общем подъеме народа свидетельствует о том, что изменились структура и типология культуры бурятского народа на уровне массового сознания; бурятское общество расширяет свой кругозор, новые аксиологические доминанты, предлагаемые буддийской культурой, востребованы и в силу особенностей национального характера и менталитета народа привели к формированию культурно-исторической среды.

В региональном пространстве буддийской художественной культуры появилась целостная система буддийской культуры, транслирующая и рассматривающая структуры религиозной жизни через историю распространения буддизма в регионе как «общекультурные». Началось осмысление прошлого, настоящего и будущего бурятского народа в новых исторически сложившихся условиях.

Историко-культурный ландшафт Бурятии, его семиотико-семантический ряд отражены в сохранении традиционных форм, присущих буддийской культуре, – субурганов, родовых, территориальных и мемориальных на месте родовых кочевий. Культура буддизма по-своему высветила новые способы и перспективы освоения природных и людских ресурсов.

Мировоззренческая составляющая буддийской культуры – осмысление мира, подразумевающее в социальной проекции созерцательность, философское отношение к миропорядку, вообще присущие кочевому менталитету, позволила верующим бурятам уже в современном мире сформировать свое отношение к истории народа, к выдающимся личностям. Благодаря этому сумели всем миром построить уникальный памятник Агвану Доржиеву.

Традиционный уклад жизни бурят был трансформирован элементами индо-буддийской цивилизации – произошел перелом в интравертном мышлении, присущем восточному человеку.

История и культура Бурятии являются частью общего социокультурного пространства России – Евразии, историко-логические, временно-пространственные характеристики которого отражают основные тенденции развития региона.

Согласно существующему определению, мы понимаем, что историко-культурный ландшафт – это исторически сложившийся природно-культурный территориальный комплекс, сохранивший аутентичные (природные, материальные, ментальные) признаки и определяемый современным обществом как объект культурного и природного наследия. Он постоянно развивается и формируется в результате непрерывного взаимодействия природы и человека [5].

При сооружении различного рода религиозных памятников в этнокультурных традициях народов мира происходила сакрализация не только конкретной территории, на которой воздвигались эти памятники, но и одновременно обретение народом многих религиозных символов той или иной культуры. В последние годы изучение религиозных символов традиционной буддийской культуры приобрело особую актуальность, это прежде всего связано с воздвижением большого количества архитектурных памятников, потому возрос и интерес к истории строительства ступ в конкретных регионах в частности и к истории буддизма в целом.

В соответствии с классификацией культурных ландшафтов как объектов природно-культурного наследия (Convention concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. UNESCO, 1972) культовые места, включая окружающий ландшафт, относятся к разновидности культурных ассоциативных ландшафтов. Они ассоциируются с феноменом культуры – сакральностью. Священным для местного сообщества может быть все пространство. В то время как культовое место – это та часть ландшафта, где фиксируется сакральное отношение и осуществляется ритуальная часть религиозного поклонения через конкретные предметные проявления.

В данном конкретном случае здесь проявлен определенный генезис культурных форм, которые можно структурировать как фазы инициации новаций, имеющих двойственный характер, с одной стороны социальный заказ со стороны верующих, желающих возродить памятный знак о деятеле, земляке, и с другой стороны – как творческий поиск скульптора, создания новых культурных форм.

Примечания

1. Сизиф А. Многообразие единства // Путь единства: материалы Первого международного салона искусств, посвящ. 285-летию Российской академии художеств. М., 2009. С. 3.

2. Доржиев Агван-Лобсан (*Агвандоржиев*) (1853-1938) – хамбо-лама, бурятско-тибетский традиционный ученый, буддийский религиозный деятель-реформатор. Один из трех наставников-богословов (титул цан-шаб-хам-бо) при тринадцатом

Далай-ламе Тубдан-Джамцо. В 1901 г. назначен полномочным представителем Тибета при правительстве России, затем представлял Тибет при правительстве СССР.

3. Ступа (тиб. *mchod rten*, монг. *субурган*) как культовый памятник возникла в Индии до Будды Шакьямуни. Субурганы, или ступы, строились как памятники священных событий. Впоследствии субурганы воздвигались не только на местах выдающихся событий, но служили еще гробницами для лам, известных святостью своей жизни и своими подвигами на благо буддийской веры.

4. А.М. Миронов, 1953 г. рождения. Окончил ЛВХПУ им. В.И. Мухиной (мастерская В.Л. Рыбалко), член ТСХ России, член-корреспондент РАХ, заслуженный художник России, народный художник Республики Калмыкия, заслуженный художник Республики Бурятия.

5. Беседы А. Миронова со строителями комплекса в с. Хара-Шибирь Заиграевского района.

Миронова Гуля Александровна, кандидат культурологии, специалист Министерства культуры Республики Бурятия.
Mironova Gulya Aleksandrovna, candidate of culturology, expert of the Ministry of Culture of the Republic of Buryatia.

УДК 936

© А.С. Шабалов

Проблемы этнической принадлежности хунну в трудах современных чувашских ученых

Вопрос, на каком языке говорили представители народа, наводившего ужас на жителей Азии и Европы, является предметом спора между учеными почти три столетия. Между тем язык считается одним из основных определителей этнической принадлежности народа.

Выдающийся российский ученый-востоковед Н.Я. Бичурин считал, что хунну – это монголы. А вот земляки Н.Я. Бичурин, современные чувашские ученые, считают хунну народом тюркского происхождения, при этом приводят недостаточно научно достоверные данные.

Ключевые слова: язык, хунну, кочевники, Тэнгри, ухуань-авар, увань-авар.

A.S. Shabalov

The problems of Huns' ethnical identity in the works of contemporary Chuvashian scientists

The language of Huns who had threatened the peoples of Asia and Europe, was a matter for scientific debate for the last three centuries. Meanwhile, language is considered as one of the main determinants of people's ethnic origin.

N.Ya. Bichurin, the prominent Russian scientist-orientalist has considered that Huns are Mongols. However, N.Ya. Bichurin's fellow countrymen, contemporary Chuvash scientists propose that Huns are of Turkic origins. While discussing it, they use rather doubtful facts.

Keywords: language, Huns, nomads, Tengri, uhuan-avar, uvan-avar.

В 2007 г. в г. Чебоксары состоялась международная научно-практическая конференция «Научная и духовно-миссионерская деятельность Н. Я. Бичурина: история и современное значение», посвященная 230-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина. Материалы конференции были изданы в сборнике статей. Среди статей сборника две непосредственно касаются вопросов этнической принадлежности хунну. Это статья Е.М. Григорьева «Гуннская проблема и вопрос об этнокультурных параллелях сюнну, гуннов и предков чувашей: историографический аспект» [1, с. 110-117] и статья Н.И. Егорова «К проблеме этноязыковой идентификации центральноазиатских огуров (ухуань)» [2, с. 118-161].

Е.М. Григорьев, не приводя ни единого слова из остатков языка азиатских и европейских хуннов, делает предположение о родстве их языка с чувашским. При этом позиция Н.Я. Бичурина, считавшего хунну монголами, не упоминается [3, т.1, с.40]. Автор пишет: «Однако даже беглый обзор научной литературы последнего сто-

летия демонстрирует, что наиболее предпочтительной выглядит связь сюнну/гуннов с современными чувашами. В большей степени об этом свидетельствуют данные лингвистики, показывающие заметную близость языка (этнонимии, антропонимии, топонимии и т.д.) гуннов к огуро-болгарской группе языков, единственным живым представителем которого является чувашский язык; в меньшей степени – культурно-этнографические параллели. Немаловажно и то, что возможная связь тюркоязычных предков чувашей с сюнну и гуннами не находится в противоречии с логикой исторических событий, происшедших на пространстве евразийских степей в кон. 1-го тыс. до н.э. – сер. 1-го тыс. н.э.» [1, с. 114-115].

Данные лингвистики, свидетельствующие о заметной близости языка хунну к огуро-болгарской группе языков, Е.М. Григорьев не приводит. Сближение хунну, растворившихся в V в. среди народов, окружавших их, таких как ираноязычные аланы, германцы, славяне, кавказцы, тюрки и др. Попытка сближения хунну с

огуро-булгарскими племенами весьма проблематична. В 453 г. хунну были разбиты гепидами на реке Недао, где они потеряли убитыми 30 тыс. чел. Потери были очень большими для кочевого народа. Во второй половине V в. н.э. хунну уже начали растворяться среди народов Центральной Европы [19, с. 650-653]. По свидетельству Приска Панийского, в 463 г. Византию с просьбой заключить союз посетило посольство сарагуров, урогов и оногуров, вытесненных со своих земель на запад аварами. По словам Приска Панийского, оногуры завоевали земли акациров [20]. Византийский историк первой половины VII в. Феофилакт Симокатта свидетельствует: «...они (оногуры. – Ш.А.) живут на востоке, там, где течет река Тиль (Волга. – Ш.А.)» [5, с.16], т.е. оногуры, сарагуры и уроги обитали значительно восточнее хунну. Известный историк Д. Димитров в монографии «Протобулгары северного и западного Черноморья» (Варна, 1987, англоязычный вариант – Vassel Kartoukovski), основываясь на сочинении знаменитого историка VI в. Иордана, пишет: «Их (протобулгаров. – Ш.А.) соседями были гунны Alcnagiri и савиры, а дальше жили хуннугуры (оногуры), торговавшие собольими шкурками» [21, с. 14]. Хунну упоминаются как совершенно другой народ, отдельно от оногуров, соседями хунну названы протобулгары и лишь после них – савиры и оногуры. Хунну обитали в V в. н.э. на Дунае в центре Европы и к концу V в. растворились в окружающих народах, византийцы всех северных номадов называли хунну. Первое упоминание сарагуров, огуров и оногуров относится к 463 г. н.э., то есть спустя десятилетия после поражения хунну гепидами [6, с.841-843], после разгрома хунну и лишь в связи с аварами. По прошествии 10 лет после разгрома хунну гепидами сарагуры, огуры и оногуры появились в византийских источниках в связи с приходом аваров. Н.И. Егоров, ссылаясь на В.В. Латышева, пишет: «В 463 г. к римлянам явилось посольство от сарагур, урогов и оногур и сообщило, что они покинули свою страну, будучи изгнаны савирами, а эти последние, в свою очередь, были прогнаны аварами, бежавшими от некоего народа, обитавшего на берегах океана» (Латышев, 1904, I, с. 841-843) [2, с. 138]. А если учесть, что в середине V в. ядро державы хунну располагалось в центре Европы, а огуры и оногуры жили на востоке, на границе Азии и Европы, то их лингвистические контакты были вряд ли возможны. Хунну были ослаблены после поражения на реке Недао, потеря 30 тыс. взрослых

мужчин лишила их прежней силы и маневренности, двигаться далее на восток, на сближение с сарагурами, урогами и оногурами, по нашему мнению, маловероятно.

Е.М. Григорьев в подтверждение связи чувашей с гуннами приводит цитату, вырванную из контекста работы В.В. Бартольда «История турецко-монгольских народов»: «Языком хуннов ... был не монгольский, а тот язык, от которого происходит чувашский» [7, с.198].

У читателя возникает мнение, будто один из ведущих российских востоковедов считал, что язык хунну близкородствен к чувашскому языку. В действительности В.В. Бартольд писал в связи с исследованиями Н. Поппе о возможном происхождении чувашского языка из языка хунну. Мы, не вырывая отдельных фраз из контекста, более пространно процитируем В. В. Бартольда, и вот что он писал: «Установить зависимость бытовых черт от этнографического происхождения тех или иных народов до сих пор не удастся; самый вопрос о том, к каким этнографическим и лингвистическим группам принадлежали первые, упоминаемые в истории кочевые народы, какие из них были турками, монголами или тунгусами, остается спорным. Крайне сомнительны попытки определить характер языка народа по отдельным словам, большей частью именам и титулам, дошедшим до нас только в китайской транскрипции. Проф. Пельо в своих лекциях, читанных в Ленинграде, упомянул о существовании в китайской литературе более достоверного материала для решения таких вопросов – именно о составлении китайцами словарей нескольких инородческих языков, в том числе сяньбийского, причем этот словарь, по словам Пельо, ясно доказывает, что сяньбийцы были турками. Предшественников и западных соседей сяньбийцев хуннов Пельо склонен считать монголами, как и тот народ, которому в V в. до выступления в VI в. турок принадлежало преобладание в степях и который китайцы называли жужанями, европейцы – аварами. Мнение Пельо о раннем появлении монголов на западе и о том, что турки первоначально жили восточнее монголов, находится в полном противоречии с мнениями, господствовавшими в науке в последнее время. Материал, на котором основывается Пельо, до сих пор не издан и не доступен исследованию; до его обнаружения желательно воздерживаться от решения вопроса об этнографическом происхождении хуннов, сяньбийцев и других кочевых народов до VI в.

Некоторый материал для суждения о прошлом кочевых народов, как и всяких других, дают лингвистические факты. Особенно важны в этом отношении исследования проф. Поппе о чувашском языке как языке, сложившемся в тот период, когда еще не установились характерные черты языков турецкой группы. В таком случае предки чувашей пришли в Европу до прибытия настоящих турок, т.е. турок VI в. При таких условиях, возможно, что языком хуннов, вопреки мнению Пельо, был не монгольский, а тот язык, от которого происходит чувашский. В пользу этого мнения говорит и сходство турецких элементов в венгерском языке с чувашским» [7, с.197-198].

Как видим, В.В. Бартольд в споре с Пельо и Н.Н. Поппе остается при своем мнении, что принадлежность языка хунну спорная. Он воздерживался от включения хунну в одну из существующих в настоящее время лингвистических групп.

Н.И. Егорова в статье, опубликованной в сборнике, посвященном Н.Я. Бичурину, продолжает полемику о языке хунну. Называется статья «К проблеме этнокультурной идентификации центральноазиатских огуров (ухуань)». Использованное автором в названии статьи словосочетание «центральноазиатские огуры» вызывает недоумение. Огуры, как известно, впервые упоминаются как народ, живущий в 3-4 тыс. км от Центральной Азии, на границе Европы и Азии, византийским писателем Фиофилактом Симокаттом [5] (VII в. н.э). Китайские династийные хроники, которые действительно описывали племена и народы Центральной Азии, об огурях умалчивают. Об этой народности нет сведений ни в «Хоу Ханьшу», ни в «Вэй чжи», ни в других китайских династийных хрониках, характеризующих язык огуров и их самих [8], [9].

Автор заявляет: «Огромный (около 1 500 слов) пласт «огурских» лексических заимствований в прамонгольском, бесспорно, свидетельствует о том, что исторический предок болгаро-чувашского языка выделился из пратюркской общности и сформировался как самостоятельный диалект в Центральной Азии задолго до рубежа нашей эры, то есть до начала миграции огуро-оногуро-булгарских племенных союзов на запад» [2, с.122]. То есть предки монголоязычных народов заимствовали около 1500 слов, то есть значительную часть своей лексики у «огуров», известных нам только по византийским источникам, но не упомянутых ни в одной из китайских династийных летописей.

Например, у прамонголов – предков монголоязычных народов, по мнению Н.И. Егорова,

не было слово «тенгри» – небо, небожитель. «Тенгри», по его мнению, происходит от тюркско-чувашского слова «тура», что весьма сомнительно. Во-первых, вызывает недоумение то, что у предков монголоязычных народов никак не обозначались небо и небожители. Даже у самих примитивных племен небо имеет свое обозначение. Во-вторых, у прамонголов с хуннских времен небо без изменений обозначается словом «тенгри», в китайской транскрипции «cheng-li» или «teng-li» [10, с. 33]. Хунну, также как монголы, для обозначения «неба» употребляли слово «тенгри». «Тура» лишь отдаленно напоминает «тенгри» и сблизить два этих слова весьма проблематично. «Хух» по-монгольски означает «синий», по-тюркски звучит: «кок»; «хара» по-монгольски («черный»), по-тюркски «кара»; «эжы» по-монгольски («мама»), по-тюркски «эдже» («тетя, старшая сестра») и т.д. То же самое можно сказать и обо всех 1 500 словах, якобы заимствованных монголами. Монголоведы с таким же успехом, если не с большим, могут посчитать эти слова монгольскими заимствованиями в тюркских языках.

Н.И. Егоров в своем исследовании ссылается на К.А. Иностранцева и пишет: «Монголы же, по мнению авторитетных исследователей, осваивают кочевое скотоводство относительно поздно и заселяют территорию современной Монголии только в начале 2-го тысячелетия. К.А. Иностранцев монголов считает относительно молодым народом, появляющимся на исторической арене в XII-XIII вв. и заселившим территорию современной Монголии позднее тюрков» [2, с. 123]. Далее Н.И. Егоров продолжает: «... я обратился за консультациями к известному венгерскому ориенталисту А. Рона-Ташу. Он мне сообщил, что ухуань (Wuhuan=(j)ogoh) китайских источников с трудом, но могут соответствовать тюркскому огур (ojor)» [2, с.133]. В своих рассуждениях Н.И. Егоров руководствовался «консультациями» Рона-Таша, по всей вероятности, нигде не зафиксированными. Следуя подобным «консультациям», Н.И. Егоров превращает в тюрков киданей и монголов центральных аймаков Монголии и научнообразно пишет: «Об этом, в частности, свидетельствует артикуляционно-акустическая база современных халха-монголов, которая, по мнению авторитетных специалистов, является преобразованной не ранее XI в. артикуляционно-акустической базой древних тюрков с тройным противопоставлением согласных звуков по степени мускульного напряжения речевого аппарата: сильные (слабые),

сверхслабые» [2, с. 124]. Ни у кого не вызывает сомнения, что кидани были монголоязычными, важнейшим подтверждением этого являются оставленные киданями письменные памятники, например Ляо-ши – летопись их династии. Поэтому мнение Н.И. Егорова, что кидани тюркоязычный народ, является, по-моему, ошибкой. Н.И. Егорову для предпринятых им лингвистических построений нужно было основываться на мнении компетентных людей, знающих монгольский язык. Такими авторитетами для Н.И. Егорова, определившими «артикуляционно-акустическую базу современных халха-монголов», видимо, выступили И.Я. Селютина, Н.С. Уртегешев, Т.Р. Рыжикова [12, с. 8-27]. Поскольку сам автор не владеет монгольскими языками, то в своих выводах он должен полагаться на мнение специалистов. Об использовании подобной практики писал Б.Я. Владимирцов: «... авторы, не владея восточными языками, часто не были в состоянии критически относиться к своим источникам и находились в полной зависимости от переводчиков» [11, с.23].

Далее Н.И. Егоров возвращается к заимствованиям из тюркского языка в монгольский язык и пишет: «В этом отношении весьма показателен огромный по своим масштабам субстрат (или так называемый ранний пласт тюркских заимствований) с ярко выраженными специфическими болгаро-чувашскими фонетическими, морфологическими и семантическими чертами, выделяемый современными исследователями во всех монгольских языках (см., например, работы Дж. Клоусона, А. Рона-Таша и других неоалтаистов) ... Таким образом, лингвистические материалы свидетельствуют, что в степях Центральной Азии в сюннуское время господствовали в основном тюркоязычные племена, преимущественно носители тюркского R-языка огуро-болгаро-чувашского типа» [2, с.124-125]. Н.И. Егоров, основываясь на неоднозначных научных данных (пласт тюркских заимствований и артикуляционно-акустическая база современных халха-монголов), делает вывод о господстве в III в. до н.э. – I в. н.э. в Центральной Азии тюркоязычных племен. При этом автор делает акцент на преобладание в этом регионе носителей огуро-болгаро-чувашского тюркского языка. Его не смущает, что огуро-болгарские племена нигде в китайских источниках не упоминаются. Они явление более позднее, появились в бассейне р. Волга и Приазовье во второй половине V в. н.э., а хунну исчезли после поражения на реке Недао. Огуров и оногуров жите-

лей бассейна р. Волга впервые описывают византийские писатели Приск Панийский в V в. н.э. и Феофилакт Симокатта в VII в., т.е. к моменту, когда хунну уже не было, они растворились в окружающих народах, а не превратились в огуров и оногуров, но византийцы по привычке называли всех кочевников хунну. Приск Панийский сообщает, что к византийцам явились в 463 г. огуры и оногуры, а не хунну [6, с.841-843]. Огуры занимали территорию восточнее хунну. Чуваши сформировались в народ и впервые появились под этнонимом «чуваши» в XVI в. [2, с.156], то есть в послемонгольскую эпоху. Читаем работу Н.И. Воробьева, А.Н. Львова, Н.Р. Романова, А.Р. Симоновой «Чуваши. Этнографическое исследование» (Ч. 1. Чебоксары, 1956): «Известия о чуваших под их национальным наименованием появляются довольно поздно... название «чуваши» впервые упоминается только в 1521 г.» [13, с.9]. Попытку Н.И. Егорова идентифицировать этническое название современных чувашей «чаваши» с древнетюркским племенным названием «табгач» вслед за Дж. Клоусоном [14], [15] иначе, чем большой фантазией назвать нельзя. Это мнение носит характер предположения, оно ни на чем не основано, нет ни исторических, ни лингвистических данных, подтверждающих его. Н.И. Егоров ни разу не упоминает Л. Лигети, который доказал, что «табгачский язык диалект сяньбийского, был монгольским диалектом, родственным киданьскому, другому диалекту сяньбийского, что тот и другой отражают старомонгольский» [16, с. 116].

Н.И. Егоров интерпретирует «тюркское» слово «огур», сближая его с «огуз». Между тем известна интерпретация А.Н. Бернштама: «огуз» – монгольское название тотема «бык» [17, с.230]. По-тюркски «бык» = «үхэр» то же самое, что «огуз». Существует и другое мнение. Дж. Пулльблэнк допускает, что *ухуань* (*увань*) – это *авары*, которые, возможно, говорили на языке монгольского типа. Дж. Пулльблэнк считает, что в языке хунну, как и в монгольском, встречаются глухие сильно аспирированные звуки, а в тюркском таких звуков нет. Он пишет: «Эта черта фонологии сюнну была бы сильным аргументом против того, чтобы этот язык был разновидностью монгольского, поскольку считается, что общемонгольские глухие сильно аспирированы. Однако в тюркском это, по-видимому, было не так, и в этом отношении фонология сюнну была бы ближе к тюркской, чем к монгольской» [18, с.32]. К словам Дж. Пулльблэнка нужно относиться серьезно, а не игнорировать их, как это

делает Н.И. Егоров.

Дж. Пуллиблэнк признает тот факт, что язык хунну в поздниханьское время становится языком сяньби и ухуаней, или вань, которые говорили на языке типа монгольского, и пишет: «В поздниханьских транскрипциях начинают появляться примеры с kh= и в транскрипциях из «Цзинь шу» мы находим также и th. Возможно, что это отражает возрастающее проникновение и смешение с сюнну восточными ху, т.е. с сяньби и ухуань, или вань (M. Ou=Hwan < aH=Hwan = авар), которые, возможно, говорили на языке типа монгольского. Именно сяньби стали господствовать в степях после гибели империи сюнну в II в.н.э.» [18, с.32].

Далее Дж. Пуллиблэнк заметил наличие начального p – в языке хунну и в монгольском языке. Вот что он пишет: «Наличие начального p – в языке сюнну отличает его от старотюрк-

ского (хотя, возможно, и не от тюркского). В монгольском начальное p – существует» [18, с. 33].

Попытка сблизить огуров, которые не известны в Азии, и ухуань остается всего лишь попыткой сблизить несближаемое.

Работа Н.И. Егорова была посвящена научной и духовно-миссионерской деятельности Н.Я. Бичурина, и, к сожалению, в ней нет ни единого слова в адрес «соотечественника, уроженца Чувашии, Н.Я. Бичурина», нет ни одной ссылки на Н.Я. Бичурина, а между тем ухуаням Н.Я. Бичурин посвятил второе отделение своего итогового труда «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» [3, т.1, с. 142-148]. Н.Я. Бичурин в отличие от современников был приверженцем и основоположником в российской историографии теории, что хунну – это монголы, и строго придерживался избранной позиции [3, с. 40].

Литература

1. Григорьев Е.М. Научная и духовно-миссионерская деятельность Н.Я. Бичурина: история и современное значение. Чебоксары, 2009.
2. Егоров Н. И. Научная и духовно-миссионерская деятельность Н.Я. Бичурина: история и современное значение. Чебоксары. 2009.
3. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнее время. М.;Л., 1950. Т. 1.
4. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. СПб., 1828. Т.2.
5. Феофилакт Симокаггта. История. 1957.
6. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т.1. Греческие писатели. СПб., 1904.
7. Бартольд В.В. Сочинения. М., 1968. Т. 5.
8. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
9. Таскин В.С. Материалы по истории ухуаней и сяньби – Дальний-Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
10. Панов В.А. История народов Средней Азии. Сун-ну (хунну). Турецкое происхождение народа Сун-ну (хунну) в китайских летописях. Владивосток, 1916.
11. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
12. Селотина И.Я., Уртегешев Н.С., Рыжикова Т.Р. Экспериментально-фонетические данные по языкам народов Сибири как историко-лингвистический источник // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 8-27.
13. Воробьев Н.И. и др. Чуваши. Этнографическое исследование / А.Н. Львов, Н.Р. Романов, А.Р. Симонова. Чебоксары, 1956. Ч.1.
14. Clauson G. The earliest Turkish Loan Words in Mongolian//Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1959. Vol. IV №3. P. 174-187.
15. Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. London, 1961.
16. Лигети Л. Табгацкий язык – диалект сяньбийского // Народы Азии и Африки. 1969. №1.
17. Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
18. Пуллиблэнк Дж. Э. Зарубежная тюркология. М., 1986.
19. Гумилев Л.Н. История народа хунну. М., 2004.
20. Приск Панийский. Римское посольство к Аттиле. СПб., 1842.
21. Димитров Д. Протобългары северного и западного Черноморья. Варна, 1987.

Шабалов Александр Сократович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры истории, Иркутский государственный технический университет. 664007, Россия, Иркутск, ул. Красноказачья 2-57, тел.:8-3952-29-23-22.

Shabalov Aleksandr Sokratovich – competitor of the scientific degree, department of history, Irkutsk State Technical University. Russia, Irkutsk, Krasnokazachya Str., 2-57, 8-3952-29-23-22.

УДК 001 (571.53)

© *Е.И. Лиштованный*

Доржи Банзаров в Иркутске

Статья посвящена жизни и научным исследованиям знаменитого бурятского ученого-востоковеда Доржи Банзарова в городе Иркутске.

Ключевые слова: научные исследования, ученый-востоковед, Доржи Банзаров, Иркутск, творчество и жизнь.

E.I. Lishtovanny

Dorzhi Banzarov in Irkutsk

The article is devoted to the life and scientific researches of the famous Buryat scientist-orientalist Dorzhi Banzarov in Irkutsk.

Keywords: scientific researches, scientist-orientalist, Dorzhi Banzarov, Irkutsk, creative activity and life.

Летом 1848 г. Д. Банзаров возвращается из Санкт-Петербургской командировки в Казань. Вот как об этом говорится в одном из документов – письме попечителя Казанского учебного округа в правление Казанского университета: «Окончивший курс наук в Казанском университете из бурят Доржи Банзаров, вызванный в январе сего года по высочайшему соизволению в С. Петербург, не может быть скоро определен на службу, за исключением его из казачьего звания... Г. Министр народного просвещения, считая затем дальнейшее пребывание его там ненужным...» [Доржи Банзаров 1955: 246].

Эта «ненужность» скорее всего уже тогда, в 1848 г., надломила Д. Банзарова и сыграла свою роковую роль в Иркутске. А пока в Казани попечителем Казанского учебного округа ему было определено годовое жалованье в 142 р. 85,5 коп. серебром, что было для ученого крайне недостаточно. Доржи Банзаров, не имея дополнительного заработка жил впроголодь, часто болел. В письмах к своим петербургским друзьям он писал: «Теперь же я хожу заниматься, чем бы вы думали? – делами, т.е. писать доклады, отношения и проч., проч., чтобы приготовиться сколько-нибудь к будущей службе» [Петров 1975: 63].

А будущая служба Д. Банзарова фактически уже была определена. Об этом свидетельствует распоряжение помощника попечителя Казанского учебного округа от 15 ноября 1849 г., направленное в правление Казанского университета. В нем говорилось: «Г. товарищ министра нар. просвещения от 26 минувшего октября №10343 предложил мне сделать распоряжение об отправлении находящегося при Казанском университете окончившего курс наук, из бурят, Дорджи Банзарова, в распоряжение председа-

тельствующего в сенате Главного управления Восточной Сибири, с выдачею ему, по требованию моему, согласно с 1243 ст. 3 т. свода зак[онов] прогонов на две лошади и денежного пособия на изложенном в 1241 ст. того же тома основании. Вследствие того сделать распоряжение о выдаче Банзарову прогонов и пособия и об отправлении его в Иркутск...» [Доржи Банзаров 1955: 247-248].

Так подающий надежды ученый-востоковед, член-корреспондент Русского археологического общества становится чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Кстати, о дате отъезда Доржи Банзарова в Иркутск существуют разноречивые сведения. Например, в комментариях к четвертому тому писем Г.Н. Потанина сообщается, что Д. Банзаров «переехал в Иркутск» в 1848 г. [Письма Г.Н. Потанина 1990: 358]. Исследователь Л.А. Петров утверждает, что, еще находясь в Казани, ученый «тяжело заболел ревматизмом и несколько зимних месяцев 1849 г. пролежал в постели» и что из Казани в Иркутск Д. Банзаров выехал 12 апреля 1850 г. [Петров 1975: 63]. Да и сам молодой исследователь в одном из своих писем из Казани от 2 февраля 1850 г. отмечал: «Я все еще собираюсь в Сибирь...» [Санжиев 1998: 105].

На приеме у генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева ему было сообщено о производстве 24 января 1850 г. в чин коллежского секретаря. Как бы то ни было, уже с 1850 г. Д. Банзаров окунается в иркутскую чиновничью жизнь, а вскоре он отправляется в длительную командировку в родные края для расследования ряда дел.

Исследователь жизни и творчества Д. Банзарова Л.А.Петров, ссылаясь на работу И.О. Асал-

ханова «Новые материалы о служебной деятельности Доржи Банзарова» (Улан-Удэ, 1956), отмечал, что «версия, исходящая от первых биографов Банзарова, о том, что он после возвращения в Сибирь жил у родных в течение года, неверна» [Петров 1975: 73]. С этим утверждением можно, наверное, согласиться, так как командировка Д. Банзарова, начавшаяся 20 августа 1850 г. в Селенгинскую и Кударинскую степи, длилась более полугода и могла создать иллюзию длительного проживания ученого у родственников.

Нет необходимости пространно говорить об этой служебной командировке чиновника по особым поручениям, насчет этого имеется достаточно обширный материал. Стоит лишь заметить об оценке поездки самого Д. Банзарова: «...на руках у меня бывали такие дела, от которых другие толстеют; я же от них худею, потому что ездить по уездам всегда стоит мне дороже, чем жить в Иркутске... Я долго прожил между бурятами, производил следствия строго, одним словом, дела вел не политично; меня на десять дней посадили на гауптвахту, но все-таки ничего со мной нельзя было сделать. Я остался на месте и теперь с губернатором в таких же отношениях, как и прежде. Но всего того, что ему было сказано на меня теми, которым нравится мое место, не хочу описывать...» [Санжиев 1998: 95].

Что же касается действительного отношения к Д. Банзарову генерал-губернатора Н.Н. Муравьева, то по тону высказываний самого ученого и мнению большинства его биографов иркутский вельможа относился к нему ровно и уважительно. И это несмотря на все доносы, которые посылали на Д. Банзарова генерал-губернатору недоброжелатели. Известно, например, что именно генерал-губернатор поведаль Д. Банзарову о жизни в Селенгинске декабриста Н. Бестужева. Сам Н.Н. Муравьев трижды навещал ссыльного и во вторую поездку взял с собой и своего чиновника по особым поручениям. О том, что начальство было к Д. Банзарову благосклонно, говорит и тот факт, что 19 апреля 1853 г. высочайшим приказом, отданным по гражданскому ведомству, ученый был произведен в титулярные советники, а в особой графе было указано: «Аттестован способным и достойным» [Петров 1975: 74].

Можно задаться и вопросом: а как жилось Д. Банзарову в Иркутске в бытовом отношении? Судя по отзывам самого ученого, жизнь была тяжелой. В Иркутске он снимал комнату в доме казачьего урядника Бутакова, недалеко от одной из центральных улиц города – им. К. Маркса (Большая). Приходится сожалеть, что дом Бута-

кова сгорел во время иркутского пожара 1879 г. и на его месте был выстроен другой дом. Относительно денежного довольствия сам Д. Банзаров замечал: «Получать в Иркутске 2000 р. жалованья то же, что получать в Казани только 300 р. сер. Такова здесь дороговизна во всем!» [Санжиев 1998: 95].

Чисто бытовые трудности иркутской жизни усугублялись и недостаточной возможностью общения с теми, с кем бы ученому было действительно интересно. Казалось, можно было бы найти отдушину в общении с коллегами из Сибирского отдела Русского географического общества. Но, как свидетельствовали современники, за все время пребывания в Иркутске Д. Банзаров лишь дважды посетил заседания Отдела [Доржи Банзаров 1955: 30]. Вполне возможно, ученого отдаляло от Отдела и понимание того, что некоторые сотрудники из чиновников и духовенства были весьма далеки от науки, но пытались играть в этой, в принципе единственной в то время в Иркутске, научной организации ведущие роли. Скорее всего, Д. Банзаров, видя это, действительно глубоко переживал свою оторванность от круга казанских и петербургских ученых друзей.

Непростые отношения сложились у Доржи Банзарова и с архиепископом Восточной Сибири Нилом. Как свидетельствовали современники, «Высокопреосвященный Нил, знаток монгольского языка, очень хотел сблизиться с Банзаровым и желал, чтобы он советами своими был полезен при переводе литургии на монгольский язык. Вместе с тем преосвященный пламенно желал, чтобы Банзаров принял христианство. Монгол сердился за эти попытки и перестал посещать преосвященного» [Доржи Банзаров 1955: 29]. На наш взгляд, именно архиепископ Нил мог стать тем человеком, общение с которым, в том числе и на научную тематику, могло в какой-то степени восполнить недостающие Д. Банзарову возможности в его совершенствовании как ученого-востоковеда. Но, как видим, и этого не случилось.

В итоге целый комплекс причин привел Д. Банзарова к одиночеству и затворничеству. Правда, есть сведения, что около трех лет жизни ученого в Иркутске рядом с ним неотлучно находился его ученик Халзан Мазоев, которого тот привез из Балаганска. Отмечает Л.А. Петров: «Он был грамотным, учился у Банзарова, наблюдал последние годы его жизни, но, к сожалению, это был не тот человек, который мог бы решительно помочь Банзарову справиться с его недугом и скрасить его одиночество» [Петров 1975: 79].

*О научных исследованиях Д. Банзарова
в Иркутске*

Если казанский и непродолжительный петербургский периоды жизни и научной деятельности Д. Банзарова изучены биографами и востоковедами достаточно основательно, то иркутский период еще требует дальнейших изысканий. Один из исследователей его научного творчества профессор Б.С. Санжиев даже сетовал на то, что некоторые авторы продолжают придерживаться представления о том, что в иркутский период Д. Банзаров отошел от научных занятий. У Б.С. Санжиева мы отметим девять положений, которые он выделил в качестве опровержения данного представления:

1) Банзаров внес много исправлений на географических картах монгольских названий: жилых мест, гор, рек, озер, но не успел завершить начатое дело; 2) отлично пояснил на карте пункты китайской границы, в соответствии с российскими и маньчжурскими данными; 3) совершил поездки в Тункинский край для исследования сойотов и их соседей урянхайцев (тувинцев); 4) занимался объяснением древних надписей Мангутской пещеры; 5) открыл место рождения Чингисхана в пределах России – недалеко от «Большого острова» (Ехе арал) по р. Онон: Делюн-Болдок, на правом берегу реки, в семи верстах выше ее течения и в трех верстах от Кочуевского караула; 6) готовил историю перехода различных монгольских племен через границы в сторону Байкала; 7) на полях некоторых книг сделал многочисленные исправления к монголь-

ским текстам и переводам с них академика Шмидта, особенно такие исправления сделаны переводу летописи «Санан Сэцэна»; 8) исследование «Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингисхана», начатое в Петербурге, закончил в Иркутске; 9) «Путешествие Зая-хамбы в Тибет» – перевел с монгольского [Санжиев 1998: 34].

Как видим, находясь в стесненных условиях чиновничьей жизни, Д. Банзаров и в Иркутске не переставал заниматься своим любимым делом. И это при нехватке специальной литературы, при невозможности восстановить тот круг научного общения, в котором ему конечно же было комфортно во время пятнадцатилетнего пребывания в европейской части России. И скорее всего, глубокая тоска и нереализованность своих возможностей как ученого привели Д. Банзарова к ранней смерти.

Можно приводить многочисленные оценки заслуг Д. Банзарова, которых он достиг на научном поприще. Мне импонируют слова, написанные ориенталистом П.С. Савельевым: «Как исследователь среднеазиатской древности, он заслужил себе место между европейскими ориенталистами; как бурят, показал, что дарования и просвещение могут быть уделом этого поколения, которое с гордостью может приводить его имя как представителя своего в области науки. Блеск примечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели право на большое внимание потому, что из среды их вышел Доржи Банзаров [Доржи Банзаров 1955: 36].

Литература

1. Банзаров Доржи. Собр. соч. М., 1955.
2. Санжиев Б.С. Доржи Банзаров. Иркутск, 1998.
3. Петров Л.А. Доржи Банзаров. Иркутск, 1975.
4. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1990. Т.4.

Литтованный Евгений Иванович, доктор исторических наук, профессор, г. Иркутск.
Lishtovanny Evgeny Ivanovich, doctor of historical sciences, professor, Irkutsk.

УДК 397

© *В.О. Очиров, И.Б. Батуева*

Охотничья культура бурят

Статья посвящена изучению охотничьей культуры у бурят. Комплексно рассмотрены: охотничий быт, инвентарь, приемы и способы ведения охоты, отношение бурятского охотника к природе, а также описаны охотничьи обряды и обычаи.

Ключевые слова: охотник, зэгэтэ-аба, аба-хайдак, артель, инициации.

Hunting culture of Buryats

The article is devoted to the study the hunting culture of Buryats. Its components have been comprehensively considered: hunting way of life, equipment, techniques and methods of hunting, the attitude of the Buryat hunter to nature, as well as hunting rituals and customs have been described.

Keywords: hunter, zegete-aba, aba-haydak, artel, initiations.

Важной составляющей традиционного хозяйства бурят являлась охота, относившаяся к мужской сфере деятельности. Охота была преимущественно распространена в горно-таежных районах этнической Бурятии. Ею занимались нижнеудинские, балаганские, аларские, окинские, верхоленские, еланцинские и кутульские буряты [4; с. 20]. Также она имела место в хозяйственной жизни баргузинских, тункинских, закаменских бурят, в меньшей степени у селенгинских, хоринских, агинских и кударинских [1, с. 172].

Бурятские мужчины славились тем, что являлись искусными охотниками, звероловами, меткими стрелками. Их очень рано обучали обращаться с ружьем, к 9-12 годам они хорошо стреляли из лука. Так, например, мальчики 13-летнего возраста могли в день добывать до 30 белок, а в менее удачливые дни – до 10 белок [2]. Будучи еще подростками, мальчики сопровождали взрослых мужчин на охоте. У бурят известно два вида охоты: индивидуальная и коллективная, которые могли иметь свои вариации, различные приемы и способы.

Индивидуальная охота имела пассивный или активный характер. Смысл пассивной охоты заключался в том, что охотник занимал выжидательную позицию по отношению к зверю. Сюда можно отнести засады, устраиваемые охотниками у звериной тропы, на солонцах, на подступах к водопою, пастбищах. Активная охота выражалась в том, что охотник занимал наступательную позицию по отношению к зверю: скрадывание, преследование видимого зверя, преследование по его следам; такой вид охоты предпочитали обычно молодые охотники. А охотой с использованием самоловных средств, где требовались опыт, терпение и выдержка занимались старые охотники.

Для коллективных охот было характерно привлечение большого количества людей. У бурят известна охота загонем и облавная охота (зэгэтэ-аба у западных бурят, аба – хайдаг у восточных бурят).

Основной смысл охоты загонем заключался в том, что охотники делились на две или несколько групп, одни укрывались в засаде (стрелки), а

другие выступали в качестве загонщиков. Роль загонщиков обычно отводилась мальчикам 8-10 лет. В засаде вместе со взрослыми охотниками находились подростки 10-12 лет, которые отличались меткой стрельбой. Иногда рядом с мальчиком мог находиться его отец или дед, который выполнял функции «инструктора». Молодым охотникам оказывалась морально-психологическая поддержка, давались устные советы и рекомендации: как правильно выбрать место для засады, занять удачную позицию, своевременно произвести выстрел. Например, во время охоты в момент прицеливания стрелка дед клал ладонь на спину внуку и шепотом давал наставления, это делалось для того, чтобы молодой охотник контролировал свои эмоции и точно попал в цель [6].

Подростки активно участвовали в традиционной облавной охоте бурят. Успех охоты во многом зависел от слаженных, синхронных, коллективных действий, где каждый облавщик от мала до велика, обязан был соблюдать строгую дисциплину, а сама облава должна была выступать как единый организм. В результате подростки воспитывали в себе необходимые качества облавщика: выносливость, дисциплину, умение ориентироваться во времени и пространстве. По мнению С.Г. Жамбаловой, первое участие молодого человека в облавной охоте маркировало его переход в категорию взрослых мужчин и входило в инициационный комплекс. В результате этого мальчики проходили обряд посвящения в охотники [4; с. 107].

У орочей по истечении трех дней после первой охоты в честь сына отец устраивал пир и созывал всех родственников и соседей. Молодому охотнику дарили ножи, наконечники, копыя, отец вручал лук и полный колчан со стрелами.

У монголов известен обряд помазания пальца мальчика, впервые убившего зверя на облаве. «Обычай же монголов таков, что в первый раз, когда мальчики охотятся, их большому пальцу (на руке) сделают смазку, т.е. натирают мясом и жиром» [4; с. 108].

У агинских бурят имело место конокрадство, набеги совершались на чужие племена, поэтому среди своих соплеменников это не считалось

преступлением [6]. Для молодежи подобные конокрадские рейды являлись актом инициации – обрядом посвящения в воины. Похожие традиции угона лошадей можно встретить у других кочевых народов – у тувинцев, казахов, калмыков. Кроме того, конокрадство являлось специфическим способом отбора лучших скакунов, так как из целого табуна большая часть лошадей гибла в пути во время перегона.

По сведениям С. Г. Жамбаловой, во времена существования облавных охот главным условием для вступления мужчин в состав охотников и воинов являлось наличие верхового коня [4; с. 106]. У бурят были специально обученные лошади для охоты. Помимо того, что лошадь служила в качестве основного транспортного средства для охотника, она должна была отвечать ряду требований. Во-первых, загонщику требовалась выносливая лошадь, приспособленная к бездорожью горно-таежных районов, во-вторых, она не должна была пугаться хищных зверей и выстрелов ружья. В-третьих, лошадь должна была быть не прихотлива в походном содержании, т. е. могла самостоятельно находить корм из-под снега и искать его в горах.

С развитием у бурят скотоводства и земледелия постепенно отпадает необходимость в проведении столь массовых мероприятий, как облавная охота. И уже в конце XIX в. – начале XX в. проведение облавной охоты воспринималось как дань традиции, соблюдение «обычаев предков». В XIX в. – начале XX в. превалировала пушная артельная охота. Артель состояла из нескольких человек (как правило, родственников) разных возрастных категорий, с различным охотничьим опытом и охотившихся на наследственных родовых охотничьих угодьях. Наряду с мужчинами зрелого возраста в состав артели обычно входили старые опытные охотники, а также совсем юные подростки, это обеспечивало сохранение и передачу знаний об охотничьем ремесле через поколения. Для артели характерна четкая иерархия, во главе артели обычно стоял старший – аха толгой («старшая голова», «голова»), который обладал большим опытом и знаниями об охотничьем ремесле и хорошо ориентировался на местности [4; с. 44]. В его функции входило распределение обязанностей и участков охоты между членами артели, передача необходимых знаний молодому поколению охотников.

Традиционная охота бурят проходила в несколько этапов: после проверки оружия, охотничьего снаряжения, ездовых животных начинался поиск и добыча диких зверей. Охотник

опирался на опыт, передаваемый из поколения в поколение, от отца к сыну, от деда к внуку. Бурятские охотники владели информацией о миграционных маршрутах животных, их повадках, что, несомненно, помогало в охоте. Задачу поиска зверя упрощало выслеживание животного, использование на охоте собак и знание местности.

В процессе обучения охотничьему ремеслу мальчики овладевали навыками охоты на птиц, крупных хищников, копытных животных. Их знакомили с повадками зверей и птиц, с правилами безопасности во время охоты, учили пользоваться огнестрельным оружием, ставить капканы, ловушки (петли, ледянки, плашки, силки, ямы), определять следы зверей, а также с тем, как обрабатывать и транспортировать продукции промысла.

Жизнь артели была строго регламентирована. Утром за завтраком определяли участки охоты для каждого промысловика. Весь световой день проходил на промысле. Вечером после ужина и кормления собак сушили одежду, разделявали добытых зверей, осматривали охотничье снаряжение [4; с. 44]. В охотничьем быту молодым начинающим охотникам необходимо было выполнять вспомогательные функции: заготовить дрова, сходить за водой, вести уход за лошадьми.

До и после охоты, чтобы обеспечить ее успех, проводился обряд жертвоприношений хозяину тайги – Хангаю, который якобы зорко следил за чистотой и порядком в лесу. Все дикие звери считались собственностью хозяина тайги. У бурят существовал обычай: с каждым из встретившихся на пути людей удачливый охотник должен был обязательно поделиться своей добычей. С одной стороны, это был жест доброй воли, с другой стороны, принявший дар как бы разделял ответственность за пролитую кровь. Считалось, что седобородый старец Хангай любит слушать сказки, поэтому, чтобы он был благосклонен к охотникам, старые охотники или сказочники-улигершины ему рассказывали сказки [3; с. 30]. Через сказки, легенды, мифы молодые охотники приобщались к истории своего рода [4; с. 107].

Охота и война являлись неотделимыми составляющими жизни каждого мужчины, который являлся одновременно и воином. По сведениям М. Н. Хангалова, участники облавной охоты нередко переходили к военным набегам с целью захвата чужого скота или полона людей [5; с. 20].

Бурятский охотник обладал феноменальной выносливостью в выживании в экстремальных

условиях ему помогали знания, накопленные в течение тысячелетий и передаваемые из поколения в поколение по мужской линии.

В круг таких знаний входило: умение провести ночь в тайге на холоде, выбрать удобное место стоянки и правильно устроить ночлег, способность ориентироваться на местности. Для каждого охотника важен был своевременный отдых, который являлся залогом бодрости, свежести, наличия хорошей реакции, повышенной активности, все эти качества в свою очередь являлись жизненно необходимыми для охотника и влияли на результат его деятельности. При выборе места временного охотничьего лагеря бурятские охотники придерживались ряда правил: учитывалась удобная позиция для ведения охоты; обустроить ночлег полагалось засветло, поскольку в темноте это было проблематично.

У бурят существовали охотничьи стоянки по сезонам (летняя, осенняя, зимняя, весенняя). Местонахождение охотничьей стоянки должно было отвечать ряду требований: во-первых, наличие поблизости питьевой воды (зимой пользовались талой водой), древесного сырья, корма для лошадей; во-вторых, стоянку устраивали на возвышенности, защищенной от ветра и прогреваемой солнцем; в-третьих, из-за опасности паводков и камнепадов нельзя было устраивать ночлег на берегу горных рек и под скалами.

Старые охотники, отлично ориентировавшиеся в родовых охотничьих угодьях, играли огромную роль в передаче молодому поколению знаний об особенностях природного ландшафта. Бурятский охотник прекрасно ориентировался на местности благодаря визуальному наблюдению, восприятию запахов, звуков, ощущениям, возникающим при передвижении на верховых животных (спуск, подъем т.д.).

Охотник должен был знать и уметь определять запахи. Запах являлся необходимым ориентиром для охотника и важным дополнением к общей картине определенной местности. Запах помогал ориентироваться в темное время суток. Если правильно считать информацию, заложенную в запахе, охотник мог составить примерный ландшафтный рисунок. Например, запах полыни характерен для степи, а запах хвои говорит о таежной местности.

В случаях, когда видимость ограничена или отсутствует, охотник обращался к звуковым ориентирам. Помимо хорошего зрения охотник должен обладать отличным слухом. Однако нередко охотники использовали слух своих лошадей, которые моментально замечали и реагировали на любой незнакомый звук. Зачастую ло-

шадь сама являлась источником звука, по стуку ее копыт можно было узнать информацию о поверхности земли (трава, камень, вода, грунт). Кроме того, у бурят существовали виды охот, где использовались звуковые эффекты. Например, во время облавной и загонной охоты загонщики специально создавали равномерный, умеренный шум. Иногда охотники подманивали животных путем имитации голосов зверей и птиц, это делалось для того, чтобы узнать о местонахождении добычи.

Благодаря особенностям расположения юрты с раннего детства у бурят на уровне подсознания закладывались знания о сторонах света (при выходе из юрты спереди – находился юг; за спиной – север; справа – запад; слева – восток). Это касается и традиции укладываться спать головой на север, ногами на юг. В результате это способствовало развитию у бурят своеобразного внутреннего компаса. Кроме того, с малых лет в процессе повседневной жизни, во время перекочевков, пастьбы скота и т.д. бурятские мальчики обучались ориентированию в пространстве. Они с 10-12-летнего возраста самостоятельно могли ориентироваться в тайге и горах [7].

В суровых природно-климатических условиях, в которых шла охота, каждый охотник повышенное внимание уделял качеству оружия, охотничьему снаряжению, одежде и походной пище. Их отличало очень бережное отношение к своему оружию, охотничьему снаряжению, им отводилось специальное место для хранения на правой (мужской) стороне юрты, у изголовья кровати хозяина. В состав снаряжения охотника входили: лук с колчаном стрел, ружье, плетень, копье, дубинка, ножи, петли, самострелы. Чтобы уберечь оружие от сглаза, не желательно было показывать его гостям. Считалось, что женщины способны осквернить оружие, поэтому им строго запрещалось прикасаться и переступать через него. Буряты верили, что огонь изгоняет злых духов, поэтому перед охотой оружие подвергалось очищению огнем, охотничье снаряжение окуривали дымом.

Культура охоты начинается с одежды и экипировки. Одежда охотника как средство для выполнения работ в условиях агрессивной среды должна быть легкой, теплой, не бояться сырости, не создавать шума, не мешать во время движения. Во время охоты носили короткую шубу из зимней или осенней козьей шкуры, шапки из меха пушных зверей, рукавицы из оленьей кожи, штаны из шкуры косули или лоса, унты из козлиных шкур. Существовали специальные штаны в виде двух отделенных друг

от друга широких кожаных штанов, которые надевали поверх штанов и обуви и крепили ремешками к поясу, они защищали наездника от осадков, ударов о ветки колючего кустарника. Пояс являлся непременным атрибутом одежды каждого мужчины, к нему обычно крепились огниво и нож в ножнах.

Для того чтобы охотник наиболее эффективно действовал на промысле, ему требовалось здоровое питание, кроме того, что пища должна быть высококалорийной, она должна была быть легко транспортируемой. В число съестных припасов входило сушеное мясо, лепешка бөмхө, также брали с собой молотое зерно (аагаһа), из которого готовили кашу (замба) или чай (зутаран сай).

У бурятских охотников существовал строгий закон по заботе об экосистеме (воспроизводство животных, защита и охрана природы). Охота

производилась только на взрослых самцов, убийство самки расценивалось как негативное деяние. Детенышей убитой самки нельзя было оставлять в живых, считалось, что они обречены на страшную, голодную смерть. Иногда детенышей копытных животных оставляли и выращивали вместе с домашним скотом. Существовал запрет заниматься охотой в местах, где проходил отел лосей, косуль, маралов и т. д. Нельзя было затевать охоту, когда животные находились в бедственном положении после засухи, половодья или гололедицы, бескормицы.

Таким образом, вековые традиции помогали бурятскому народу выживать в непростых условиях резко континентального климата. Охотничья культура бурят – это бесценный опыт и пример приспособления человека к суровым природным условиям, когда он гармонично и безболезненно был включен в экосистему края.

Литература

1. Батуева И.Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1999. – 251 с.
2. НАРБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.
3. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – 113 с.
4. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 174 с.
5. Хангалов М.Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1 / под ред. Г.Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. – 508 с.
6. ПМА – Полевые материалы автора. Информаторы: Бато-Мунко Санданович Зыдрабын – 1938 г. рождения, уроженец с. Кункур Агинского района; Удомбра Очировна Тудунова – 1935 г. рождения, уроженка с. Зугалай Могойтуйского района.
7. ПМА – Полевые материалы автора. Информатор: Лхамасу Батуевна Батожабай – 1924 г. рождения, уроженка с. Ород Кижингинского района.

Батуева Ирина Батовна, доктор исторических наук, профессор, декан гуманитарно-культурологического факультета Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, 670031.
e-mail: i.batueva@mail.ru; тел. 89243530817.

Очиров Виталий Олегович – аспирант Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ, e-mail: oskar_86@mail.ru; тел. 89146344260.

Batuyeva Irina Batoevna, doctor of historical sciences, professor, Dean of humanitarian and culturological faculty, East Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude, Tereshkova Str. 1, 670031, an e-mail: i.batueva@mail.ru; ph. 89243530817.

Ochirov Vitaly Olegovich, postgraduate student, East Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude, an e-mail: oskar_86@mail.ru; ph. 89146344260.

УДК 94(571.54)

© *Ц.Б. Будаева, А.А. Дугарова*

Из истории управления инородческим населением

Статья посвящена вопросам управления инородческим населением императорской России. Среди разработанных нормативно-правовых документов того периода особая роль принадлежит «Уставу об управлении инородцами» от 22 июля 1822 г., имевшему статус закона и оказавшему неоднозначное влияние на развитие местного самоуправления у бурят.

Ключевые слова: вопросы управления инородцами, местное самоуправление, степные думы, инородные управы, структура самоуправления бурятского населения.

From the history of governance the indigenous population

The article is devoted to the issues of governance the indigenous population in imperial Russia. Among the other legal and regulatory documents of that period «The special role played «The Charter on governance the indigenous population» dated on July 22, 1822, which had the status of law and ambiguously influenced on the development of local self-governance of Buryats.

Keywords: issues of governance the indigenous population, local self-governance, the steppe Duma, indigenous Councils, the structure of self-governance of the Buryat population.

Большинство современных ученых, анализируя региональную историю управления инородческим населением, акцентирует свое внимание на вопросах развития степных дум. Это действительно справедливо, ибо их создание сыграло огромную роль в появлении новых политико-правовых отношений между Российским государством и аборигенным населением Сибири. Следует признать, что в течение нескольких столетий до появления степных дум царизм сохранил почти нетронутой существовавшую у народов Байкальского региона (впрочем, и многих других народов России) родовую систему самоуправления и элементы обычного права. В современных российских условиях, когда идет сложный процесс развития местного самоуправления, знание истории становления местного самоуправления региона является особо актуальным.

Здесь необходимо пояснить, что термин «инородцы» широко использовался в административной практике дореволюционной России. До 1917 г. это название относилось ко всем неславянским народам, а также оно отражалось в официальных документах некоторых народов (киргизы, калмыки, буряты, якуты и др.). Этот термин имел двоякое значение: политическое и технико-юридическое. В политическом значении основным признаком инородчества был язык. В технико-юридическом смысле под инородцами в основном подразумевались неславянские народы, которые в законодательном отношении были поставлены в особые условия.

Конкретно к инородцам относились сибирские туземцы, самоеды, калмыки Астраханской и Ставропольской губерний, евреи, киргизы, горцы Кавказа, туземцы Туркестана, ордынцы закаспийской области и др. Однако к инородцам не относились татары, чуваша, башкиры, цыгане, зыряне и др. Их именовали по национальной принадлежности. Небольшой лингвистический экскурс свидетельствует о том, что понятие «инородец» не имело строго научной рефлексии.

Как в политическом, так и в технико-юридическом смысле буряты наряду со многими другими народами, находящимися в подданстве Российской империи, относились к инородцам.

Известно, что во исполнение ряда положений Нерчинского договора (27 августа 1689 г.), Кяхтинского трактата (21 октября 1727г.) и особенно в соответствии с «Инструкцией пограничным дозорщикам», подписанной во время принятия Буринского трактата (20 августа 1727 г.), были введены основные принципы управления инородцами [1].

В «Инструкции пограничным дозорщикам» в основном рассматривались вопросы управления приграничных инородцев. Однако, по мнению Ф.А. Кудрявцева, в своей жизнедеятельности на нее ориентировались верхоленские и балаганские буряты, а также якуты [2].

Наиболее полным официальным нормативно-правовым документом XVIII в. в отношении народов Сибири является инструкция Сената, «данная лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву, командированному в Сибирь для урегулирования ясачного сбора» [3].

В упомянутых документах был сформулирован родовой принцип управления местными сообществами, базирующийся в основном на обычном праве. Из ведения родовых властей были изъяты криминальные дела (например, убийство), а малые дела (имущественные споры, хулиганство и т.д.) и многие экономические вопросы (сбор налогов) остались в ведении родоначальников.

Установление родового принципа управления было обусловлено стремлением царского правительства заручиться поддержкой родоплеменной знати, являющейся основным проводником политики самодержавия.

Участившиеся со временем злоупотребления родоплеменной знати [4] стали вызывать недовольство населения, что приводило к снижению поступлений в государственную казну. Как пишет С.Ю. Даржаев, «особенно велики злоупотребления были в период пребывания в должности сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля (1806-1819), который оказывал прямое покровительство казнокрадам» [5]. П.П. Баснин писал, что это была «эпоха глубочайшего бесправия, жестокости, ужасающего лихоимства, невежества и доходящей до изуверства нетер-

пимости» [6].

Царское правительство во главе с его Величеством императором Александром I, понимая важность сохранения стабильности и порядка в отдаленных сибирских регионах, приняло решение о назначении нового генерал-губернатора. Сибирское генерал-губернаторство было учреждено в 1803 г. с центром в г. Иркутске. 22 марта 1819 г. был подписан Указ о назначении на должность генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского и наделении его широкими полномочиями по ревизии сибирских дел.

Ревизия выявила многочисленные преступления, совершенные родоначальниками. Так, «в итоге ревизии 2 губернатора и 48 чиновников были отданы под суд. Всего по ревизии в злоупотреблениях обвинялся 681 человек. Сумма денежных взысканий с администрации достигла 3 миллионов рублей. Следствие выяснило причастность почти всех родоначальников бурятских ведомств ко всевозможным злоупотреблениям. Обвинения касались практически всех тайшей, шуленг, старшин. Всего к следствию было привлечено 256 бурятских родоначальников» [7].

Для рассмотрения отчета по ревизии и многих других вопросов политико-правового регулирования Сибири 21 июля 1821 г. был образован «особый комитет» под названием «Сибирский», в состав которого вошли крупнейшие государственные деятели, в их числе были и участники Великой Отечественной войны 1812 г.

Его Величество, отправляя М.М. Сперанского в Сибирь, дал ему поручение: наряду с ревизией «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге» [8]. Итогом работы Сибирского комитета явились следующие нормативные правовые акты: «Учреждения для управления Сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Положения и правила о земских повинностях», «Положения и правила о вольном переселении казенных крестьян в Сибирь» и т.д. Особое место среди них занимает «Устав об управлении инородцев» [9], автором которого в основном является Г.С. Батеньков. Этот Устав 22 июля 1822 г. получил статус закона.

Данный закон получил неоднозначную оценку широкой общественности. С одной стороны, в основе Устава лежали не этнические, а сугубо экономические интересы: было введено ограничение опеки над коренным населением со стороны администрации и полиции [10], что приве-

ло к появлению вседозволенности; установление порозрядной системы разделения коренных народов на оседлых, кочевых и бродячих. Различия в собираемых податях привели к межэтнической, так и внутриэтнической дифференциации.

К оседлым были отнесены коренные жители, проживающие в городах и поселениях и занимающиеся земледелием и торговлей. Они приравнивались к сословию государственных крестьян, которые освобождались от рекрутской повинности (исключение составляли лица, отнесенные к казачьему сословию). За оседлыми закреплялись земли, размер которых регламентировался законодательно.

В разряд кочевых входили те лица, которые вели полукочевой образ жизни и в налоговом отношении они были приравнены государственным крестьянам. Им предоставлялась свобода в выборе видов деятельности: земледелие, скотоводство, местный промысел и т.д., но на землях, принадлежащих его роду. В сфере решения местных вопросов, в том числе и ряда юридических, предоставлялась им определенная самостоятельность. Так, в Уставе говорится: «кочующие управляются по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным» (п. 35).

К бродячим инородцам относились люди, ведущие исключительно кочевой образ жизни. Кроме того, «Устав об управлении инородцев» устанавливал следующие правила управления аборигенными народами Сибири:

- были прописаны обязанности родоначальников, что ограждало их от злоупотреблений;
- учитывались происходящие изменения в хозяйственно-культурной жизни региона (например, был снят запрет свободной торговли с коренными народами);
- упорядочены налоги и различные подати;
- введен принцип выборности лиц, занимающих административные должности и т.д.

Авторы Устава, по свидетельству Л.Я. Штернберга, впервые на законодательном уровне вмешались «в дело самоуправления инородцев, издав положение об инородцах. Бывали случаи вмешательства – и очень сильного – и раньше, но то было вмешательство не законодательного характера, а, так сказать, злоупотребительного. Но вмешательство Сперанского было благожелательное. В действительности Положение лишь узаконило уже существовавший порядок, подчинив его, правда, надзору администрации, и этому узакониванию, быть может, автохтонные группы населения Байкальского региона обязаны тем, что самоуправление приняло

более демократичный характер и значительно ослабило значение родовой аристократии. Так или иначе все стороны самоуправления, начиная со сложных аграрных распорядков и кончая судом, юридическими обычаями, продовольственным делом, культом, повинностями и полицией, оставались у автохтонных групп населения Байкальского региона» [11].

В Уставе содержалось подробное описание управленческой структуры. Устанавливалось трехступенчатое управление инородческим населением. Самая низшая ступень – родовое управление, устанавливаемое для регулирования жизнедеятельности отдельных улусов и стойбищ рода, насчитывающих не менее 15 семейств. Родовое управление возглавлял староста с одним или двумя помощниками.

На уровне родового управления в основном решались те вопросы, которые носили местный характер, в том числе разбирательство некоторых гражданских дел на основе норм обычного права.

Несколько родовых управлений подчинялось инородческой управе, возглавляемой головой и двумя выборными письмоводителями. Круг обязанностей инородной управы определялся следующими функциями:

- обнародование и исполнение всех предписаний начальства;
- предупредительные меры против болезней, падежей скота и т.д.;
- раскладка, сбор и взнос ясака, выполнение других повинностей, сбор недоимок;
- развитие хлебопашества в пригодных для того местах и т.д.

Инородные управы, будучи промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями, были гибкими, быстро реагировали на происходящие в обществе изменения. Выборность должностных лиц, разработка порядка выборщиков тайным голосованием на собраниях в инородных управах позволяли выдвигать на руководящие должности умных и способных людей. Выборы развивали общественную активность в бурятском обществе. Выдвижение на должность в инородных управах альтернативных кандидатур втягивало все население в избирательную кампанию, тем самым способствовало повышению политической культуры населения. Кроме того, инородные управы, находясь непосредственно в местах кочевий, были ближе народу, к их проблемам и запросам.

Высшим звеном самоуправления инородческого населения являлась Степная дума [12], заменившая конторы и учреждения, которые

ранее были организованы для сбора ясака. Степные думы, будучи по своей сути органами самоуправления, фактически были низовым уровнем административной системы российской империи применительно к инородцам (у русских крестьян аналогичную функцию выполняли волостные органы).

Степную думу возглавляли главный родоначальник (тайша) и избранные заседатели (головы). Тайша утверждался генерал-губернатором, а заседатели – губернатором.

На уровне степной думы решались общие вопросы хозяйственной, административной и уголовной направленности: организация торговли, открытие школ, организация здравоохранения населения, вопросы нравственности и т.д. В частности, за покупку вина или водки под залог одежды, домашней утвари, скота, хлеба могли применять телесные наказания розгами от 3 до 50 ударов в спину. Лица, допустившие развратное поведение, неоднократные кражи, могли быть выдворены из родных мест [13]. Политические и криминальные дела, имеющие отягчающие последствия, разбирались царскими чиновниками.

Согласно Уставу головы и тайши должны были избираться обществом, само же общество имело право решать все вопросы своей внутренней жизни на основе обычного права. По отношению к религии была полная веротерпимость, также аборигенам разрешалось открывать школы на родном языке. Однако многие положения Устава впоследствии не были реализованы.

По мнению Б.Ц. Жалсановой, постепенно упразднялась трехступенчатая структура управления инородческими народами. Если в Забайкалье до начала XX в. просуществовала трехступенчатая система управления, то в Иркутской области в 1885-1890-х гг. была проведена реформа инородческого управления, в результате которой были ликвидированы степные думы. Поэтому в Иркутской области управление инородческим населением осуществлялось по двухступенчатому принципу [14].

Бурятские степные думы создавались не сразу после принятия «Устава об управлении инородцев», что было обусловлено социально-экономическим развитием, а также степенью готовности администрации к этому важному мероприятию. Всего у бурят было создано 12 степных дум. Хоринская степная дума была создана в 1822 г., а в 1837 г. от нее отделилась Агинская степная дума. Подавляющее большинство дум (Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская, Тункинская, Кударинская, Баргузинская) было создано

в 1824 г. В 1825 г. была организована Селенгинская степная дума.

Степные думы существовали и у других сибирских народов, в частности у хакасов и якутов. Всего на территории Сибири их было создано 18.

Для совершенствования работы степных дум была предпринята попытка кодификации норм обычного права сибирских народов. Однако почти двадцатилетняя работа над «Сводом законов кочевых народов Восточной Сибири» [5] не имела успеха, ибо реальная практика на тот период опережала содержание данного нормативно-правового документа.

В начале XX в. на основании положения «Об устройстве общественного управления и суда кочевых народов» было предусмотрено проведение волостной реформы. Волостная реформа,

проводившаяся с 1901 по 1904 г. привела к упразднению всех степных дум в Забайкалье, разрушению традиционных устоев местного самоуправления аборигенного населения, и соответственно «учет этнических, бытовых, географических особенностей был сведен к минимуму» [10].

Таким образом, почти до XX в. царское правительство стремилось сохранить местное самоуправление, на нижней ступени которого находилось родовое управление, которое, по существу, входило в административную вертикаль российского государства. Сохранение рода и родового принципа управления неизбежно обусловило незыблемость многих элементов обычного права, закрепляющих преемственность традиций и обычаев.

Литература и примечания

1. Нерчинский договор (27 августа 1689 г.), Бурунский трактат (20 августа 1727 г.), Кяхтинский трактат (21 октября 1727 г.) // Сборник договоров России с Китаем (1689-1881 гг.). – СПб.: Типография императорской академии наук, 1889.
2. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. – М.: Л., 1940. – С.130.
3. Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. – СПб., 1856. – Ч. 1. – С. 25.
4. Например, как писал М. Геденштром, «родовой старшина, имея право располагать поборы по собственной оценке состояния родовичей, легко мог по пристрастию обдуть одного перед другим, и для собственной корысти соберет с рода большее число денег, нежели требовалось их, употребив излишек в свою пользу» // См.: М. Геденштром. Отрывки о Сибири. – СПб., 1830. – С.68.
5. Даржаев С.Ю. Степные думы – органы местного самоуправления бурят в российском государстве (1822-1904 гг.). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. – С. 17.
6. Баснин П.П. Из прошлого Сибири: мученики и мучители // Исторический вестник. – 1902, ноябрь. – С.533.
7. История Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1954. Т. I. – С.331.
8. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. – СПб., 1861. – Т.2. – С. 175-176.
9. Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 38, №29126. – СПб., 1903. – С. 394-416.
10. В течение достаточно длительного времени «общероссийское право даже содержало нормы, ограждающие права и интересы коренных народов. Особенно строго запрещалось военным людям нарушать сложившиеся обычаи, злоупотреблять своим положением» // Болтенкова Л.Ф. Развитие федерализма в России: вопросы теории, истории и социально-политической практики. – М., 2004. – С. 36-37.
11. Птернберг Л.Я. Буряты // Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. – С.608.
12. Базаров Б.В., Даржаев С.Ю. Бурятские степные думы // Якутская степная дума – первый опыт областного самоуправления: материалы науч.-практ. конф. (г. Якутск, 3 апреля 2007 г.); Даржаев С.Ю. Степные думы – органы местного самоуправления бурят в российском государстве (1822-1904 гг.). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001
13. Баранникова Л.Я. О некоторых моментах из истории Агинской степной думы // Законодательное регулирование деятельности органов местного самоуправления: опыт, проблемы, перспективы. – Улан-Удэ, 2001. – С.81.
14. Жалсанова Б.Ц. Инородные управы как органы местного самоуправления бурят в XIX в. – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 23-25.

Будаева Цыцык Батоевна – доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета. Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, тел. 8(301-2) 21-35-06.

Дугарова Альбина Аюшеевна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета. Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, тел. 8(301-2) 21-35-06.

Budaeva Tsytsyk Batoevna, doctor of political sciences, professor, department of state and municipal governance, Buryat State University. Address: 670000, Ulan-Ude, Smolin, 24 a, tel. 8(301-2) 21-35-06.

Dugarova Albina Ayusheevna, senior teacher, department of state and municipal administration, Buryat State University. Address: 670000, Ulan-Ude, Smolin, 24 a, tel. 8(301-2) 21-35-06.

УДК 94(57)

© *Е.В. Семенов*

Участие польских политических ссыльных в разработке золотых месторождений на территории Западного Забайкалья в 1870-1880 гг.

В статье рассматривается участие польских политических ссыльных в разработке золотых месторождений в Верхнеудинском и Баргузинском округах Забайкальской области в 1870-1880-е гг. Автор освещает деятельность ссыльных на основе материалов Государственного архива Республики Бурятия.

Ключевые слова: золотопромышленность, польские политические ссыльные, Забайкалье, XIX в.

Е.В. Семенов

The participation of Polish political exiles in the exploiting of golden deposits on the territory of Western Transbaikalye in 1870-1880s

The article deals with the participation of Polish political exiles in the development of gold deposits in Verkhneudinsk and Barguzin districts of Transbaikal region in 1870-1880s. The author highlights the activities of the exiles on the basis of the materials the State Archives of the Republic of Buryatia.

Keywords: gold-mining industry, Polish political exiles, Transbaikaye, the XIXth century.

Вопросам развития промышленности в Сибири пореформенного периода в отечественной историографии уделялось и уделяется большое внимание. Одной из фундаментальных работ является «История Сибири с древнейших времен до наших дней», в которой подробно рассматривается история развития промышленности Сибири во второй половине XIX в. Особое внимание авторы работы обратили на развитие золотого промысла в Сибири как одного из прибыльных направлений развития сибирской экономики [18, с. 42-57]. Вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью польских политических ссыльных – участников восстания 1863-1864 гг., в отечественной исторической литературе практически не затрагиваются. Примером может являться двухтомная работа по истории Бурятии издания 1954 г. Пребывание польских ссыльных на территории Западного Забайкалья упоминается вскользь, лишь в рамках освещения истории политической ссылки XIX в. [17, с. 199].

Польская историография проблемы практически не уделяет внимания исследованию вопросов адаптации польских ссыльных в Сибири. Основные работы польских коллег направлены на изучение истории пребывания ссыльных на каторжных работах или поселении на территории Сибири. Исследование хозяйственной деятельности польских политических ссыльных на территории Восточной Сибири носит фрагментарный характер и не освещает в полной мере этот аспект комплексной темы «Поляки в Сибири».

Частично вопросы хозяйственной деятельности польских ссыльных в Восточной Сибири во второй половине XIX в. рассмотрел Г. Скок в

своей работе «Поляки на Байкале. 1863-1883 гг.» [27, с. 147-204]. Хозяйственную и предпринимательскую деятельность ссыльных автор анализировал в рамках правительственной политики по включению ссыльных в активную хозяйственную деятельность, прежде всего в сельском хозяйстве региона.

До настоящего времени ни отечественными, ни польскими исследователями практически не изучался вопрос участия польских политических ссыльных в разработке золотых месторождений на территории Сибири. Исключение составляет статья М.И. Бровченко, в которой автор освещает участие польских политических ссыльных в разработке золотых месторождений Якутии [32].

В связи со всем вышеперечисленным вопросы изучения хозяйственной деятельности польских политических ссыльных второй половины XIX в. в Восточной Сибири, нам представляются малоизученными и, несомненно, актуальными. В рамках данной статьи нами будет рассмотрена деятельность польских ссыльных в разработке золотых месторождений на территории Западного Забайкалья, включающего в настоящее время территорию Республики Бурятия.

Во второй половине XIX в. одним из приоритетных направлений развития экономики в Восточной Сибири становится золотопромышленность. Открытые в Енисейской и Иркутской губерниях крупные месторождения золота привели к активным поискам золотосодержащих мест и их разработке на землях Кабинета Его Императорского Величества по всей Сибири. Со временем в разработку золотых месторождений начинает активно включаться частный капитал и

происходит увеличение доли частной золотопромышленности [20, с. 253].

Вслед за Западной Сибирью и Енисейской губернией в 30-е гг. XIX в. залежи золота были обнаружены на территории Забайкалья, и уже в 40-е гг. Забайкалье охватила «золотая лихорадка». Наиболее крупные залежи золота были обнаружены на р. Кара в Восточном Забайкалье [18, с. 394]. В 1844 г. верхнеудинским, иркутским и кяхтинским купцам в Забайкалье принадлежало 18 золотых приисков. В 1846 г. были созданы Верхнеудинская и две Кяхтинские золотопромышленные компании [17, с.199]. К числу крупных компаний принадлежала золотопромышленная компания «Бернардаки и В. Разгильдеев», осуществлявшая разработку золота в Верхнеудинском округе.

Каждую весну на поиски золотоносных месторождений отправлялись партии золотоискателей, снаряженные местными купцами и золотопромышленниками [1; 13]. Рабочие для этих партий вербовались из местных жителей и ссыльнопоселенцев, которым не находилось другой работы на месте причисления. Руководителем одной из таких партий в 50-е гг. XIX в. был польский политический ссыльный Евгений Жмиевский, оставивший воспоминания об этом периоде своей жизни в литературном произведении «Сцены из кочевой жизни», изданном им по возвращении на родину в Варшаве в трех томах в 1859-1862 гг. [29; 30].

Во второй половине XIX в. Забайкальская область переживала период подъема экономического роста. На смену феодальным формам хозяйствования с переводом государственных крестьян, приписанных к горным заводам, в сословие казаков, в Забайкалье начинается период бурного экономического развития.

В системе управления золото- и горнодобывающей промышленности существовала особая структура управления и регулирования деятельности. В 1823 г. было учреждено Горное отделение Главного управления Восточной Сибири (на основании «Учреждения для управления сибирских губерний» 1822 г.) для руководства казенными и надзора за частными горнодобывающими предприятиями Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Горное отделение занималось обследованием состояния и деятельности горных округов, порядком межевания приисков, отводом и утверждением приисков за частными лицами, изъятием в казну частных приисков, следило за своевременным поступлением пошлин в государст-

венную казну.

В 1888 г. Горное отделение было упразднено и реорганизовано в Иркутское горное управление.

Территория Восточной Сибири была разделена на следующие горные округа: Киренский, Канский, Иркутский, Нижнеудинский, Олекминский, Ленский, Амурский, Зейский, Буреинский, Приморский, Сахалинский, Уссурийский. После 1888 г. Олекминский округ подвергся реорганизации и был разделен на следующие округа: Ангарский, Бирюсинский, Западно-Забайкальский, Восточно-Забайкальский и Витимский. Таким образом, на территории Забайкалья было образовано три горных округа: Западно-Забайкальский, Восточно-Забайкальский и Витимский. Интересующий нас Западно-Забайкальский горный округ был разделен на пять, более мелких горных округов: Баргузинский, Верхнеудинский, Троицкосавский, Олекминский, Селенгинский. В рамках нашей статьи будут рассмотрены прииски, входившие в состав Баргузинского и Верхнеудинского горных округов.

Основная часть золотых приисков располагалась в двух речных системах: на юге, в системе р. Чикой, где в 60-е гг. XIX в. насчитывалось 12 приисков, и на севере в системе р. Витим, Цыпа и Ципикан, где имелось 25 приисков [24, с. 64-65]. Пик добычи золота на территории Западного Забайкалья приходится на 60-е гг. XIX в. В указанное десятилетие добыча золота колебалась от 11 до 113 пудов [24, с. 65].

Непосредственный надзор за деятельностью приисков осуществлял окружной инженер Западно-Забайкальского горного округа, который подчинялся Горному отделению Главного управления Восточной Сибири. Первым окружным горным инспектором был назначен Антон Антонович Левицкий.

В связи с интенсивной разработкой золотых месторождений и увеличением доли частных приисков, Горным управлением ГУВС была дополнительно учреждена должность горного исправника частных золотых приисков, который контролировал деятельность золотопромышленников, распределял пай на золотосодержащие участки, осуществлял надзор за деятельностью частных горных золотых промыслов, а также регулировал взаимоотношения между рабочими и промышленниками, разрешал вопросы горно-технической безопасности.

В юрисдикцию горного исправника входило также определение на работу политических ссыльных и поселенцев. Кроме того, в полномо-

чия горного исправника входило: формирование поисковых партий, решение судебных дел, назначение лекарей на прииски. Горный исправник назначал и контролировал казаков горнополицейской стражи на частных золотых приисках.

Для регулирования частной золотопромышленности правительством уже в первой половине XIX в. были разработаны специальные правила. Согласно им запрещалось заниматься золотопромышленностью и иметь собственные прииски дворянам, находящимся на государственной службе в Сибири, а также служащим при Горном управлении ГУВС [2, л. 3-3 об.]. С ростом частной золотопромышленности на территории всей Сибири возникла необходимость принятия единого законодательного акта, регулирующего это направление экономики, и в 1870 г. был издан «Устав о частной золотопромышленности», который регулировал деятельность частных лиц в разработке золотых месторождений в Российской империи. Новый устав отменял все прежние узаконения, принятые в области частной золотопромышленности, и распространял свое влияние на территорию всей империи.

В начале XX в. развитие частной золотопромышленности привело к созданию представительских органов владельцев частного капитала, в связи с чем стали проводиться съезды золотопромышленников Восточно-Забайкальского горного округа, на которых обсуждались актуальные вопросы развития этой области экономики.

Рассматривая деятельность польских политических ссыльных в хозяйственной жизни Забайкалья середины – второй половины XIX в. следует отметить, что в середине 19-го столетия на территории Забайкалья сменяются две волны польской политической ссылки. Первая волна включала в себя ссыльных участников польского национально-освободительного движения первой половины XIX в., в том числе повстанцы 1830-1831 гг. и члены тайных патриотических организаций 30-40-х гг. XIX в. Вторая волна состояла из участников восстания 1863-1864 гг.

Амнистия 1856 г., освобождавшая участников национально-освободительного движения польского народа первой половины XIX в., фактически закрывала первый исторический период. Процесс освобождения растянулся на несколько лет, зачастую из-за бюрократических проволочек, в некоторых случаях ссыльные сами продолжали проживать в Сибири, ликвидируя свои торговые и ремесленные предприятия. Последние ссыльные этого периода покидали Сибирь в 60-е гг. XIX в. По времени это совпало

с польским восстанием 1863-1864 гг. и ссылкой его участников в Сибирь.

В указанный период происходит встреча этих двух волн, первые выступают в качестве владельцев предприятий и, как правило, поддерживают своих соотечественников, предлагая им работу.

На наш взгляд, для начала следует дать характеристику хозяйственной деятельности польских ссыльных первой волны. Вышедшие на поселение польские политические ссыльные уже в 50-е гг. XIX в. находили работу на золотых приисках сибирских купцов и промышленников. Примером здесь может служить сотрудничество польского политического ссыльного Н. Новицкого сначала с забайкальским золотопромышленником И. Бутатцем, а с октября 1848 г. с кяхтинским купцом и золотопромышленником И.Я. Спешиловым. По свидетельству Ю. Сабиньского, наиболее выгодные условия оплаты труда ссыльного в качестве управляющего золотыми приисками были у И.Я. Спешилова [26, с.767]. Он также сообщает, что оплата труда управляющего прииском составляла от 1 000 до 2 000 р. в год, что, несомненно, было очень выгодным предложением для польских ссыльных, получавших от казны незначительное содержание.

Наиболее известным польским политическим ссыльным первой половины XIX в., активно занимавшимся хозяйственной деятельностью на территории Западного Забайкалья, является К. Савичевский. Выйдя на поселение в начале 1840-х гг., он включился в торговую и промышленную деятельность в Кяхте. Заработав первоначальный капитал на торговле чаем, К. Савичевский построил маслобойный завод в д. Шембилик.

После амнистии 1856 г. К. Савичевский был восстановлен в своих прежних правах и смог заняться золотопромышленностью. Согласно «Положению о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири» от 1838 г., золотой промысел в Сибири могли вести потомственные и личные дворяне, потомственные почетные граждане, а также купцы 1-й и 2-й гильдий, в связи с чем в августе 1857 г. Савичевский обращается к местным властям за разрешением записаться в купеческое сословие и заняться золотопромышленностью по Чикойской системе [3, л. 1].

Во время отъезда К. Савичевского на родину, в начале 60-х гг., его дела на маслобойном заводе и золотом прииске вел А. Венда, ссыльный участник Краковского восстания 1848 г. [6.].

Из числа оставшихся в Забайкалье амнистированных польских политических ссыльных зо-

лотопромышленностью, наряду с А. Вендой, занимался П. Боровский [21, с. 18, 28, 76-77]. Первоначально он работал управляющим на золотых приисках сибирских купцов, а с возвращением ему дворянства по амнистии 1856 г. решил самостоятельно вести поиск и разработку золотых месторождений в Забайкалье. В 1857 г. в журнале «Варшавская библиотека» им был опубликован очерк о способах добычи золота в Восточной Сибири [31, с. 785-796].

В отличие от К. Савичевского и А. Венды, П. Боровский на своем прииске в Баргузинском округе трудоустроивал ссыльных участников восстания 1863-1864 гг. Так, в 1871 г. на его прииске работал Юлиан Жальярд [7, л. 9], а в следующем году у него временно работал В. Вишневецкий [7, л. 12]. В том же году на работу на прииске П. Боровский принял К. Гесса [9, л. 2].

Общее количество ссыльных поселенцев Восточной Сибири в 1871 и 1872 гг., работавших на приисках П. Боровского составило 32 человека [8, л. 2-2 об.]. А в следующем году это количество возросло до 46 ссыльных поселенцев [8, л. 6]. Ссыльные были практически из всех волостей Иркутского, Нижнеудинского, Балаганского и Верхоленского округов Иркутской губернии, Баргузинского и Селенгинского округов Забайкальской области, а также Красноярского округа Енисейской губернии. В число этих ссыльных поселенцев входили также и польские политические ссыльные.

Выходившие на поселение польские ссыльные обязаны были заниматься, прежде всего, сельским хозяйством, для чего местные власти направляли их в русские деревни. Прибывая на место поселения, поляки сталкивались с трудными условиями существования. Незнакомые с особенностями ведения сельского хозяйства в Сибири, они прилагали усилия по поиску заработка в городах. В большинстве случаев это им удавалось и, получив билет на право проживания за пределами предназначенного им поселения, выезжали в города. Нашедшие работу на золотых приисках находились в лучшей материальной ситуации по сравнению со ссыльными, занимавшимися сельским хозяйством или основавшими свои небольшие ремесленные предприятия [27, с. 150].

Многие польские политические ссыльные второй половины XIX в. самостоятельно подыскивали работу на золотых приисках в Забайкалье. Так, в числе их были Иосиф Валицкий [11, л. 91], Михаил Домбровский [11, л. 119], Владислав Зарембо Целецкий [11, л. 131]. На золотом

прииске действительной статской советницы Переяславцевой в 1871 г. работал польский политический ссыльный Яков Жабинский [9, л. 4], а в следующем году она приняла на работу Антона Миодушевского [7, л. 1] и Владислава Замосщицкого [7, л. 4].

Некоторые из польских политических ссыльных нанимались местными золотопромышленниками в качестве поверенных делами и управляющими приисками. Делами Верхнеамурской золотопромышленной компании занимался проживавший в Верхнеудинске Адольф Кобылинский [10, л. 3]. На прииске купца А. Чуваева работал политический ссыльный Николай Штурм, проживавший в Иркутске, но получивший годичный билет на право проживания в Забайкальской области в 1881 г. [12, л. 4].

На территории Западного Забайкалья на поселении в указанный период находилось всего 16 ссыльных. Из их числа только трое время от времени устраивались на работу при золотых приисках в Баргузинской и Чикойской системах. Так, Ян Коштржевский работал на золотых промыслах купца Скаковского [11, л. 75 об. – 76]. На приисках Витимской системы работу нашел Ян Деценко [11, л. 76 об. – 77]. На приисках купца Назарова работал Казимир Жалинский [11, л. 76 об. – 77].

После амнистии 1883 г. участники восстания 1863–1864 гг. получили право возвратиться на родину, и основная масса поляков покинула Сибирь. Те, кто решил остаться, делали это добровольно, в силу различных обстоятельств [27, с. 322]. В Государственном архиве Республики Бурятия нам не удалось найти информацию об участии бывших ссыльных в разработке золотых промыслов в конце XIX в. Косвенно это может подтвердить тот факт, что большинство из них к тому времени уже покинуло Забайкалье.

Следует отметить, что поиском и разработкой золотых приисков занимались не только польские политические ссыльные, вышедшие на поселение. Активно частной золотопромышленностью занимались поляки, находившиеся в Сибири добровольно, чиновники, военные и предприниматели. Выше уже упоминался купец Скаковский, владевший золотым прииском в Чикойской системе. В 1879 г. прошение о выделении участка для разработки золота написали генерал-майор Альфонс Леонович Шанявский и его супруга Лидия Андреевна Шанявская [4].

В начале 90-х гг. XIX в. поиском и разработкой золотоносных месторождений по Чикойской системе занимался Симеон Феликсович Витке-

вич [5]. Этот факт является единственным документально подтвержденным фактом занятия золотопромышленностью поляками в конце XIX в.

Таким образом, следует отметить, что в основном поиском работы на золотых промыслах Западного Забайкалья занимались польские политические ссыльные, проживавшие в Иркутской губернии. Связано это было с тем, что проживавшим в Иркутске ссыльным проще было найти заработок в золотопромышленных компаниях сибирских купцов, имевших свои представительства и конторы в этом городе.

Находившиеся на поселении в указанный период в Западном Забайкалье польские политические ссыльные, как правило, занимались сельским хозяйством, торговлей или ремеслом, лишь

некоторые предпринимали попытки заняться золотопромышленностью [25, с. 131-133].

Сибирские купцы охотно принимали польских политических ссыльных на различные должности в золотопромышленных компаниях, считая их более честными и квалифицированными.

Наряду с наемными рабочими, работавшими на приисках местных золотопромышленников, вышедшие на поселение польские ссыльные самостоятельно занимались поиском и разработкой золотоносных месторождений.

Подводя итог, можно сказать, что поляки активно включались в хозяйственную деятельность в Забайкалье в середине – второй половине XIX в. Процент поляков, занятых в золотопромышленности Забайкалья был достаточно высоким.

Литература

1. ГАРБ. Ф. 10, оп. 1, д. 71.
2. ГАРБ. Ф. 11, оп. 1, д. 375.
3. ГАРБ. Ф. 92, оп. 1, д. 176.
4. ГАРБ. Ф. 107, оп. 1, д. 23.
5. ГАРБ. Ф. 107, оп. 1, д. 124.
6. ГАРБ. Ф. 109, оп. 1, д. 158.
7. ГАРБ. Ф. 109, оп. 1, д. 193.
8. ГАРБ. Ф. 109, оп. 1, д. 194.
9. ГАРБ. Ф. 109, оп. 1, д. 267.
10. ГАРБ. Ф. 337, оп. 1, д. 845.
11. ГАРБ. Ф. 337, оп. 1, д. 896.
12. ГАРБ. Ф. 337, оп. 1, д. 1352.
13. ГАРБ. Ф. 337, оп. 1, д. 3152.
14. Боголюбовский А.Г. Горнозаводская производительность Забайкальской области. – Чита, 1890. – 80 с.
15. Гапоненко В.В., Семенов Е.В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в первой половине XIX века. – Улан-Удэ : ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 240 с.
16. Затеев А.К., Затеева Н.А. Прибайкальский район (между прошлым и будущим). 1646-2009 гг. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2009. – 532 с.
17. История Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1951. Т. 1. – 574 с.
18. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. – Л. : Наука, 1968. – 527 с.
19. Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область. – Чита : Экспресс-издательство, 2007. Т. 1. – 172 с.
20. Сибирь в составе Российской империи // Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
21. Тимофеева М.Ю. Участники польского национально-освободительного движения в забайкальской ссылке (1830-1850 гг.): библиографический словарь. Материалы к «Энциклопедии Забайкалья». Вып. 8. – Чита, 2001. – 151 с.
22. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832-1917). – Иркутск, 1990. – 180 с.
23. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 2 т. Т. 1: Общий очерк. – Новосибирск : Наука, 2002. – 302 с.
24. Кудрявцев Ф.А. Золотопромышленность Западного Забайкалья в 60-80-х гг. XIX в. // Бурятияведение. – № 1-3 (5-7). – Верхнеудинск, 1928. – С. 63-87.
25. Семенов Е.В. Хозяйственная деятельность польских политических ссыльных в Забайкалье в 1860-1880-х гг. // Власть. – 2010. – №11. – С. 131-133.
26. Glaubicz Sabiński J. Dzieńnik syberyjski. Do druku z rękopisu przygotowali Wiktor i Rene Śliwowsy. Przedmowa, przypisami opatrzył Jan Trynkowski. Т. 2. – Warszawa : Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2009. – 507 с.
27. Skok H. Polacy nad Bajkałem. 1863-1883. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. – 331 с.
28. Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. – Warszawa, 1998. – 835 с.
29. Żmijewski E. Sceny z życia koczującego. Т. 1-2. – Warszawa, 1859. – 362 с.
30. Żmijewski E. Sceny z życia koczującego. Т. 3. – Warszawa, 1862. – 269 с.
31. Borowski P. List z kopalni złota syberyjskich // Biblioteka Warszawska. Т. IV. – 1857. – С. 785-796.
32. Browczenko M.I. Polscy zesłańcy w jakuckich kopalniach złota. // Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. – Wrocław : Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 2007. – С.279-288.

Семенов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейных технологий и охраны наследия ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств», Адрес: 670033 г. Улан-Удэ, пос. Таежный, д. 17 «б», кв. 2 Телефон: +7 (3012) 233278 служ., +79085974900 сот., E-mail: sew11@mail.ru

Semenov Evgeny Vladimirovich, candidate of historical sciences, associate professor, department of museum technology and protection of heritage, East-Siberian State Academy of Culture and Arts, Address: 670033 Ulan-Ude., Tayozhny settl., 17 «B», apt. 2, Telephone: +7 (3012) 233278 job., +79085974900 mob., E-mail: sew11@mail.ru

УДК 94 (47).084.3

© *А.Е. Богущкий*

Призыв хакасского и бурятского населения в Енисейское и Иркутское казачьи войска в период гражданской войны

В статье рассматривается проблема призыва хакасского и бурятского населения Енисейской и Иркутской губерний в белые армии в период гражданской войны. Сделан вывод о детальном рассмотрении белыми властями вопроса о призыве с учетом исторических, национальных особенностей и менталитета аборигенного населения восточносибирских губерний.

Ключевые слова: хакасы, буряты, Енисейское казачье войско, Иркутское казачье войско, призыв, гражданская война.

A.E. Bogutsky

The call-up of the Chakas and Buryat population to the Yenisei and Irkutsk cossack troops in the period of the Civil war

The problem of the call-up the Chakas and Buryat population of the Yenisei and Irkutsk provinces to the White armies in the period of the Civil war is considered. The conclusion of the detailed consideration the issue of the call-up by the White authorities, taking into account the historical and national peculiarities of native population of the East-Siberian provinces and the reasons of its failures has been drawn.

Keywords: Khakasses, Buryats, Yenisei cossack troops, Irkutsk cossack troops, call-up, the Civil war.

В последние годы одним из перспективных направлений в исследовании белого движения является изучение формирования национальных воинских частей, национально-государственных объединений на территории бывшей Российской империи в период гражданской войны. Первые результаты подобных исследований отражены в ряде диссертационных работ и монографий [1, 2]. В данной статье автор на основе новых архивных материалов исследует привлечение в 1918-1919 гг. хакасского и бурятского населения Енисейской и Иркутской губерний к военной службе в сибирской и колчаковской армиях. Специальных исследований по данной проблеме в отечественной и зарубежной историографии нет. Исключением можно считать работы В.Я. Бутанаева и А.П. Шекшеева, которые, рассматривая некоторые аспекты гражданской войны в Приенисейском крае, косвенно затронули этот вопрос, не раскрывая его сущность [3]. Проблема призыва и верстания в иркутское казачество бурят, проживавших на территории Иркутской губернии, в историографии ранее не исследовалась.

С началом гражданской войны для усиления Сибирской армии Временным Сибирским правительством были предложены проекты о формировании на принципах добровольности на-

циональных или смешанных по национальному составу воинских частей из инородцев хакасов Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии и бурят Иркутской губернии. Отметим, что согласно статье 47 «Положения о воинской повинности» 1912 г., инородцы Сибири не подлежали призыву на военную службу. В годы первой мировой войны из-за нехватки рабочей силы часть сибирских инородцев призывалась на тыловые работы, которые можно было заменить службой в казачьих частях с собственным конем, обмундированием, холодным оружием, без зачисления в войсковое сословие. Некоторые добровольцы воевали на фронте. Например, оба сына одного из первых руководителей Хакасии в советское время Г.И. Итыгина в Красноярске окончили школу прапорщиков. Старший сын принимал участие в боях на германском фронте, имел боевые награды. Бывшие учителя-хакасы Н.П. Добранов, Г.М. Тудояков в 1917 г. окончили Оренбургское казачье офицерское училище [3, с. 21]. По сведениям А.П. Шекшеева, сын крупного торговца из села Аскиз С.В. Барашков закончил военное училище в Казани, был подпоручиком 95-го Онежского пехотного полка, участвовал в первой мировой войне [13, с. 106].

В Енисейской губернии для рассмотрения вопроса по формированию из хакасов конных сотен в начале августа 1918 г. в с. Аскиз состоялся инородческий съезд. Участие в съезде приняли представитель Сибирской армии штабс-капитан М.А. Добрицкий и офицеры-хакасы: С.В. Барашков, Н.П. Добранов, Г.М. Тудояков. Поступавшим на службу добровольцам штабс-капитаном было обещано силами сельских обществ заготовить сено, убрать урожай. Для снаряжения и обмундирования неимущих инородцев было решено обратиться к зажиточным хакасам с просьбой пожертвовать лошадой, деньгами и пр. В случае крайней необходимости подготовку инородцев должна была взять на себя Степная управа [11]. Как свидетельствуют источники, добровольцев среди хакасов нашлось очень мало. Поэтому съезд ограничился лишь формальным призывом записи в армию, но 30 сентября был созван новый инородческий съезд, на котором объявили уже о принудительной мобилизации хакасов. Участники съезда высказались против ее проведения [12].

Призванных на военную службу инородцев отправляли на формирование так называемой «атаманской сотни» в г. Минусинске. К концу ноября 1918 г. из 53000-го инородческого населения Минусинского и Ачинского уездов хакасов-добровольцев набралось всего 74. Их слабая подготовка, страстное нежелание воевать проявились в ходе крестьянского Минусинского восстания (ноябрь 1918 г.), когда часть хакасов-«атаманцев» разбежалась по домам.

Поскольку вопрос о призыве инородцев стоял остро, необходимо было выяснить причину срыва данного мероприятия, чему и посвятили совещание под председательством генерала И.Ф. Шильникова с участием уполномоченного по формированию инородческой части штабс-капитаном М.А. Добрицким, председателем Усть-Абаканской земской управы Барашковым, членом этой управы, бывшим членом Сибирской областной думы Алановым и одним представителем из улусов [6, л. 7].

Тщательный анализ причин показал, что назначенный командиром сотни офицер Васильев не соответствовал по личным характеристикам (невыдержанный, некомпетентный и т.д.) занимаемой должности. Занятий почти не велось, люди бездействовали. Ощущая бесполезность своего пребывания в сотне, наиболее сознательные уходили. Многие инородцы не получали жалованье, а их семьи (несмотря на просьбы) – паек и обещанные пособия. Положенную форму (ватные куртки, полушубки, валенки, шаровары)

хакасы получили только в конце года, до этого служили в своей одежде. Одной из причин малоуспешности формирования явилась личность самого уполномоченного М. Добрицкого, очень непопулярного среди инородческого населения. К тому же Добрицкий тратил деньги на ненужные командировки, выписывал себе суточные по 20 р., а трем офицерам по 15 р. и т.д.

На указанном совещании представители улусов высказались за формирование одной лишь сотни в 150 человек. Хакасы посчитали, что если отстранить от дела М. Добрицкого, по их выбору назначить хороших офицеров, снабдить обмундированием призывников, то сотню можно было легко сформировать. Более крупную часть, считали они, формировать нельзя, так как первые неудачные попытки подорвали доверие населения. В случае правильной постановки обучения, некоторые представители рассчитывали в будущем набрать до пятисот человек [6, л. 7-7об].

Мнения участников совещания разделились по вопросу об обязательном призыве. Одни считали, что призыв будет встречен инородческим населением отрицательно, другие – что население его поддержит [6, л. 7об]. Представители инородцев высказались против слияния с казаками. Вероятно, это было связано со стремлением хакасов сохранить свою национальную идентичность и традиции. Ранее, в 1917-1918 гг., часть хакасов заявляла о своем желании приписаться к енисейскому казачеству. Таким способом инородцы пытались сохранить свои земельные наделы и, по возможности, их увеличить в период смутного времени [4].

На совещании генерал И.Ф. Шильников подчеркнул, что в политическом отношении хакасы очень надежны и «при правильной постановке» из них может получиться хороший кавалерист «казачьего типа» [6, л. 7об]. И. Шильников полагал, что если вопрос о формировании хакасской сотни будет решен положительно, то ее следует прикомандировать к Енисейскому казачьему полку. Командиром сотни представители хакасов просили назначить сотника Енисейского казачьего полка Шадрина, который в данный момент находился на фронте. Временно его должен был заменить корнет Усков. Офицерами собирались назначить хакасов: штабс-капитана Г.Д. Тудоякова, подпоручика С.В. Барашкова и прапорщика Н.М. Добранова. Общее руководство по формированию возлагалось на командира Енисейского казачьего полка [6, л. 7об].

4 апреля 1919 г. начальник войск Енисейской губернии генерал-лейтенант С.Н. Розанов от-

правил в штаб Иркутского военного округа телеграмму, в которой заявил о необходимости призвать на шесть месяцев для самоохраны Минусинского уезда хакасов. По его мнению, призыв должен быть встречен благоприятно. Необходимо было призвать до трехсот хакасов в возрасте двадцати трех лет. С.Н. Розанов приказал поместить их в казармы, одеть в специальную форму и обеспечить питанием. Сформированную Енисейскую атаманскую сотню хакасов генерал С.Н. Розанов предложил утвердить «под именем» дружины [5, л. 14].

Военное министерство правительства адмирала А.В. Колчака разрешило призвать хакасов двадцати трех лет для формирования из них двух конных сотен, которые попадали в подчинение командира Енисейского казачьего полка. Призванным на службу предписывалось прийти со своими лошадьми и конским снаряжением. Их стоимость должна быть уплачена владельцам по существовавшим расценкам. Офицерский и унтер-офицерский состав сотен должен был состоять из казаков Енисейского войска. Вооружение, обмундирование, снаряжение сотен должно быть поставлено военным округом. Время и порядок призыва отдавались на усмотрение командующего армией.

Предполагалось, что при численности хакасского населения в 53 000 чел., даже если организовать призыв одного года, можно было получить 500-700 новобранцев. Право определять, кто будет подлежать призыву, предоставлялось инородческим управам. Предполагалось сформировать дивизион, который можно было прикомандировать к Енисейскому казачьему полку. Офицеров-хакасов, находившихся в Минусинске, планировалось перевести в дивизион, а урядников взять из Енисейского войска. Снарядить, обмундировать и вооружить инородцев следовало незамедлительно, так как заминки предшествовавшего периода негативно отразились на поступлении инородцев в колчаковскую армию. По мнению начальника штаба Иркутского военного округа полковника Главацкого, хакасы могли свободно выставить четырехсотенный полк казачьего образца, если бы правительство решило сделать обязательный призыв. В политическом отношении, отметил Главацкий, инородцы были очень надежны. Генерал С.Н. Розанов считал, что право выбора уездов при организации призывов должно принадлежать командующему войсками совместно с местными властями. Генерал подчеркнул, что призыв должен был быть организован «как отлич-

ная машина», иначе могут вспыхнуть недовольствия; он согласился с мнением о призыве хакасов двадцати трех лет и о прикомандировании урядников старых сроков службы от енисейских казаков. Хакасов следовало снарядить и вооружить по штатам дивизиона. Он предложил не призывать, а мобилизовать добровольцев. Именно призыв объявлять пока не следовало, считал он, так как это могло вызвать недовольство среди инородцев. В последующем дивизион должен был составить тот кадр, который распространил бы идею обязательной воинской повинности среди сибирских инородцев. Начальник штаба округа полковник Главацкий предложил объявить обязательный, а не добровольный призыв. В первую очередь призвать только двадцатитрехлетних. Призыв мог дать 300 человек. На первое время больше призывать не следовало, считал он. Инородцы постепенно приучались к обязательной воинской повинности. Иначе могли возникнуть противодействия и пропаганда против нее со стороны немногочисленной, но влиятельной хакасской интеллигенции (представленной в основном учителями). Из-за нежелания хакасов приписываться к казакам, из них необходимо было создать отдельную часть, с русскими офицерами и унтер-офицерами. Инородцы должны были получить особую форму одежды. Сформированный конный дивизион предполагалось передать Енисейскому казачьему полку. Дивизион при этом должен быть подчинен только строевому начальству, но не войсковому управлению енисейских казаков. Во время призыва инородцы должны были явиться конными, с оплатой стоимости лошадей. По мнению полковника Главацкого, если вовремя будет выдано обмундирование и снаряжение, то призыв пройдет успешно. Вооружить хакасов предполагалось драгунскими винтовками [6, л.41-42; 5, л. 14об].

По приказанию командующего войсками Иркутского военного округа 16 мая 1919 г. в штабе округа состоялось совещание по вопросу о порядке призыва хакасов и формирования из них отдельного конного дивизиона. На совещании под председательством начальника Иркутской конной бригады генерал-майора И.Ф. Шильникова были разработаны правила призыва и формирования дивизиона из хакасов.

Призыв намечалось начать с обращения управляющего губернией. В нем последний от имени Верховного правителя указывал причину этого призыва – охрана своего имущества и семей, а также соседей по Минусинскому уезду. В

распоряжении предполагалось не указывать конкретный возраст призываемых, а только количество – не менее трехсот человек в возрасте от двадцати одного года до двадцати трех лет. Количество и возраст призывников определяли инородческие управы. Они же должны были определить, кого «легче взять по семейным и хозяйственным соображениям» [5, л. 14 об]. Из подлежащих призыву обязательно освобождался единственный трудоспособный член семьи. Списки подлежащих призыву должны были составляться сходами местных обществ и передаваться в свою земскую инородческую управу. После проверки заявлений, жалоб, протестов списки от всех управ предоставлялись управляющему уездом. В свою очередь, управляющий совместно с воинским начальником и представителями от каждой управы утверждал списки, после чего командующий войсками назначал день призыва. Дальнейший порядок призыва предполагалось производить на общих основаниях. Призываемым за время следования до сборного пункта выдавались «кормовые деньги» в размере пяти руб. в сутки.

План предусматривал к началу призыва назначить офицеров и урядников от Енисейского казачьего войска (по возможности из хакасов). Выбор командира дивизиона отдавался на усмотрение командующего войсками в губернии. Форма обмундирования устанавливалась казачьего образца мирного времени [т.е. возможно вместо гимнастерки – суконный чекмень. – А.Б.]. Приборное сукно желтого цвета [приборный цвет енисейского казачества. – А.Б.]. Для вооружения хакасов предполагалось выделить шашки и около трехсот винтовок драгунского образца. Все виды довольствия хакасы должны были получать на общих основаниях с казаками. Срок службы на первое время устанавливался в один год. Всего «для сформирования кадра и первоначальное обзаведение» в распоряжение начальника конной бригады планировалось выделить семь тысяч рублей. Призыв следовало провести не ранее второй половины июля, на деле же получилось иначе [5, л. 15 об.-16].

27 мая 1919 г. атаман Енисейского казачьего войска полковник А.Н. Тялшинский, не согласовывая с управляющим губернией П.С. Троицким и командующим войсками генерал-лейтенантом В. Артемьевым, с нарушением всех правил призыва объявил мобилизацию хакасов по поручению генерала С. Розанова [5, л. 17].

Атаман А. Тялшинский, по мнению старшего адъютанта штаба Иркутского военного округа есаула Куклина, провел мобилизацию неудачно.

Из инородческого населения при обязательном призыве одного года он сумел призвать только 165 человек. Не обмундированные, не обученные, формально сведенные в дивизион, они сразу же были отправлены в Красноярск, а потом и на фронт за границы губернии. Часть из них разбежалась. Обещание о том, что инородцы будут охранять свои земли и земли соседей от большевиков, этим призывом было, по существу, нарушено, и доверие инородцев к власти вновь было подорвано [5, л. 7об].

В начале сентября 1919 г. для пополнения казачьих полков новый атаман Енисейского войска генерал В.Л. Попов вновь попытался устроить мобилизацию хакасов, но вышестоящее начальство в этом ему отказало. Хакасы не желали служить с казаками и разбежались. Против нового призыва активно выступили управляющий губернией и командующий войсками на территории Енисейской и части Иркутской губерний генерал В. Марковский. Командующий войсками послал телеграмму генералу Попову о невмешательстве в этот процесс. Был поднят вопрос о возвращении с фронта хакасского дивизиона и формировании на его базе отдельной части с надежным кадром командного состава [5, л. 7 об. – 8]. Последующие события, крах омского правительства не позволили провести реформирование дивизиона и создание воинских частей из хакасов. По воспоминаниям современников, хакасы, попавшие на службу в белую армию, принимали участие в боях на территории Енисейской губернии. Например, в последнем, победном для белых, бою у села Очуры в октябре 1919 г. [3, с. 21].

Таким образом, на протяжении нескольких месяцев, в условиях военного времени делались неоднократные попытки призыва хакасов в белые армии. Важно подчеркнуть стремление белого командования глубоко проработать вопрос и правила призыва с учетом национальной специфики. В то же время бюрократичность колчаковской системы, несогласованность действий руководителей различных уровней, нарушение обещаний, данных инородцам, не могли не повлиять на призыв и отношение аборигенного населения к власти.

В соседней Иркутской губернии в августе 1918 г. командующий Иркутским военным округом полковник А.В. Эллерц-Усов выступил за призыв в казачьи части бурятского населения Иркутской губернии «как весьма зажиточного и чуждого большевизму», но Временное Сибирское правительство не поддержало эту инициативу [5, л. 10]. На наш взгляд, предложение ко-

мандующего военным округом имело под собой реальную основу. Часть бурят, проживавших в Забайкалье, еще в XVII-XVIII вв., была переведена в казачество и позже вошла в состав Забайкальского казачьего войска. Эти действия царского правительства направлялись на обеспечение охраны государственной границы. Русские казачьи отряды в Забайкалье были малочисленны и не могли выполнить эту задачу. Местное же коренное население прекрасно знало природные условия, местность, которую предстояло охранять. Среди иркутских казаков было небольшое количество бурят [10]. Отказ Временного Сибирского правительства от призыва бурят Иркутской губернии, вероятно, был связан с событиями в Забайкалье в 1917-1918 гг.

После Октябрьской революции 1917 г. буряты, не входившие в состав Забайкальского казачьего войска, стали вводить хошунные и аймачные управления, которые, используя антирусскую пропаганду, а иногда и угрозы, старались «перетащить» к себе казаков-бурят из общин с русскими казаками станичных правлений. К 1917 г. в составе 250-тысячного Забайкальского казачьего войска было 26 тыс. бурят обоего пола. С переходом в хошунные управления казаки-буряты выходили из войскового сословия и избавлялись от несения обязательной воинской повинности. Таким образом получалось, что казак-бурят был обязан идти служить, а его сосед бурят-«хошунец» оставался дома. С объявлением призыва казаков для укомплектования забайкальских казачьих частей после неоднократных требований командования буряты явились на службу с большим опозданием. Бурятский национальный комитет и аймачные управления, не желая терять власть над значительной группой бурят, препятствовали восстановлению станичных правлений [8, л. 70-70об.].

Дальнейшие события на фронтах гражданской войны, требовавшие формирования дополнительных воинских частей, заставили командование Иркутского военного округа и гражданскую администрацию Иркутской губернии приступить к изучению вопроса о призыве бурят, населявших Прибайкалье. Для этого были рассмотрены факторы, которые могли повлиять на призыв: расселение бурят по губернии и уровень их социально-экономического развития.

Бурятские аймаки были выделены из уездов в отдельные самоуправления. Мужского бурятского населения в них насчитывалось около 60 000 чел. Все буряты были разделены на три категории. К первой категории были отнесены

оседлые буряты, которые сильно обрусели и не отличались от русского крестьянского населения ни в быту, ни в управлении. Почти все они говорили на русском языке. В течение 12 лет эта часть бурят призывалась и служила в армии. Ко второй категории были отнесены буряты, которые вели полуседлый, полукочевой образ жизни. Они не имели «обыкновенного» землеустройства, т.е. не управлялись, как крестьяне. Буряты этой категории не призывались в армию. Кочующие (бродячие) инородцы были отнесены к третьей категории. Они никогда не призывались и к армейской службе, по мнению военных властей, вообще не годились.

Эти категории также были разделены по пригодности к различным родам оружия. Как не отличавшиеся по быту и жизни от русских крестьян буряты первой категории были годны к службе в пехоте. Этим бурятам трудно было бы прийти на службу с собственным конем и конским снаряжением. Самая многочисленная вторая категория представляла «отличный материал» для конницы казачьего типа. Лица, ее составляющие, могли при призыве привести оседланную лошадь. Третья категория, как отмечалось, к службе не годилась [5, л. 10].

По мнению исполнявшего должность управляющего Иркутской губернией Г. Церерина, призыву должны были подлежать все инородцы первых двух категорий. Призыв должен быть не добровольческий, а обязательный, считал он, на общем основании. При добровольном наборе большинство бурят постаралось бы уклониться от него как от неприятной повинности. Для обязательного призыва имелись прецеденты: призыв башкир в Оренбургском войске, инородцев в Сибирском, бурят – в Забайкальском, хакасов – в Енисейской губернии [5, л. 10об].

Пока гражданские и военные власти решали реорганизационные вопросы, войсковое правление Иркутского казачьего войска проявило инициативу и обратилось к бурятам Тункинского района с призывом вступать в ряды иркутского казачества. В этом документе особо оговаривалось обещание сохранить самобытность бурятского населения. Войсковое правление обещало не вмешиваться во внутреннее самоуправление бурят. Объединение позволяло совместно отстаивать общие вопросы, в том числе и земельные. Присоединившись к иркутскому казачеству, буряты, взяв охранные функции казаков в г. Иркутске, позволяли последним уйти в действующую армию. Призывая к национальной гордости и достоинству бурят, члены правления

напомнили им, что их могут призвать в пехотные части или даже на тыловые работы. Подобная служба среди инородцев была непопулярной. Являясь «прирожденной кавалерией», делали вывод иркутяне, бурятам лучше записаться обществами в казаки, чтобы в будущем вместе строить новую жизнь [7, л. 6-6об.].

Войсковое правление предложило и условия службы казаков-бурят. Призыву на службу подлежали буряты 20-23 лет, которым предоставлялись льготы по семейному положению. Например, если в семье был один сын или один работник, то он не призывался. Казаки-буряты должны были проходить службу в отдельных «бурятских» сотнях или совместно с русскими по желанию самих бурят. Первое время команды в строю должны были подаваться на бурятском языке, обращение начальников с подчиненными могло быть только на «Вы». Само же правление бурят оставалось неприкосновенным, а все зачисленные в казаки инородцы подчинялись положению об управлении Иркутского казачьего войска. При поступлении на службу казаки-буряты получали от казны одежду, лошадь, седло, оружие и казенную пищу. Предполагалась также выдача жалования: рядовому казаку 60 р., вахмистру – 120 и т.д. Семье казака ежемесячно выплачивалось пособие в 100 р. В случае явки на службу с собственной лошадью, седлом, одеждой и оружием предусматривалась выплата вознаграждения, как и иркутскому казаку, при выходе в полном обмундировании. Тем самым возмещались расходы за принесенные вещи, причем при увольнении со службы все эти вещи и принадлежности оставались у казака [7, л. 7].

По-видимому, подобные предложения были сделаны и бурятам других районов губернии. Но подобные мероприятия, несмотря на довольно благоприятные условия, не получили широкой поддержки бурятского населения. Боясь потерять свои национальные корни, многие буряты отказывались записываться в казачество или вступать в казачьи части. В то же время служить в армии большинство бурят все же согласилось. Более успешно шел процесс верстания в войсковое сословие бурят Тункинского района. Здесь в казачье сословие были зачислены 240 бурятских семей. После зачисления начался призыв этой категории бурят для укомплектования Иркут-

ского казачьего полка. Призыв проходил довольно успешно [9, л. 21].

Поражение белого движения в дальнейшем не позволило сформировать воинские части из инородцев, но некоторые буряты служили в казачьих частях и других подразделениях колчаковской армии, в том числе и в Иркутском казачьем полку.

Таким образом, изучив проблему призыва инородческого населения Енисейской и Иркутской губерний в белые армии в годы гражданской войны, можно сделать вывод о детальном анализе данного вопроса белыми властями. В первую очередь, они планировали призыв с учетом исторических, национальных особенностей, менталитета хакасского и бурятского населения. Кроме того, при разработке положений о призыве учитывалось мнение самих инородцев, их представителей. В целом аборигенное население губерний, по мнению властей, было готово поддержать борьбу с большевиками, но постаралось бы уклониться от добровольного призыва как ненужной обязанности, в отличие от обязательного. Большая часть инородческого населения была против призыва в армию. Сказывалось, с одной стороны, влияние немногочисленной инородческой интеллигенции, которая считала военную службу попыткой ассимиляции, русификации, потерей национальных корней, с другой – отсутствие у большинства хакасов и бурят традиции службы в армии. Но основной причиной неудачных призывов, на наш взгляд, является бюрократизация гражданского и военного управления при Верховном правителе А.В. Колчаке. Именно несогласованность действий различных структур, органов власти приводила или к малоуспешным призывам, или их отмене. Неподобные неудачные призывы не могли не отразиться на авторитете верховной власти. Подобные неудачи его только подрывали. В итоге формирование воинских частей из инородцев или их призыв в казачьи части были прекращены по объективным причинам – падением режима адмирала А.В. Колчака и установлением в 1920 г. Советской власти на территории Енисейской и Иркутской губерний. Некоторые хакасы и буряты все-таки приняли участие в боях против Красной армии и красных партизан, но значительного эффекта они уже дать не могли.

Литература

1. Антропов О.О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М., 2008. 416 с.
2. Багаутдинов Р.О. Участие башкир в белом движении (1917–1920 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. 24 с.
3. Бутанаев В.Я., Индыгашев Б.Я. Хакасский элемент в истории енисейского казачества // Вестник Хакас. гос. ун-та. Вып. 2. Сер. 3. История. Право. Абакан, 2002. С. 18-22.
4. Окулич И.К. Земельный вопрос // Енисейские казаки / под ред. Н.Н. Князева. Харбин, 1940. С. 68.

5. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. д. 81.
6. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. д. 95.
7. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 284.
8. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 286.
9. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 289.
10. Самбуева Л.В. Бурятское и эвенкийское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1999. 24 с.
11. Труд (Минусинск) // 1918. – 10 августа.
12. Труд (Минусинск) // 1918. – 5 октября.
13. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. 592 с.

Богущий А.Е., кандидат исторических наук, докторант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.
Bogutsky A.E., candidate of historical sciences, doctoral degree researcher, N.F.Katanov Khakass State University.

УДК 37:32 (571.513)

© *Е.П. Мамышева*

Г.П. Бытогов: просветитель, политический деятель Хакасии (1902-1938)

В статье отражена деятельность Г.П. Бытогова, одного из представителей национальной интеллигенции Хакасии 1920-1930-х гг. На основе анализа архивных материалов воссоздаются основные вехи его биографии и государственной деятельности.

Ключевые слова: национальная интеллигенция, Хакасский округ, алфавитизация, модернизационные процессы

E.P. Mamysheva

G.P. Bytotov: enlightener, political leader of Khakassiya (1902-1938)

The article is devoted to G. P. Bytotov's, one of the outstanding representatives of Khakass national intelligentsia during the period 1920-1930. The main stages of his biography and active work as a statesman are reconstructed after analyzing the archive materials.

Keywords: national intelligentsia, Khakass area, the development of alphabet, process of modernization.

Вклад представителей национальной интеллигенции Хакасии в происходящие в стране и регионе модернизационные процессы 1920-1930-х гг. длительное время замалчивался и не получил должного освещения в рамках советской историографии. Несмотря на устойчивый научный интерес ученых к данной проблеме, она так и не стала предметом специального исследования, в то время как интеллигенция проявила большую политическую активность в революционный период и играла значительную роль в развитии модернизационных процессов в регионах.

По сложившейся в советской историографии традиции позиция национальной интеллигенции расценивалась как антисоветская, направленная на подрыв и саботаж мероприятий советской власти. Тенденциозную, искаженную трактовку получили и важные политические мероприятия, организованные по инициативе или при активном участии немногочисленной национальной интеллигенции. Советские ученые не пытались анализировать истинные цели и мотивы деятельности интеллигенции в 1920-1930-е гг., по-

этому в новейшей литературе справедливо отмечается, что к настоящему времени «хорошо изучены направления деятельности творческой интеллигенции, но неисследованным остается ее жизненный путь» [1]. Все вышесказанное в полной мере следует отнести и к личности Г.П. Бытогова.

Целью представленной статьи является воссоздание на базе имеющихся архивных материалов основных этапов жизнедеятельности одного из видных представителей хакасской интеллигенции Георгия Павловича Бытогова в связи с его 110-летним юбилеем со дня рождения.

Возможности в разработке восприятия революционных событий в России представителями национальной интеллигенции возникли в связи с появлением в хакасской историографии ряда работ, основанных на новых исследовательских подходах. Они позволяют по-иному взглянуть на участие национальной интеллигенции в преобразовательных процессах. С утверждением новых подходов в современной историографии попали в поле внимания новые, значимые стороны проявления политической активности на-

циональной интеллигенции в изучаемый период, что позволяет более полно реконструировать восприятие хакасской интеллигенцией модернизационных процессов в России.

Безусловно, первой среди подобных работ следует выделить труд К.М. Патачакова, посвященный жизни достойных сынов и дочерей Хакасии, среди которых назван и Бытогов, выполненный на хакасском языке [2]. Он впервые отметил, что в 1920-1930-е гг. в среде известных работников культуры и народного образования особым авторитетом отличался Г. П. Бытогов [2, с. 78]. Его имя встречается в работе алтайской исследовательницы Н.М. Киндиковой, посвященной проблеме создания школьных учебников в автономных областях Сибири в 1920-1930-е гг. В частности, она отмечает, что судьба многих составителей учебников остается неисследованной, «но в документах ФСБ числятся фамилии алтайца Н.А. Каланакова, хакаса Г.П. Бытогова, телеута Г.М. Токмашева [Дело №17702]» [3].

Г.П. Бытогов родился в 1902 г. в с. Аскиз. После окончания школы учился в Минусинской гимназии, после чего получил право преподавать в школах. Свой первый учительский опыт Георгий Павлович получил в 1921-1922 гг. в Усть-Киндирлинской школе. В 1923 г. молодой учитель избран членом Усть-Есинского волостного совета, а после объединения в 1924 г. Аскизской и Усть-Есинской волостей в Аскизский район Хакасского уезда – членом исполкома Аскизского райсовета [4, л. 1а]. Участие в советском строительстве требовало от молодого человека определения партийной принадлежности, поэтому в том же 1924 г. Бытогов вступил в ряды РЛКСМ, началось его продвижение по комсомольской линии.

Вместе с другими представителями хакасской молодежи (в их числе были Иван Владимирович Тогдин, Сергей Петрович Мамышев и др.) по решению окружного комитета ВКП (б) он был направлен учиться в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока, который являлся кузницей кадров-проводников идей коммунизма. Как отмечают исследователи, у зарубежных авторов складывалось такое впечатление о данном учебном заведении: «Позади большого монастыря..., стоит неприглядное двухэтажное здание, в котором фабрикуются люди-бомбы. Сотни юных восточников – якуты, монголы, тувинцы, узбеки, корейцы, афганцы, персы – воспитываются там в течение трех лет

для того, чтобы у себя на родине взорвать все старое» [5].

В ноябре 1925 г. Бытогов обратился в бюро ячейки РКП (б) КУТВ с заявлением о готовности вступить в ряды партии коммунистов [4, л. 5]. В его характеристике, данной общим собранием парткружка II курса КУТВ, отмечалось: «Выдержанный комсомолец. Партийными вопросами интересуется, ведет политкружок I степени. Товарищеские отношения хорошие» [4, л. 6]. Фракция РКП (б) землячества пролетарского студенчества Ойратской области поддержала Бытогова и рекомендовала его для вступления в РКП(б) как активного и политически грамотного члена землячества [4, л. 7]. В период летних каникул Бытогов принимал участие в советском строительстве на родине. Об этом факте свидетельствует сохранившееся в архиве удостоверение, выданное в августе 1925 г. Аскизским районным исполнительным комитетом в том, что «студент КУТВ товарищ Бытогов П. в период летних каникул работал в качестве уполномоченного по налоговой компании в Аскизском районе, а также производил обследование сельских советов» [4, л. 9]. При этом ответственные работники отмечали, что студент к проводимой работе относился добросовестно и выполнял ее успешно.

После возвращения в 1927 г. из Москвы выпускник КУТВ возглавил отдел народного образования Хакасского округа. В том же 1927 г. он принял участие в подготовке и публикации юбилейного сборника «10 лет Советской власти» на хакасском языке. В следующем году Бытогов был избран председателем правления краеведческого общества, которое объединило любителей истории в количестве 55 человек.

В 1928 г. в Хакасском округе приступили к переводу алфавита на латинскую основу, тогда комиссия по созданию хакасской письменности была преобразована в литературно-издательскую коллегию, которой было поручено работать над изданием литературы на новом латинизированном алфавите. В декабре 1928 г. на заседании бюро Хакасского окружкома партии была заслушана информация о работе I Всесоюзного тюркологического съезда, после чего был рассмотрен вопрос о переходе на НТА, о создании ячеек НТА. Члены бюро окружкома ВКП (б) рекомендовали предстоящей конференции по НТА включить в состав окружкома НТА Бытогова, Тогдина, Кокова, Арыштаева, Кузугашева, Самрина, Рюмина [6].

В начале 1930 г. по решению Хакасского окрисполкома Георгия Павловича направили руководителем курсов по подготовке советских кадров. Вскоре названные курсы были переданы в введение советско-партийной школы, а Бытотова направили в Хакасское книжное издательство, где вплоть до 1934 г. он принимал участие в издании учебников на хакасском языке совместно с К.К. Самриным, К.С. Тодышевым, А.Т. Казанаквым.

Г.П. Бытотов был талантливым человеком, что позволило ему совместить работу в книжном издательстве с преподаванием хакасского языка в Абаканском педагогическом училище.

В первой половине 1930-х гг. по Южной Сибири прокатилась волна репрессий против «национал-уклонизма». В начале 1930-х гг. органы ОГПУ рассматривали дело о деятельности контрреволюционной националистической организации «Союз сибирских тюрок».

В обобщающей сводке на январь 1934 г. в числе членов организации было названо свыше 130 человек. С января по апрель 1934 г. в Южной Сибири было арестовано 37 человек, среди которых значились хакасы К.А. Майтаков, Н.А. Аешин, К.И. Коков, А.Г. Шулбаев, А.М. Топанов, И.Т. Боргойков, В.И. Сунчугашев, алтайцы Г.И. Гуркин, В.К. Манеев, Л.М. Эдоков, Г.М. Токмашев, А.С. Тельгерекон, И.И. Зяблицкий, шорцы Я.И. Тельгерекон, Ф.Т. Кусургашев [7].

Аресты создавали на местах обстановку настороженности и недоверия. В Хакасии были проведены многочисленные проверки отдельных сотрудников и целых отделов на предмет политической выдержанности. Отделом культуры и пропаганды ленинизма Хакасского обкома ВКП (б) была проведена проверка качества и идейно-политической выдержанности издаваемой и переводной литературы на хакасском языке. Заведующий отделом культуры и пропаганды И. Киштеев возлагал на себя и членов своего отдела всю ответственность «за проникновение националистических элементов в издательское дело». В докладной записке выражалось явное сожаление о том, что было установлено сотрудничество с названными людьми, что было допущено «ослабление классово-бдительности, неудовлетворительное выполнение указаний обкома в области проверки качества изданий и переводов национальной литературы» [8].

В докладной записке, составленной по результатам проверки, было отмечено, что среди арестованных «по делу контрреволюционной националистической группировки имеется 16

человек работников культурного фронта, из них 6 человек наиболее активных авторов и переводчиков хакасской национальной литературы» [9]. В последнем списке значился и Бытотов. В начале 1934 г. он был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной националистической организации «Союз сибирских тюрок». 31 августа 1934 г. спецколлегия Западно-Сибирского суда приговорила Г.П. Бытотова к двум годам ИТЛ [10]. В тот же период Бытотова рекомендовали на руководящую работу в Аскизское райОНО, однако Георгий Павлович предпочел ей работу учителя в Усть-Чульской семилетней школе [2, с.80]. Шлейф «врага народа», тянувшийся за ним, не позволил ему учительствовать. По доносу «доброжелателей» Бытотова вновь заподозрили в антисоветизме, вследствие чего ему запретили заниматься педагогической деятельностью. Тогда он поступил работать счетоводом в Аскизскую сберкасса. Однако в октябре 1937 г. Бытотов был вновь арестован начальником Аскизского РО НКВД Потаповым по обвинению в том, что продолжает активную деятельность в контрреволюционной националистической организации «Союз сибирских тюрок», которая планирует путем вооруженного восстания отделить Хакасию от СССР и создать буржуазно-националистическое государство под протекторатом Японии [2, с. 80]. Постановлением Военной Коллегии Верховного Суда СССР 13 июля 1938 г. был приговорен к высшей мере наказания, которая была приведена в исполнение в тот же день.

Г.П. Бытотов был реабилитирован посмертно в 1959 г. постановлением Военной Коллегии Верховного Суда СССР за отсутствием в его действиях состава преступления.

Георгий Павлович прожил короткую, но яркую жизнь. Он был одержим энтузиазмом «строителей социализма», веривших, что они создают общество равенства и справедливости, свидетельством чего им казались происходившие в общественной жизни изменения, в том числе в социально-культурном развитии нерусских народов. Дети Бытотова, рано оставшиеся без отца, сумели достойно пронести по жизни его имя. Старшая дочь, Муза Георгиевна, окончила Абаканский государственный педагогический институт, посвятила себя преподавательской деятельности. Сын, Юрий Георгиевич, получил образование инженера-техника электрических сетей, на протяжении многих лет проработал по специальности в г. Абакане. Младшая дочь Клара Георгиевна более тридцати лет рабо-

тала врачом, затем защитила кандидатскую диссертацию по медицине, преподавала в Красноярском медицинском институте [2, с. 80].

Трагическая судьба Г.П. Бытотова была типична для многих представителей национальной интеллигенции того времени. Выросшее при поддержке коммунистического режима поколение хакасской управленческой интеллигенции внесло значительный вклад в модернизацион-

ные процессы в своем регионе. Но, как считают исследователи, «показав Советской власти свою возможную к ней нелояльность, оно попало в жернова сталинских репрессий» [11]. Власти использовали целый комплекс репрессивных механизмов и методов воздействия на представителей региональной интеллигенции, в деятельности которой она увидела возможную оппозицию.

Литература

1. Даныкина Н.А. История Хакасского книжного издательства в лицах ее основателей // Становление и развитие книжного издательства в Хакасии: к 75-летию Хакасского книжного издательства: материалы всерос. науч.-практ. конф. (14 апреля 2006 г.). – Абакан, 2006. – С. 8.
2. Патачаков К. М. Люди земли Хакасской: краевед. пособ. для учащихся (на хакас. языке). – Абакан, 1990. С. 78-80.
3. Киндикова Н.М. Алтайцы в контексте истории (этнокультурологический аспект) // Филология и человек. Барнаул, 2008. № 1. С. 99.
4. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия (далее – ГКУ) «Национальный архив». Отдел документов новейшей истории (далее – ОДНИ). Ф.1. Оп.2А. Д.19. Л. 1А.
5. Харунов Р.Ш. Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921-1944 гг.). – Абакан, 2009. С.67.
6. Национальный архив. ОДНИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 222. Л. 63.
7. Карлов С.В., Тугужекова В.Н. Репрессии в Хакасии. – Абакан, 1998. С. 36.
8. Национальный архив. ОДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 299. Л. 50.
9. Мамышева Е.П. Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917-1941 гг.: история, опыт, проблемы. – Абакан: Бригантина, 2011. С. 185.
10. Абдин Н. С., Абдин В.Н. Политические репрессии в Аскизском районе Хакасии (1920-1950). – Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2008. С. 66, 67, 75.
11. Шекшеев А.П. Власть и национальная политическая элита Хакасии: взаимоотношения в 1920-1930-е гг. // Мир Евразии. 2011. №1. С. 57.

Мамышева Елена Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. E-mail: sozor@mail.ru

Mamyшева Elena Petrovna, candidate of historical science, associate professor, department of History of Russia, N.F. Katanov Khakass State University. E-mail: sozor@mail.ru

УДК 24 (571.54)

© *Д.Д. Амоглонова*

Возвращение хамбо-ламы Итигэлова и новая концепция возрождения Бурятии

В статье исследуется идеология возрождения Бурятии в контексте этнического и гражданского дискурсов. Автор доказывает, что в настоящее время уже сформировались представления о феномене возвращения нетленного тела XII хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова как о значимом компоненте буддийского обновления в Бурятии. Одновременно современная ментальность заставляет искать способы использования феномена Итигэлова в прагматических целях, например, для решения практических задач экономического развития Бурятии.

Ключевые слова: Хамбо-лама Итигэлов, феномен, идеология, новая концепция.

D. D. Amoglonova

Hambo lama Itigelov's return and a new concept of revival of Buryatia

The paper deals with construction of revival ideology in Buryatia in a context of ethnic and civil discourses. The author argues that now the ideas on the phenomenon of the returning of Hambo lama XII Dashi Dorzho Itigelov's EternalBody as a significant component of Buddhist renewal have been already formed. At the same time, modern mentality forces to look for the use of Itigelov's phenomenon in pragmatic purposes, namely for solving economic problems of Buryatia.

Keywords: Hambo lama Itigelov, phenomenon, ideology, new conception.

В связи с возвращением хамбо-ламы Итигэлова в 2002 г. и с признанием Нетленности Его Тела, необъяснимой с научной точки зрения, зародился и расширяется дискурс Итигэлова. С одной стороны, попытки дать феномену рациональное научное объяснение имеют все более широкую географию. Так, свою лепту в решение проблемы пытаются внести белорусские атеисты, доказывающие, что чуда не было, и нет, поскольку на самом деле Итигэлов пребывает в анабиозе, вполне соотносимом с явлением спячки у животных, т.е. является обратимым процессом. Сохранность же тела, полагают атеисты, обеспечивается тем, что вместо воды в организме присутствует глицерин. Процедура по замещению воды глицерином, утверждают атеисты, была произведена под руководством самого Итигэлова, который был квалифицированным медиком [1].

С другой стороны, явная неудача рационального объяснения активизирует усилия сторонников противоположной точки зрения, состоящей в том, что объяснение феномену Итигэлова можно найти только и исключительно в контексте буддийской религии и философии. Об этом, в частности, говорил Далай-лама XIV: «Многие буддийские монахи познают смерть, умирая во время медитации, и таким образом, освобождаясь от земного существования. Они могут медитировать десятки лет и их тела не разлагаются. Пример тому – медитирующий лама в Бурятии, тело которого нетленно вот уже 75 лет» [2].

Сформировавшийся дискурс об Итигэлове включает в себя целый ряд взаимосвязанных тем, каждая из которых связана с определенными социокультурными процессами и практиками. Известный ученый-монголовед Н.Л. Жуковская выделяет три уровня восприятия феномена Итигэлова: как чудо, как уход в самадхи, как неподдающаяся научному объяснению сохранность тела после смерти [3]. Однако на самом деле значение возвращения Итигэлова значительно шире. Во-первых, безусловно, следует отметить значение феномена Итигэлова в процессе десекуляризации общественного сознания жителей Бурятии, бурят и не-бурят. Нынешний хамбо-лама Дамба Аюшеев скептически оценивает огромный поток людей, стремящихся увидеть Итигэлова и прикоснуться к нему: «Люди были не готовы к приходу Итигэлова. И сегодня по-прежнему не готовы. В подавляющем большинстве они при встрече с Итигэловым решают личные проблемы» [4]. Хамбо-лама полагает, что миряне должны не столько стремиться к по-

лучению благословения и помощи, сколько изменить собственное отношение к жизни и к другим людям. Однако несомненно, что благодаря чуду Итигэлова не только возросло число паломников в Иволгинский дацан; во многом благодаря обсуждению темы феномена Итигэлова в средствах массовой информации в словарь обычного языка начинают проникать понятия буддийской религии и философии – карма, сиддхи, мокша, самадхи и т.д. Проявляющие интерес к философским обоснованиям «чуда» получают разъяснения у лам, многие из которых охотно публикуют свои работы в научных сборниках. Так, лама С.С. Дашидондоков объясняет мирянам смысл феномена так: «Достопочтимый хамбо-лама Даши-Доржо Итигэлов силой своего предвидения знал заранее, что придет время, когда вера людей ослабнет в силу давления прежней идеологии, которая утверждала, что материя первична. <...> И Он решил оставить свое тело на благо возрождения Учения для того, чтобы люди, воспринимая Его и зная о Нем, утвердились в том, что духовное развитие может привести к тому состоянию, когда сознание может преобразить материю» [5].

Неслучайно, что начиная с 2002 г., значительно возрастает число лиц, идентифицирующих себя как верующих буддистов [6]. Хотя, конечно, зачастую речь идет о номинальной религиозности и условной вере, тем не менее, десекуляризация общественного сознания является существенной характеристикой современных социокультурных процессов. В этой связи следует отметить, что принадлежность Итигэлова к бурятскому сообществу способствует укреплению чувства национальной исключительности; так конструируется бурятский *мы-образ* и идентичность. Феномен Нетленного Тела дает возможность активизировать тему буддийской культурной принадлежности бурят в глобальном аспекте: «В буддийской практике считалось, что достичь просветления путем медитации можно только на берегах р. Ганг или в горах Гималаев, однако хамбо-лама Итигэлов доказал, что и в иволгинской степи можно совершить невозможное» [7].

Можно с уверенностью сказать, что феномен Итигэлова оказался важнейшим знаковым событием современного бурятского национального возрождения. В отличие от политической идеологии, культурная сфера, в первую очередь, религия, демонстрирует устойчивость и необратимость обратной связи между национальными элитами и остальным населением. Такая обрат-

ная связь касается не только национальной идентичности и десекуляризации общественного сознания. Она имплицитно содержит в себе идею гуманитарно-географического выделения и одновременно подпитывает национальную идею в настоящий момент, когда разыгрывание национальной карты в России «вышло из политической моды». Исключительность чуда Итигэлова вдохнула в бурятскую национальную идею новую жизнь, поскольку это чудо подтверждает нерядовую роль бурятского сообщества в России. При том, что этнорелигиозная исключительность бурят не подразумевает политической дифференциации, все же в деятельности руководителей буддийской Сангхи России существует политический контекст. Он связан со статусом буддийской церкви в России и в международном аспекте. В СМИ довольно активно обсуждается тема, которую можно сформулировать так: поскольку чудо Итигэлова (а также некоторые другие необычные явления, сопутствовавшие ему¹) состоялось именно в Бурятии, это дает основания для «укрепления не только административной, но и духовной автокефальности буддийской церкви в России» [8]. Идея автокефальности имплицитно содержит в себе глубокий международный политический контекст, связанный с оценкой ситуации в Тибете и дальнейшей судьбой института далай-ламства и всего тибетского буддизма. Одновременно следует отметить, что эта идея пока не находит значительного отклика у рядовых верующих в Бурятии и, тем более, среди калмыков и тувинцев. Для них по-прежнему высшей духовной инстанцией является Далай-лама. Примечательно, что Далай-лама на встрече с российскими буддистами в Дхармасале сказал, что он не исключает возможности своего перерождения не в Тибете, а в какой-либо другой буддийской стране, например, в России [9].

Дискурс об Итигэлове в целом подразделяется на обсуждение духовной и практической сторон; при этом первая включает в себя религиозные смыслы (Геше Джампа Тинлей прокомментировал чудо Итигэлова с точки зрения необходимости укрепления буддийской веры: «Это не умершее тело, его тонкий ум до сих пор находится в его теле. Итигэлов сделал это с особой целью – у людей должна появиться вера в дхарму, в буддийское учение» [10]). Признание учеными невозможности рационально объяснить феномен подкрепляет малопонятный для большинства, но охотно принимаемый на веру тезис о том, что «Хамбо Итигэлов достиг состояния Будды, то есть абсолютного совершенства, все-

ведения, прекращения дальнейших перерождений в наполненной несчастьями сансаре, безграничного сострадания живым существам» [11]. Ширээтэ-лама Баяржап-ламхай говорит о значении возвращения хамбо-ламы Итигэлова для всего мира: «Самое главное, что мы вошли в новое тысячелетие с хамбо-ламой Итигэловым. <...> Чудо явилось и доказало, что есть что-то такое, что выше, чем сам человек. Нужно знать, что чудеса есть, что можно победить смерть. И явление Итигэлова тому доказательство» [12]. Еще определеннее о значении возвращения хамбо-ламы Итигэлова высказался хамбо-лама Дамба Аюшеев: «Для находившегося в разброде и шатании народа и Сангхи он стал новым символом веры» [13].

Факт того, что чудо случилось именно в Бурятии, оценивается не только как знак реальности буддийского возрождения, но и как знаковое событие для существенного улучшения имиджа республики и как способ решить экономические проблемы. В этом состоит практический аспект феномена Итигэлова, имеющий не этнический, а гражданский смысл.

В СМИ широко дискутируются темы о республиканском бренде, уникальном и привлекательном, способном сделать из Бурятии экономическое чудо. Наряду с Байкалом, в качестве бренда предлагаются различные природные объекты, межкультурное взаимодействие этнокультурных групп Забайкалья, традиционная культура бурят (буддизм и шаманизм).

Феномен Итигэлова придал поискам уникального «товарного знака» республики новое направление. Средства массовой информации на протяжении всего периода после возвращения Итигэлова обсуждают тему о том, что «бурятское чудо» – это национальное достояние России, включенное в неофициальный рейтинг всемирно известных брендов. Ту же тему активно обсуждает форум сайта бурятского народа: «О нашей республике заговорили как о земле, где случилось настоящее чудо» [14].

Популяризацией Итигэлова как бренда занимается и Институт хамбо-ламы Итигэлова, организуя в России и за рубежом выставки, конференции, круглые столы, съемки кинофильмов. Надо сказать, что усилия эти оказались достаточно плодотворными. В книге отзывов тех, кто посетил Итигэлова, можно найти имена широко известных лиц, например, кинозвезды Ричарда Гира. А популярный российский актер Александр Михайлов оставил в книге отзывов запись о том, что он верит в то, что с Итигэловым Россия встанет с колен.

На фоне неослабевающего интереса к феномену Итигэлова формулируются задачи по его включению в список туристических объектов Бурятии в качестве главного экспоната, поскольку иные объекты, включая Байкал, не обладают такой уникальностью, которая заставила бы приехать в республику достаточное число людей для решения ее экономических проблем посредством туризма. СМИ избрали, возможно, самый безошибочный прием для привлечения интереса потенциальных туристов: в газетах и Интернете подается подтверждаемая ламами информация о том, что Итигэлов оказывает реальную помощь каждому, кто к нему приходит с просьбами. Так, газета «Московский комсомолец в Бурятии» связывает с визитом к Итигэлову чудесное спасение главного энергетика России Анатолия Чубайса в момент покушения на его жизнь, назначение Рашида Нургалиева на должность министра МВД, Юрия Еханурова – на пост премьер-министра Украины. Президент России Дмитрий Медведев, пишет журналистка Т. Никитина, приехал в Бурятию летом 2009 г. не ради решения каких-то экономических задач и не для того, чтобы увидеть Байкал: «Первое лицо государства в своем рабочем графике поставило приглашение хамбо-ламы Аюшеева, визит к святыне и чаепитие с ламами делом номер один» [15].

Все это, полагает журналистка, должно заставить республиканские власти начать работу по использованию главного бренда Бурятии в коммерческих целях, не ссылаясь на то, что Итигэлов принадлежит Традиционной Сангхе России, а точнее – Иволгинскому дацану. Кроме самой святыни, рекомендуется включить в туристический оборот Иволгинский район, а также и другие районы республики, связанные с жизнью и деятельностью святого ламы: «из уникального для страны и Бурятии ресурса республики пора бы уже начать извлекать выгоду и желательнее в экономических показателях» [16].

Случайно или нет, но конструктивные предложения по использованию феномена последовали немедленно. После визита Дмитрия Медведева в Иволгинский дацан управление внутренней политики администрации президента РФ запросило информацию о «дальнейшем развитии уникального ресурса Бурятии» [17]. Согласно новому проекту, вся концепция будет разработана и реализована Институтом Пандито хамбо-ламы Итигэлова, которому выделен земельный участок в 1,6 га для строительства туристско-информационного центра в селе Нижняя

Иволга. Центр сможет оказывать комплексные туристические услуги и будет включать в себя лекционный зал, музей, архив, магазин, сувенирный киоск и современные средства коммуникации. Финансирование проекта будет осуществляться за счет федерального бюджета. В проекте не упоминается, какая роль будет обведена Традиционной Буддийской Сангхе России, и это вполне доказывает, что чудо Итигэлова стало одновременно объектом интереса государства и средством коммерциализации религии. Таким образом, современные процессы в буддизме в Бурятии характеризуются обновленчеством, одной из черт которого выступают изменения в социальных функциях религии. Наиболее значимую трансформацию претерпела функция социальной идентификации. Следует отметить, что из-за преобладания светской ментальности религия выступает в основном не в мировоззренческой, а в символической роли. Хамбо-лама Итигэлов в современном общественном сознании бурят олицетворяет непримиримость национальной духовной культуры с политикой советской власти. Конечно, чудо Итигэлова способствовало и продолжает способствовать десекьюларизации общественного сознания, но чаще всего не в смысле восстановления религиозной веры: возвращение святого ламы в большей мере является символическим доказательством возрождения национальной культуры и национального духа, существования особой и уникальной этнокультурной общности, имеющей право претендовать на особый статус вследствие своей сопричастности к великой тайне бессмертия. Поэтому буряты (и жители Бурятии в целом) одобряют большой интерес, проявляемый к феномену Итигэлову со стороны российских чиновников, а также разного рода публичных деятелей, как отечественных, так и зарубежных. На этом фоне неминуемо встает вопрос об использовании Нетленного Тела в качестве товарного знака, который мог бы принести республике ощутимые финансовые выгоды.

Как видим, феномен хамбо-ламы Итигэлова органично вплетается в общий контекст бурятских социокультурных процессов (в этническом и гражданском, т.е. региональном, смысле); его религиозный аспект является существенной, но далеко не единственной составляющей дискурса, разворачивающегося вокруг Нетленного Тела. Любопытной и яркой характеристикой этого дискурса являются надежды на то, что Итигэлов способен решить не только насущные житейские проблемы людей (совсем не обязательно

бурят или буддистов), но и экономические, социальные и политические задачи, стоящие перед Россией и Бурятией. Иными словами, для дискурса Итигэлова чрезвычайно важно, чтобы «чудо» так и не было бы объяснено в рациональных (научных) терминах; мифологическое его содержание представляется более значимым и полезным.

Одновременно феномен Итигэлова актуализирует вопрос о современных трансформациях в религиозно-функциональной сфере. Отсутствие или недостаток религиозной веры – базовой мировоззренческой функции – в контексте религиозного возрождения является актуальной проблемой для различных конфессий, в том числе и буддийской. Для большинства бурят участие в ритуалах является делом хоть и важным, но все же окказиональным. Есть основания назвать такое проявление религиозности банальным по аналогии с предложенным М. Биллигом термином «банальный национализм». Банальный национализм воспроизводит нацию в условиях, когда эта нация уже сконструирована и ей ничто не угрожает; сходным образом, банальная религиозность проявляется при отсутствии условий для функционирования религии в качестве мировоззрения. Эту ситуацию, характерную для современного общества, отмечает Далай-лама. Обращаясь к буддистам Бурятии, он отметил, что сведение буддийских практик к простым

молитвам и ритуалам недопустимо: «Для того, чтобы в полной мере постичь религиозный аспект буддизма, мы должны знать основы буддийской Дхармы» [18].

Это обращение верховного буддийского иерарха имеет непосредственное отношение и к феномену Итигэлова. Банальная религиозность, весьма продуктивная в функции социальной идентификации, не в состоянии способствовать выполнению религией других социальных функций. Иными словами, неотделимые от базовых мировоззренческих функций религии, функции социальной регуляции и контроля опираются не на банальную, а на реальную религиозность, которая формируется воспитанием в культурном климате сообщества. При всей сомнительности проекта по возрождению религиозного мировоззрения посредством практик десекуляризации, все же вполне возможно использовать философско-этический потенциал буддийского вероучения в образовательных целях. Неослабевающий интерес к феномену Итигэлова способствует актуализации в общественном сознании социально-значимых функций религии. А перенос акцентов из сферы ритуалистики в область истории культуры, явлением и транслятором которой религия является, приведет к позитивному результату – оздоровлению общества и межличностных отношений.

Литература и примечания

1. ATHEISM: Атеистический сайт Беларуси <http://a-theism.com/index.php?option> (12.06. 2009).
2. Цит. по: Чимитдоржин Г.Г. Институт Пандито хамбо-лам. 1764-2004. Улан-Удэ: Изд-во Буддийского института «Даши Чойнхорлин». 2004. С. 101.
3. Жуковская Н.Л. Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Восточная литература, 2008. С. 15-18.
4. Цит. по: Будаев Б. Хамбо лама Итигэлов – невозможное возможно // АиФ в Бурятии. 2007. №16. С. 8.
5. Дашидондоков С.С. Феномен достопочтенного хамбо ламы Этигэлова // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып I. Барнаул, 2007. С. 229.
6. Подробнее см: Амоглонова Д.Д. Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Издательство Бурят. гос. ун-та, 2008. С. 176-185.
7. BOL.RU // Режим доступа: <http://www.buryatia-online.ru/bol/news/paper/ip/detail.php?ID=11533>
8. К таким чудесным явлениям, сакрализирующим пространство Бурятии, относится явление богини Янжимы недалеко от Бархан-горы у села Ярикто Баргузинского района, где вдобавок можно часто наблюдать радужное свечение на ясном небе. На скале в Кяхтинском районе самопроявилась мантра ОМ МАНИ БАД МЭ ХУМ, чему тоже пока не нашлось рационального объяснения.
9. Махачкеев А. Борьба Сангхи: история и современность. Байкал медиа консалтинг // Режим доступа: <http://baikal-media.com/2006/05/17/borba-sangkhi-istoriya-i-sovremennost> (1.08.2006).
10. Это прозвучало в фильме, снятом журналистами бурятской телекомпании «Ариг Ус» в Индии.
11. Учитель вышел в свет // АиФ в Бурятии. 2005. № 24. С. 1.
12. Бадмаринчинов Н. Мировой феномен хамбо-ламы Итигэлова и проблема бессмертия // Бурятия. 2006. 15 декабря. С.4.
13. Анжилова Д. Как встретить новую весну // АиФ в Бурятии. 2008. №6. С. 4.
14. Цит. по: Махачкеев А. Портрет иерарха. XXIV Пандито хамбо-лама Дамба Аюшеев. Улан-Удэ: типография «Новая Принт». 2010.
15. Форум сайта бурятского народа // Режим доступа: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file> (10.08.2006).
16. Никитина Т. Феномен // МК в Бурятии. 2010. № 3. С. 3.
17. Там же.

18. Администрация Президента России заинтересовалась нетленным телом // Аргументы недели. Восточная Сибирь. 2010. №3. С. 16.

19. Обращение Далай-Ламы XIV к буддистам Бурятии // Угай зам. Спецвыпуск № 30. С.1.

Амоголонова Дарима Дашиевна, доктор исторических наук, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ.
Amogolonova Darima Dashievna, doctor of historical sciences, Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 378.63 (571.54)

© *Л.А. Зайцева, А.Л. Яковлев*

Становление и развитие высшего сельскохозяйственного образования в Восточной Сибири (1931 – середина 1980-х гг.)

В статье рассматривается развитие высшего сельскохозяйственного образования в Восточной Сибири. Показана образовательная деятельность высших учебных заведений.

Ключевые слова: высшее сельскохозяйственное образование, Бурят-Монгольский агропединститут, Бурятский, Иркутский, Красноярский сельскохозяйственный институт, студенты, факультет.

L.A. Zaitseva, A.L. Yakovlev

The Formation and Development of the Higher Agricultural Education in the Eastern Siberia (1931 – mid. 1980s)

The article considers the development of the higher agricultural education in the Eastern Siberia. Educational activities of higher educational institutions have been revealed.

Keywords: higher agricultural education, Buryat-Mongolian Agropedagogical Institute, Buryat Agricultural Institute, the Irkutsk Agricultural Institute, Krasnoyarsk Agricultural Institute, students, faculty.

Высшее сельскохозяйственное образование Восточной Сибири начинает свое развитие с 1931 г., с открытия в Бурят-Монгольской АССР агропединститута. [1, с. 9, 10] Вторым сельскохозяйственным вузом Восточной Сибири становится Иркутский сельскохозяйственный институт, организованный в 1934 г., [2, л. 2; 3, с. 1] третьим – Красноярский сельскохозяйственный институт 1953 г. [4, л. 2; 5, л. 2].

Создание высшего учебного заведения было делом новым, поэтому в Москве программно-методическая группа Наркомзема СССР с участием представителя СНК Бурят-Монголии обсуждала практические вопросы по организации агропединститута в Верхнеудинске. На одном из заседаний было принято решение о профиле института: поскольку ведущей отраслью сельского хозяйства в Бурят-Монголии было животноводство, решено, что институт будет готовить специалистов высшей квалификации этой отрасли [6, с. 9].

5 декабря 1931 г. был издан приказ по Наркомзему СССР: «Организуемый на основании Постановления коллегии НКЗ СССР от 13 августа 1931 г. за №38 Бурят-Монгольский государственный агропедагогический институт включить в систему Наркомзема СССР». В связи с практическим развертыванием его на конец 1931 г. было срочно ассигновано институту 35

тыс. р. Директором института назначен М.П. Хабаев [1, с. 12].

5 декабря 1931 г. можно считать датой рождения первого высшего учебного заведения в Бурятии и первого в Восточной Сибири сельскохозяйственного вуза.

В Бурят-Монгольской АССР основной отраслью хозяйства являлось животноводство, а из специалистов с высшим образованием в 1931 г. работали один зоотехник и четыре ветеринарных врача.

Колхозы республики крайне нуждались в квалифицированных специалистах. Так в 1934 г. одних только зоотехников с высшим образованием требовалось 144 чел., ветврачей – 155 чел. [7, с. 105].

Для подготовки ветврачей в 1935 г. в Бурят-Монгольском вузе открывается ветеринарный факультет, институт приобрел статус зоотехническо-ветеринарного.

В январе 1937 г. зооветинститут выпустил первых 15 зоотехников, которые были направлены на работу в животноводческие аймаки республики [7, с. 105].

В начале 1930-х гг. преподавательский состав института был малочисленным, на кафедрах работали один-два человека. На 1 октября 1934 г. в штате института числилось 9 штатных преподавателей и 7 совместителей [8, с. 79].

Контингент студентов выглядел следующим образом: в 1932/33 учеб. г. было 59 чел., 1933/34 – 65, 1934/35 – 100. В 1934 г. на двух курсах отделения кормопроизводства было 10 чел., на I и II курсах отделения животноводства – 57 чел., на подготовительном отделении – 32. Весной 1936 г. на основных курсах обучалось 80 студентов, на подготовительных – 106. Студенты в основном были набраны из лиц, окончивших различные курсы и прошедших самоподготовку (более 70%), обучавшихся в неполных средних школах-семилетках и средних школах (по одному), остальные – из различных учебных заведений [1, с.75].

С момента организации института до начала Великой Отечественной войны институт подготовил 138 специалистов [9, л. 62].

Иркутский сельскохозяйственный вуз, организованный в 1934 г., в довоенный период подготовил на 188 специалистов больше, чем Бурят-Монгольский зооветинститут [9, л. 62; 3, с. 2]. Такая разница в количестве подготовленных специалистов объясняется тем что, Иркутский сельскохозяйственный институт начал работать в составе четырех факультетов: агрономического, зоотехнического, ветеринарного, механизации сельского хозяйства, а так же подготовительного отделения, тогда как Бурят-Монгольский институт до начала 1950-х гг. оставался двухфакультетным. На двух факультетах Иркутского института агрономическом и зоотехническом – к обучению приступили студенты пяти курсов. Набор на старшие курсы был произведен за счет перевода студентов из Бурят-Монгольского института в 1934 г. – ветеринарного факультета, а в 1935 г. студентов 1, 2-го курсов агрономического факультета. Переводы студентов были связаны с частым перепрофилированием Бурят-Монгольского вуза. Кроме того, в Иркутский институт были переведены студенты из Тихоокеанского института. В 1934 г. на первый курс Иркутского вуза поступило 125 чел., на подготовительное отделение 100, всего к обучению приступило 300 чел. В довоенный период в институте было подготовлено 326 специалистов [10, с. 129,130; 3, с. 2].

До Великой Отечественной войны в системе Наркомзема СССР имелось 68 высших сельскохозяйственных учебных заведений с контингентом студентов на начало 1940/1941 учебного года 34 918. За период войны сеть сельскохозяйственных вузов сократилась до 45, а контингент студентов уменьшился до 10 320 [11, л.49].

Временно прекратил свою деятельность и Бурят-Монгольский зооветеринарный институт.

С сентября 1941 г. по май 1944 г. институт не работал.

В годы Великой Отечественной войны в учебном корпусе Иркутского сельскохозяйственного института разместился военный госпиталь, но занятия не прерывались, они проходили в жилом доме профессорско-преподавательского состава.

В 1946/47 учеб. г. были восстановлены почти все кафедры, существовавшие в довоенное время, и укомплектованы высококвалифицированными специалистами. Произведен ремонт учебного корпуса, приведены в порядок учебные помещения, приобретен необходимый хозяйственный инвентарь (столы, стулья, классные доски и др.).

В 1946/47 учеб. г. количество кафедр возросло с 22 до 26, а количество штатных научных сотрудников увеличилось с 29 до 50 человек. Таким образом, штат сотрудников достиг довоенного уровня.

Бурят-Монгольский Зооветеринарный институт возобновил свою работу с мая 1944 г. На основании постановления СНК Союза ССР от 19 января 1944 г. № 53 «О восстановлении Бурят-Монгольского Зооветинститута», было принято от воинских частей два учебных корпуса и два общежития, а от сельскохозяйственного техникума учебное и хозяйственное оборудование.

С восстановлением института была развернута работа по набору студентов в институт. Из 124 абитуриентов, выдержали экзамен и были приняты на первый курс института 94 чел., из них 59 было зачислено на ветеринарный, а 35 – на зоотехнический факультет [12, л. 1].

В 1947 г. в институте имелось по три курса зоотехнического и ветеринарного факультетов. Общее количество студентов на 1 января 1947 г. составляло 182 чел. [9, л. 62].

В послевоенный период шло дальнейшее развитие вузов, укреплялась их материальная база.

Так, например, в Иркутске для сельскохозяйственного института в 60-х гг. XX в. началось строительство новых учебных корпусов, общежитий и жилых домов, благодаря чему он постепенно приобрел современный облик. В 1979 г. был открыт Читинский филиал вуза по заочному обучению [3, с. 2].

За большую и эффективную работу в деле воспитания и образования молодежи, а также значительную научную и просветительную деятельность Иркутский сельскохозяйственный институт был награжден государственными наградами: в 1984 г. – орденом Трудового Красного Знамени МНР, в 1985 г. – орденом Дружбы народов.

Рассматривая послевоенное развитие Бурят-Монгольского института, необходимо отметить, что уже в 1948 г. был подготовлен выпуск зоотехников, а в 1949 г. – ветеринарных врачей.

Дальнейшее развитие института неразрывно связано с огромными преобразованиями в стране: промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры.

В начале 1950-х гг. Бурят-Монгольский зооветинститут оставался двухфакультетным. Выпуски специалистов были небольшими, что явно не удовлетворяло растущие потребности сельского хозяйства региона. В 1951 г. в зооветинституте обучались 403 студента. В колхозах и совхозах республики работали 861 специалист сельского хозяйства с высшим и средним образованием и 717 практиков с курсовой подготовкой. А потребность в специалистах высшей квалификации составляла 2 450 чел. Поэтому решение правительства об открытии агрономического факультета в 1952 г. стало заметным событием не только в жизни института, но и республики [10, с.129].

В 1954 г. было принято решение Совета Министров СССР о строительстве учебного корпуса вуза в г. Улан-Удэ с тремя факультетами: агрономическим, ветеринарным и зоотехническим на 1500 студентов. В 1955 г. был открыт технологический факультет с тремя отделениями: технология кожи и мяса, технология молока и мяса, промышленное и гражданское строительство. Этот факультет в составе института произвел три выпуска специалистов и в 1962 г. был преобразован в Восточно-Сибирский технологический институт [8, с.79].

В связи с переименованием Бурят-Монгольской АССР в июле 1958 г. в Бурятскую АССР и в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР от 21 марта 1960 г. №1516 Бурят-Монгольский зооветинститут был переименован в Бурятский сельскохозяйственный институт.

С 1961 г. в институте был открыт факультет механизации сельского хозяйства, а в 1962 г. – экономический факультет с двумя отделениями: агрономов-экономистов и экономистов по бухгалтерскому учету.

На основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1969 г. № 681 г. при институте было организовано подготовительное отделение для поступающих в вуз [8, с. 20].

Бурятский сельхозинститут стал одним из крупных сельскохозяйственных вузов на восто-

ке страны. Была создана хорошая база для производственного обучения студентов, которая с конца 1950-х гг. также использовалась для повышения квалификации специалистов и руководящих кадров колхозов и совхозов Бурятской АССР, областей и краев Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Высшее сельскохозяйственное образование страны в послевоенный период получило свое дальнейшее развитие. Количество сельскохозяйственных вузов в СССР увеличивалось, число студентов в них возросло с 45,7 тыс. чел. в 1940 г. до 121,9 тыс. чел. в 1953 г. Контингент приема в сельскохозяйственные вузы в начале 1950-х гг. обеспечил увеличение выпуска специалистов в 1955 г. в два раза по сравнению с 1950 г., а по наиболее дефицитным специальностям – в три и более раза. Однако состояние дела подготовки специалистов для сельского хозяйства в начале 1950-х гг. не отвечало своим задачам. Не осуществлялось перспективное планирование подготовки специалистов. Вследствие этого подготовка кадров по отдельным, особенно инженерным специальностям, резко отставала от потребности производства [13, с. 87].

В начале 1950-х гг. основной кузницей сельскохозяйственных кадров в Восточной Сибири оставались Бурятский зооветеринарный институт и Иркутский сельскохозяйственный институт. Однако существовавшие вузы не могли обеспечить всю Восточную Сибирь специалистами сельского хозяйства.

Вопрос об организации в Красноярске высшего учебного заведения по подготовке специалистов сельского хозяйства ставился перед правительством неоднократно. Особенно остро потребность в кадрах высшей квалификации для сельского хозяйства обозначилась в начале 50-х гг.

По постановлению Совета Министров СССР от 29 апреля 1952 г., в 1953 г. организуется Красноярский сельскохозяйственный институт. [5, л.2]

Министерству культуры СССР, которому тогда подчинялась высшая школа страны, поручалось открыть в 1953 г. институт в составе трех факультетов: агрономического, зоотехнического и механизации сельского хозяйства с ежегодным приемом 225 человек, по 75 на каждый факультет. [14, с.110]

За пять лет работы института была сформирована учебная база, созданы основные структурные подразделения и работоспособный коллектив преподавателей. В 1958 г. институт осуществил первый выпуск специалистов: ученых-

агрономов – 69, ученых-зоотехников – 71, инженеров-механиков – 61 [14, с. 110].

Одним из каналов пополнения сельскохозяйственного производства специалистами было заочное обучение, поэтому в декабре 1957 г. была сформирована приемная комиссия заочного факультета. Однако система работы с заочниками окончательно оформилась лишь к 1963 г.

В 1959 г. в Красноярском сельскохозяйственном институте были организованы курсы по повышению квалификации зооспециалистов и подготовке техников по искусственному осеменению, курсы по повышению квалификации директоров совхозов. В январе 1960 г. на специальных курсах было организовано изучение механизаторами колхозов и совхозов края гидравлических систем тракторов и комбайнов. В

1962 г. при институте была создана одногодичная школа подготовки и шестимесячные курсы повышения квалификации руководящих кадров колхозов и совхозов [14, с. 110]. В 1984 г. был открыт Тувинский филиал вуза, где были организованы две кафедры: специальных наук (агрономические и зоотехнические дисциплины), общественных наук [15, с. 126, 127].

Если в начале 1960-х гг. в вузе работали три факультета: агрономический, зоотехнический и механизации сельского хозяйства, то впоследствии открылся ветеринарный и электрификации сельского хозяйства. Быстрыми темпами расширялся прием в вуз, в 1960 г. он составлял 375 человек, а к 1987 г. вырос до 1 350. Численность студентов КСХИ за 1959-1989 гг. увеличилась более чем в три раза.

Таблица

Общие показатели по подготовке специалистов в сельскохозяйственных вузах Восточной Сибири. [16]

Год	Название вуза								
	Бурятский сельскохозяйственный институт			Иркутский сельскохозяйственный институт			Красноярский сельскохозяйственный институт		
	Прием	Выпуск	Контингент	Прием	Выпуск	Контингент	Прием	Выпуск	Контингент
1976	1145	675	5519	1179	735	5776	925	563	4309
1977	1150	768	5619	1150	729	5797	925	577	4550
1978	1150	660	5794	1150	729	6032	925	568	4841
1979	1150	687	5926	1188	733	6222	925	553	4841
1980	1000	751	5665	1401	771	6721	975	618	5106
1981	1000	759	5656	1350	868	6814	975	612	5168
1982	1016	817	5526	1374	788	7113	1055	655	5296
1983	1000	738	5538	1375	847	7254	1115	669	5516
1984	991	745	5578	1385	808	7309	1360	765	5809
1985	975	745	5352	1410	855	7140	1350	643	5992
1986	1000	733	5182	1390	851	6767	1350	742	5922

Как видно из таблицы, за десять лет Иркутский и Красноярский вузы увеличили контингент учащихся, прием абитуриентов и выпуск специалистов, в то же время в Бурятском сельскохозяйственном институте прием и выпуск снизился, так как был открыт филиал Иркутского СХИ в Чите, а в Туве был открыт филиал Красноярского СХИ. В целом же по Восточной

Сибири прием с 1976 г. по 1986 г. в сельскохозяйственные вузы увеличился на 491, выпуск – на 380.

Таким образом, три сельскохозяйственных вуза Восточной Сибири, пройдя несколько этапов в своем развитии, в 70-е – первой половине 80-х гг. добились стабильности в образовательной деятельности.

Литература

1. Зайцева Л.А., Попов А.П. Ректоры первого вуза Бурятии: Очерки истории БГСХА Вып. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001.
2. ГАРФ. Ф. 9606, оп. 9, д. 534
3. Иркутская государственная сельскохозяйственная академия: 70 лет. – Иркутск: Изд-во ИГСХА, 2004.
4. ГАРФ. Ф. 9606, оп. 9, д. 635.
5. ГАРФ. Ф. 9606, оп. 9, д. 636.
6. Зайцева Л.А., Попов А.П. Нам – 75 лет: история Бурятской сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2006.

7. Зайцева Л.А., Попов А.П. Ректоры первого вуза Бурятии: очерки БГСХА. Вып. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001.
8. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития: монография. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2011.
9. Зайцева Л.А., Тумурхонова Н.В., Зангеева Л.Р. Первые (краткая история БГСХА им. В.Р. Филиппова в лицах). – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2011.
10. ГАРФ. Ф.9396, оп. 16, д. 778.
11. Зайцева Л.А. Агронимический факультет: история и современность // История факультетов и кафедр: очерки истории. Вып. 3. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001; Иркутская гос. сельскохозяйственная академия – Указ соч. ГАРФ. Ф. 8080, оп. 6, д. 196
12. ГАРФ. Ф. 8080, оп.6, д. 200.
13. Яковлев А.Л. Сельское хозяйство Забайкалья в 50-е годы XX века. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2006.
14. Бурмакина Г.А. Становление и развитие системы сельскохозяйственного образования в Красноярском крае (1946–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2008.
15. Ворошилова Н.В. Образовательный потенциал сибирской деревни: основные тенденции и факторы воспроизводства в 1960-1980-х гг. (на материалах Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2003.
16. Составлено по: ГАРФ. Ф. 9606, оп.9, д. 636, Л.2 об; д.635, Л. 2 об; д. 534, Л. 2 об; д. 1213, Л. 2 об; д.1214, Л. 2 об; д. 534, Л. 2 об.

Зайцева Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, профессор Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ.

Яковлев Александр Леонидович, доктор философских наук, профессор сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ.

Zaitseva Lubov Alekseevna, doctor of historical sciences, professor, department of history, V.R. Philippov Buryat State Agricultural Academy.

Yakovlev Aleksandr Leonidovich, doctor of historical sciences, professor, department of history, V.R. Philippov Buryat State Agricultural Academy.

УДК 314.18 (571. 54)

© *К.Б.-М. Митупов, О.Н. Горковенко*

Влияние демографической политики на ситуацию в Бурятии в условиях трансформации общества (конец XX – начало XXI в.)

Статья посвящена демографическим процессам в Бурятии в конце XX – начале XXI в. Рассмотрены основные тенденции развития в половозрастной структуре, анализируются количественные и качественные аспекты изменения в составе населения республики. Анализируются закономерности воспроизводства населения республики, его социально-экономическая обусловленность, а также специфика проявления демографических процессов в данном регионе. Дается характеристика современной демографической ситуации в Бурятии.

Ключевые слова: демографическая ситуация, половозрастной состав, естественное движение, численность населения, миграционные процессы, динамика численности.

К. В.-М. Mitupov, O.N. Gorkovenko

The influence of population policy on the situation in Buryatia, under the conditions of transformation of society (the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries)

The article is devoted to demographic processes in Buryatia in the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries. The basic tendencies of the development in gender and age structure have been considered, the quantitative and qualitative aspects of change in structure of the population of republic are analyzed. The regularities of the reproduction of population of the republic, its social and economic conditionality, and also the specificity of demographic processes display in this region are analyzed. The characteristic of modern demographic situation in Buryatia is given.

Keywords: demographic situation, gender and age structure, natural movement, number of population, migratory processes, dynamics of population number.

В последнее время проблемы демографии, демографические процессы и демографическая ситуация в целом получили значительный общественный резонанс. Для азиатской России эта тема еще более остра, так как на собственно демографическую ситуацию накладывается фак-

тор миграции населения. При условии сохранения существующих тенденций возрастает доля россиян, проживающих в европейской части страны, при сокращении населения северных и восточных территорий. Географический сдвиг расселения населения в западном и южном на-

правлении обусловил уменьшение плотности в Сибири и на Дальнем Востоке, что весьма нежелательно с точки зрения национальной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации.

Чтобы объективно оценить сегодняшнее состояние и перспективы демографической ситуации, нужно проанализировать все факторы, влияющие на динамику численности населения (рождаемость, смертность и внешнюю миграцию), за длительный период в тесной увязке с социально-экономическим «фоном».

Демографическая ситуация с ее количественной характеристикой и качественной оценкой дает возможность всесторонне представить население как важнейший фактор социально-экономического развития.

Бурятия по своим демографическим показателям занимает промежуточное положение между соседними «русскими» областями, давно испытывающими естественную убыль населения, и национальными образованиями Сибири, сохранившими небольшой естественный прирост. «Промежуточность», обусловленная высокой долей русского населения, сказывается на всех демографических характеристиках. Так, естественная убыль населения началась в Бурятии на год позже (1993 г.), чем в России в целом, и была выражена слабее. Как и в других республиках и автономных округах юга Сибири, рождаемость в Бурятии устойчиво выше средней по стране (в 2007 г. – 16,1 и 11,3 промилле, соответственно), при этом разрыв с каждым годом нарастает [1, с. 6]. Как и в целом по РФ, одновременно с ростом рождаемости в республике до середины 2000-х гг. рос и повышался уровень смертности, хотя из-за омоложенной структуры населения он оставался пониженным. В результате тенденций последних лет, вызванных, в том числе и активными мерами государственного стимулирования рождаемости, в Бурятии с 2006 г. отмечается небольшой естественный прирост.

Средние показатели по республике не отражают существующих этнических различий: сильной естественной убыли русского населения и более благополучных демографических характеристик бурятского населения. Однако традиции многодетности в сельских бурятских семьях уходят в прошлое, это подтверждается резким сокращением доли детей в возрастной структуре сельского населения за переходный период. Среди сельского населения доля бурят уже в 1989 г. была в два раза больше, чем в городах, (35% и 17% соответственно), а теперь

село стало еще более «бурятским» из-за миграционного оттока и депопуляции русского населения [2, с.10]. Следствием более высокой рождаемости прошлых десятилетий стал выход на рынок труда значительного по численности поколения бурятской молодежи, особенно сельской.

Республика Бурятия относилась к числу российских регионов с многолетней естественной убылью населения, начавшейся в 1987 г. и продолжающейся до сегодняшнего дня. По численности населения к началу 2007 г. республика занимала 56-е место среди регионов Российской Федерации, 9-е место среди регионов Сибирского федерального округа. Средняя плотность населения уменьшилась с 3 чел. на 1 км² в 1990 г. до 2,7 в 2006 г. [4, с.8-12].

Численность постоянного населения республики на 1 января 2009 г. составила 960,7 тыс. чел., из них городское – 526,8 и сельское – 433,9 тыс. чел.

В январе–августе 2009 г. в республике наблюдались естественный прирост населения, который составил 2997 чел., и миграционный отток населения, составивший 673 чел. В целом по республике коэффициент естественного прироста в расчете на 1000 населения составил 4,7 промилле. В январе – августе 2009 г. родилось 11 165 детей, коэффициент рождаемости составил 17,4 новорожденных на 1000 жителей [3, с.21-21].

С учетом предварительных итогов Всероссийской переписи населения 2010 г., численность населения Бурятии составила 972,7 тыс. чел. Из них 566,5 тыс. составляет городское население и 405,2 тыс. чел. сельское население республики [5, с.3-6].

На миграционный отток, наблюдающийся с начала 1990-х гг., который характерен только для регионов Дальневосточного и Сибирского Федеральных округов, приходится 80% потерь населения.

За 1993-1996 гг. республика в среднем ежегодно теряла 0,4-0,6% населения, 1997-2002 гг. – 0,7-1, 2003-2006 гг. – 0,3-0,6, тогда как в предшествующие двенадцать лет наблюдался ежегодный прирост в 1,1-2% [7, с.19].

В результате за последние 16 лет в республике не только значительно сократилась численность населения – на 89,8 тыс. чел. или на 8,5% за период 1992-2007 гг., но и ухудшилась его качественная структура. Если на 1 января 1991 г. доля детей в возрасте до 15 лет в составе населения составляла почти 31%, то к 1 января 2007 г. она снизилась до 20,3%, и одновременно увеличилась доля лиц в возрасте старше трудо-

способного с 13,1% до 15,1%. На сокращение численности населения основное влияние оказывает отток за пределы республики. До 1989 г. основным источником пополнения численности населения был естественный прирост.

На половозрастной структуре населения сказывается кризисное развитие процессов воспроизводства. Диспропорции, характерные для структуры населения по полу и возрасту, объясняются различиями в уровнях рождаемости и смертности мужчин и женщин.

Возрастная структура населения республики за последние годы претерпела значительные изменения. Численность лиц в возрасте моложе трудоспособного в 2002 г. по сравнению с 1989 г., из-за падения рождаемости, уменьшилась на 31,3%, из них численность детей в возрасте 0-4 года сократилась наполовину, на 46% снизилась численность 5-9 летних. В 2006 г. отмечено значительное сокращение детей в возрасте 10-15 лет [6, с. 43-51]. По состоянию на 1 января 2006 г. зарегистрирована самая высокая численность населения в трудоспособном возрасте, однако со следующего года ожидается начало снижения этой численности, так как начинают вступать в трудоспособный возраст поколения 90-х гг. рождения, когда началось снижение рождаемости.

Перепись 2002 г. отметила значительное увеличение (на 13,4%) численности населения в возрасте старше трудоспособного и доли этой группы населения в общей численности до 15%. Причем увеличение численности населения данной группы происходило при сокращении общей численности населения республики на 5,5%.

Каждой переписью, начиная с 1959 г., отмечено увеличение среднего возраста населения с 25,6 до 30,0 лет в 1989 г., но за период с 1989 по 2002 г. средний возраст увеличился сразу почти на 4 года. За 13 лет (с 1989 по 2002 г.) население республики постарело почти на столько же, как за 30 лет (с 1959 по 1989 гг.), и продолжает стареть. По состоянию на 1 января 2006 г. средний возраст населения республики составил уже 34,5 года. Средний возраст мужчин ниже, чем средний возраст женщин. По итогам переписи 2002 г., по сравнению с 1959 г. средний возраст мужчин увеличился на 8,3 года, а женщин – на 8,4 года. [8, с.30].

Несмотря на то, что население республики с каждым годом стареет, оно несколько моложе, чем в среднем по России. На 1 января 2006 г. средний возраст по России составлял 38,3 года, в том числе у мужчин – 35,7, а у женщин – 40,6

года [9, с.67].

Другой обобщенной характеристикой изменений возрастной структуры населения является показатель демографической нагрузки, т.е. отношение лиц моложе и старше трудоспособного возраста к численности населения в трудоспособном возрасте. Согласно расчетам по состоянию на 1 января 2006 г., показатель демографической нагрузки на трудоспособное население детьми и лицами старше трудоспособного возраста был самым низким за весь послевоенный период и составил 555 чел. в расчете на 1000 населения трудоспособного возраста. При переписи 1970 г. был зафиксирован самый высокий коэффициент нагрузки на трудоспособное население – 868 чел. При этом показатель демографической нагрузки детьми был в 2 раза выше, чем в 2006 г. Нагрузка лицами пенсионного возраста растет, и по итогам переписи 2002 г. она была самой высокой и составила 243 чел. в расчете на 1000 трудоспособного населения.

В 2002 г. по сравнению с 1989 г. коэффициент общей нагрузки снизился на 22%, нагрузка детьми уменьшилась на 35%, а лицами пожилого возраста возросла на 8%. Ситуация со снижением общей нагрузки носит кратковременный характер, и начиная с 2006 г., в связи со снижением численности населения трудоспособного возраста начнет расти, причем в большей мере за счет лиц пенсионного возраста. Этот факт будет свидетельствовать о необратимости процесса старения населения республики.

В сельской местности коэффициент нагрузки лицами пенсионного возраста значительно выше, чем в городской местности. По итогам переписи 2002 г. в республике на каждую 1000 чел. трудоспособного возраста в городской местности приходилось 225 чел. пенсионного возраста, в сельской 271 [10, с.24-37].

Численность лиц моложе трудоспособного возраста составляет 204571 чел. – 21,2% от общей численности населения, из них мужчин – 99868 чел., или 48,8%, женщин – 104703 чел., или 51,2%. При этом лица в трудоспособном возрасте составляют 65,7% в общей численности населения, в абсолютном выражении – 632848 чел., причем количество женщин больше мужчин на 8564 чел., или на 2,7%. В этих двух возрастах соотношение мужчин и женщин различается, но не намного, в отличие от возраста старше трудоспособного, где численность женщин превышает численность мужчин на 48847 чел., или на 44,1% [11, с. 71].

Женщин моложе трудоспособного возраста меньше, чем мужчин, на 2%. При этом мужчин старше трудоспособного возраста меньше на 8%, чем женщин. В трудоспособном возрасте мужчин больше на 6%.

Динамика численности населения по месту жительства очень важна для определения соответствия городского и сельского населения республики.

За 1990-2007 гг. численность городского населения сократилась на 121,9 тыс. чел. (на 18,7%), при этом ее доля уменьшилась с 62,2 до 55,2%. В 2006 г. основная часть горожан проживала в 6 городах – 447,2 тыс. чел. (84,4%), остальная часть (15,6%) в 16 поселках городского типа. Численность сельского населения республики увеличилась на 33,8 тыс. чел. (на 8,5%), при этом ее доля повысилась на 7% [12, с.58]. Увеличение произошло из-за преобразований в административно-территориальном устройстве республики, с 1989-2006 гг. по решениям органов власти республики 18 поселков городского типа были отнесены к категории сельских населенных пунктов.

С 2000 г. по 2003 г. численность сельского населения уменьшилась на 9,3 тыс. чел., в последние годы картина изменилась – численность возросла на 35,1 тыс. чел.

По предварительным данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность сельского населения меньше городского на 161,3 тыс. чел. Данная тенденция является характерной особенностью для республики. Большая часть городского населения сосредоточена в ос-

новном в столице Бурятии – г. Улан-Удэ. Сеть городов в республике не развита: крупнейшие после столицы города – Северобайкальск и Гусиноозерск – по числу жителей уступают ей более чем в 10 раз. Практически все города республики теряют население, в основном из-за миграций. Особенность Бурятии в том, что даже в тех ее районах, где есть город или поселок городского типа, функции местных центров в большинстве случаев выполняют села.

Таким образом, основные факторы изменения численности населения в Бурятии имеют специфические особенности, и явно связаны с территориальным расположением республики, этническим и половозрастным составом жителей. Особенности естественного движения населения Бурятии, а также такие демографические показатели, как миграция, определяют основные демографические тенденции.

Результаты анализа демографических процессов демонстрируют основные отличительные черты: инерционность изменений, комплексность демографических проблем, поведенческое своеобразие репродуктивных возрастных групп в различных регионах страны. Главное при этом, что в своей основе современные демографические параметры – это прежде всего результат предшествующего этапа и одновременно предпосылка будущего. Надо иметь в виду, что эта объективная реальность практически не поддается воздействию политических мероприятий. С этим необходимо считаться, всесторонне учитывать и использовать как фактор, способствующий активному развитию экономики.

Литература.

1. Бурятия в цифрах: краткий стат. сб. № 01-01-13. Ч. 1. – Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2003. – 76 с.
2. Бурятия-2009: стат. ежегодник. № 01-01-12. – Улан-Удэ: Росстат, 2009. – С. 9-22.
3. «Группа из восьми» в цифрах 2006 г.: стат. сб. – М: Госкомстат РФ, 2006. – 19 с.
4. Демографический ежегодник Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-05. – Улан-Удэ: Бурстат, 2009. – С.37-42.
5. Демографическая ситуация в Республике Бурятия: анализ. записка. № 02-03-17. – Улан-Удэ: Росстат, 2007. – 33 с.
6. Миграция населения в Республике Бурятия: стат. сб. (№ 02-03-03). – Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2004. – 29 с.
7. Республика Бурятия – 75 лет: стат. сб. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1998. – 34 с.
8. Россия в цифрах: краткий стат. сб. – М: Госкомстат РФ, 2003. – 398 с.
9. Статистический ежегодник по Республике Бурятия. – Улан-Удэ: Бурятстат, 2004. – 32 с.
10. Семья в Бурятии: стат. сб. – Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2003. – 99 с.
11. Социальное положение и уровень жизни населения РБ: стат. сб. № 01-01-18. – Улан-Удэ: Бурстат, 2009. – С. 5-22.
12. Социальное положение и уровень жизни населения РБ: стат. сборник. № 04-01-09. – Улан-Удэ: Бурстат, 2008. – С.32-44.

Митупов Константин Бато-Мункич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества, исторический факультет, Бурятский государственный университет, 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжунова, 6.

E-mail: mitupov@inbox.ru

Горковенко Оксана Николаевна, магистрант гр. 08110(м), исторический факультет, Бурятский государственный университет. 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжунова, 6. E-mail: evgenii.zoloto@mail.ru

Mitupov Konstantin Bato-Munkich, doctor of historical sciences, professor, department of homeland history, Buryat State University 670000, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Ranzhurov str. E-mail: mitupov@inbox.ru

Gorkovenko Oksana Nikolaevna, graduate student, gr. 08 110 (m), historical faculty, Buryat State University, 670000, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Ranzhurov str. E-mail: evgenii.zoloto@mail.ru

УДК 94(571.53)

© Н.Г. Малеев, Т.Е. Санжиева

Таможенная служба Предбайкалья

В статье рассмотрены функции острогов, поставленных в Предбайкалье. Таможенную службу выполняли остроги, находившиеся в приграничной полосе, вследствие строительства новых острогов близких к границе, эти функции переходили к ним. Одним из таких острогов был Идинский, поставленный на месте переправы через реку Ангару, получившей название «Монгольский перевоз», т.к. через него монгольские отряды проникали вглубь Предбайкалья. В статье рассмотрено правовое положение таможи на новых территориях, а также показаны основные пути следования караванов.

Ключевые слова: остроги, Идинский острог, функции острогов, таможенная служба.

*N.G. Maleev, T. E. Sanzhieva***The Custom Service of Prebaikalye**

The article deals with the function of forts set in Prebaikalye. The forts performed the Custom's service. They were in the border area. Due to building new forts near the border, these functions were delegated to them. Idinsky fort was one of them, it was built on the site of crossing the Angara River, known as «the Mongolian transportation» as the Mongolian troops, having passed it, went further to the Prebaikal area. The article considers the Custom's legal status in the new territories, as well as it shows the main caravan routes.

Keywords: forts, Idinsky fort, functions of forts, Custom's service.

Историю острогов Сибири в основном рассматривают как военно-оборонительные сооружения с особой планировкой и застройкой, а также как центр сбора ясака с местного населения. Остроги ставились на пути продвижения казаков, служилых людей в процессе освоения территорий Сибири. Остроги, находящиеся на пограничной территории, выполняли также роль таможенных пунктов. Одним из них был Идинский острог, который непродолжительное время выполнял таможенные функции на территории Предбайкалья.

О значении и назначении острогов свидетельствует анализ документальных материалов и чертежей строений острогов Сибири. В описании острогов, в том числе Илимского острога, имеются указания на здания таможи наряду с другими строениями: «А подле того казенного анбалу таможенная изба с сеними стоит лицеем к той проезжей башне, подле той таможенной избы часовня, а в ней написано распятие Господа нашего Иисуса Христа, на часовне глава обита лемехом, крыта и ... белым железом, а по другую сторону к нагорной острожной стене от приказу» [1].

Сооружение острогов по мере процесса освоения Сибири и продвижения служивых людей и казаков – это правительственная политика, все структуры которой были взаимосвязаны. Нельзя понимать упрощенно процесс строительства острогов как некую прихоть горсточки людей, которые, имея вооружение, в поисках серебра и золота, продвигались вглубь севера Центральной Азии. Если открытие Америки и организа-

ция флотилий в Индию за сокровищами было делом государственным в Западной Европе, так же продвижение российских землепроходцев, через определенные расстояния строивших укрепленные крепости для России, был вопрос государственный. В отличие от европейских колонизаторов, Русское государство столкнулось с азиатской цивилизацией Китая, поэтому в Сибири и в Предбайкалье в частности была сформирована таможенная служба.

Остроги в этом формате мы рассматриваем как пограничные таможенные пункты*. Согласно исследованиям по истории таможенного дела в России, отмечено, что в период царствования Алексея Михайловича Романова (1645-1676) завершилось становление новых институтов Московского государства, получила дальнейшее развитие законодательная база, была подготовлена, а затем проведена таможенная реформа. Именно в эти годы идет интенсивное освоение территорий Сибири, строятся остроги и в них начинает сосредотачиваться структуры таможи. В этот период начинают проявляться первичные признаки такой составной части административно-правового режима обеспечения таможенного дела, как правовой режим таможенной границы. Однако вести речь об общих контурах административно-правового режима обеспечения таможенного дела в это время можно лишь с определенной долей условности.

Примерно с середины XVI в. аппарат по сбору пошлин был централизован, а таможенное обложение было регламентировано. Таможенники ставятся под покровительство центральной

власти [2].

«Здесь кончается сибирское государство и начинается государство мунгальское, – пишет Н. Спафарий, выясняя пограничное значение Селенгинского острога, способствовавшее развитию здесь торговли, – мунгалы кочуют здесь кругом (Селенгинского острога) зело (очень) много и торгуют с казаками: продают кони и верблюды и скот, также и всякие китайские товары, а покупают у них (казаков) соболи и иные многие русские товары» [3, с. 128].

В Бурят-Монголии конца XVII в., по сообщениям И. Идеса, существовал обмен: ехавшие в Китай путешественники покупали, например, быков и верблюдов для запряжки в свои экипажи, но этот обмен отличался некоторыми особенностями. «Буряты совсем не берут серебра в монетах, но берут золото и серебро в слитках, медные и оловянные котлы, шкурки соболя и выдры, красное сукно, персидскую материю «фай» разных цветов. Буряты продают лошадь применительно к ценам перечисленных товаров-за 4-5 рублей, а верблюдов за 10-12 рублей» [3, с. 63].

Из истории освоения Сибири известно, что остроги ставили в местах торговли и обмена товарами, а также в стратегических для бурят местах, в таких как «Мунгальский перевоз», «Большой перевоз» – переправы через р. Ангару, в местностях, где шел оживленный обмен товарами между народами и странами.

В результате постройки городов Тюмень (1586), Тобольск (1597), Березов, Пелым, Сургут (1593), Тара (1594), Нарым и Кетский острог (1596), Верхотурье (1598), Туринск (1600) и Томск (1604), летом 1619 г. был заложен Енисейский острог, что имело решающее значение для будущего продвижения русских в глубь Восточной Сибири. Вскоре русские вышли к устью р. Ангары (Верхней Тунгуски), откуда открывался прямой путь в Прибайкалье.

С основанием в 1628 г. Красноярского, а затем Канского (1640) и Нижнеудинского (1652) острогов начинает осваиваться и другой путь в Прибайкалье, по которому в XVII в. был проложен знаменитый Московский тракт.

Буряты просили поставить острог между Иркутском и Балаганском у устья р. Иды. И острог «в прошлом во 77 (1669) г. по челобитью брацких людей на мунгольском перевозе Ангары реки на усть Иды для сбереженья от воров-

ских мунгальских людей мы холопы твои, острог поставили» [5, с.]. Так был поставлен Идинский острог. Остроги в Предбайкалье были основаны на пути, по которому дороги вели в Якутию, Забайкалье, Монголию, Китай. Например, Илимский и Усть-Кутский остроги, находящиеся на «Ленском волоке», через который шли пути в бассейн р. Лены, а через Иркутск, Илимск и Идинск шли торговые караваны из Монголии и Китая.

При исторической реконструкции данное положение, что Идинский острог являлся одним из таможенных пунктов, по сопоставлению фактов, мы определяем, что острог выполнял таможенные функции со времени основания с 1669 г. и до 1682 г., т.е. более десяти лет. Предполагаем, что в 1682 г., когда Иркутский острог стал центром самостоятельного воеводства, в числе других острогов к Иркутску был приписан и Идинский острог, тогда данные функции стали относиться к Иркутскому острогу, также постепенно утрачивал свое значение «Ленский волок». В Забайкалье и Якутск вели пути из Братского, Илимского, Иркутского острогов. Через Верхоленинский острог шли караваны из Забайкалья в Илимск и Якутск.

В записях И. Идеса записано, что «Границы Сибири охраняются войсками, часть которых занята покорением под власть царя различных народов, врезавшихся в Сибирь с юга, а другая часть держит в повиновении те народы, которые уже покорены» [3, с. 172].

Это подтверждает и Л. Ланге: «Путешествующие по стране бурят** должны запастись хлебом и табаком, потому что в обмен на это путешественники могут получить все необходимые им жизненные припасы» [3, с. 389].

В основе любых действий государства и его политики прежде всего лежат экономические интересы. Сооружение острогов на обширных территориях Сибири с целью пополнения «государевой казны» неоспоримо, а средства, которые использовались для этого, были разные. Одним из них было выполнение пограничных, таможенных функций в острогах, вновь возведенных крепостях, оно явилось тем механизмом, который использовался государевыми людьми на формирующихся границах империи. Идинский острог, построенный по просьбе бурят на пути перехода из Монголии в Сибирь, хоть и недолго, но выполнял функции таможни.

Примечания

*В период завоевания Древней Руси Золотой Ордой в русском языке появилось тюркское слово «тамга», означающее клеймо, тавро, печать. Выдача ханских ярлыков с печатью сопровождалась взиманием пошлины, которая также называлась тамгой. Место на ярмарке, рынке, где взимали тамгу, то есть «тамжили» товар, стало называться таможней, а лицо, взимавшее тамгу, – таможенником.

** В районе Идинского острога проживают: представители бурятских родов: Готол – 572 души м. п., Нойет – 179, Барай – 208, Онгой – 558, Онготой – 159, Холгубай – 258, Янгут – 161, Ирхидей – 168, Шаралдай – 220. Всего 2483 души м. п., всего на территории Иркутского района – 4038 душ м. п. Верхоленском 5.704, Балаганском 2.694, Тункинском – 4.192, Идинском – 2.483, Илимском – 713, Нижнеудинском – 370. Итого в Западной Бурятии – 20.104 душ м.п. Используются данные по кн.: Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX вв. о бурят-монголах [Текст] / В. Гирченко; Бурят-Монг. гос. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. – Улан-Удэ : Гос. Бурят-Монг. изд-во, 1939.

Литература

1. Описание Илимского острога 1703 г. РГАДА. ф. 214, оп.1, д.1372, л.890. Опись Илимскому городскому и всякому строению нынешнего 1703 г., сайт 2009 Юрий Шарипов.
2. Первая книга по истории таможенной политики Российского государства вышла в Санкт-Петербурге в 1886 г. (Лодыженский К. История русского таможенного тарифа). Исторические аспекты становления и развития различных этапов таможенного дела и таможенного законодательства получили отражение в научных трудах таких авторов, как Д.И. Менделеев, Е. Осокин, Н.Н. Шапошников, А.И. Потяев, Л.Н. Марков, Ю.Г. Кисловский, А.Н. Козырин.
3. Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах [Текст] / В. Гирченко ; Бурят-Монг. гос. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. – Улан-Удэ : Гос. Бурят-Монг. изд-во, 1939.
4. Капчик И.О. Присоединение Прибайкалья к Русскому государству // Из истории Иркутской области (историко-краевед. сб. в помощь учителям начальной и средней школы). – Иркутск: Восточно-Сибир. кн. изд-во, 1966.

Малеев Николай Геннадьевич, соискатель кафедры истории Бурятии, Бурятский государственный университет.

Санжиева Татьяна Ефремовна, доктор исторических наук, профессор Бурятского государственного университета, e-mail_te@mail.ru

Maleev Nikolay Gennadyevich, competitor of candidate degree. department of history of Buryatiya, Buryat State University.

Sanzhieva Tatyana Efremovna, doctor of historical sciences, professor, Buryat State University.

УДК 94(47)

© *В.П. Барабаш*

Деятельность культурно-просветительных школ Восточной Сибири в послевоенные годы

В статье рассмотрены история и проблемы создания культурно-просветительных школ в Восточной Сибири. Автор раскрывает повседневную жизнь и деятельность учебных заведений, на основе обширного фактического материала рассматривает становление системы подготовки кадров для культурно-просветительных учреждений региона.

Ключевые слова: культурно-просветительная школа, повседневность, культурно-просветительные учреждения, кадровая политика, учащиеся, преподаватели, материально-техническая база.

V.P. Barabash

The activity of the cultural and educational schools in the Eastern Siberia in post-war years

The article is devoted to the study of history and problems of establishment the cultural and educational schools in the Eastern Siberia. The author reveals the daily life and activity of these educational institutions. The formation of the system of personnel training for cultural and educational institutions of the region is considered.

Keywords: cultural and educational school, daily life, cultural- educational institutions, personnel policy, students, teachers, material and technical basis.

Деятельность культурно-просветительных школ (КПШ), их роль в формировании системы подготовки специалистов для отрасли «культура», адаптация к условиям повседневной жизни первого послевоенного десятилетия исследованы недостаточно. Неизученными остаются многие архивные источники в регионах, текущие архивы бывших КПШ, мемуары директоров, преподавателей, выпускников. Целью данной статьи является восполнение некоторых пробелов

в изучении феномена культурно-просветительных школ.

После окончания Великой Отечественной войны в советском обществе шло мирное возрождение всех направлений жизни. Как отмечает Е.Ю. Зубкова, «послевоенные годы оставили практически без изменений политическую и экономическую систему СССР, однако в обществе в это время происходили перемены, связанные с формированием комплекса надежд и ожи-

даний после победоносного завершения войны» [1, с. 182]. У людей появилась потребность не только мирного труда, напряженность которого не снизилась, но и организации своего досуга, желание организовать отдых, проявить себя творчески. Повсеместно велась работа по освобождению занятых в годы войны под разные хозяйственные нужды клубов, появлялись инициативы по строительству новых клубных зданий. В Минусинском районе Красноярского края появилось обращение сельчан ко всем колхозникам и колхозницам края. В нем содержался призыв в целях повышения своего культурного уровня... «создать в каждом населенном пункте свой очаг культуры – центр общественной, политической и культурной жизни на селе...» [2, л. 102].

Основной причиной открытия КПШ во многих регионах страны была потребность в кадрах культурно-просветительных работников. Текущая кадры, их низкий общеобразовательный уровень были повсеместным явлением. Накануне войны среди «избачей» – заведующих избами-читальнями в Красноярском крае 95, 5% имели начальное образование [3, с. 574].

В первое послевоенное десятилетие в СССР было восстановлено и открыто 15 культурно-просветительных школ, из них 4 – в Восточной Сибири [4, с. 202]. Культурно-просветительные школы были восстановлены на базе работавших в 1920–1930-е гг. советских политпросветшкол, а также открыты заново. Культурно-просветительные школы должны были дать выпускникам полное среднее образование и профессиональные знания клубного работника, как его называли в повседневной жизни – «культурпросветчика» [5, с. 50].

В 1947 г. на основании распоряжений Совета Министров СССР № 10437-р от 4 августа 1947 г. и Совета Министров РСФСР № 1890-р от 11 августа в регионы был направлен приказ Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР № 206-А от 8 сентября 1947 г., в котором предписывалось к 1 ноября 1947 г. открыть культурно-просветительные школы в 13 регионах РСФСР, в том числе в Красноярском крае и Иркутской области. В 6 регионах надо было привести штат функционирующих культпросветшкол в соответствие с типовыми штатами средних специальных учебных заведений, утвержденными постановлением Совета Министров СССР от 25 апреля 1947 г. №1324 [6, л. 365-367]. Контингент учащихся определялся по всем вновь открытым школам в количестве 1320 чел., в том

числе по Красноярскому краю и Иркутской области – по 90 чел. [7, л. 58-60]. В Бурят-Монгольской АССР КПШ восстановили в 1947 г. на базе Кяхтинской политпросветшколы [8, с. 360-361]. В Читинской области КПШ, в силу сложностей с помещением, открылась в г. Чите в 1951 г. [9, л.1].

В Бурят-Монгольской АССР директором Кяхтинской республиканской КПШ был назначен Р.Ф.Тугутов [10, с. 5]. В Красноярскую КПШ в г. Минусинск директором был направлен И.С. Шолохов, выпускник Киевского педагогического института, по специальности – учитель географии. Было ему всего 23 года, опыта руководящей работы не имел [11, л. 13].

Иркутскую КПШ возглавил С.Н. Саратовский, 1918 г.р., выпускник физико-математического факультета Томского государственного университета. Сергей Николаевич проработал директором 31 год [12, с. 2].

Читинскую КПШ в 1951 г. возглавил В.И. Муратов, историк, с тремя курсами пединститута. Он имел пятнадцать лет стажа руководящей работы [13, л. 7]. По воспоминаниям И.В. Стейскель, учащейся того времени, «он никогда не уходил из школы, был хорошим хозяйственником, крепко держал дисциплину» [14, с. 78].

Все директора школ в первую очередь старались решить проблему помещений для школ. В основном стоял вопрос об аренде зданий у местных Советов.

В Бурят-Монгольской АССР Кяхтинский аймачный совет депутатов трудящихся разместил КПШ в бывшей политпросветшколе, в двух больших пятистенных избах, которые были мало приспособлены под учебные занятия. Руководство школы, как могло, переоборудовало эти здания и организовало учебный процесс. Обучение в нескольких деревенских избах шло до 1960 г., пока школа не была переведена в г. Улан-Удэ и преобразована в культурно-просветительное училище [15, с. 19].

В Красноярском крае культурно-просветительная школа открылась в г. Минусинске, в четырехстах километрах от краевого центра. В первый год школа располагалась в арендованном у городского отдела народного образования здании, мало приспособленном и тесном, а в 1948 г. школе передали в аренду здание по ул. Красных партизан, 14. Это было бывшее жилое каменное двухэтажное здание конца XIX в., площадью около 900 м². В здании было 10 комнат, актовый зал на 120 мест. Спортивные занятия проходили в одной из школ города [16, л. 206].

В Иркутске, ввиду отсутствия свободного помещения, областной отдел открыл КПШ в здании областной библиотеки, перепланировав левое крыло первого этажа. Это был неудачный вариант, и вскоре школу переселили в три небольших дома по ул. Марата, 2. Здания были собственностью областного отдела культуры и в них, помимо школы, располагались курсы подготовки бухгалтеров, счетоводов, машинисток, мастерская по ремонту пишущих машинок. По воспоминаниям С.Н. Саратовского, это были настоящие трущобы: низкие потолки, маленькие окошки, очень маленькие по площади классы, туалет во дворе, отсутствовал водопровод. После приезда заместителя министра культуры РСФСР Цукановой школу перевели в более просторное здание по ул. К. Маркса, 18. Позже школа еще два раза меняла свой адрес [17, с. 2].

Крайне неудачно обстояли дела и с помещением для Читинской КПШ. Под школу было передано здание бывшего ДК им. С. Лазо в Ингодинском районе Читы. Это здание было трехэтажным, каменным, с полуподвалом. В данном здании были и посторонние организации. Зданию требовался капитальный ремонт, надо было его переоборудовать под учебные классы, но стройматериалов не было; и в первый учебный год не удалось сделать почти ничего [18, л. 3].

В учебных заведениях не был решен вопрос с общежитиями для проживания иногородних учащихся. В Читинской КПШ 50 учащихся проживали в полуподвале учебного здания в большой тесноте и отсутствии всяческих удобств. В общей кухне было два очага с плитами, на которых могли готовить пищу одновременно 20 чел. Для стирки стояли ванны, тазы, стиральные доски, чан для нагрева воды, была туалетная комната. Постельных принадлежностей было мало, а подушек не было совсем [19, л. 28].

На первый курс принимали абитуриентов, имеющих семилетнее образование, в возрасте 14-30 лет по направлениям от партийных, комсомольских организаций колхозов и совхозов, отделов культурно-просветительной работы. Учащихся принимали вплоть до декабря текущего года. В первые месяцы обучения многих учащихся отчисляли за отсутствие дисциплины, плохую успеваемость, нежелание учиться.

Во всех школах была острой проблема подбора педагогических кадров. Как отмечал А.М. Герштейн, назначенный в 1959 г. директором в Кяхтинскую КПШ, «в школе работало несколько педагогов, уже потерявших надежду хорошо делать свое дело. Было очевидно, что решать

проблему кадров для обширной республики в этой ситуации было совершенно невозможно» [20, с. 19].

Преподавателей специальных дисциплин приглашали из числа специалистов, работающих в органах управления культурой или учреждений культуры. В Московском библиотечном институте факультет культурно-просветительной работы открылся в сентябре 1949 г., и это дало возможность пополнить ряды преподавателей среднего профессионального звена. Преподаватели КПШ также участвовали в семинарах, которые организовывал для них Ленинградский библиотечный институт.

Качественный состав преподавательских кадров был невысокий: в Читинской КПШ в 1952 г. работало 18 преподавателей, из них высшее образование имели 9 чел., незаконченное высшее – 4 чел., среднее – 2 чел. Три преподавателя из восемнадцати работали совместителями [21, л. 5].

У первых выпускников КПШ было недостаточно знаний и умений, чтобы соответствовать профессии. Этого не позволял первоначальный багаж знаний при поступлении в КПШ и низкая квалификация преподавателей. Не случайно на I областном съезде работников культуры Читинской области 17-18 июня 1957 г., Матафонов, секретарь обкома комсомола, отмечал: «Читинская КПШ слабо готовит кадры культпросветработников. В эту школу поступают люди, которые очень далеки от культурно-массовой работы и не любят ее». В ответ В.И. Муратов, директор КПШ, ответил: «С 1954 г. мы сделали четыре выпуска, 250 чел. Из них ушло с работы 87 чел. Какие причины мешают лучше работать? В течение 6 лет мы требовали от Министерства культуры, чтобы нас обеспечили квалифицированными кадрами и что же получается? Московский библиотечный институт присылает преподавателей, которые имеют низкую практику подготовки» [22, л. 59, 92].

В 1960-1962 гг. КПШ были преобразованы в культурно-просветительные училища (КПУ), вводились художественные специализации. Культурно-просветительные школы были учебными заведениями своего времени. Преподаватели, директора, учащиеся были известны в своих городах, так как они были организаторами и участниками многих культурно-массовых мероприятий для населения и общественности. Местная пресса много писала об этих мероприятиях, отражала повседневную жизнь учебных заведений [23, с.1-201].

Большую роль в воспитательной работе играли директора школ. Имена многих директоров учебных заведений в педколлективах вспоминают с большим уважением. Это С.Л. Коренберг и А.В. Гурков (Минусинск), С.Н. Саратовский (Иркутск), В.И. Муратов (Чита), А.М. Герштейн (Улан-Удэ) и др.

В 1940- 1980-е гг. в СССР в каждой республике, крае, области работали культурно-просветительные школы, затем – культурно-просветительные училища. В них, как правило, была одна или две специальности: «культурно-просветительная работа» и «библиотечное дело». В Бурятском, Иркутском, Читинском училищах были открыты библиотечные отделения. За годы своего существования эти учебные заведения выпустили немало специалистов для широко разветвленной клубной и библиотечной системы. Они оказали большое влияние на становление клубной системы в регионах. В 1990 г. культурно-просветительные училища были преобразованы в училища культуры, упразднена

специальность «культурно-просветительная работа» и введена новая специальность «социально-культурная деятельность и народное художественное творчество». Эта специальность на протяжении 1990-х гг. медленно освобождалась от идеологических установок. Идеологические шоры не смогли затормозить процессы творческого качественного роста профессионального мастерства педагогических коллективов этих учебных заведений. В коллективах культурно-просветительных школ зарождались новые традиции, возникала тесная связь с выпускниками, появлялись мастера педагогического труда, именами которых гордились. Именно они заставляли своих учеников смотреть на жизнь, культуру, творчество шире, возвращали ростки народной культуры, создавали в учебных заведениях художественные коллективы, которые выбивались из рамок общепринятого стандарта или официоза. В развитии КПШ, как в зеркале, отразилась история советской культуры послевоенного периода.

Литература

1. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. – М., 1999.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1114.
3. Рябков В. М. Антология форм культурно-просветительной деятельности в России (первая половина XX века). Челябинск, 2007. Т. 3.
4. Культурно-просветительная работа в СССР. – М., 1974.
5. Организация и методика художественно-массовой работы. – М., 1987.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 1. Д. 194.
7. ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 29. 58-60.
8. Очерки истории культуры Бурятии. Т. II. Советский период. Улан-Удэ, 1974.
9. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-1749. Оп. 1. Д. 1.
10. Мы факел культуры несем в народ. – Улан-Удэ, 2006. С. 5.
11. Архив г. Минусинска. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 1а.
12. Личный архив автора. Запись беседы с С.Н. Саратовским. 2003. Май. С. 2.
13. ГАЗК. Ф. 1749. Оп. 1. Д. 1.
14. Глоткина В. К. Некоторые аспекты подготовки кадров в Читинском областном училище культуры/культура и образование: перспективы развития: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Чита, 2007.
15. Мы факел культуры несем в народ. – Улан-Удэ. С. 5-6.
16. Текущий архив КГБОУ СПО «Красноярский краевой колледж культуры и искусства». Кн. приказов №1. 1947-1948 гг.
17. Личный архив автора. Запись беседы с С. Н. Саратовским. 2003. Май. С. 3.
18. ГАЗК. Ф. Р-1749. Оп. 1. Д. 3.
19. ГАЗК. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 106.
20. Мы факел культуры несем в народ. – Улан-Удэ, 2006. С. 20.
21. ГАЗК. Ф. 1749. Оп. 1. Д. 14. Л. 11-12.
22. Там же..., Л. 120.
23. Страницы истории: сб. публикаций о деятельности училища культуры в периодических изданиях (1951-2001). – Чита, 2001.

Барабаш Валентина Петровна, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ, директор КГБОУ СПО «Красноярский краевой колледж культуры и искусства» (г. Минусинск). E-mail: vpb2005@yandex.ru

Barabash Valentina Petrovna, candidate of historical sciences, Honoured person working in culture of RF director of Krasnoyarsk State Budgetary Educational Institution SPE «Krasnoyarsk Regional College of Culture and Arts», Tel (39132)22211; Fax (39132) 2 50 01; E-mail: vpb2005@yandex.ru.

УДК 94 (470):001(571.1/5)

© *М.В. Константинов*

Судьбы сибирских ученых эпохи ГУЛАГа*

*Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, №6.2636.2011.

Нашим авторским коллективом изучены дела сибирских ученых Б.Э. Петри, П.С. Михно, Е.И. Титова¹, хранящиеся в архивных фондах ФСБ. У этих ученых разное социальное происхождение, образование и трудовая жизнь, но их творческие пути неоднократно пересекались на полевых дорогах, в университетских аудиториях и в музейных хранилищах. Общим для них является также то, что их жизни трагически оборвались под залпами расстрельных команд: то были показательные акты истребления разума, опасного для сталинского сатанинского режима.

Ключевые слова: сибирские ученые, ГУЛАГ, уголовное дело, следствие, арест.

M.V. Konstantinov

The fates of the Siberian scientists in the GULAG epoch

In the article the authors collective has studied the files on B.E.Petri, P.S.Mikhno, E.I.Titov, the Siberian scientists, which are kept in the FSB archive funds. Those scientists had different social background, education and labor careers, but their research paths many times met on field roads, in university auditoriums and in museum storages. The common feature for them was that their lives were tragically ended off by volleys of firing squads; these volleys were the acts illustrating annihilation of minds, dangerous for Stalin's satanic regime.

Keywords: Siberian scientists, GULAG, criminal case, investigation, arrest.

Бернгард Эдуардович Петри (1884-1937), профессор Иркутского госуниверситета (1918-1930), член-корреспондент Английского Антропологического Общества и Государственной Академии истории материальной культуры СССР, действительный член Американского Антропологического Общества, научный сотрудник Восточно-Сибирского крайисполкома, был арестован 27 мая 1937 г¹. В постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения указывалось: «... гр-н Петри Бернгард Эдуардович... достаточно изобличается в том, что: 1. По заданиям некоторых иностранных органов на территории СССР проводит разведывательную работу. 2. Являясь членом фашистской контрреволюционной организации, по ее заданиям проводит активную фашистскую контрреволюционную работу». И далее – «...привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 1-а УК РСФСР, а мерой пресечения уклонения от следствия и суда избрать – арест с производством квартирного обыска и содержанием под стражей в Иркутской тюрьме по 1-й категории». Поясним, что по первой категории рассматривались уголовные дела, обвинение по которым предусматривало санкцию в виде высшей меры наказания – расстрела. На самом деле никаких компрометирующих материалов на Б.Э.Петри у органов НКВД не было. Следствие располагало лишь обвинительными показаниями одного из арестованных.

Архивно-следственное дело Б.Э. Петри

включает в себя 426 листа. Условно его можно разделить на две части: собственно следственное дело № 5472 (242 листа) и документы дополнительной проверки (183 листа). Начинается оно с ордера на арест и проведения обыска от 27.05.1937 г. №537. Далее следует протокол обыска по адресу г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11/26, кв. 3, датированный следующим за арестом днем – 28 мая 1937 г. Протокол заполнен на обычном для того времени типографском бланке. Постановление «Об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения» от 27.05.1937 г. было оформлено начальником 1-го отделения 3-го отдела Управления государственной безопасности НКВД Восточно-Сибирской области (УГБ НКВД ВСО) старшим лейтенантом Дьячковым, который впоследствии вел допросы и руководил следствием по делу Б.Э. Петри. Постановление было вынесено 27 мая, в этот же день утверждено помощником начальника Управления НКВД, а затем санкционировано прокурором Восточно-Сибирской области. В графе «Настоящее постановление мне объявлено», дата и подпись Б.Э.Петри отсутствуют. Видно, что на постановление (как это и предусматривалось правилами) была наклеена фотокарточка арестованного, однако затем она была оторвана.

Следственное дело содержит три протокола допросов – от 31 мая, 20 и 23 октября 1937 г. На самом деле допросов было больше. Так, в деле одного из «соучастников дела Петри»

Г.Ф. Фландерка имеется рукописный протокол допроса Бернгарда Эдуардовича от 12 сентября 1937 г. В деле самого Б.Э. Петри этот документ не представлен.

Б.Э. Петри, стараясь оттянуть развязку, излагал не только свою биографию, но и родословную, которую знал с шестнадцатого колена. Среди его предков были великие европейские реформаторы и ученые, его отцом был антрополог, профессор Санкт-Петербургского университета Э.Ю. Петри, а наставником – директор Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого, академик В.В. Радлов.

Сам Бернгард Петри был шведом по национальности, швейцарцем по рождению, немцем по языку, итальянцем по первым годам жизни, петербуржцем по гимназии и университету. Он стал иркутянином в 1918 г. волею судьбы, переплетенной с событиями гражданской войной, а вместе с тем – в силу глубокого интереса к сибирской этнологии, под которой понимал историю и культуру народов от древности до наших дней. Б.Э. Петри с его профессорским званием и самостоятельностью суждений, европейским кругозором и знанием языков, очень скоро стал «бельмом» для власти. Его изжили из университета, лишали других возможностей для работы, распускали слухи о его вредительстве в культуре, а потом нашли в нем лучшую кандидатуру на мнимую роль главы немецко-японской разведки в Сибири, тем самым по-своему отметив значимость его личности.

Биография ученого, его исследовательская работа и научные поездки, переписка с российскими и иностранными коллегами стали удобной базой обвинения; в нее с легкостью можно было вписать «ведение диверсионно-разведывательной работы». Его контакты с зарубежными учеными выдавались за связь с иностранными разведками. Интерес к нему приезжавших в Иркутск английских и американских журналистов признавался сотрудниками НКВД за шпионские явки. Интенсивное общение с широким кругом людей, обусловленное работой и общественно-научной деятельностью, характеризовалось как сбор шпионских сведений и организация вредительства.

Материалы следственного дела не оставляют сомнений в том, что акция по «чистке» немецких специалистов, политэмигрантов и бывших военнопленных была заранее спланирована руководством НКВД. Фашистская организация, которой якобы руководил Б.Э. Петри, была напрямую увязана с фашистской партией в СССР, созданной и руководимой германским посольст-

вом в Москве. Объявлялось, что эта партия подерживала связь с правотроцкистской организацией Восточной Сибири, панмонгольской националистической организацией Бурятии, фашистской группой города Читы и т.д. НКВД полагало, что профессор Петри с его обширными контактами и перепиской, в том числе с немецким консулом в Новосибирске Гросскопфом, был самым подходящим кандидатом на роль резидента германского генерального штаба.

В пользу этой версии свидетельствует один из протоколов в деле Б.Э.Петри – допрос 4 декабря 1936 г. И.И. Лебауэра. Этот документ составлен фактически как донос. И.И. Лебауэр считал своим долгом сообщить следственным органам о фашистской группе среди немецких рабочих завода им. Куйбышева. Далее на 21 листе подробно излагалась информация об отношениях и настроениях среди немецких специалистов (с указанием фамилий), приводились их высказывания и намерения. Заметим что, процитированный «документ» представлен только в машинописном виде. Он составлен оперуполномоченным особого отдела УГБ НКВД ВСО младшим лейтенантом госбезопасности Поповым и заверен треугольной печатью Управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю (подпись неразборчива), тогда как подписи допрошенного И.И. Лебауэра в протоколе нет. В результате проверки, проведенной помощником военного прокурора ЗаБВО подполковником Васильцом весной 1959 г., установлено, что сведения о сотрудничестве И.И. Лебауэра с органами НКВД, либо о его аресте, судимости в 1930-х гг., в архивах отсутствуют. В своей справке по делу № 5472 он пишет: «При осмотре архивно-следственных дел на бывших немецких специалистов, арестованных УНКВД Иркутской области в 1937 г., установлено следующее: Основанием для ареста немецких граждан, видимо, явились показания Лебауэра Иоганна Иоганновича, записанные в протоколе от 4 декабря 1936 г. (см. л. д. 163-183). Эти «показания» во всех делах представлены только копиями (исполнены на ротаторе). Где находится подлинник, установить не удалось. По-видимому, Лебауэр никем и не допрашивался».

Отсюда понятно, как фабриковались обвинения против Б.Э. Петри, по какому принципу подбирались «соучастники», какие процессуальные действия стремилось зафиксировать следствие. Обращает на себя внимание откровенно этнический признак формирования «немецко-японской, фашистской, диверсионно-разведывательной организации», главой кото-

рой, с точки зрения следствия, являлся Б.Э. Петри. Так, в числе 14 основных подследственных оказались венгр П.М. Шенфельд, швед Б.Э. Петри, остальные – немцы. Им приписывались связи с правотроцкистскими организациями Читы, Молотовской железной дороги и частей ЗабВО, панмонгольской националистической организацией Бурят-Монгольской АССР, контрреволюционной, монархической и эсеровской профессурой Восточной Сибири. В дополнение к перечисленному, Б.Э. Петри также был обвинен в сотрудничестве с английской разведкой. К тому же был арестован 1 ноября 1937 г. сын профессора – Олег Петри, вскоре осужденный на 10 лет лагерей. Ученого «дожали», заставив подписать признание, но и здесь он обманул следователей, назвав в числе главных соратников по шпионской деятельности В.В. Радлова (умершего в 1918 г.), действуя явно по принципу: «мертвые срама не имут». Совершенно очевидно, что Б.Э. Петри, как мог, пытался отвести угрозу от своих коллег и учеников.

Обвинительное заключение было составлено 3 ноября 1937 г.¹ Согласно выписке из протокола № 31 от 14 ноября 1937 г. НКВД СССР и прокурор СССР рассмотрели дело Б.Э. Петри и постановили – «расстрелять». Жизнь ученого оборвалась 25 ноября 1937 г. в 23 часа 25 мин, о чем, с точностью до минуты, составлена справка.

В октябре 1958 г. по запросу Иркутского Обллита прокуратурой Забайкальского военного округа была назначена дополнительная проверка по делу Б.Э. Петри. Были установлены несоответствия между показаниями обвиняемых, отсутствие на момент ареста каких-либо компрометирующих материалов в отношении некоторых «соучастников» дела Б.Э. Петри, необоснованность выводов предварительного следствия, сформулированных в обвинительном заключении. Таким образом, было установлено, что Б.Э. Петри был привлечен к уголовной ответственности и подвергнут наказанию «без достаточных оснований». 19 июня 1959 г. военный трибунал ЗабВО изменил формулировку постановления в отношении Б.Э. Петри на радикально-оправдательную и полностью реабилитировал ученого посмертно.

Петр Саввич Михно (1867-1938) был арестован на основании постановления, помеченного визами начальника УНКВД и прокурора от 26 ноября 1937г.² Документ был подписан на следующий день после расстрела Б.Э. Петри. Произошло это в том же Иркутске, куда Петр Саввич приехал из Кяхты к сыну-студенту, в даль-

нейшем известному геологу Николаю Петровичу Михно. Возможно, столь плотное соприкосновение дат случайно, но допустимо предположить, что рассчитавшись с Бернгардом Петри, НКВД взялся за других ученых – конвейер уничтожения не должен был давать сбой. Арестовали П.С. Михно через неделю – 2 декабря. До 70-летия директору Кяхтинского музея оставалось всего 18 дней.

В деле П.С. Михно есть «Анкета арестованного» и другие документы. По ним восстанавливается его биография.

Петр Михно родился 21 декабря 1867 г. в городе Ромны Полтавской губернии в семье казака. Отец его имел небольшое хозяйство в селе Чернухи Роменского уезда, однако, вскоре переехал на жительство в город Ромны, где занялся кустарным производством кирпичей. Петр Михно учился в Роменской церковно-приходской школе, затем в трехклассном городском училище. Его образование продолжалось в Глуховском учительском институте. После его окончания в 1888 г. он по собственному желанию был назначен на должность преподавателя естествознания четырехклассного городского училища в Троицкосавске, расположенном на границе с Монголией – молодого человека привлекала далекая Азия, столь экзотичная для уроженца Украины. Практически сразу по прибытии в Забайкалье, молодой учитель приступил к сбору естественно-исторических коллекций. Здесь он познакомился со многими краеведами-любителями, в том числе с политическими ссыльными-народовольцами – Николаем Аполлоновичем Чарушиным и Иваном Ивановичем Поповым. Любовь к исследованиям П.С. Михно старался привить и своим ученикам. Вместе они совершали экскурсии в окрестностях Троицкосавска и купеческой слободы Кяхты, собирали коллекции по зоологии, геологии, археологии и ботанике. Вскоре в среде местной интеллигенции возникла мысль об основании музея, началась сбор пожертвований на его организацию, на что живо откликнулось местное купечество. Основой музейных фондов стали естественно-исторические коллекции, подаренные П.С. Михно. С 1894 г. научная деятельность П.С. Михно была неразрывно связана с отделениями Русского географического общества (РГО): Троицкосавско-Кяхтинским (ТКОПОИРГО) и Читинским (ЧОПОИРГО). Как натуралист он исследовал Юго-Западное Забайкалье и Северную Монголию. Из-за отсутствия необходимой литературы для определения собранных коллекций

он направлял их для обработки известным ученым. Так, млекопитающие направлялись К.А. Сатунину (Тифлис), птицы – В.Л. Бианки (Санкт-Петербург) и профессору М.А. Мензбину (Москва), пресмыкающиеся и земноводные – В.С. Елпатьевскому (Москва), третичные ископаемые – М.В. Павловой (Москва), цветковые растения – профессору И.В. Палибину (Санкт-Петербург), споровые растения – профессорам В.Ф. Бротерусу и П.А. Карстену (Гельсингфорс, Финляндия) и доктору А.Цальбрукнеру (Вена). В дальнейшем этими учеными были написаны научные работы, основанные на изучении коллекций, собранных П.С. Михно. Заслуги Петра Саввича Михно были отмечены присуждением ему в 1903 г. малой серебряной медали РГО. Он также стал членом Русского энтомологического общества.

По линии основной службы П.С. Михно был учителем, а с 1902 г. – инспектором городского Троицкосавского училища. В 1907 г. его повысили в должности и назначили на место инспектора народных училищ в столице Забайкальской области – городе Чите. Покидая Троицкосавск, П.С. Михно был уже известным натуралистом. Собранный им гербарий растений Монголии, включавший в себя 400 видов растений, был в 1907 г. закуплен для пополнения Женевского городского гербария.

В 1907–1910 гг., во время пребывания в Чите, П.С. Михно активно сотрудничал с ЧОПОИР-ГО, в 1909–1910 гг. был директором Читинского музея. Он упорядочил и описал музейные коллекции по зоологии, палеонтологии, археологии и минералогии. В связи с организацией Агинской экспедиции в 1908 г., председатель ЧОПОИРГО Д.М. Головачев предложил П.С. Михно изучить и описать животный мир Агинской степи, на что тот с радостью согласился.

Будучи в Чите, П.С. Михно много времени посвятил исследованию наименее изученных для Забайкалья представителей растительного царства – споровых. В 1908–1909 гг. ученый собрал в окрестностях Читы коллекцию грибов, отправленную для определения профессору П.А. Карстену. Тот впоследствии опубликовал статью «Забайкальские грибы, собранные П.С. Михно около Читы в 1908 и 1909 гг.». Среди них новыми для науки были: *Corydus sulcatus* Karst., *Rychnoporus Palibini*, *Daedalea candicans*, *Daedalea variegata*, *Lenzites unizonata*, *Lenzites septentrionalis*, *Lyomyces polygonioides*, а также названный в честь П.С. Михно *Gyrodon Mikhnoi*.

В 1910 г. П.С. Михно вновь перевели в г. Троицкосавск на прежнюю должность. Это

понижение по службе было вызвано тем, что он давал хорошие отзывы об учителях, находившихся в тюрьмах по обвинению в политических преступлениях. Прослужив год в Троицкосавске, он был направлен в Акшинский район в качестве инспектора народных училищ, а затем возвращен в Троицкосавск на должность инспектора народных училищ 8-го района. За безупречную службу его наградили орденом святого Станислава 3-й степени и серебряной медалью в честь царствования императора Александра III.

После февральских событий 1917 г., на учительском съезде П.С. Михно был избран председателем училищного совета и получил предложение выставить свою кандидатуру на такую же должность в областном центре – городе Чите. Октябрьский переворот он встретил будучи инспектором народного образования в Чите. Во время правления адмирала А.В. Колчака (1919–1920) и в годы Дальневосточной Республики (1920–1922) П.С. Михно работал преподавателем искусств в Высшем начальном училище г. Троицкосавска, а в 1922 г. оставил преподавательскую работу и занял должность директора Кяхтинского краеведческого музея. Он успешно оберегал и пополнял музейные ценности. Два обстоятельства, имевшие место в жизни ученого в эти годы, поставили его раз и навсегда под подозрение новой власти. Во время выборов в Учредительное собрание ДВР, состоявшихся 9–11 января 1921 г. и проходивших под контролем большевиков, П.С. Михно выдвинул свою кандидатуру от неугодного коммунистам «Союза хлеборобов», а после того, как отказался ее снять, не поддавшись угрозам, был арестован Госполитохраной, но через пять дней отпущен. В 1925 г. П.С. Михно был осужден на три года лишения свободы условно за то, что будучи гласным Троицкосавской городской думы, в 1922 г. подписал постановление о вводе китайских войск в г. Троицкосавск (к городу подступали красные партизаны, гарнизон белых под командованием генерала Крымова отказался защищать его, и китайские войска были введены Троицкосавской администрацией для предотвращения разорения города). Многочисленные поездки по области и широкие научные связи также вызывали у новой власти много вопросов. Общая обстановка шпиономании, царившая в стране, ставила под подозрение каждого, а тем более людей с необычными для этих мест фамилиями.

В январе 1931 г. П.С. Михно был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Архивно-уголовное дело позволяет детально восстановить ход следствия и обвинений,

выдвинутых против ученого. Оно наглядно характеризует делопроизводство «троек», по приговору которых погибло немало талантливых деятелей Русского географического общества. Вскоре П.С. Михно был освобожден. Однако вновь арестован в 1937 г. Обвинительный приговор П.С. Михно был вынесен 28 октября 1938 г., при этом вместе с ним по списку проходил еще 41 человек. В приговоре значилось: «Третьим Отделом УНКВД по Иркутской области вскрыта и ликвидирована контрреволюционная, белогвардейская, шпионско-диверсионная, вредительская организация, действовавшая по прямым директивам японской разведки и руководителей закордонных РОВ-Совских организаций – генералов Сычева, Шильникова, Бакшеева. Указанная организация своей конечной целью ставила свержение советской власти путем вооруженного восстания в момент военного нападения на Советский Союз Японии и Германии и, в осуществление своих целей, охватив почти все отрасли народного хозяйства Восточной Сибири и красноармейские части Забайкальского военного округа, проводила контрреволюционную, шпионско-диверсионную, террористическую, вредительскую и повстанческую деятельность. На основании изложенного обвиняются: ... 12. Михно Петр Саввич – 1867 г. рождения, уроженец г. Ромны бывшей Полтавской губ., украинец, гражданин СССР, из крестьян, бывший статский советник, образование среднее. До 1918 г. работал инспектором народных училищ 8 участка Забайкальской области. В 1918 г. входил в антисоветскую меньшевистскую организацию в г. Троицкосавске. В 1920 г. являлся одним из организаторов и руководителей контрреволюционной организации «Союз хлеборобов». В период колчаковщины был членом городской думы. В 1922 г. судим за ввод китайских войск на территорию СССР. В 1931 г. арестовывался и привлекался к уголовной ответственности по ст. 58-9 УК РСФСР. До ареста – директор Кяхтинского краеведческого музея, проживал в г. Кяхте, являлся агентом японской разведки, участником контрреволюционной белогвардейской организации РОВСа.

В японскую разведку завербован в 1920 г. в г. Троицкосавске японским агентом Успенским Сергеем Александровичем.

По заданию Успенского собирал и передавал ему для японской разведки шпионские материалы: об экономическом и политическом положении Забайкалья; о наличии в Забайкалье полезных ископаемых; об охране монгольской грани-

цы; о шоссейных и грунтовых дорогах приграничной полосы; о населенности приграничной полосы и об отношении пограничного населения к мероприятиям советской власти; о ходе коллективизации в Забайкалье; о Красноармейских частях иркутского гарнизона; о военных заводах 104 и 125. Для шпионской работы завербовал белогвардейца Блиновского. За шпионаж от японской разведки через Успенского получил 40 000 р.

В 1928 г. по указанию Успенского принимал участие в создании в г. Троицкосавске контрреволюционной белогвардейской организации. По заданию Троицкосавской белогвардейской организации был связан с членами подпольного штаба Иркутской белогвардейской организации – Козьминым и Буриным. Был осведомлен о террористической и диверсионной деятельности Иркутской белогвардейской организации, в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-1-а, 58-2, 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Виновным себя признал. Изобличается показаниями Бурина, Успенского».

1 ноября 1938 г. был вынесен приговор о расстреле П.С. Михно с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества. Приговор привели в исполнение 23 ноября 1938 г.

Несомненно, что такой человек, как П.С. Михно, народный учитель и краевед-музейщик с дореволюционным стажем, слишком много знавший и умевший составить собственное суждение о власти, был для нее не менее опасным, чем профессор Б.Э. Петри; тем более, что они общались между собой и даже написали совместную статью «Чикойский всадник»³. Этот факт общения, правда, буквально в протоколах допросов не отмечен.

В 1956 г. дело П.С. Михно пересмотрели и ученого посмертно реабилитировали. Оказалось, что «бывший сотрудник УНКВД по Иркутской области Троицкий, принимавший участие в аресте и допросах проходящих по этому делу лиц, за нарушение социалистической законности осужден». Вслед за первым решением военный трибунал Забайкальского военного округа определил, что «в протесте правильно ставится вопрос об отмене постановления тройки УНКВД по Иркутской области от 1-го ноября 1938 г., но по тем же мотивам дело подлежит прекращению не за недоказанностью, а за отсутствием состава преступления». Это постановление датировано 11 февраля 1957 г.

Столь же тяжкий путь репрессий прошел Елпидифор Иннокентьевич Титов (1896 -1938).

Согласно постановлению от 28 июля 1937 г., составленного оперуполномоченным 5-го отделения III Отдела УГБ УНКВД по Дальневосточному краю, Е.И. Титов «изобличается в том, что будучи связан с резидентом японской разведки Арсеньевым, по заданию последнего занимался разведывательной деятельностью в пользу иностранного государства, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР, и потому должен быть арестован с производством обыска по месту жительства»¹.

Судя по «Анкетe арестованного» арест Е.И. Титова произведен 5 августа 1937 г., после чего он был помещен под стражу в комендатуру УНКВД ДВК. В анкете, которую сотруднику госбезопасности полагалось заполнить четко и разборчиво со слов арестованного и с проверкой по документам, допущены многочисленные орфографические ошибки, свидетельствующие о низкой грамотности этого сотрудника. Так, искажено имя и отчество арестованного, слово «литератор» написано с буквой «е» в первом слоге и т.д. Согласно анкете Е.И. Титов проживал в г. Хабаровске, по ул. Фрунзе, № 65, что он «из духовного происхождения, до революции имевший «1 дом, 2 лошади и 5 коров, жатку, лобогрейку, грабли», ныне – служащий, работавший литсотрудником в журнале «На рубеже», образование высшее, исключен из ВКП(б) в 1936 г. «за связи с чуждым элементом», состав семьи: жена Мария Александровна Титова (в девичестве Туманова), 38 лет, врач, и дочь Мария.

В протоколе допроса, датированного по какой-то причине от 4 июля 1937 г., т.е. датой за месяц до ареста, содержатся ответы Е.И. Титова на 34 вопроса, что изложено на 12 листах, при этом фамилия следователя и его роспись отсутствуют. Следователя особенно интересовало пребывание Е.И. Титова за границей. Е.И. Титов показал, что в первый раз выезжал с женой к ее родителям в 1924 г. в Харбин, где пробыл полтора месяца; при этом его жена осталась с родителями. Второй раз он выезжал в тот же Харбин в 1927 г., где пробыл с семьей по январь 1932 г. В Харбине Е.И. Титов служил на КВЖД в центральной библиотеке, а с декабря 1930 г. – в газете «Герольд Харбина». После того, как она была закрыта китайскими властями – в газетах «Ивнинг Ньюс» («Вечерние новости») и «Новости Востока». Следователь постоянно напирал на белоэмигрантскую антисоветскую суть семьи Тумановых, но Е.И. Титов заявлял, что «фактов их отрицательного отношения к Советскому Союзу» не имел и сведениями об их связи «с белогвардейским союзом офицеров» не располагал.

Из тех лиц, с кем общался сам Е.И. Титов, обращают на себя внимание имена писателя-эмигранта Всеволода Иванова и «Шардена, друга Лисана, геолога-археолога», написавшего книгу «Феномен человека».

На вопрос следователя о занятиях между двумя поездками в Харбин, Е.И. Титов отвечал, что в 1925-1926 гг. он находился «в командировке от Далькрайисполкома в верховьях Нерчи, Каренги, Витима, р. Лены, на севере Байкала и т.д.».

После окончательного возвращения из Харбина, с 1932 по 1936 г. Е.И. Титов работал заведующим иностранным отделом газеты «Тихоокеанская звезда» (ТОЗ), затем, в связи с исключением из партии, занимался литературной консультацией при Союзе писателей; с 7 июля 1937 г. назначен литературным работником журнала «На рубеже».

Следователь обвинял Е.И. Титова с контактах с троцкистской организацией в г. Хабаровске. Арестованный этого не отрицал и признавал свои идеологические ошибки. Они заключались в следующем: в статье, посвященной населению Дальнего Востока, написанной совместно с профессором Арсеньевым «искажил ленинско-сталинскую национальную политику»; дал неправильную, противоречащую «ленинскому толкованию», оценку мировоззрения Л.Н. Толстого в статье «Толстой как художник» (1935); допустил к печати (1934) роман писателя Амурского-Романенко «Гордость», в котором «протаскивались троцкистские взгляды».

Следователя интересовали цели поездки Е.И. Титова в Москву и Ленинград с апреля по август 1936 г. Литератор сообщал, что поездка была ему необходима для работы над текстом пьесы «Сергей Лазо». Во время поездки он встречался со многими писателями, в т.ч. с Фадеевым и Павленко.

В следственное дело включена автобиография (1932) Ельпидифора Иннокентьевича Титова, в которой он сообщал, что «родился в 1896 г. в Западном Забайкалье в семье священника. Среднее образование получил в Иркутской духовной семинарии, высшее – в Иркутском государственном университете, который закончил в 1923 г. по историко-филологическому отделению. Профессия – журналист, пишу с 1917 г...». По другому документу (его личное заявление в Хабаровский горком ВКП(б) от 1936 г.) он сообщает, что профессор Б.Э. Петри направлял его летом и осенью 1919 г. к тунгусам, и что он является автором «Тунгусско-русского словаря», «Тунгусского фольклора», а также работы по археологии Северного Байкала.

Е.И. Титов – по своим глубинным этническим корням (по линии отца) тунгус, а по матери русский; он был инвалидом из-за костного туберкулеза колена правой ноги. Его исключили из ВКП(б) за политические ошибки – был обвинен как враг народа, но виновным себя в шпионской деятельности и принадлежности к белоэмигрантским организациям не признал. Так же держалась его супруга М.А. Титова-Туманова.

По делу устанавливается, что Е.И. Титов был обвинен в связи «с резидентом японской разведки Арсеньевым, по заданию последнего занимался разведывательной деятельностью в пользу иностранного государства».

Отсюда вытекает, что известный путешественник и писатель В.К. Арсеньев также обвинялся в шпионаже, но его дело не получило желательного для НКВД завершения. Скорее всего, это связано с тем, что В.К. Арсеньев умер в 1930 г.

Е.И. Титов был расстрелян 21 января 1938 г. в 23 часа. М.А. Титова-Туманова получила 10 лет лагерей.

В 1957 г. Е.И. Титов и М.А. Титова-Туманова решением военного трибунала Ленинградского военного округа были реабилитированы.

В заключении следует отметить, что юридическая реабилитация Б.Э. Петри, П.С. Михно, Е.И. Титова и М.А. Титовой-Тумановой не означает, что их личное достоинство в полной мере восстановлено – для этого необходимы развернутые публикации об их жизни и творчестве с анализом научных и общественных заслуг; весьма желательно опубликовать труды репрессированных ученых, ввести их имена в российские и региональные энциклопедии, представить в экспозициях музеев.

Жизнь, уничтоженную сталинским преступным режимом, вернуть невозможно, но честь и имя – вполне!

Авторы благодарят А.В. Соловьева, полковника ФСБ, общественного деятеля, активно участвующего в реабилитации жертв репрессий, за помощь в поиске материалов о репрессированных ученых.

Литература

1. Константинов М.В. Оракулы веков: этюды об исследователях Сибири. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 105 с.
2. Константинов М.В. Провинциальная археология. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. 296 с.
3. Пархоменко С.Н. (Селина) Архивно-следственное дело Б.Э. Петри // Петр Алексеевич Кропоткин – гуманист, ученый, революционер // Российская научная конференция: сб. тезисов. Чита: Изд-во Читин. пед. ин-та, 1992. С. 25-27.
4. Селина С.Н. Архивно-следственное дело Б.Э. Петри как исторический источник // История политических репрессий в СССР в 1930-1950-е годы: материалы Всерос. науч. конф. студ. и аспирантов. – Сыктывкар: Сыктывк. гос. ун-т, 2006. С. 86-89.
5. Эйльбарт Н.В. Портреты исследователей Забайкалья: вторая половина XIX в. – начало XX в. М.: Наука, 2006. – 224 с.

Источники

6. Архивно-следственное дело Б.Э. Петри. № 10136. ФСБ РФ по Иркутской области.
7. Архивно-следственное дело П.С. Михно. № 3720. ФСБ РФ по Республике Бурятия.
8. Михно П.С., Петри Б.Э., Чикойский всадник // Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН, 1928. Т. IV. – С. 323-328.
9. Архивно-следственное дело Е.И. Титова и М.А. Титовой-Тумановой. № 1276. ФСБ РФ по Приморскому краю.

Константинов Михаил Васильевич, археолог, д-р ист. наук, профессор Академии гуманитарных наук, г. Чита.

Konstantinov Mikhail Vasilyevich, archeologist, doctor of historical sciences, professor, Academy of the Humanities, Chita.

УДК 947+331.2–051(571.54)

© Н.В. Олзоева

Организация, нормирование и оплата труда крестьян в колхозах Бурят-Монгольской АССР в 1945-1953 гг.

Статья посвящена проблеме организации колхозного производства в Бурят-Монгольской АССР в 1945-1953 гг. На основе имеющихся источников изучена организация основных форм производства в колхозах, показаны особенности учета труда, мероприятия повышения его производительности и уровень оплаты труда крестьян.

Ключевые слова: колхоз, организация труда, формы производства, трудодень, производительность, оплата.

N.V. Olzoeva

The organization, rationing and compensation of peasants labor in collective farms of the Buryat-Mongolian ASSR in 1945-1953

The article is devoted to the problem of organization of collective farm production in the Buryat Mongolian ASSR in 1945-1953. On the basis of available sources the organization of main modes of production in collective farms has been studied, the features of the accounting of work, actions aimed at increasing its productivity and level of compensation of peasants labor have been revealed.

Keywords: collective farm, organization of work, mode of production, workday, productivity, payment.

В первые послевоенные годы в трудных условиях перехода экономики от военного к мирному времени, когда не хватало материально-технических средств и людских ресурсов, большое влияние на ее развитие имела организация производства.

В послевоенный период колхозное крестьянство, как и весь народ, вступило с большими надеждами и энтузиазмом. Люди рассчитывали на значительные перемены к лучшему, зная, что их жизненный уровень будет зависеть прежде всего от количества и качества труда.

Основными формами организации труда крестьян в колхозах стали производственные бригады и звенья. Они представляли собой простейшие формы кооперации работников в соче-

тании с разделением и специализацией труда при определенном использовании машин и орудий [1, с. 37].

В годы четвертой пятилетки стали создаваться тракторные и полеводческие бригады, размеры которых определялись, главным образом, количеством тракторов. Также в зависимости от направления хозяйства в колхозах, кроме полеводческих, стали создаваться специализированные производственные бригады (овощеводческие, садоводческие, по кормодобыванию и др.) [1, с.39]. Представление о численности в колхозах республики действующих производственных бригад и количестве работающих в них колхозников дает таблица 1 [2].

Таблица 1

Количество производственных бригад в колхозах Бурят-Монгольской АССР в 1946-1953 гг.

Годы	Число бригад				В них колхозников			
	полевод.	овощных	садовод.	кормодобыв.	полевод.	овощных	садовод.	кормодобыв.
1946	877	423	8	-	52111	5779	27	-
1947	874	386	-	-	57098	6164	44	-
1948	864	337	-	-	57933	5868	2	-
1949	851	327	-	-	60071	5293	-	-
1950	794	299	-	-	50814	5007	-	-
1951	681	251	15	185	45365	4715	91	4804
1952	634	235	20	152	43628	4227	91	3938
1953	593	224	18	158	44117	3881	73	4431

Как видно из таблицы 1 количество производственных бригад в полеводстве и овощеводстве за годы четвертой пятилетки и в начале 50-х гг. неуклонно сокращалось. Если в 40-х гг. это было связано в основном с укрупнением бригад, то с 1950-1953 гг. – с оттоком сельского населения из колхозов.

Бригады создавались не менее, чем на срок полного севооборота, за ними правление колхозов закрепляло инвентарь, рабочий скот, производственные помещения. Численность бригады в первые послевоенные годы была различной, в зависимости от специализации и размещения колхозов. В 1947 г. в колхозах республики в постоянной полеводческой бригаде было в среднем 56 человек [3, с.184].

В животноводстве основной производственной единицей являлась ферма. При существовании небольших размеров ферм каждую из них обслуживала, как правило, одна бригада. В связи с принятием в 1949 г. трехлетнего плана развития общественного животноводства в колхозах и заметным расширением объема работ фермы были созданы практически во всех колхозах. Это, в свою очередь, потребовало увеличения кормовой базы, которая по существу сдерживала

рост поголовья. В связи с этим колхозы стали расширять посевы трав, что в значительной мере предопределило появление производственных бригад, специализировавшихся на кормодобывании [1, с. 39]. В Бурят-Монгольской АССР колхозные бригады по кормодобыванию стали создаваться с 1951 г., в которых в среднем насчитывалось 26-28 человек.

Другой основной формой организации труда во второй половине 40-х – начале 50-х гг. стала звеньевая система. К началу пятой пятилетки звенья заняли зависимое от бригады положение. Они существовали лишь внутри бригад в период полевых работ и не всегда сохранялись до конца уборки. При этом на звенья делились далеко не все бригады, а лишь наиболее многочисленные. В колхозах Сибири они были менее чем в половине полеводческих бригад, да и то лишь по 1-2.

Звеньевая система была практически незаменима там, где еще мало использовалась техника. Практика показала, что при возделывании трудоемких пропашных и технических культур с высоким удельным весом ручного труда закрепление отдельных участков за небольшими звеньями обеспечивало более качественное выполнение работ в установленные сроки [1, с.40].

Таблица 2

Количество производственных звеньев в колхозах Бурят-Монгольской АССР в 1946-1953 гг.

Годы	Число звеньев внутри бригад / Число звеньев, сохранившихся до конца уборки				Количество колхозников в звеньях, сохранившихся до конца уборки			
	полевод.	овощн.	садов.	кормодоб.	полевод.	овощн.	садов.	кормодоб.
1946	1328	226	4	-	25316	3820	12	-
1947	607	296	-	-	7055	2586	-	-
1948	1380/369	415/291	8/8	-	6894	2697	27	-
1949	1490/400	377/240	9/7	22/17	5666	1752	27	17
1950	244/ 89	199/147	9/5	-	1064	987	9	-
1951	138/ 92	136/105	7/5	40/32	987	756	9	258
1952	119/ 74	116/ 84	12/11	5/ 1	620	644	38	21
1953	170/121	77/ 77	5/5	28/ 4	1095	408	22	116

Как видно из таблицы, число звеньев, как и производственных бригад, а также количество работавших в них колхозников неуклонно сокращалось. Зато звенья по кормодобыванию появились раньше бригад с 1949 г. с принятием трехлетнего плана развития общественного животноводства.

На протяжении длительного периода мерой, учитывавшей участие колхозников в общественном труде, не только количественную, но и качественную его сторону, был трудодень. Та-

кая мера позволяла учесть вклад отдельного работника в производство и в соответствии с этим – его долю в произведенном продукте [1, с.43].

До 1939 г. в колхозах не существовало какой-либо установленной нормы обязательной трудовой выработки. Однако постепенно все более отчетливо стала проявляться низкая эффективность принудительного труда в колхозах, не базировавшегося на должной материальной заинтересованности. Изымая из колхозов почти весь объем произведенной ими продукции по низким

закупочным ценам, государство ставило колхозы в такие условия, когда на оплату труда оставались весьма незначительные средства. Предусмотренные государством формы внеэкономического принуждения (отсутствие возможности уехать из колхоза) в плане подъема трудовой активности крестьянства не работали. Многие из членов колхозов, оставаясь проживать в деревне, в общественном производстве работали мало или совсем не работали, проживая на доходы от своего небольшого приусадебного участка.

Для того, чтобы заставить колхозников больше работать в общественном хозяйстве, партия и правительство разработали меры, усиливавшие административное принуждение. Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от расхищения» от 27 мая 1939 г. для трудоспособных работников колхозов впервые вводился обязательный годовой минимум трудовой от 60 до 100. Невыполнение обязательного минимума наказывалось в административном порядке, но главной карой являлось то, что его невыработка вела к утрате права на ведение личного подсобного хозяйства.

С 1942 г. в условиях военного времени для всех граждан тыла действовал введенный «на период войны» повышенный от 100 до 150 для взрослых и 50 (в течение года) для подростков – членов семей колхозников обязательный минимум выработки трудовой, за невыполнение которого без уважительных причин колхозников отдавали под суд.

Жесткая трудовая дисциплина в сочетании с

патриотизмом крестьянства обеспечивали выполнение установленных высоких норм труда в колхозах.

В мирных условиях послевоенного времени положение не менялось, продолжал действовать все тот же повышенный обязательный минимум выработки трудовой, сохраненный по рекомендации февральского 1947 г. Пленума ЦК ВКП (б) и утвержденный постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1947 г. [4, с.97]. Существовал административный контроль, угроза материальной и судебной ответственности за невыход на работу, низкая оплата труда. Указами Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. и 23 июля 1951 г. «за уклонение от общественно полезного труда и за ведение паразитического образа жизни» была введена уголовная ответственность, которая распространялась и на колхозников. Неучастие членов колхозов в общественном производстве, невыполнение обязательного минимума трудовой каралось восемью годами ссылки [1, с. 38-39].

И тем не менее, крестьянство трудилось не жалея сил. Среднегодовая выработка трудовой трудоспособными колхозниками по всем экономическим регионам России была довольно высокой [1, с. 50]. В колхозах республики она составляла 244 трудовой в 1946 г., постепенно увеличиваясь до 269 трудовой (в 1953 г.) [5].

Представление о трудовых затратах в колхозах дает структурная таблица количества трудовых, выработанных отдельными группами работников.

Таблица 3

Годы	Всего работавших (тыс. чел.) / ими выработано трудовой (тыс.)	В том числе количество				
		Трудосп. мужчин (тыс.чел.) / ими выработ. трудовой (тыс.)	Трудосп. женщин (тыс. чел.) /ими выработ. трудовой (тыс.)	Престарелых и инвалидов (тыс. чел.) / ими выработ. трудовой (тыс.)	Подростков 12-16 лет (тыс. чел.) / ими выработ. трудовой (тыс.)	Работающ. на гос. предпр. и вернувш. в колхоз в течение года (тыс. чел.) /ими выработ. трудовой (тыс.)
1946	105,4/ 25799	25,1 / 9419	42,0/11506	12,0 /1783	16,4/1892	9,7/1198
1947	112,3/ 26347	30,9/11125	43,6/10919	13,2 /1808	16,9/1721	7,6/ 773
1948	111,7/ 26488	31,5/11621	45,3/11208	14,2 /1715	15,2/1364	5,6/ 578
1949	110,9/ 25459	30,8/12202	45,3/10117	15,0 /1673	14,5/ 981	5,2/ 483
1950	107,0/ 24942	29,3/10848	43,9/10976	14,4 /1591	14,4/ 906	5,0/ 619
1951	106,0/ 25194	28,9/11123	44,0/11142	13,4 /1548	14,9/ 874	4,8/ 507
1952	101,3/ 26448	27,0/11681	42,5/11761	11,7 /1655	15,7/ 850	4,4/ 501
1953	101,1/ 27203	27,3/12385	41,4/11990	11,9 /1557	15,5/ 814	4,0/ 457

По данным таблицы 3 [5] видно, что на всем протяжении второй половины 40-х – начала 50-х гг. большее количество трудовой выработывали трудоспособные женщины-колхозницы. Так, в 1946 г. на их долю пришлось 44,6% всех выработанных

трудовой, в 1950 г. – 44,0% и в 1953 г. – 44%. Трудоспособные мужчины суммарно выработывали несколько меньше трудовой, чем женщины, но труд их в колхозах был более интенсивным. Так, например, в 1946 г. трудо-

способные мужчины составляли всего лишь 23,8% от общего количества колхозников, участвовавших в колхозных работах. Однако, как следует из данных таблицы, ими было произведено 36,5% общего количества трудодней, выработанных в колхозах. Столь же интенсивно труд мужчин использовался в колхозах и в последующие годы. Так в 1950 г. 27,3% трудоспособных мужчин выработали 43,4% от общего количества трудодней, а в 1953 г. 27% трудоспособных мужчин выработали 45,5% трудодней.

Кроме работников трудоспособного возраста, составляющих ядро трудовых ресурсов, в колхозах обычно работала и определенная часть подростков до 16 лет, люди пенсионного возраста и инвалиды. Поэтому общее число лиц, принимавших участие в общественном производстве, оказывалось всегда больше, чем число трудоспособных работников.

Применение труда подростков, престарелых и инвалидов в послевоенные годы было вынужденной мерой, которая вытекала из крайне низкого уровня развития производительных сил деревни. [1, с. 58]. На долю лиц пенсионного возраста и инвалидов в колхозах республики приходилось от 5,7 до 6,9% выработанных трудодней, при этом они оказывали наиболее ощутимую помощь колхозам республики. В меньшей мере помогали колхозам подростки 12-16 лет, их выработка составляла в середине 40-х гг. 7,3% и снизилась до 3,2% к 1953 г. Также небольшой вклад в общественное хозяйство вносили те трудоспособные члены колхозов, которые большую часть года находились в «отходе», но в конце года возвращались и принимали участие в общественном производстве. На них приходилось всего 4,6% от выработанных трудодней в 1946 г., их доля снизилась к 1953 г. до 1,6%.

Объективные трудности послевоенного периода, как и в годы войны, приводили к тому, что производительность труда росла крайне медленно, а темпы прироста валовой продукции не удовлетворяли потребностей страны. Поэто-

му главным резервом роста колхозного производства оставалось повышение производительности труда в основном за счет увеличения физической нагрузки.

Наряду с правовыми мерами в 1948 г. были пересмотрены существовавшие производственные нормы труда в колхозах. Согласно постановлению Совета министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» (апрель 1948 г.), они были увеличены на пахоте на 12-17%, на бороновании – на 12-20, на тереблении льна – на 25% и т.д. Новые нормы были рассчитаны для всех районов страны и исходили из показателей трудовой деятельности передовых хозяйств в районах, обеспеченных машинами. Однако для крестьян большинства колхозов России, особенно северных, центральных и восточных областей, эти нормы и расценки были явно завышены.

Общее количество исключенных из колхозов за невыработку годового обязательного минимума трудодней составляло ежегодно по стране более 100 тыс. чел. С помощью подобных репрессивных мер в колхозах вводились новые повышенные нормы труда. За 1948 г. на них перешло уже 86% колхозов, остальные – в следующем году [1, с. 38-39].

Одновременно с изменениями в организации труда создавались возможности для улучшения оплаты, постепенного ее стимулирования. Четвертый пятилетний план на 1946-1950 гг. предусматривал увеличение натуральной и денежной оплаты трудодня колхозников. Однако тяжелое экономическое положение колхозов во многих районах страны, последствия засухи 1946 г. не позволили обеспечить колхозников хлебом и другими продуктами [1, с.42].

В Бурят-Монгольской АССР фонд распределения по трудодням в годы четвертой пятилетки возрастал очень медленно, а к 1953 г. даже уменьшился. Это подтверждается данными таблицы 4 [6].

Таблица 4

Натуральные и денежные доходы, определенные к выдаче на трудодни, в колхозах Бурят-Монгольской АССР в 1946 – 1953 гг.

	1946 г.	1950 г.	1953 г.
Общая сумма денежных доходов колхозов, тыс. р.	96,7	69,8	130,5
Определено к выдаче по трудодням колхозникам картофеля, тыс. ц	18,5	27,9	Нет данных
Определено к выдаче по трудодням колхозникам зерна, тыс. ц	80,4	232,0	390,5
Определено к выдаче по трудодням колхозникам денег, тыс. р.	32,1	23,1	26,3

Из таблицы 4 видно, что если в 1946 г. фонд распределения зерна по трудодням составлял 20,1% от валового сбора зерновых и 33,2% от общей суммы денежного дохода, то в 1950 г. – всего 22,6 и 33,1%. А в 1953 г. снизился и составлял – 16,9 и 20,1% соответственно. В некоторых колхозах, кроме зерна и денег, выдавались также картофель, овощи и некоторые другие продукты.

Фонд оплаты труда в колхозах в первые послевоенные годы продолжал формироваться по остаточному принципу, т.е. его размер зависел от остатка продукции после расчетов колхоза с государством по всем видам обязательных поставок и за работы МТС. Уровень оплаты труда в разных колхозах не был одинаковым, так как в конечном итоге он зависел и от величины собранного урожая, и от обеспеченности каждого хозяйства средствами производства, трудовыми ресурсами, от себестоимости полученной продукции и т.п. В экономически слабых, отстаю-

щих колхозах крестьяне, хотя и вырабатывали больше трудодней, получали на них гораздо меньше продуктов и денег, чем в других, более богатых хозяйствах [1, с.59].

Кроме оплаты по трудодням, для поощрения колхозников с предвоенных лет существовала и дополнительная оплата, начислявшаяся от процента перевыполнения плана. При этом повсеместно преобладала натуральная оплата труда. Но в первые годы после войны на практике она применялась редко и мало влияла на увеличение оплаты труда в общественном производстве.

Таким образом, просчеты в организации труда, невысокий уровень материально-технической оснащенности колхозного производства, низкая оплата труда и многое другое привели к тому, что в первые послевоенные годы так и не удалось создать достаточно эффективного механизма организации, использования и стимулирования труда.

Литература

1. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина до Хрущева. Середина 40-х – 60-х гг. / О.М. Вербицкая. – М.: Наука, 1992. 222 с.
2. ГАРБ. ф. Р691, д. 5433, л.7 об.; д. 5434, л. 8об.; д. 5435, л. 1об.; д. 5436, л. 1 об.; д. 5437, л. 5; д. 5438, л. 3; д. 5439, л. 3; д. 5440, л. 10.
3. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии (1930-1939 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. – 280 с.
4. Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930-1960-е годы // Отечественная история. – 1973. – №2. – С. 96-110.
5. ГАРБ. ф. Р-691, оп.7; д. 5433, л.7; д. 5434, л. 8об.; д. 5435, л. 1об.; д. 5436, л. 2; д. 5437, л.5; д. 5438, л. 3; д. 5439, л.3; д. 5440 л. 10.
6. ГАРБ. Ф. Р-691, оп.7; д. 5433, л. 11, 14; д. 5437, л. 9об., 10 об.; д. 5440, л. 15об, 17об.

Олзоева Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета. г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Olzoeva Natalya Vladimirovna, senior lecturer, department of homeland history, Buryat State University. Ulan-Ude, Smolin str., 24a.

УДК 329.052 (571.54)

© *А.Н. Балакирев*

Пионерская организация Бурятии в послевоенные годы

В статье рассматривается деятельность крупнейшей в мире детской общественной организации в Бурятии в один из сложнейших периодов отечественной истории. Автор отмечает неоднозначный характер существовавшей системы работы с детьми и подростками, анализирует позитивные и негативные тенденции в развитии пионерского движения.

Ключевые слова: детское движение, пионерская организация, комсомол (ВЛКСМ), юннаты, летний оздоровительный детский отдых.

A.N. Balakirev

Young pioneer organization of Buryatia in the post-war years

This article focuses on the activities of the world's largest children's public organisation in Buryatia in one of the most difficult periods of Russian history. The author emphasizes the ambiguous character of the system of work with children and youth at that time, analyzes both positive and negative trends in the development of the Young Pioneer movement.

Keywords: children's movement, Young Pioneer Organization, the Komsomol (Communist Union of Youth), young naturalists, summer children's recreational vacation.

Послевоенный период в развитии детского движения в Советском Союзе характеризуется двояко. С одной стороны, происходит дальнейшее совершенствование методики пионерской работы, углубляется ее содержание, появляются новые, привлекательные для детей, формы деятельности. С другой стороны, пионерская организация в это время практически потеряла свое лицо как самостоятельная общественная организация детей. Это было связано, прежде всего, с небывало усилившимся в послевоенные годы культом личности Сталина и с засильем в стране командно-административных методов управления. Вся деятельность организации была сведена к борьбе за прочные и глубокие знания, получаемые в школе. Практически не использовались лучшие традиции пионерии, расцвели догматизм, формализм и слепое копирование форм работы без учета местных условий, пола и возраста. Положение с кадрами пионерских работников также было неудовлетворительно – чрезвычайно усилилась текучесть вожатых, профессиональная подготовка была крайне слабой. Большинство решений, принятых в этот период (об улучшении работы летних пионерских лагерей, о путешествиях по родному краю, о введении выборности в пионерской организации, о подготовке старших пионервожатых, о создании районных, областных, краевых, городских и республиканских Советов юных пионеров) оказались нежизнеспособны.

В Бурятии, как и по всей стране, деятельность пионерской организации в конце 1940-х – начале 1950-х гг. практически полностью слилась с учебно-воспитательной работой школы и была направлена исключительно на достижение высокой успеваемости и прочных знаний. Если в 1945/46 учеб. год успеваемость по школам Бурятии составляла всего 66,1% из них пионеров – 82, то в 1949/50 учеб. год общая успеваемость по школам республики возросла до 76-80%, а успеваемость пионеров достигла 96% [1]. Прошедший в октябре 1951 г. очередной пленум ЦК ВЛКСМ потребовал вовлечь в ряды пионерии «всех учащихся пионерского возраста» [2]. В результате произошел резкий скачок в численности пионерской организации по всей стране и, конечно, в Бурятии. Так, если в начале 1947 г. в пионерской организации республики состояло 22 425 чел., то к концу 1949 г. было уже 35 640, а в 1956 г. – 43 919 пионеров [3]. Во многих бурятских и русских школах отрядные вожатые вместе с учителями в эти годы увлекались подготовкой и проведением так называемых пред-

метных сборов. Для этого подбирались такие темы, которые бы помогли пионерам усвоить лишь программный материал и углубить знания учащихся по отдельным предметам. Предметные сборы чаще всего проводились формально, без учета интересов и желания пионеров, как дополнительные уроки, где повторялся пройденный в классе материал. Характерными были предметные пионерские сборы на тему «Происхождение жизни на Земле», «Знаешь ли ты Пушкина», «Знаешь ли ты математику», «Повторение русского языка (частицы *не* и *ни*)» [4, с.141].

В этих условиях настоящей отдушиной для детей и подростков стала работа предметных, технических и других кружков, которые получили широкое распространение во всех образовательных учреждениях Бурятии. В 1946/47 учеб. год только в двух средних и пяти семилетних школах Селенгинского аймака работало 52 кружка, в которых занималось 713 детей. В 1949/50 учеб. год в школах Заиграевского аймака работало 58 кружков (1471 ребенка), а в школах Хоринского аймака – 49 кружков (1246 детей) [5]. Всего по республике в 1949/50 учеб. год функционировало более 1150 предметных, технических и прочих кружков, в которых занималось более 40% всех учащихся республики и более 50% пионеров. Это подтверждают материалы Министерства Просвещения БМАССР: «Пионеры и комсомольцы всегда являются застрельщиками во всех кружках и во всех проводимых мероприятиях, и служат верными помощниками в работе учителей» [6]. В школах республики начинают все чаще проводиться внеклассные и внешкольные мероприятия, производственно-технические экскурсии на колхозные и промышленные предприятия. В каждой семилетней или средней школе республики в начале 1950-х гг. работало от 5 до 20 разнообразных предметных и прочих кружков, которые, несомненно, способствовали расширению и углублению знаний детей, а также развитию детской инициативы. Так, в дневнике пионеров школы №7 г. Городка Закаменского аймака говорилось: «В литературном кружке для 5 класса только за полугодие проведено 12 занятий, накопились с выразительным чтением, пересказами и декламацией, читали произведения Катаева; в кружке для 6 класса проведено 16 занятий на темы: устное народное творчество, вечер сказок, загадок, пословиц и прочее; в географическом кружке прочитаны доклады «Путешественник Миклухо-Маклай», «Путешественник-

мореплавателя Седов», «Озеро Байкал» и т.д.» [7]. В школе №2 г. Улан-Удэ работало 15 кружков, в которых занимались 350 пионеров и школьников. Также здесь издавалась газета «Смена», в которой сотрудничали около 200 корреспондентов, и только за 1951/52 учеб. год было выпущено 40 номеров этой пионерской газеты [8]. Пионеры старались проявлять инициативу не только в работе школьных кружков, но и в деятельности внешкольных учреждений, прежде всего Домов пионеров. Например, в 1951/52 учеб. год при Улан-Удэнском Городском Доме Пионеров работало 44 кружка, в том числе 12 трудовых и технических, а на базе Детской технической станции Кяхтинского аймака функционировало 12 кружков (авиамоделный, «Умелые руки», юные физики, юные мичуринцы, столярный и другие) [9].

В послевоенные годы пионерская организация проделала значительную работу по развитию физико-технического творчества детей, по укреплению материальной базы политехнического обучения. Это выразилось в строительстве учебных мастерских, создании учебных кабинетов, изготовлении наглядных пособий и пр. Активнейшим образом в данном направлении работал коллектив школы №65 г. Улан-Удэ. Знаменитый в Бурятии и за ее пределами физико-технический кружок под руководством заслуженного учителя РСФСР В.В. Ангилейко был создан в 1952/53 учеб. год. За 10 лет существования руками кружковцев было изготовлено более 150 наименований фундаментальных приборов (10 амперметров, 14 вольтметров, более 10 электронагревательных приборов и пр.); собран для кабинета физики электрораспределительный щит: проведена электропроводка к ученическим столам. Кружковцы переоборудовали световую электросеть в актовом зале, радиофицировали школу, иллюминировали стенд для спортивных призов и кубков. Члены кружка осветили электролампами карту Европы в кабинете географии, электрифицировали фонтан в кабинете ботаники. Искусные декорации школы к праздникам, исключительное по красоте оформление новогодней елки, «горящий костер» на дружинном пионерском сборе – все это результат работы кружковцев [10]. Не менее содержательную и творческую работу проводил в школе №65 технический кружок под руководством учителя А.А. Крашневского. Ребята выпускали красиво оформленные стенгазеты по предметам, оформляли фотомонтажи и фотоальбомы, проводили вечера по физике, химии. Кроме общешкольных вечеров, по инициативе пионерских отрядов

проводились вечера вопросов и ответов по классам. В школе №1 г. Улан-Удэ работало до 30 кружков, которыми руководили и учителя, и родители, и даже сами учащиеся. Так, в кружке «Умелые руки» под руководством учителя В.В. Окружной и члена родкома И.А. Тропникова пионеры учились обращаться с лобзиком, ручной пилой и другими инструментами, приобретали навыки по выполнению разнообразных работ с бумагой, картоном, папье-маше, фанерой, деревом, тканью и т.д. Большой популярностью у девочек пользовался кружок «Рукоделие», причем его занятия также охотно посещали и мальчики. В школе №2 в кружке «Юный физик» под руководством О.И. Мочаловой было сделано много приборов и наглядных пособий. Также активно работали столярный и слесарный кружки. Работая в кружках, ребята пополняли свои знания о свойствах материалов, получали элементарные навыки обращения с инструментами, оказывали огромную помощь школе в оборудовании кабинетов наглядными пособиями. Не менее показателен в этом отношении и опыт работы кружка «Юные физики» Торейской средней школы Джидинского аймака (руководитель – В.Е. Шулунов). По результатам работы кружка на Республиканской выставке детского технического творчества торейские пионеры несколько лет подряд занимали призовые места [4, с.146].

Еще одним «нестандартным» видом деятельности, в котором могли проявить свою кипучую энергию, инициативу и самостоятельность пионеры и школьники Бурятии стала организация работы на пришкольных учебно-опытных участках и в садах республики. Ярким примером может служить опыт Уринской средней школы Баргузинского аймака. Юные натуралисты (юннаты) этой школы под руководством заслуженного учителя РСФСР Т.М. Малика впервые в условиях северного аймака вырастили арбузы, яблоки, вишню, малину, лимоны. В 1951-1953 гг. юннатами было выращено 7445 саженцев плодовых деревьев. Школьная пасека также стала базой распространения и популяризации пчеловодства в Бурятии. Только за 1952-1953 гг. юные пчеловоды собрали около 800 кг меда и распространили в другие колхозы и школы более 100 пчелосемей. С 1954 г. Уринская школа стала участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ). В 1955 г. пионерская организация школы была награждена Главным комитетом ВСХВ дипломом II степени и автомашиной, а лучшие пионеры и учителя были награждены золотыми и серебряными медалями выставки [4, с.148-149]. Состоявшийся в 1953 г.

II съезд работников образования БМАССР отметил хорошую работу юннатов Брянской семилетней школы Кабанского аймака, Унэгэтэйской средней школы Заиграевского аймака, Корсаковской средней школы Байкало-Кударинского аймака. За высокие показатели в работе на пришкольных участках юннаты этих школ стали участниками ВСХВ 1953 г. [11]. В рамках Всесоюзного конкурса на лучшего садовода в апреле 1951 г. секретарь Бурят-Монгольского Обкома ВЛКСМ Шведкова сообщила в ЦК: «В республике имеются сады при 72 школах, питомники при 17 школах, сады при 9 детдомах» [12]. С 1 по 8 октября 1951 г. в Бурятии была впервые проведена республиканская «Неделя сада». В соответствующем постановлении указывалось: «Комсомольским и пионерским организациям школ обеспечить, чтобы каждая городская и сельская школа, детдом в период проведения Недели произвели озеленение и посадку плодово-ягодных деревьев на своих пришкольных участках» [13]. Плоды именно этих пионерских Неделей, ставших затем традиционными, мы видим сегодня во дворах большинства школ по всей республике.

Пионерские дружины многих сельских школ в послевоенные годы принимали активное участие в колхозном производстве. Так, в отчете Джидинского аймака за 1947/48 учеб. год указано: «За 2 месяца уборочных работ пионерами собрано и сдано в колхозы 1650 кг колосков, 450 кг зерна. Особенно отличились ребята Дыре-стуйской средней школы». Из информации Заиграевского аймака ВЛКСМ: «Всего на сеноуборке и прополке занято 1428 пионеров. Лучшие из них – Дамбаев Гена, Цыденов Володя – уже заработали по 35-40 трудовней. Пионеры Верхне-Талецкой НСШ работают на огородах и сеноуборке, полют грядки, поливают капусту, огурцы, помидоры, возят копны, гребут сено» [14]. Осенью 1948 г. в ОК ВЛКСМ пришла телеграмма из Тункинского аймака от звеньевой Нины Данзановой, в которой говорилось: «Мы организовали пионерское звено высокого урожая. 3 га засадили капустой и с каждого га собрали по 200 с лишним центнеров. Ребята Тальской НСШ взяли шефство над молодняком. 12 пионеров вырастили 36 телят и на днях сдали их дояркам колхоза» [15]. По всей республике пионеры помогали колхозам выращивать урожай; собирали удобрения – золу, птичий помет; ухаживали за молодняком на животноводческих фермах, выращивали домашнюю птицу, кроликов, поросят; заготавливали плоды дикорастущих

растений, собирали металлолом, макулатуру, вели шефскую работу; приобретали необходимые трудовые навыки в различных кружках и т.д. Колхозники многих аймаков республики не случайно называли пионеров своими первыми помощниками.

Конечно, было бы странно, если бы вся пионерская работа в этот период сводилась лишь к активному труду на пользу общества, к помощи взрослым. Ведь пионеры все-таки, в первую очередь, дети, которым просто необходимы творческие, яркие формы деятельности. Несмотря на явное преобладание «трудового воспитания» и «политехнического обучения», в послевоенный период удавалось вести работу и в направлении развития детского творчества, и в плане оздоровительной, культурно-массовой деятельности. Например, 25-26 марта 1948 г. была проведена I Городская Олимпиада детского творчества в г. Городок. Возобновилось ежегодное проведение Смотров художественной самодеятельности всех уровней. Стали повседневностью детские киносеансы и даже Детские дни в кинотеатрах городов и райцентров. С 24 марта по 1 апреля 1952 г. в республике прошла «Неделя Детской Книги», в рамках которой в школах, Домах пионеров, детдомах были проведены беседы, лекции, доклады для ребят и родителей. В помещении Театра Оперы и Балета проводились утренники на тему «Книга – наш лучший друг», где выступал известный бурятский поэт Дамба Жалсараев. Книгам были посвящены и пионерские сборы, утренники, вечера. В Баргузинской, Спиртзаводской, Ганзуринской и других школах прошли конкурсы на лучшего чтеца, рассказчика. Во многих местах были организованы выставки художественной литературы, фотовитрины о книгах. По всей республике были созданы кружки переплетчиков и приведено в порядок около 50 000 книг [16]. С 28 октября по 1 ноября 1952 г. в Улан-Удэ была проведена I Республиканская выставка изобразительного творчества детей. По ее итогам 23 человека были премированы, а лучшие экспонаты были направлены на Всесоюзную выставку в Москву [17].

Особое внимание уделялось в рассматриваемый период организации оздоровления детей, и в частности летнему отдыху. Охват детей организованным летним отдыхом увеличивался из года в год, несмотря на трудности послевоенного времени. Так, в 1948 г. в пионерских лагерях республики отдохнуло 7610 детей, в лагерях санаторного типа – 550 детей. Кроме того, сетью летних площадок было охвачено 1063 ребенка.

Также было организовано несколько туристических групп, совершивших походы по родному краю. Из детсадов на летних дачах отдохнуло 950 детей, из детдомов – 260. В 1952 г. всеми формами организованного отдыха было охвачено уже около 30 000 детей [18]. В 1950 г. в Бурятии впервые были созданы пионерские лагеря городского типа при крупных школах и домоуправлениях, ставшие хорошим подспорьем в организации летнего отдыха детей. Они существуют и поныне. Новая форма отдыха и оздоровления детей вполне себя оправдала, и если в 1950 г. таких лагерей было только 9, то в 1951 г. их количество возросло до 37 с охватом 7600 детей. Причем лагеря городского типа открывались не только в городах (Улан-Удэ, Кяхта, Бабушкин, Городок), но и в ряде аймаков [19].

Таким образом, к середине 1950-х гг. детское движение в целом по стране и в республике в частности заметно активизировалось, начали практиковаться новые, гораздо более привлекательные для детей формы деятельности. XII Всесоюзный Съезд ВЛКСМ (1954 г.) рекомен-

довал строить работу с пионерами таким образом, чтобы она полностью основывалась на инициативе и самостоятельности пионеров, учитывала возрастные особенности пионеров и школьников, их детское стремление к играм и романтике. Новый Устав, принятый съездом, формально поднимал авторитет пионерской организации, ведь рекомендация Совета пионерской дружины при вступлении в ВЛКСМ был приравнена к рекомендации члена союза. Однако Всесоюзная пионерская организация продолжала оставаться формальным органом, а не организацией для самих детей. В ней детям далеко не всегда было интересно, поскольку проявить свою инициативу было крайне сложно, почти невозможно, если эта инициатива хоть как-то выходила за рамки принятых свыше инструкций. Необходимо было обновить методику пионерской работы, пересмотреть систему взаимоотношений пионерской организации со школой, комсомолом, профсоюзами и другими общественными институтами.

Литература

1. ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 58. Л. 2.
2. О работе пионерской организации. – М., 1951.
3. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2322. Д. 2853.
4. Дуринова Г.А. Пионерское движение в Бурятии. – Улан-Удэ, 1962.
5. ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 326. Л. 42-43.
6. ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 90. Л. 11.
7. ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 326. Л. 82.
8. ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 326. Л. 107.
9. ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 165. Л. 21.
10. Ангилейко В.В. Из опыта работы физико-технического кружка // III съезд учителей Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1957. С. 229.
11. История Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1959. – Т. 2. С. 569.
12. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 3216. Л. 64.
13. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 3216. Л. 70.
14. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2637. Л. 14, 15, 47.
15. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2637. Л. 57.
16. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 3433. Л. 19.
17. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 3433. Л. 31.
18. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2596. Л. 148-150. Д. 3006. Л. 69. Д. 3216. Л. 25. Д. 3433. Л. 36.
19. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 3006. Л. 38. Д. 3216. Л. 25.

Балакирев Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Balakirev Alexei Nikolaevich, candidate of historical sciences, senior lecturer, department of homeland history, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin, str. 24a.

УДК 338.22:94 (571.54)

© В.А. Гельман

Формирование общественных организаций поддержки предпринимателей в Бурятии

Статья посвящена развитию общественных организаций, сформированных для поддержки предпринимательства в результате социально-экономических преобразований в Бурятии, ее перспективам развития, где показаны основные тенденции развития современного бизнеса в начале 1990-х гг. Проанализированы возможности и перспективы развития предпринимательских организаций в регионе и их влияние на формирование государственных программ для поддержки современного бизнеса.

Ключевые слова: предпринимательство, союз промышленников и предпринимателей, торгово-промышленная палата.

V.A. Gelman

The formation of public organizations of businessmen support in Buryatia

The article is devoted to the development of public organizations created for business support as a result of social and economic transformations in Buryatia, to its prospects of development, where the main tendencies of development of modern business in the early 1990s are shown. The possibilities and prospects of the development of the business organizations in the region and their influence on formation of state programs for support of modern business have been analysed.

Keywords: business, union of industrialists and businessmen, commercial and industrial chamber.

Рассматривая формирование и развитие предпринимательства в Республике Бурятия, необходимо проанализировать историю становления и деятельность созданных общественных организаций предпринимателей, которые вырабатывают стратегии взаимодействия с органами власти.

Первая общественная организация «Союз кооператоров» создается 1 августа 1988 г. на I съезде. Руководящим органом был избран Совет в количестве 35 человек и рабочий орган – Президиум – из 11 человек. Председателем кооператива «Кондинский» был избран А.Д. Егоров. Организация представляла интересы кооперативов в республиканских и муниципальных органах власти, где она и формировала стратегию взаимодействия. В Бурятии в 1989 г. зарегистрировано 700 кооперативов. Официально действовало 500; численность работающих составляла 5 тыс. чел., выпущено товаров и оказано услуг на сумму 45 000 р. [1]. В октябре 1989 г. проведен II съезд Союза кооператоров, на котором председателем был избран Г.М. Ключихин.

С выходом закона РФ «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 г., где впервые с 1917 г. употребляется термин «частное предприятие», предпринимательству придается общепринятый, цивилизованный характер, с государственными гарантиями и поддержкой.

В декабре 1991 г. состоялся последний IV съезд Союза кооператоров, а в марте 1992 г. проводится I съезд Союза промышленников и

предпринимателей Республики Бурятия, в котором объединились кооперативы, малые, арендные, промышленные предприятия, банковские и коммерческие структуры. На I съезде выбрано правление, принят план дальнейшего развития, обсуждены механизмы взаимодействия с государственными структурами власти. С марта 1992 г. Союз кооператоров прекращает свою работу [2].

На первом заседании правления созданного Союза промышленников и предпринимателей Республики Бурятия (20.03.1992 г.) выступил с докладом председатель правления Ю.Н. Кравцов. Определены следующие направления работы:

1) создать Центр поддержки малого бизнеса, который мог бы давать консультации начинающим предпринимателям, издавать методическую литературу им в помощь, оказывать помощь в материально-техническом снабжении и т.п.;

2) участие в работе тройственной комиссии, включающей в себя представителей правительства республики, республиканского совета профсоюзов и работодателей. Основная цель комиссии – работа по минимизации социальных конфликтов;

3) выработка основ инвестиционной политики в республике;

4) налоговая политика;

5) проблемы приватизации;

6) проблема экологических штрафов;

7) связь с комитетами Верховного Совета республики и администрацией г. Улан-Удэ и постоянное информирование правления о принимаемых решениях или проектах готовящихся

документов [3].

На следующем совещании у исполнительного директора СПП РБ (11.11.1992 г.) обсуждались предстоящий Съезд товаропроизводителей и выборы делегатов съезда.

В Москве 19-21 ноября 1992 г. состоялся Съезд товаропроизводителей, а 14 ноября 1992 г. Съезд научно-промышленного союза Вольского, где участие принимал президент РФ Б.Н. Ельцин. Съезд товаропроизводителей организовывал Ю.Г. Гехт, народный депутат России, который возглавлял Промышленный союз. От Бурятии на съезд товаропроизводителей поехал делегат от профсоюзов – Н.А. Астапенко.

Правление Союза промышленников и предпринимателей Республики Бурятия решило, что в союз входить смысла нет, но необходимо высказать свою позицию. А также было решено создать торгово-промышленную палату РБ, где СПП будет одним из учредителей [4].

19 марта 1993 г. состоялся II съезд Союза промышленников и предпринимателей Республики Бурятия, в работе приняло участие 113 руководителей предприятий и частных предпринимателей (4.03.92. – 18.03.93.). На съезде был заслушан отчет правления Ю.Н. Кравцова.

От делегатов II съезда Союза промышленников и предпринимателей Республики Бурятия было сделано обращение. Они посчитали необходимым обратить внимание на то, что в условиях кризисного состояния экономики, резкого падения жизненного уровня населения, выжидательной позиции правительства Бурятии развитие предпринимательства в республике, в системе товаропроизводителей оценивается как неудовлетворительное. В течение года не принимались достаточные меры по стабилизации ситуации:

1) отсутствовала государственная программа развития предпринимательства в Бурятии;

2) не проводилось прогнозирования экономической ситуации в республике;

3) отсутствовали целевые приоритеты программы для использования эффективных заемных средств;

4) не определены четкие шаги во взаимоотношениях между правительством и предпринимателями;

5) отсутствуют рабочие наработки законодательных актов, законопроектов в области предпринимательства, для последующей предметной работе с комитетом Верховного Совета РБ;

6) в налоговой системе, предполагающей стимулирование предпринимательства, нет стратегии, нет системы [4].

Как видно формирование Союза промышленников и предпринимателей Республики Бурятия пришлось на непростое время социально-экономических реформ. Спад производства, массовая безработица, рост социальной напряженности предопределили работу СПП РБ. В то же время создается группа совместно с правительством для разработки и принятия программы развития предпринимательства в Бурятии, координационный центр по промышленному развитию, экспертные группы по предложениям в качестве законодательной инициативы по изменению, совершенствованию налоговой системы, инвестиционной политике, ценообразования в энергетике. При Союзе создается экспертная юридическая группа для правовой защиты предпринимателей.

Во исполнение Закона РФ «О Торгово-промышленных палатах в Российской Федерации», Указа Президента Российской Федерации от 18 марта 1993 г. №351 и Постановления Правительства Российской Федерации от 6 июля 1994 г. №792, в Республике Бурятия создается негосударственная некоммерческая организация – Торгово-промышленная палата. Ее основной функцией являлось развитие экономики Республики Бурятия, ее интегрирование в российскую и мировую хозяйственную систему, формирование современной промышленной, финансовой и торговой инфраструктуры, содействие предпринимательству, установлению торгово-экономических и научно-технических связей с регионами России, а также с зарубежными партнерами. ТПП РБ оказывает следующие виды услуг: экспертиза и сертификация товаров по количеству, качеству, техническому состоянию и комплектности, информационные услуги, выставочно-ярмарочная деятельность, поиск российских и зарубежных партнеров, образовательные услуги, юридические и переводческие услуги.

При Торгово-промышленной палате Республики Бурятия созданы самостоятельные структуры: «Бурятэкспертиза», учебно-деловой центр, отдел переводов, Комитет по реформе ЖКХ, Комитет по туризму, Комитет по выставкам, юридический отдел, Третейский суд, Общество защиты прав потребителей.

Торгово-промышленной палатой Республики Бурятия подписано Соглашение с Правительством Республики Бурятия о сотрудничестве (29.06.1998), подписан Указ Президента №247 (16.11.1998) «Об упорядочивании экспорта сырьевых товаров», где ТПП РБ делегировано право осуществлять обязательную экспертную оценку происхождения, количества и соответст-

вие цены экспортруемых из РБ сырьевых товаров с выдачей сертификатов [5].

В 1994 г. состоялись первые президентские выборы в Бурятии на которых выиграл Л.В. Потапов, его поддержал Союз промышленников и предпринимателей Республики Бурятия. В декабре 1995 г. СПП РБ сумел провести в Государственную Думу РФ С.И. Найчукову, директора Онохойской птицефабрики. Участие в политических выборах показало возрастающую роль СПП РБ и увеличивающиеся возможности предпринимателей. Знаковым в этом отношении стал проведенный 6 декабря 1996 г. V съезд Союза промышленников и предпринимателей Республики Бурятия. На съезде участвовало 179 участников и приглашенных гостей, в том числе Президент РБ. Заслушан отчет правления СПП РБ, с докладом об экономической ситуации в республике выступил Министр промышленности, энергетики и транспорта В.В. Переляев. На съезде выбраны лучшие предприниматели года: И.М. Цой (фермерское хозяйство «Газар»), С.М. Щеголев (ОАО «Стройкомплект»), А.К. Скоырская (ООО «Разноопторг») [6].

На V съезде СПП РБ были сформулированы основные задачи:

- создание филиалов СПП РБ в районах республики;
- взаимодействие с молодежными организациями в виде поддержки начинающих предпринимателей и расширение связи с общественными организациями;
- активизация работы СПП в части информационного, рекламного освещения деятельности;
- включение в практику Союза постоянных отчетов кандидатов, выдвинутых СПП РБ в органы представительной и исполнительной власти, министерств и ведомств, других структуры разных уровней и направлений. Усиление роли и влияния Союза в кадровой политике для формирования аппарата государственной власти и органов хозяйственного управления [6].

Союз промышленников и предпринимателей Республики Бурятия активно включается в решение социально-экономических и политических проблем, возникающих в Республике. Первоначально республиканская власть помогала СПП РБ, привлекала в качестве консультирующего органа в решение экономических проблем, при экспертизе законодательных актов по промышленности и предпринимательству. Распоряжением Президента РБ №78-РП от 28 мая 1996 г. за представителем СПП РБ официально закреплялось право присутствия на заседаниях

Правительства РБ и Президиума, а также право согласования нормативных документов министерств и ведомств, аппарата Президента и Правительства РБ, затрагивающих права и интересы юридических и физических лиц с СПП РБ (экономика, финансы, тарифы, налогообложение и др.) [7].

СПП РБ активно участвует и в общероссийских акциях предпринимателей других регионов. На межрегиональном совещании промышленников и предпринимателей сибирских регионов в г. Иркутске 15 августа 1996 г. принято обращение к Президенту РФ, Совету Федерации и Государственной Думе о своем видении социально-экономической ситуации в стране и выдвинуто предложение о необходимых мерах в программе нового правительства.

20 марта 1997 г. Союз промышленников и предпринимателей Республики Бурятия принимает участие во всероссийской акции протеста. В целях предотвращения экономического развала, полного распада и хаоса Союз промышленников и предпринимателей Республики Бурятия выдвигает требования следующего характера: проведение налоговой реформы, введение государственного регулирования ценовой и налоговой политики в соответствии с особенностями регионов Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока, решение проблемы взаимных неплатежей, выполнение государством обязательств по выплате пенсий, пособий и других социальных выплат с индексацией долгов, соблюдение государством своих обязанностей по оплате госзаказа, финансирование инвестиционных программ, защита интересов отечественных производителей [8].

На VI съезде СПП РБ от 6 мая 1998 г. Республиканская общественная организация «Союз промышленников и предпринимателей Республики Бурятия» входит в Союз промышленников и предпринимателей Российской Федерации. На съезде присутствует 206 делегатов и приглашенных гостей, в том числе из 7 районов республики. На съезде присутствовали приглашенные гости из СПП РФ. Было зачитано приветственное слово Президента СПП РФ А.В. Вольского. На съезде принимается решение по президентским выборам 1998 г., где выдвигается единый кандидат в Президенты РБ от СПП РБ, ее лидер – директор ЛВРЗ А.С. Корнев [9]. Такие действия сильно охладили отношение к СПП РБ со стороны действующего президента РБ Л.В.Потапова и его Правительства. Несмотря на ощутимую поддержку, А.С. Корнев за 2 дня

до голосования снимает свою кандидатуру в пользу действующего президента РБ Л.В.Потапова, тем самым серьезно пошатнув позиции Союза.

На VII Съезде проведен анализ ошибок и решено отказаться от политических мероприятий, и все внимание уделять непосредственной работе, поддержке промышленных предприятий и предпринимателей. Выработаны предложения к Президенту, Председателю правительства РБ:

- совместно с СПП РБ провести анализ существующих проблем в развитии малого предпринимательства, подготовить предложения и реализовать меры по их выполнению;

- проводить с участием СПП РБ экспертизу решений, касающихся изменений условий деятельности предпринимателей;

- не допускать ограничений конкуренции между любыми категориями предпринимателей, включая представителей государственных и муниципальных предприятий;

- определить перспективные направления деятельности малого предпринимательства;

- публиковать данные об исполнении доходной части республиканского и местных бюджетов по категориям плательщиков, а также публиковать все фактически произведенные расходы из указанных бюджетов;

- рассмотреть предложения предпринимателей по увеличению поступлений в бюджет за счет уменьшения скрывааемых объемов продаж с одновременным снижением налоговой нагрузки на республиканском и местном уровнях;

- принять решение о зачислении штрафов в полном объеме в республиканский и местный бюджеты, ликвидировать внебюджетные счета контролирующих органов, исключив личную

заинтересованность представителей этих органов в максимальном применении штрафных санкций;

- предложить контролирующим органам и судам, ведущим административное производство, отказаться от практики обязательного наказания предпринимателей штрафами; при вынесении решений о наказании учитывать степень общественной опасности правонарушения, соблюдать принципы справедливости, дифференциации и соразмерности санкций нанесенному государству и гражданам ущерба.

В 2000 г. Союз промышленников и предпринимателей Республики Бурятия становится реальной силой бизнеса для решения своих проблем и построения диалога с исполнительной властью. Проводится дальнейшая работа по развитию инфраструктуры малого и среднего предпринимательства. В республике начинает действовать Фонд поддержки предпринимательства Республики Бурятия, 6 муниципальных фондов поддержки малого предпринимательства, Агентство развития предпринимательства, Центр правовой защиты предпринимателей, свыше 50 консалтинговых фирм, Центр инноваций и поддержки предпринимательства. Активно включаются в работу вновь созданные общественные организации, такие как региональное отделение Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», возглавляемое В.Г. Ирильдеевым. Все это позволяет проводить мероприятия, направленные на качественное изменение информационного, образовательного, консультативного и правового обеспечения малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятия.

Литература

1. ГАРБ. Ф. Р. 2060. Оп.1. Д. 2. Л. 15
2. ГАРБ. Ф. Р. 1941. Оп.1. Д.7. Л. 47-49.
3. ГАРБ. Ф. Р. 2057. Оп.1. Д. 1. Л.1-2
4. ГАРБ.Ф.Р. 2057. Оп.1. Д. 1. Л.3-6.
5. ГАРБ. Ф. Р. 2058. Оп.1. Д. 1. Л.9
6. ГАРБ. Ф. Р. 2057. Оп. 1. Д. 41. Л.14
7. ГАРБ. Ф. Р. 2057. Оп. 1. Д. 61. Л. 10
8. ГАРБ. Ф. Р. 2057. Оп. 1. Д. 61. Л. 1
9. ГАРБ. Ф. Р. 2057. Оп. 1. Д. 70. Л. 24

Гельман Вячеслав Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Культурология и социокультурная антропология» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. E-mail: wigdan@mail.ru. Телефон: моб. – 8(9021)603746

Gelman Vyacheslav Aleksandrovich, candidate of sociological sciences, associate professor, department of «Culture studies and sociocultural anthropology», East Siberian State University of Technologies and Management. E-mail: wigdan@mail.ru. Mob. phone – 8(9021)603746.

УДК 94(571.53)

© Л.М. Дамешек

**Буряты в административной системе империи
(конец XVII – середина XIX вв.)**

Статья посвящена изучению инкорпорации бурят в административную систему Российской империи на ранних этапах колонизации Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, буряты, российское законодательство, организация управления, компаративный анализ.

L.M. Dameshek

**Buryats in the administrative system of the empire
(the end of the XVIIIth – the middle of the XIXth centuries)**

The article is devoted to the study of Buryats' incorporation in the administrative system of the Russian Empire at early stages of colonization of Siberia.

Keywords: Siberia, Buryats, Russian legislation, governance organization, comparative analysis.

Имперский механизм законодательства в России стал складываться со времени реформ Петра Великого. В сквозную систему преобразований возникавшей империи вполне вписывалась губернская реформа, призванная, в первую очередь, способствовать усилению местной власти. Узаконения 30-х гг. XVIII в. дали территориям России, в том числе и Сибири, единообразное устройство, что вполне вписывалось в концепцию тотального государства, созданного Петром. Господство полицейского государства приобрело всеобщий характер и невозможно представить какую-либо категорию населения империи, жизнь которой не подверглась бы жесткой регламентации. Не являлась исключением и территория Байкальской Сибири. Первые попытки проникновения русских в Сибирь носили откровенно меркантильный характер. Этими же соображениями правительство руководствовалось при выстраивании взаимоотношений с аборигенами края, основную задачу которых московские цари видели в уплате ясака натурой. Именно финансовые соображения определяли позиции центральной власти в вопросах землепользования бурят. Первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли. Однако интересы российского государства определялись не только чисто экономическими, но и политическими соображениями, связанными, прежде всего, с потребностями укрепления позиций российской государственности на Востоке. Периферийная и практически никем не обжитая Сибирь оказалась на перекрестке столкновения стратегических интересов России и государств

Центральной Азии. В решении стратегической задачи закрепления Сибири за Российским государством московские, а затем и петербургские Романовы бурятскому фактору изначально отводили важную роль.

В русской экспансии в Сибирь, в отличие от европейских стран – Англии, Франции, Голландии, Испании, – аборигенный, демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль. Они не создавали у русского сибиряка состояния национально-психологического одиночества и дискомфорта. Именно поэтому в Сибири русская и аборигенная цивилизация не просто существовали и развивались параллельно, как скажем европейцы и индейцы на атлантическом побережье США, а как бы проникали, входили друг в друга. В Сибири русский человек отнюдь не ощущал себя за рубежом или за границей и домой в «Расею» вовсе не стремился, а Уральские горы, в отличие от Атлантического океана, не были пограничным рубежом и не создавали у русских сибиряков чувство оторванности от исторической родины. Именно эти особенности русской колонизации Сибири и определяли механизм разработки законодательства о коренных народах, что отчетливо прослеживается на протяжении XVIII-XIX вв. Несмотря на имевшие место изменения, на протяжении всего рассматриваемого периода стержневой линией правительственного законодательства является стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власти отчетливо сознавали абсурдность идеи полного подчинения аборигенов действию обще-

российского законодательства. Независимо от способа и формы вхождения нерусских народов в состав Российской империи, каждый из этих народов принес в новое для него государство свой менталитет, культуру, вероисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления. Бездумный мгновенный слом этого «юридического быта» народов и народностей не отвечал ни геополитическим, ни внутривластным интересам Российского государства. Более того, он мог вызвать нежелательные политические осложнения во вновь присоединенном крае. К этому фактору всегда могли добавиться и нежелательные внешнеполитические обстоятельства, связанные с соперничеством держав в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

Важно отметить еще одно обстоятельство. Если на западных национальных окраинах империи (Польша, Финляндия) создаваемая правовая система могла в известной степени опереться на европейские источники права, то на восточных окраинах государства правовая система регуляции народов, находившихся на стадии родового строя, должна была быть иной. Именно поэтому империя на первых порах не только не ломала существующую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления, но и стремилась интегрировать ее в создававшийся на окраинах механизм государственно-правовой власти. Таким образом, законодательный механизм империи как бы впитывал в себя те законодательные системы, которые приносили с собой новые земли и народы.

Сочетание этих двух тенденций имперской политики породило первые зачатки будущей модели административного устройства и управления аборигенами в виде указов графа С.Л. Владиславича-Рагузинского пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву от 22 июля 1728 г. и сенатской инструкции, данной за «высочайшим подписанием», лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву в 1763 г. Обе инструкции ограничивали вмешательство русской администрации во внутривластные дела народов Сибири, предоставляли значительную самостоятельность родовым властям. В то же время в этих документах прослеживается стремление правительства в своих действиях опереться на родоплеменную знать, а деятельность традиционных институтов самоуправления «иноверцев» подчинить интересам государства. Впоследствии по мере усиления инкорпорации народов Сибири в систему общероссийских государственных, экономических и иных

связей эти тенденции в административной политике империи в Сибири сохраняются. Подобная практика свидетельствует о понимании русскими властями в тот период невозможности полного подчинения народов Сибири действию общероссийского административного законодательства, стремлении учесть некоторые региональные особенности.

Эта тенденция нашла свое яркое выражение в ряде частных административных распоряжений, изданных сибирской губернской администрацией в начале XIX в. В этой связи наибольший интерес представляет «Положение о выборах иноверческих начальников и правах их» иркутского гражданского губернатора И.Трескина (1812) По существующему законоположению «иноверцы» должны были занимать старшинские должности по выбору. При этом допускалось и наследование должностей. В обоих случаях право окончательного утверждения в должности избранного кандидата оставалось за губернской администрацией. В новом положении Трескин стремился при проведении выборов создать режим «наибольшего благоприветствования» наследственным кандидатам. Эти люди, по мнению губернатора, больше уважаемы «иноверцами», а их слово имеет «лучший вес», нежели простолюдина. Избрание в родоначальники рядового улусника допускалось лишь в крайнем случае. Однако в любом варианте губернская администрация оставляла за собой право отстранения от должности избранного лица за нерадение и «худое», с точки зрения власти, «управление родом».

В истории России первые десятилетия XIX в. характеризуются попыткой перестроить организацию государственной власти, систему высшего и центрального управления империей. Реформаторская деятельность Александра I коснулась и Сибири. Во времена Пестеля и Трескина самовластие и злоупотребления царских чиновников в Сибири достигли чудовищных размеров. По словам биографа Пестеля П.Майкова, его управление Сибирью напоминало «управление проконсулов в римских провинциях и надолго оставило печать вредного влияния на страну». Любые поиски законности предавались анафеме и объявлялись «ябедой». «Трескин и закон были синонимы, более был только Трескин, а законы были далеко, далеко!» – вспоминает современник. Нравы царского чиновничества нашли меткое отражение в эпитетах, которыми награждало их население бурятских улусов. Так, губернатора Трескина называли «бобром», земских заседателей – «волками» («чо-

но»), заседателя Третьякова именовали «медведем» («хара-гурсон»). Приношение для убогствования начальства примерно в тысячу рублей ассигнациями выражали фразой «ныггэ букули тога» («одно целое число»), а в сто рублей – «еха сарса» («большая бумага») и т.п.; саму взятку называли «иделгэ» («кормление»). Поборы натурой и деньгами как с отдельных юрт, так и с целых обществ стали обыденным явлением. В начале XIX в., во время генерал-губернаторства И.Б. Пестеля злоупотребления чиновников и родовых старшин достигли огромных размеров, что и явилось одной из весомых причин ревизии Сперанского в 1819 г. Следствие выяснило причастность почти всех родоначальников бурятских ведомств ко всевозможным злоупотреблениям. Всего к следствию в той или иной форме было привлечено 256 родоначальников.

Главным итогом ревизии и реформ Сперанского применительно к народам края стал «Устав об управлении инородцев» – один из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей азиатской России. «Устав» свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводила империя народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин государства. «Устав» 1822 г. явился самым широким законодательным актом правительства по отношению к народам Сибири. Он действовал вплоть до начала XX столетия, регламентируя все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебную-правовую и культурно-бытовую.

В соответствии с «Уставом» 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние аборигенов, причем «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской.

«Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись правила, «для кочующих постановленные». Допускались лишь

незначительные исключения из этих правил.

Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податный оклад государственных крестьян. Наряду с этим поразрядная система преследовала и руссификаторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнение» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых племен в оседлые была основана на успехах в хлебопашестве, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов, как подданных государства. Организацию управления народов Сибири авторы «Устава» стремились построить на основе учета некоторых национальных особенностей нерусского населения края. Органы самоуправления кочевых народов разделились на три ступени: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа, высшая – степная дума. Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины.

Хозяйственная деятельность управления касалась прежде всего сбора налогов и податей. Судебные функции состояли в разборе незначительных гражданских дел. Суд и расправа производились на основе законов обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом». Политические и криминальные дела подлежали разбирательству русскими чинами.

«Устав» сохранял почетные звания кочевников. «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным», – говорилось в «Уставе». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника.

Таким образом, сохраняя патриархально-феодалные отношения, «Устав» в ряде случаев отходил от принципа наследственности, давал определенную свободу выборному началу.

Самодержавие в своей политике по отношению к народам Сибири по-прежнему опиралось на феодальную верхушку бурятского общества. Предоставляя «почетным инородцам» различ-

ные льготы и привилегии, царизм стремился заручиться их поддержкой. Указом Сибирского Комитета от 1 ноября 1832 г. «инородцы», пользующиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака. В целом «Устав» ослаблял патриархально-феодальные отношения, но не уничтожал их.

«Устав» предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими «инородцами». Свободная торговля разрешалась не только на сугланах и ярмарках, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения различного рода злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением. Правительство понимало, что без успешного развития торговли в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимание податей и повинностей с населения края становилось невозможным. Поэтому в «Уставе» 1822 г. делалась попытка, не изменяя патриархально-феодальной основы «инородческого» общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначились в первой четверти XIX в.

Стремясь поднять платежеспособность «инородцев» Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Тем самым делалась попытка оградить их от злоупотреблений со стороны чиновников, столь обычных при приеме в ясак «мягкой рухляди». В «Уставе» отмечалось, что «казенные комиссионеры... на ярмарках инородцев выдерживают цены наравне с прочими покупателями». Наряду с денежными взносами разрешалось сдавать ясак пушниной, которая при оценке делилась на два сорта: «обыкновенную» и «дорогую». «Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность бурят, автор «Устава» оговорился, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано».

Приравнивая кочевых «инородцев» к крестьянскому сословию в гражданских правах, «Устав» сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губерниям повинностях», – гласил документ. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление. Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и утверждалось генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого поло-

жения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные «шнуровые книги», хранившиеся в земском суде.

Специальная глава «Устава» была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать «не иначе, как на ярмарках и сугланах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. «Земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», – говорилось в «Уставе». Некрещеные «инородцы» получали «свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам». Вместе с тем «Устав» подчинил «иноверческое духовенство... местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими привилегиями крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского Комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру». Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации нерусского населения. Однако в подобных действиях правительства нельзя не видеть и известный социокультурный аспект, связанный с приобщением народов Сибири к грамотности и русской культуре в целом. Такими основными положениями «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой.

В итоге отметим, что разработанный М.М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов.

Литература

1. Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – нач. XX. в. Иркутск, 2007.
2. История Бурятии. Т. 11. XVII – нач. XX. в. Улан-Удэ, 2011.
3. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М., 2005.
4. Сперанский М.М. Сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003.
5. Сибирь в составе Российской империи
6. Прутченко С. Сибирские окраины. Т. 1-2. СПб., 1899.

Дамешек Лев Михайлович, ректор Иркутского института повышения квалификации работников образования, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета (ИГУ). Главный редактор серийного издания «Азиатская Россия», доктор исторических наук, профессор. 664003. Иркутск, ул. К.Маркса, 1. Иркутский государственный университет исторический факультет. Тел: 8(395-2) 617742. E-mail: dameshek@rambler.ru

Dameshek Lev Mikhailovich, rector of Irkutsk Institute of Professional development of Educators, head of the department of history of Russia, Irkutsk State University. Editor-in-chief of the serial edition «Asian Russia». Doctor of historical sciences, professor.

УДК 94 (517.3)

© *О.Н. Полянская*

**Монголоведные исследования В.Л. Котвича (1872-1944).
К 140-летию со дня рождения**

Статья посвящена выдающемуся ученому, востоковеду В.Л. Котвичу, в которой представлены новые архивные данные из научного наследия монголоведа, отражающие события из истории Монголии как начала XX в., так и средневековой эпохи.

Ключевые слова: научная школа монголоведения, В.Л. Котвич, востоковедение, история Монголии

O.N. Polyanskaya

**The Mongolian studies of V.L. Kotwicz (1872-1944).
To the 140 anniversary of his birthday**

The article is devoted to V.L. Kotwicz, the outstanding scientist and orientalist. This publication presents the new archives of his scientific heritage as a Mongolian studies scholar. The files reflect the events of the Mongolian history in the beginning of the XXth century and the epoch Middle Ages history.

Keywords: scientific school of Mongolian Studies, V.L. Kotwicz, oriental studies, history of Mongolia

2012 год – юбилейный в биографии выдающегося монголоведа Владислава Людвиговича Котвича (1872-1944) – 140 лет со дня рождения и 100 лет как состоялась его научная командировка в Монголию в 1912 г. Владислав Людвигович (1872-1944) стал известен не только в области монголоведения, но и в тюркологии, алтаистике. Подготовил плеяду учеников – известных ориенталистов, ставших непревзойденными авторитетами в области востоковедения, среди них Б.Я. Владимирцов, С.А. Козин, Б. Ринчэн (Монголия), М. Левицкий (Польша), Ц.Д. Номинханов (калмык). Себя Владислав Людвигович считал учеником монголоведа Осипа Михайловича Ковалевского (1801-1878), учился на его трудах по монгольской филологии, истории, этнографии: «...Если впоследствии найдут, что я положил начало наук по своей специальности. Что я, в то же время, указывал России ее научный путь, так пусть же знают, что моим развитием, проявлением моих оригиналь-

ных взглядов в науке и государственности, я обязан профессору поляку Осипу Михайловичу Ковалевскому! Его слова: «не приклоняться в отыскании истины пред авторитетом, подвергать критике sine ira et studio совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагая никакого вопроса решенным на век» – запали глубоко в мою душу, были руководителями всех моих симпатий и антипатий...» [1]. Ученый считал своим долгом написать о О.М. Ковалевском книгу, которая бы рассказала о выдающемся востоковеде, основоположнике научного монголоведения в России и Европе. Работа В.Л. Котвича «Jozef Rjwalewski – orientalista (1801-1878)» на польском языке вышла уже после смерти автора во Вроцлаве (Польша) в 1948 г. Вступительное слово к этой работе подготовил ученик В. Котвича Мариам Левицкий, который и сделал возможным публикацию этой монографии. Для подготовки работы о своем учителе Владиславу Людвиговичу пришлось провести большую ра-

боту по сбору материалов, рассредоточенных по архивохранилищам разных стран.

Сохранилась почтовая карточка от С.А. Козина на имя В.Л. Котвича во Львов из Ленинграда, без даты, – это ответ на вопросы о возможной литературе, освещающей деятельность О.М. Ковалевского. С.А. Козин называл работы библиографического характера [2]. «Хотя это библиографические сведения, но посмотреть стоит», – советовал С.А.Козин [3]. Сохранилась выписка из словаря Загоскина, составленная в Казанском университете, заверенная печатью университета [4]. Есть ответ от секретариата кладбища «Повозонки» в Варшаве с подтверждением наличия могилы О.М. Ковалевского и фотография с места захоронения [5]. Одна из фотографий О.М. Ковалевского была отправлена из Германии [6]. Существует переписка В. Котвича с сотрудниками Государственной Публичной библиотеки им А.Е. Салтыкова-Щедрина с просьбой выслать информацию о путевом дневнике ученого. Все это материалы, которые легли в основу первой книги о О.М. Ковалевском. Они составляют солидную часть фонда В. Котвича, раскрывают многие интересные факты из биографии известного монголоведа [6а]. Монголоведение стало главной составляющей научной деятельности В.Л. Котвича. Считая себя учеником О.М. Ковалевского, он учился на его трудах, преподавал в Санкт-Петербургском университете, используя его Грамматику и Хрестоматию, и во многом стал последователем своего учителя.

Хорошую разностороннюю подготовку Владислав Котвич получил у ведущих российских востоковедов в стенах Санкт-Петербургского университета: монгольским занимался у К.Ф. Голстунского и А.М. Позднеева, китайским и маньчжурским – у С.М. Георгиевского и Д.А. Пещурова, историей буддизма – у В.П. Васильева, тюркским языком – у И.Н. Березина и В.Д. Смирнова. После окончания университета был оставлен для подготовки к профессорскому званию. С 1900 г. становится приват-доцентом Санкт-Петербургского университета и преподает монгольский и маньчжурский языки вплоть до реорганизации факультета восточных языков университета в факультет общественных наук (1919), принимает активное участие в организации Петербургского института живых восточных языков (ПИЖВЯ) (1920), ставший одним из центров по изучению Востока; В.Л. Котвич был первым его ректором (1920-1922).

В 1912 г. В. Котвич совершил научную командировку в один из интересных уголков Мон-

голии – орхонскую долину, которая славится археологическими и письменными памятниками. В Монголии он пробыл около трех месяцев, и за это короткое время сделал большой объем работы, хотя по оценке самого ученого, «сделал сравнительно немного» «ввиду краткости времени». В целом своей поездкой в Монголию он был доволен [7], это была его единственная встреча со страной, которой он всецело интересовался; «...чересчур мало у меня времени – неполных три месяца, а может быть, и всего только два с половиной. Решил поэтому пробраться [сразу] через Ургу на Орхон, посетить там Эрдэни-Цзу и развалины старых городов, где была, по-видимому, столица первых монгольских императоров XIII в., а кроме того, и более старые памятники, начиная с VIII в. Вот я и хочу их исследовать, поскольку мне это удастся» [8]. Во время поездки он посетил Ургу, Центральные и Западные аймаки Монголии, встречался с представителями духовенства и разных слоев населения, основательно изучил жизнь и быт, административное устройство, социальные и общественные отношения страны. О своей поездке в Монголию он докладывал на заседании Императорского Русского археологического общества 28 марта 1913 г. [9].

Научная командировка Владислава Людвиговича состоялась благодаря инициативе и поддержке со стороны представителей бурятской интеллигенции, работающих в Монголии в начале XX в. – Цыбена Жамсарано и Базара Барадина. Сохранилась богатая переписка между учеными, отражающая замыслы поездки, планы с ней связанные. В одном из писем к В.Л. Котвичу от 19 марта 1912 г. Ц. Жамсарано писал о «Рамстедском камне», который находился «около Эрдэни-Дзу, он «не стоит, а лежит». «Потому ранее никто не замечал», – писал Ц. Жамсарано, ссылаясь «на монгола, который сообщил об этом» [10]. Обсуждалась сумма, необходимая на раскопки, выделялось 3000 р., «конечно маловато, но все же в три месяца кое-что можно сделать», – по оценке бурятского исследователя. Ц. Жамсарано провел некоторую подготовительную работу и сообщил об этом в Санкт-Петербург: что рабочих для раскопок можно найти на месте, «вообще со стороны монголов, – уверял он, – будет вам всевозможное содействие»; советовал, что для безопасности необходимо «получить казаков – человек 10 с урядником. Конечно, им тоже придется платить, но все же солиднее будет. Быть может, Вы поговорите с Главноштабским относительно прикомандирования к Вам из местных частей (Троицкосавск)

отряда казаков с тем, чтобы они раскапывали под Вашим руководством. Думаю, что и местные власти ничего не будут иметь против этого» [11].

Ц. Жамцарано и Б. Барадин вели совместную работу с петербургскими востоковедами по разным вопросам монголоведения. Один из актуальных вопросов, решаемых с В. Котвичем, был вопрос по сбору и обработке фольклора бурят. «Теперь относительно бурятских образцов¹. Я уже написал Андрею Дмитриевичу¹ о том, что начать нужно с племени эхирит булагат...». «Просил бы пока безотлагательно прислать мне в Ургу набиравшийся улигер «Хан-богд ханханхуй», с вариантом... Еще лучше, если заодно пришлете или привезете с собой все улигеры эхирит булагатов (как то: «Аламджи эцин», «Бурятын богдо хан», «Болод Хитрый Хубул» и т.д.), дома в Аге у меня имеются карандашные записи Гэсэриады... Гэсэриада имеется в Азиатском музее¹ в чистом виде, но можно ли по ней набирать? Бадзар может отобрать все, что относится к эхирит булагатам, не будете ли, друзья мои, так добры: отобрать тамошние материалы...» [12].

В поездке по Монголии Владислав Людвигович вел дневник, куда кратко записывал свои наблюдения, заметки об увиденном. Дневник командировки сохранился, находится в архиве Польской академии наук в Кракове. Он представляет собой маленький блокнот (половина тетради) в твердом темно-синем переплете, в 2 частях (два блокнота). Первый блокнот – 58 листов с оборотами [13], второй – 44 листа [14]. Согласно записям дневника, члены экспедиции «20 июня 1912 г. прибыли в Троицкосавск, 22 июня выехали в Кяхту, 24 июня прибыли в Ургу в 3 часа». В этот же день их встречали «Да-лама – премьер и МрВД [Министр внутренних дел], Ханда-ван МИД (Министр иностранных дел), Намсарай-ван – МИД, Далай-ван – Воен[ный] М[инистр], Туши-ван М[инистр] ф[инансов]. 29 – выезд из Урги. Солнце» [15]. «Отправились по северной дороге» к Эрдэни-дзу в составе каравана 1) Я [авт.: В.Л. Котвич], 2) Ц. Ж. Жамсарано, 3) К.А. Маслов, 4) 10 казаков, во главе с урядником Румянцевым, 5) чахарец Лубсан, 6) Мейранб с синим шариком ха борохъхъ [16]. «Тракт очень оживленный, проезжает много обозов с мерлушками..., шерстью. От дождей теплая Сельба ... В 11 ½ прибыли в Санганабун [17]. Вторая часть записей путешествия по Монголии 1912 г. – это описание фотографий, которые были сделаны в Монголии, их числа, условий, при которых были сделаны сним-

ки (солнечно, сумерки т.п.) [18]. Составной частью дневника является материал для монгольского словаря, В.Л. Котвич распределил слова по темам, например, «юрта» и здесь представлена терминология, характеризующая убранство жилища кочевников: круг, сруб, привязь лошадей и др. [19]. Эти страницы путевого дневника ученого характеризуют его как скрупулезного исследователя монгольского языка, автора двух грамматик: «Грамматика монгольского литературного языка» (1908) и «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» (1915). По итогам своего путешествия в Монголию В.Котвич подготовил монографию «Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии», изданную в Санкт-Петербурге в 1914 г. Полученные в ходе научной командировки материалы он в последующие годы постоянно дополнял благодаря его широкому кругу знакомств как с деятелями науки, так и политики. Особенно ученого интересовали события, происходившие в Монголии в начале XX в. Создание независимого монгольского государства было объективно прогрессивным явлением в истории страны. Монголия вступила в переговоры с Россией. В 1911 г. была отправлена первая официальная монгольская делегация, в 1912 г. – вторая. В.Л. Котвич как ученый и государственный чиновник России был не только в курсе всех этих событий, но и помогал в решении межгосударственных вопросов. В одном из писем в Монголию Владислав Людвигович выражал беспокойство о результатах монгольских делегаций в Россию и советовал: «Очень прошу вас передать прилагаемое письмо Да-Ламе и Хайсану, а еще на словах разъяснить им следующее. В Министерстве И[ностранных] Д[ел] знают о разногласиях между депутатами. Кроме того, получено сведение, что в Урге князья говорят не совсем то, что в Санкт-Петербурге говорили депутаты. Это здесь произвело не очень хорошее впечатление, и главный вопрос, из-за которого Да-лама и Хайсан ездили в Москву, именно о ружьях (буу), останется нерешенным до тех пор, пока от надлежащих лиц не будет сделано в Урге новое заявление о необходимости. Вообще было бы весьма желательно, чтобы от разногласий, которые здесь обнаружались от нашего свидания, не было бы и помину, и чтобы и князья, и Да-лама одинаково согласованно действовали. Это самое скромное мнение, которое прошу Да-ламу обсудить и решить по своему усмотрению» [20].

Как сотрудник Министерства финансов Рос-

сии В. Котвич интересовался экономическим развитием Монголии в период становления независимости. Его фонд в архиве Польской академии наук в Кракове сохранил много интересного материала о вопросах торговли между Монголией и Россией, о ввозимых и вывозимых из Монголии в Россию и обратно товаров, о сложностях этих отношений [21].

В целом российско-монгольские отношения интересовали востоковеда всегда, он долгое время работал с российскими архивами по истории многосторонних связей Джунгарского ханства с Русским государством в XVII и XVIII вв. Итогом этого многолетнего исследования стала работа, опубликованная в 1919 г. «Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.». К вопросам истории монголоязычных народов В.Л. Котвич возвращался в своих статьях «О памятниках монгольской письменности из Хара-хото», «Из поучений Чингис-хана», опубликованной в журнале «Восток» (№ 3, 1923), в отзыве на книгу Хара-Давана Эренжена «Чингис-хан как полководец и его наследие» (1929). Все это характеризует необычайно широкий и разносторонний интерес ученого к изучению самых различных сторон жизни монголоязычных народов – языка, памятников литературы, фольклора, эпоса, истории, религии.

1923 год стал поворотным в судьбе ученого. За значительный вклад в развитие востоковедения В.Л. Котвичу было присвоено звание члена-корреспондента Российской академии наук [22]. В том же году ученый переезжает во Львов, в Польшу, где и продолжает свою научную деятельность. Там его избирают профессором кафедры филологии Дальнего Востока Львовского университета. Позднее (1927) он был избран действительным членом Польской академии наук (ПАН)(Краков). «Общие условия жизни здесь вполне удовлетворительные, но научная работа по востоковедению протекает при очень тяжелых условиях в виду отсутствия книг и коллекций. Моя библиотека застряла в Москве; у меня нет самых необходимых пособий..., но стараюсь не унывать» – писал Владислав Людвигович своему коллеге по Санкт-Петербургу Л.Я. Штернбергу [23]. Дружественные отношения, сложившиеся между В.Л. Котвичем и учеными Санкт-Петербурга и Москвы продолжались и после переезда ученого в Польшу, а потом и Литву. Это трагичное для востоковеда «отсутствие книг и коллекций» компенсировалось по его просьбе коллегами из России. Благодаря сохранившейся переписке с Б.Я. Владимирцовым, Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеевым и многими други-

ми мы узнаем не только о их помощи друг другу, но и о развитии востоковедения в России и Польше, и о становлении советской ориенталистики. Весьма интересен эпизод, связанный с судьбой авторитетного труда С.А. Козина «Сокровенное сказание монголов», который пережил много нелицеприятных высказываний в свой адрес. В одном из своих писем Н.Н. Поппе обратился к Владиславу Людвиговичу с просьбой: «Не дали бы Вы рецензию на С.А. Козина «Сокровенное сказание»? Дело в том», – пишет далее Н.Н. Поппе, – «имеется уже ряд рецензий, причем, по-моему, не все рецензии компетентны в этих вопросах и, видя мелочи, не замечают главного...» [24]. «Было бы очень хорошо иметь беспристрастную рецензию высоко компетентного ученого, а компетентнее Вас у нас в СССР по этим вопросам я не вижу никого...» [25]. В.Л. Котвич откликнулся на эту просьбу и подтвердил значимость выхода в свет этой работы. Эта переписка ярко свидетельствует о месте и значимости В.Л. Котвича в истории монголоведения и о том, что в Польше он продолжал работать в этой области. Сохранилась интересная рукопись В. Котвича на 50 листах, датированная и подписанная им в 1932 г., на польском языке. Это рецензия на работу «Bostwa szamanskie mongolow», автор которой Wiktor Frantr [26]. Шаманизм как одна из составляющих религиозного мировоззрения монголов стала предметом изучения востоковеда. С 1931 г. уделял значительное внимание общим проблемам сравнительно-исторического изучения алтайских языков. Наиболее полное выражение его идеи сравнительно-исторического изучения алтайских языков получили в трудах, вышедших в Польше в 1936-1950 гг., позже переведенных на русский язык, в частности в работе «Исследования по алтайским языкам» (1962).

Истории монголоязычных народов В.Л. Котвич уделял значительное внимание на протяжении всей своей жизни, причем его интересовали как различные временные периоды, так и аспекты развития монгольского общества. Особый интерес представляет сохранившаяся рукопись монголоведа «Из области общественных отношений в монгольских владениях XIII-XIV вв.» [27], датированная автором 1942 г. Она не была опубликована: в левом углу на первой странице карандашом рукой В.Л. Котвича написано «не для печати», возможно в виду своей незавершенности. Эта рукопись – черновик, на русском языке, 24 листа формата 13x20 см содержит интересные сведения, выводы ученого относительно общественных отношений XIII-XIV вв. у

монголов, т.е. то, что интересует многие поколения монголоведов. В.Л. Котвич в рукописи отмечает: «Монголы силой оружия подчинили своей власти обширные пространства Евразии с самыми разнообразными геофизическими условиями и разноплеменным населением, находившимся на различных ступенях общественного и культурного развития и образовавшим ряд государств и иных политических группировок. Одаренные, как кочевники, способностью быстрой практической ориентации, завоеватели легко поняли, что удержать подобные страны в составе единого политического организма можно только в том случае, если обеспечить себе доминирующее положение, они, вместе с тем, создадут всем народам и отдельным лицам условия, благоприятствующие не только сохранению достигнутого культурного уровня, но и дальнейшему его развитию...» [28]. На наш взгляд, эта точка зрения востоковеда, уже тогда проливая свет на взаимоотношения и русских княжеств с монголами в течении трех столетий.

«В своих родных стенах монголы создали сильный военный и политический центр. Все монгольское население было поставлено на военное положение и на подмогу ему взято кочевое население других национальностей, прежде всего туркской, в тех регионах, которые добровольно подчинились власти завоевателей. С другой стороны, была уничтожена власть прежних сильных правителей и вообще возглавлявшихся ими династий в прочих странах, но оставлены мелкие владетели и племенные вожди, особенно враждовавшие друг с другом, там, где монголы не предусматривали для себя какой-либо опасности...» [29]; «...в целях организации более действительной власти все государство было разделено на четыре (одно время их было пять) части, причем каждый состоял в одной части из кочевого региона, другой из оседлого, с принятием во внимание географического положения и состава населения. В каждом уделе был создан местный центр, функции которого были ограничены, с одной стороны – сильной зависимостью от главного центра, с другой – широкой автономией оседлых регионов и их частей. Главный центр сохранил в своем непосредственном завоевании войска и финансы, сумел в течении почти полувека удержать действительную власть на всем протяжении государства и даже постепенно расширять его пределы по всем направлениям, увеличивая пространство всех уделов. Только с 1260 г. стало нарушаться единство государства...» [30].

«... Все обитатели монгольского государства, способные носить оружие или заниматься производительным трудом, обязаны были нести ту или иную тяготу на нужды государства или потребности двора. В связи с этим от времени до времени производились переписи населения и составлялись, сообразно с характером налагавшихся обязанностей переписные книги (дэбтэр или дэфтэр), которые затем и служили руководством для подлежащих правительственных органов. В данном отношении население может быть разделено на три большие группы: А) обитатели, обязанные личной службой... [31], Б) обитатели, обязанные взносом податей налогов – все работоспособные представители оседлых народов, занимавшиеся частным трудом... [32], В) лица, свободные от государственных тягот...» [33]. Каждой группе даются детальные пояснения. Далее В.Л. Котвич отмечал, что «при просмотре документов, касающихся обложения населения при монголах, бросается в глаза большое количество употребляемых в них терминов для обозначения существовавших в их владениях податей налогов и сборов. Обыкновенно принимается, что под всеми этими терминами нужно разуметь различные виды сборов и, таким образом, получается впечатление крайней сложности и неупорядоченности монгольской системы обложения. Однако ближайший анализ налоговой терминологии разрушает это впечатление... [34]; «...основы обложения населения и опыты их применения были сделаны еще при основателе государства Чингис-хане, но подробная разработка налоговой системы последовала при его приемниках – Угедее и Монко...» [35]. Ссылаясь на источники, монговед называл «три главных вида сборов: хубчур, калан и тамга» и далее рассуждал об их происхождении и содержании [36]. Эта рукопись В.Л. Котвича «Из области общественных отношений в монгольских владениях XIII-XIV вв.» требует к себе особого внимательного отношения и заслуживает посвящения ей отдельной публикации, которая бы способствовала введению этого документа в научный оборот.

Многочисленные труды В.Л. Котвича (за все время научной деятельности им было опубликовано 150 работ) изданы на русском, польском, французском, английском и монгольском языках. Работая над польским архивом ученого и с каталогами библиотеки Варшавского университета и национальной библиотеки в Варшаве, можно было заметить, что рабочими языками востоковеда были русский и польский. Много

работ написано на французском языке, большинство из которых было мало известно в России. В одном из своих писем Н.Н. Поппе писал В.Л. Котвичу: «... в Калмыцкой АССР еще имеются люди хорошо помнящие Вас, к сожалению, я не могу сказать то же про Бурятию, где помнящих Вас уже нет, а молодежь знает только Ваши работы, да и то только на русском языке, ибо там владения французским языком нет никакого» [37]. Однако, следует заметить, что у калмыков Владислав Людвигович бывал неоднократно, каждый раз подолгу работал, собирал

их фольклор. Его поездки были наполнены интересными встречами со сказителями, улигершинами. А в Бурятии он никогда не был.

В.Л. Котвич похоронен в Вильнюсе, где он жил в последние годы с дочерью Марией. Таким образом, его жизнь, научная и педагогическая деятельность связана и с Россией, и Польшей, и Литвой. Его архивы рассредоточены по этим государствам (преимущественно в России и Польше) и ждут еще своего времени, чтобы соединившись в одном труде, рассказать о выдающемся востоковеде.

Литература

1. Arhiwum Nauki PAN i PAU Wladyslaw Kotwicz. Ф. К. III-19 / Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В.Л. Котвича. Д. 84.
2. Там же. С.А. Козин сообщил следующие работы: Модзалевский Б.Л. Список членов императорской Академии наук 1725-1907 гг. – СПб., 1908; Загоскина Н.П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. Ч. 1. Казань, 1904; Русский библиографический словарь Т.: КНап – Кюхельбекер. СПб., 1903.
3. Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В.Л. Котвича. Д. 84.
4. Там же.
5. Там же. Ответ из Варшавы во Львов к В. Котвичу датирован 1934 г.
6. Там же. Фотография вложена в конверт с надписью «Библиотека Ягеллонская. Краков». В Краков прислали фото по запросу В. Котвича 23.09. 1938 г.
- 6а. Там же. Д. 28 Материалы о Ю. Ковалевском. Под названием «Zbiory J. Kowalewskiego» написанные Вл. Котвичем.
7. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. – М.: Наука, 1969. С. 275.
8. Там же. С. 270.
9. Архив РАН (Российской академии наук). Ф. 761 оп. 2 Д. 20, л. 41.
10. В. Котвичийн хувийн архиваас олдсон монголын туухэнд холбогдох зарим бичиг // Судлан хэвлүүлсэн / сост. акад. Б. Ширэндэв. Улаанбаатар, 1972. С.191-193.
11. Там же.
12. Там же.
13. Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В.Л. Котвича, Д. 123.
14. Там же. Д. 123а.
15. Там же. Д. 123, л. 2.
16. Там же. Л. 3.
17. Там же. Л. 2.
18. Там же. Д. 123а. л. 43-44.
19. Там же. Л. 36-38об.
20. В. Котвичийн хувийн архиваас олдсон монголын туухэнд холбогдох зарим бичиг // Судлан хэвлүүлсэн / сост. акад. Б. Ширэндэв. Улаанбаатар, 1972. С. 41-46.
21. Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В.Л. Котвича, Дело. 94. Л. 1-12- рукопись об экономическом положении Монголии и российско-монгольских экономических связях, их становлении в XX в., датированная осенью 1917 г. Л. 31-33 материалы по русской торговле в Монголии и таблицы с информацией вывозимых из Монголии и ввозимых в нее товаров; Л. 170-175 – информация о разных людях, торговле, экономике, влиянии Китая и Японии на рынок монголов и т.д.
22. Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в.: петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1997. – С. 132.
23. Штернберг Л.Я. и В.Л. Котвич были в хорошо знакомы в Санкт-Петербурге – Петрограде, в частности, по совместной работе в Русском Комитете для изучения Средней и Восточной Азии, где В. Котвич состоял членом, а Л. Штернберг – секретарем // URL: <http://www.icrap.org/ru/Perepiska8-1.html>. Переписка В.Л. Котвича и Л.Я. Штернберга (1924-1925).
24. Rps PAN Kt. Библиотека Польской академии наук и знания в г. Кракове, д. 4598, Т.2, л. 34.
25. Там же.
26. Архив Польской академии наук в Кракове. Ф. К. III-19. В.Л. Котвича, Д. 118.
27. Там же. Д. 45 – рукопись В.Л. Котвича «Из области общественных отношений в монгольских владениях XIII-XIV вв.».
28. Там же. Л. 1.
29. Там же. Л. 2.
30. Там же. Л. 3.
31. Там же. Л. 5.
32. Там же.
33. Там же. Л. 11.
34. Там же. Л. 12.

35. Там же. Л. 15.

36. Там же. Л. 17-24.

37. Rps PAN Kt. Библиотека Польской академии наук и знания в г. Кракове, д. 4598 Т. 2 Л. 25об.

Полянская Оксана Николаевна, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Бурятского государственного университета, Улан-Удэ.

Polyanskaya Oksana Nikolaevna, candidate of historical sciences, associate professor, department of general history, Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 63.3

© *В.А. Василенко*

«Урянхайский вопрос» в политике России и Монголии (1912-1914 гг.)

В статье представлена оценка характера политики, проводимой Российской империей в отношении Урянхайского края в начале XX в. Выделен комплекс причин, обусловивших факт установления протектората России над Тувой в 1914 г. На основе архивных документов, многие из которых введены в оборот впервые, дается описание и оценка двусторонним отношениям России и Монголии в рамках решения «урянхайского вопроса» в период с 1911 по 1914 гг.

Ключевые слова: Тува, «Урянхайский вопрос», международные отношения, Монголия, дипломатия.

V.A. Vasilenko

The «Uryanghai issue» in the politics of Russia and Mongolia (1912-1914)

In the article the characteristic of the nature of the policy pursued by the Russian empire regarding the Uryanghai territory in the beginning of the XXth century has been presented, the complex of causes has been revealed, which conditioned the fact of establishment the protectorate over Tuva in 1914. On the basis of archival documents, many of which have been introduced into the scientific circulation for the first time, the description and characteristic of the bilateral relations between Russia and Mongolia within the solution of «Uryanghai issue» in the period from 1911 through 1914 have been given.

Keywords: Tuva, «Uryanghai issue», Uryanghai, international relations, Mongolia, diplomacy.

Прошедший 2011 г. стал юбилейным для многих государств. Китай отметил дату – сто лет со дня Синьхайской революции и падения империи Цин, в соседней стране – Монголии – прошли торжественные мероприятия, связанные со столетней годовщиной со дня провозглашения независимости от Китая. Все перечисленные события обозначили новый этап в истории внешней политики России, Китая и Монголии. Характер отношений указанных государств во многом зависел от ряда внешних факторов, среди которых немаловажную роль играли вопросы владения сопредельными территориями. К числу последних относился Урянхайский край (территория современной республики Тыва). До 1728 г. на него претендовали и Китай, и Россия. Однако после территориального размежевания, ратифицированного Бурунским (1727) и Кяхтинским договорами (1728), ряд районов, фактически находившихся в то время под контролем России – Урянхай, территория озер Далай-нор и Хубсугул, – перешли во владение Китаю [1, 6, 8, 9]. Территориальная близость к России, отдаленность от Цинского Китая обусловили развитие и укрепление экономических связей восточных районов Тувы (Тейсингольского,

Тоджинского) с Россией. Последнее обстоятельство сыграло важную роль в завязывании клубка сложных противоречий по «урянхайскому вопросу» между Китаем и Россией, а после 1911 г. – Монголией, поскольку последняя заняла роль полноправного игрока внешней политики.

Начавшаяся в Китае революция дала халхам-монголам возможность освободиться от власти Пекина. 1 декабря в Урге было обнародовано воззвание, в котором говорилось: «Мы, монголы, искони составляли особую народность, теперь... надлежит установить свое национальное независимое от других, новое государство» [1, Д. 136, Л. 47]. В декларации от 1 декабря 1911 г. объявлялось о создании нового монгольского государства, не касаясь территории, населенной тувинцами или другими народами. Однако вскоре правителем Монголии стал глава монгольской ламаистской церкви – Чжэбцун-дамба-хутухта, и халхасская элита стала пропагандировать идею создания «Великой Монголии», в состав которой входили бы Внешняя, Внутренняя Монголия, Урянхайский край и Кобдосский округ. Но реализация этой идеи на практике привела бы к объединению Халхи и Внутренней Монголии, которая, согласно секретному согла-

шению с Россией, относилась к сфере влияния Японии. Кроме того, правительство Российской империи не одобряло провозглашение независимости Монголии, поскольку выступало за широкую автономию Внешней Монголии в составе Китая.

В свою очередь, идея создания «Великой Монголии», в состав которой вошел бы Урянхайский край, была с возмущением воспринята российской общественностью, что находило отклик как в центральной, так и сибирской печати. Так, в газете «Сибирская мысль» от 9 июня 1912 г. по этому поводу автор высказал следующие соображения: «Что касается собственно Монголии, то она не имеет на Урянхай равно никаких прав ... претензии монголов на Урянхай ни на чем не основаны, и поэтому фактическое его присоединение к владениям хутухты совершенно неправомерно и не должно допускаться Россией» [13, с. 3].

Несмотря на противоречия, существующие между Ургой и Санкт-Петербургом по вопросу о независимости Монголии, Россия все же оказывала последней поддержку в борьбе за национальное самоопределение, которая выражалась в дипломатической, военной и финансовой помощи. Через год, в ноябре 1913 г. была принята русско-китайская декларация, по которой Санкт-Петербург признавал сюзеренитет Китая над Внешней Монголией, а Китай, в свою очередь, признавал ее широкую автономию. Заключенный договор между Россией и Монголией точно не определял ту территорию, на которой, с помощью России, «сохранялся установленный Монголией автономный строй». Не решал он вопроса о политическом статусе Тувы. Однако уже после провозглашения Чжэбцзун-дамбахутухты верховным правителем, халхасская элита стала пропагандировать идею создания «Великой Монголии», в состав которой входили бы Внешняя, Внутренняя Монголия, Урянхайский край и Кобдосский округ. Основным мотивом включения края в состав Монголии было наличие факта вассальной зависимости урянхов от халхасских князей, к тому же в состав державы Богдо-гегена должны были войти не только монгольские племена, но и все те, кто населял пространство бывшей империи Чингисхана.

Прекращение существования Цинской империи и последующее объявление Монголией независимости оказали сильное воздействие на тувинцев. В январе 1912 г. китайские купцы были изгнаны из Урянхая [2, оп. 11, д. 26, л. 115].

После изгнания купцов и обретения «независимости» от Китая, тувинцам следовало решить

проблему выбора страны-покровителя – России или Монголии. В силу своей малочисленности, отсутствия развитых институтов государственности, слабости экономического и культурного развития Урянхайский край не был еще способен на автономное существование. Это прекрасно осознавала тувинская элита. Чиновники не могли единогласно решить вопрос о политическом самоопределении в пользу одной, конкретной страны. Так, группа восточных хошунов Урянхая во главе с Амбын-нойоном Гомбодоржи симпатизировала России, элита западных хошунов тяготела к Монголии, ссылаясь на общность религии, что было бесспорным, важным фактором, побуждающим к объединению. В январе 1912 г. тувинский амбын-нойон Гомбодоржи получил воззвание монголов к урянхам, в котором говорилось следующее: «Урянхи! Китай об нас не заботится, поэтому мы отложились от него, и решили жить самостоятельно, то же предлагаем и вам. Желаете, присоединитесь к нам, не хотите к нам, идите к русским; одного не советуем – не будьте китайскими подданными» [2, оп. 11, д. 26, л. 115]. Российское правительство такой бумаги в Туву не отправило. После получения послания амбань-нойон Гомбодоржи созвал съезд тувинских чиновников для обсуждения вопроса о присоединении Урянхая либо к России, либо к Монголии. На съезде было принято решение объявить Урянхай независимым, но находящимся под покровительством России. Через Усинского пограничного начальника А.Х. Чакирова на имя Николая II было отправлено прошение о покровительстве и защите. Помимо этого, урянхи, во избежание преследований со стороны китайцев, просили «по возможности скорее занять своими войсками по своему усмотрению заселенные пункты среди урянхов, а для охраны выставить... пикеты по границе». Но во избежание осложнения отношений с Китаем по монгольскому вопросу, российская сторона не сочла нужным пойти на сближение с представителями тувинской власти. Отправленную амбын-нойоном делегацию в Санкт-Петербург пограничный начальник, следуя указанию иркутского генерал-губернатора, не пропустил ее дальше села Усинского. В инструкции генерал-губернатор объяснял, что отправка тувинской делегации в связи с осложнением ситуации на Дальнем Востоке нецелесообразна, а «все возбужденные вопросы будут решены вне зависимости от отношения к ним урянхов» [2, оп. 11, д. 26, л. 115 об.]. Фактическое игнорирование местными властями стремления тувинцев стать

российскими подданными объясняется, на мой взгляд, характером общего курса восточной политики, проводимой Российской империей. Так, на своем выступлении в апреле 1912 г. глава МИД С.Д. Сазонов отметил: «Не надо забывать, господа, что Россия – держава европейская, что государственность наша сложилась на берегах Днепра и Москвы-реки... увеличение русских владений в Азии не может составлять цели нашей политики; это повело бы к нежелательной сдвигке центра тяжести в государстве и, следовательно, к ослаблению нашего положения в Европе и на Ближнем Востоке» [1, оп. 491, д. 617, л. 154]. Но уже в июле председателю Совета министров В.Н. Коковцову он предлагал территории Внутренней Монголии, Барги и Урянхайского края вывести за пределы Халхи [5, с.371].

Не делая прямого предложения тувинцам принять подданство Российской империи, все же российское правительство старалось не ослаблять своего влияния на восточные хошуны Тувы. Так, во время одной из поездок усинского пограничного начальника амбын-нойону Гомбодоржи был пожалован орден Станислава второй степени, что истолковывалось уряньями «как акт присоединения Амбын-нойона с его хошунами в русское подданство» [2, оп.11, д.26, л.137]. Как видно из данного отрывка, в дальнейшем российское руководство планировало объявить Урянхайский край территорией, на которую Россия имеет полное право. В то же время оно не стремилось к тому, чтобы официально закрепить за населением края статус подданных Российской империи.

Отсутствие конкретного решения в кругах высшего руководства Империи в вопросе присоединения Урянхия привело к тому, что ряд хошунов, испытывающих симпатии к России, стал тяготеть к Монголии. В связи с этим между нойонами этих хошунов и официальным правителем Тувы, амбань-нойоном, стали возникать конфликты. Так, в конце января 1912 г. Чакиров телеграфировал в Иркутск об осложнении обстановки в Урянхиа: «Кемчик противится подчинению Амбаню, готов перейти самостоятельно в подданство России. Наличие войск необходимо» [2, оп.11, д.17, л. 134]. Хочется обратить внимание на то обстоятельство, что конфликт между двумя главными представителями института власти в Туве – амбань-нойоном Гомбодоржи и гуна (великого князя) Буян-Бадыргы – был обусловлен прежде всего полярной политической ориентацией обоих руководителей. Если

первый был сторонником России, то второй подчеркивал свою тесную связь с Китаем. А.Х. Чакиров в своем отчете генерал-губернатору сообщал также о пребывании с 1 по 10 января 1912 г. в Усинском пограничном управлении четырех чиновников разных хошунов и сумо (Ойнарского, Мерина, Сальджакского). Целью их приезда было «узнать положение вещей, узнать о приеме их в русское подданство, последовало ли объявление о присоединении урянхов в русское подданство; как им быть, что им нужно делать и т.д.» [1, оп. 491, д. 617, л. 297]. Однако, следуя инструкциям вышестоящего руководства, Чакиров не дал исчерпывающих ответов на вопросы прибывших.

Неопределенность политики российского руководства и противоречия, существующие в среде тувинской элиты, привели к тому, что в начале апреля 1912 г. нойоны Сальчжакского и Тоджинского хошунов, Бальджинмаа и Тонмит, обратились с прошением о приеме их в один из аймаков Халхи и переходе в подданство Богдогегена: «Выведите нас, о великий учитель, из темноты и направьте наши заблуждения, и научите, каким образом избавиться от настоящего тяжелого положения, созданного угрозами амбана и тем успокоить умы населению... Умоляем поспособствовать нашему переходу в подданство Богдо-гэгена. Присягаем Вам, Чжалханизагеген, что это наше решение окончательно, и в будущем мы от него не отступим. Клянемся небом, землей и всем, что есть святого...» VIII [1, оп. 491, д. 617, л.297]. По словам и.о. консула в Улясутае, А.П. Хионина, Чжалханизагеген, за неимением полномочий и «особой важности» возникшего вопроса считал нужным не вмешиваться в это дело [1, 143, оп. 491, д. 617, л.297]. В депеше от 18 мая 1912 г. В.А. Хионин доносил в Петербург: «Хутухтинское правительство, по видимому, считает совершенно достаточным ограничиться челобитной урянхайцев, не разбирая вопроса по существу, и находит вполне своевременным фактически присоединить часть урянхайской земли к Монголии. После удовлетворения прошений Сальджакского и Тоджинского хошунов должно последовать... и юридическое закрепление урянхайской территории».

Исполняющий обязанности председателя сейма Цзасактуханского аймака, князя Гокчундамба, выступающий в роли посредника в переговорах Монголии и России по «урянхайскому вопросу», передал заявление российского правительства о том, что «монголы не могут считать себя ответственными за действия лиц (име-

ется ввиду прошение тувинских нойонов. – В.В.) страны, в состав Монголии не входящей...» [1, ф. 143, оп. 491, д. 617, л. 300]. В связи с этим Гокчундамба предложил не торопиться с принятием урянхов в подданство Халхи. Монгольское правительство не согласилось с заявлением Гокчундамбы – отложить присоединение Тоджинского и Сальджакского хошунов. Однако, учитывая конфликт Амбана с угердами этих хошунов, Ургинское правительство решило не сообщать о ходатайстве Богдо-гегену до тех пор, пока не установит в крае порядок. С этой целью Гокчундамбе было предписано в ставки Бальджиямы и Тонмита отправить «способных чиновников и солдат». Князь Гокчундамба, оказавшись в затруднительном положении, обратился к Хонину за советом. Тот предложил князю донести в Ургу, что «посылка монгольских административных лиц и войск в край, в состав Халхи не входящий, едва ли представляется целесообразной, так как может привести к недоразумениям и даже вызвать нежелательные для монголов последствия». В связи с этим российское консульство предложило Гокчундамбе воздержаться от немедленного исполнения приказа, во избежание могущих произойти в Урянхае недоразумений. Управляющий консульством в Улясутае Хионин писал Посланнику в Пекине: «Настороженность Ургинского Правительства подтверждается предположением о серьезных замыслах монголов присоединения Урянхайского края Монголии. Постараюсь убедить князя в необходимости предварительного письменного обмена мыслей с Чжалханизой и председателем сейма, чтобы затянуть дело» [1, ф.143, оп. 491, д. 617, л.309]. Далее Хионин заявил Гокчундамбе, что Россия «имеет на Урянхайский край неоспоримые права». После предупреждения Хионина монгольские власти не решились послать войска в Урянхай. Этот момент выявил существующие расхождения между Ургой и Санкт-Петербургом по Урянхайскому вопросу.

Сложившаяся ситуация вынудила Гомборжи обратиться к Ургинскому хутухте с просьбой принять подведомственные ему хошуны в состав Монголии. Твердо придерживалась русской ориентации только небольшая часть чиновников, преимущественно из Иргит-сумона, во главе с Агваном, который еще летом 1912 г. неоднократно ездил в с. Усинское к царским пограничным властям, чтобы добиться ускорения решения вопроса о русском протекторате [2, оп.11, д. 17, л.83]. Но поездки Агвана были безрезультатны, так как пограничные власти не реагировали на них, исходя из директивных ука-

заний свыше. Хошуны Даа и Бэйсэ также обратились с просьбой о принятии их в подданство Халхасского хутухты. Несмотря на существующие разногласия между Ургой и Санкт-Петербургом, желание нойнов Салчакского и Тоджинского хошунов было удовлетворено. Они были предписаны к отоку Джалханизухутухты в Дасактуханском аймаке. Один из хэмчикских хошунов Бэйсэ на основании своей прежней административной подчиненности Сайн-нойнханскому аймаку был вновь включен в его состав. В «Сведениях о государствах Дальнего Востока», издаваемых Разведывательным отделением штаба Иркутского военного округа в июне 1912 г., сообщалось: «Присоединение Урянхайского края к западной и северной Монголии – свершившийся факт. Урянхайская область принята монгольским хутухтой под свое покровительство на том основании, что значительная часть урянхайских вотчин принадлежит князьям халхасской Монголии. Присоединение Урянхайского края к Монголии не будет оформлено никаким актом» [12, с.6]. Российское правительство, в свою очередь, вынуждено было предпринять ряд мер, предупреждающих полное отторжение Урянхая в пользу Халхи. Отчасти активность действий властей стимулировало присутствие экономических интересов русского купечества в Туве. В августе 1912 г. было организовано специальное заседание межведомственной комиссии, образованной при Министерстве внутренних дел России для выработки мер по укреплению российского влияния в Урянхайском крае. На нем было принято решение «принять самые экстренные меры для предупреждения анархии в крае и невыгодных России последствий» [8, с.355-356]. Российское правительство понимало важность для Монголии создания автономной государственности и решило использовать этот факт при присоединении Урянхая.

Во второй половине 1913 г. российская дипломатия добилась от китайского правительства согласия на то, что территориальные вопросы, связанные с Внешней Монголией, будут решаться путем переговоров с Россией [3, оп.1, Д.494, Л.40-4]. Для тувинцев исчезла последняя надежда присоединиться к Халхе. Но с подписанием русско-китайской декларации Барга, Внутренняя Монголия и Урянхайский край оказались за пределами Внешней Монголии. Тем не менее, ургинское правительство не оставило мысли присоединить Урянхай. Весной 1914 г. оно назначило Богдо-гегена VIII правителем Урянхайского края. В связи с этим между назначенным в Туву пограничным комиссаром и монгольским

правительством случались частые конфликты. Монгольские чиновники и эмиссары Богдогегена принудительно выслались из края, за что те требовали от российского консула в Урге А. Миллера привлечь комиссара к уголовной ответственности. Консул, в свою очередь, неоднократно отмечал, что Урянхайский край служит спорной территорией между Россией и Китаем, а в состав Монголии не входит» [1, оп.491, д. 3114, л9].

Действия агентов хутухты привели к тому, что среди тувинцев, в основном среди элиты, появились стремления вновь принять монгольское подданство. Так, в письме Л.М. Князеву, В.Ю. Григорьев сообщал: «По словам знающих людей, сойоты все более и более склоняются в монгольское подданство, что к тому стремятся все более чиновники, а не народ, остающийся пассивным, но неизменно верным свои чиновникам; чиновники же предпочитают именно монгольское подданство, будучи прельщаемы раздаваемыми им монгольскими чиновниками гуннов... чего не дает им русское правительство...» [21]. По Кяхтинскому Тройственному соглашению, подписанному 25 мая 1915 г., в состав Автономной Внешней Монголии были включены только земли, находившиеся в ведении цинских амбаней в Урге и Кобдо и цзяньцзюня в Улясутае. Таким образом, идея создания объединенной Монголии, в состав которой вошел бы Урянхайский край так и не была реализована.

Несмотря на то, что в дальнейшем Внешняя Монголия по-прежнему пыталась оказывать воздействие на события, происходящие в Урянхайском крае [1, оп. 491, д. 617, л.297], усилиями российской дипломатии это стремление было подавлено.

Последствия, связанные с установлением покровительства России над Тувой, не подлежат односторонним оценкам. С одной стороны, с принятием протектората России была устранена его политико-правовая неопределенность, а также изолированность края от связей с внешним миром. Однако тувинцы по истечении неко-

торого времени стали испытывать и негативные последствия установления протектората: происходило вмешательство русских чиновников во внутреннее управление хошунов и сумонов, нередко нарушались земельные права населения, была введена земская повинность, которая с течением времени увеличивалась. Эти неблагоприятные факторы, а также события, произошедшие в России в период с 1914 по 1917 гг. привели к тому, что в июне 1918 г. по договору с русским населением края, тувинский народ объявил о своей самостоятельности и освобождении от русского протектората.

Таким образом, к 1913 г., наряду с упрочением позиций российской дипломатии в «Монгольском вопросе», характер политики российского правительства в отношении Урянхайского края постепенно менялся.

Смена правительственного курса означала усиление геополитического влияния России в центральноазиатском регионе, причем «урянхайский вопрос» с 1913 г. решался главным образом между Российской империей и Монголией; позиции Китая при этом были сильно подорваны. Тем не менее во избежание международного конфликта высшее российское руководство продолжало действовать осторожно в отношении решения «урянхайского вопроса» в свою пользу. Этим объясняется, на наш взгляд, наличие юридических неточностей в определении временного порядка управления Тувой, неопределенности формулировок учредительных документов. Налоговая политика, проводимая в Урянхайском крае ургинским правительством, подписание русско-китайской декларации 1913 г., согласно которой Тува осталась за пределами Автономной Монголии, обусловили дальнейшее упрочение позиций России в регионе. Этому способствовала активная работа Усинского пограничного комиссариата, а также деятельность российского дипломатического представительства в Урге. Упрочение позиций России в регионе создало объективные условия для его последующего присоединения края.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 143 (китайский стол).
2. ГАИО. Ф. 25 (канцелярия иркутского генерал-губернатора).
3. ГАРФ. Ф. 2000, оп.1, д. 494, л.40-41.
4. Белов Е.А. Краткая история Синьхайской революции. – М., 2001.
5. Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906-1917 гг. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1965. – 601 с.
6. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. В 1. Т.2. – Л., 1926. – 898 с.
7. Мелихов Г.В. Экспансия Цинской империи в Приамурье и Центральной Азии // Вопросы истории. 1974. – №7. – С. 55-73.
8. История Тувы / под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – 2-е изд., перераб и доп. – Новосибирск: Наука, 2001. – Т.1 – 367 с.
9. Моисеев В.А.. Вторжение Цинской империи в районы Саяно-Алтайского нагорья и политика России (XVIII в.). – М.,

1978. – 18 с.

10. Мясников В.С., Шепелева Н.В. Китай и Монголия // Китай и соседи. – М., 1982. – С. 126-152.
11. Леонов Н. Тану-Тува. Страна голубой реки. – М.: Изд-во общества политкаторжан, 1927. – 55 с.
12. Сведения о государствах Дальнего Востока: ежемесяч. журнал для военных. – Иркутск, 1912. № 5.
13. Сибирская мысль: обществ., политико-экон. газета. 1912. № 125. 9 июня.
14. Шурху Д. Монголо-тувинские отношения, позиция России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уланбаатар, 1999. – 22 с.

Василенко Виктория Александровна, кандидат исторических наук, докторант Восточно-Сибирской государственной академии образования, г. Иркутск.

Vasilenko Victoriya Aleksandrovna, candidate of historical sciences, doctoral candidate of the East Siberian state Academy of Education, Irkutsk.

УДК 930.85(571.5)

© *З.Е. Цыренова*

Политика национально-культурного строительства в Восточной Сибири (1920 – конец 1980-х гг.)

В статье рассматриваются этнокультурные процессы Восточной Сибири через призму национальной политики партийных и государственных структур в советский период. В работе введено большое количество новых, ранее недоступных документов и дана их современная интерпретация.

Ключевые слова: национальная политика, традиционная культура этносов Восточной Сибири, советский период, современная интерпретация.

Z.E. Tsyrenova

The Policy of National and Cultural Development in the Eastern Siberia (1920 – the end of 1980s)

The article considers the ethnocultural processes in the Eastern Siberia through the prism of national policy of party and state structures during the Soviet period. A great number of new earlier unknown documents have been introduced in the study and their modern interpretation has been done.

Keywords: national policy, traditional culture of Eastern Siberian ethnoses, Soviet period, modern interpretation.

Вступив на путь реформ, наше общество переживает на протяжении последних лет драматические по своему характеру процессы. Сами реформы, изменившие за короткие сроки всю обстановку в обществе, породили сложные проблемы во всех сферах жизни, серьезно повлияли на характер межнациональных отношений, обнажив при этом огромный межэтнический потенциал, часто конфликтный. В этой социокультурной ситуации очень важно понять, в каком обществе сегодня живут люди, каковы их возможности в изменении существующего положения, осмыслить общественную ситуацию, сформировать новое адекватное реальности мировоззрение. В связи с чем возникает задача ретроспективного анализа этнокультурных процессов через призму национальной политики партийных и государственных структур в советский период.

В ноябре 1917 г. большевистским правительством России была выработана государственная национальная политика по защите коренных народов. В соответствии с «Декларацией прав народов России» правительством РСФСР было принято «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окра-

ин РСФСР». На местах были впервые созданы родовые собрания, родовые советы, туземные районные съезды и избираемые ими районные исполнительные комитеты. Те несколько после-революционных лет, в течение которых создавались подобные уникальные документы, проводились прогрессивные мероприятия, означали лишь короткий момент представлений о всесторонне развивающейся, свободной от предрассудков личности и автономной культуре на местах. В основном происходило это из-за наивной веры в революционную и культурно-созидательную силу масс, овеянной романтикой раннего периода.

Выявлялась центральная проблема начального периода культурной политики – создание нового человека советского государства, власть стремилась к переустройству всего внутреннего мира человека. Предполагались создание пролетарской культуры в условиях диктатуры пролетариата, борьба с пережитками буржуазной культуры, критическая переработка и освоение буржуазной науки.

Учитывая полиэтничность России, признавались необходимым разработка национальной политики и проблем языковой культуры (разви-

тие орфографии, терминологии, литературы и т.д.), национализации школ, подготовка кадров национальной интеллигенции и др. [1]. Проблемы, оказавшиеся при их реализации очень сложными, будут находиться в поле зрения партийных, государственных и других структур еще долгие годы, вплоть до конца 60-х годов прошлого века.

В обществе все больше приходили к пониманию того, что революция не ведет за собой автоматического уничтожения всех пороков предшествующего общества. Осознание живости старых традиций отразилось в понятиях, появившихся в середине 20-х годов: быт, жизненный уклад, образ жизни. Кроме того, существовала глубокая пропасть во взглядах на идеологию, социальную сферу и переустройство внутреннего мира человека нового многонационального общества между разработчиками, плановиками культуры, властью и большинством населения, а в документах тех лет все больше прослеживается мотив борьбы, руководство которой взяла на себя партия.

Таким образом, с конца 20-х и до начала 50-х годов культурная политика все больше воспринимается как «культурная революция», ключевыми положениями которой станут:

- отступление в сфере общего образования и переход к быстрому обучению в соответствии с потребностями на перспективу;
- изменение отношения к «буржуазным» специалистам, начало которого было положено Шахтинским «делом» летом 1928 г.;
- социальная подготовка выдвиженцев из пролетариата и коренных народов в российских провинциях, воспитание «красных специалистов»;
- радикализация искусства и науки, необходимость которой подкреплялась аргументами классового противостояния.

Культурная революция становилась одним из элементов классовой борьбы, и, поскольку «одними разъяснениями и воспитательными мерами невозможно было разрушить вековые устои патриархально-семейного уклада, в интересах скорейшей ликвидации тяжелых пережитков прошлого советское государство, наряду с широкими и разносторонними мерами воспитания, применяло и меры принуждения» [2]. Начался насильственный перевод кочевых и полукочевых хозяйств на оседлый образ жизни и их коллективизация. Только в 1932 г. в Бурятии было переведено на оседлость 117 555 хозяйств [3]. Перемены коснулись не только бурят, эвенков,

но и тувинцев, хакасов и других коренных народов Восточной Сибири. При этом место оседания вчерашних кочевников выбиралось без учета наличия воды, пашен, близости сенокосения и т.д. Тогда власть не особо заботилась об устойчивости ландшафта к возрастающим антропогенным нагрузкам. Были заброшены многие пастбища, использовавшиеся веками, но оказавшиеся удаленными от центров оседания. В эти же годы проводилось и выселение улусов, хотонов (хуторов), к 1939 г. было выселено 2 273 хозяйства [4]. Признавая величайшие достижения страны, а вместе с ней и коренных народов, нельзя не признать, что этносы были подвергнуты историческому эксперименту, который способствовал утрате связи с традиционным укладом, образом жизни; привел к глубоким изменениям в культуре, которая частично подменялась инородной, частично разрушалась. Духовные сокровища были отчасти отвергнуты, вычеркнуты из национального оборота и сосредоточены в дацанах и музеях.

Война и послевоенный период замедлили, но не остановили духовное и культурное развитие. Бесспорно, идеология проникала во все сферы жизни общества. Накануне войны власть во главе со Сталиным завершает идейную конструкцию, содержащуюся в документах 1934-1938 гг., где соотношение между классово-интернационалистским началом и державно-патриотическим подходом заметно изменился в пользу последнего. В годы войны великодержавный национализм был поставлен на службу активизации патриотических чувств всех народов СССР.

Явное доминирование державного подхода в идеологической сфере присутствовало в программных записках, которые в 1944-1945 гг. подготовили руководители идеологических и образовательных структур в связи с перспективами послевоенного развития страны. В них подчеркивалась необходимость использования наследия самобытной русской прогрессивной педагогики, внесшей значительный вклад в сокровищницу мировой педагогической мысли.

Власть и Сталин, безусловно, преследовали определенную политическую цель. В русских как имперском этносе вождь искал укорененности своего режима, но не только это. Его, очевидно, тревожили связанные с возможными неблагоприятными для режима и строя последствиями перспективы культурно-национального развития нерусских народов. Война вызвала у них новые приливы этнической самооценности, породила надежды на послабления в сфере на-

циональных отношений. Национальное же никак не торопилось соединяться с интернациональным, как этого требовал классовый подход. Следовательно, согласно диалектике режима во главе со Сталиным, требовалось ликвидировать одну из двух противоречивых сторон, приведя национально-культурную сферу к общему, великорусскому знаменателю теперь, а не в коммунистическом завтра.

Эта идея через два-три года в небывалых масштабах захлестнет общество, культуру, науку. А с 1947 г. «холодная война» станет топливом для разжигания новой, подготовленной волны национализма. Одним из ярких ее проявлений станет навязчивое разоблачение так называемого космополитизма, развернувшееся с конца 1948 г. В начале 50-х годов Сталин вновь своеобразно обратился к национальному содержанию в послевоенной идеологии в статье «Относително марксизма в языкознании». Используя критику идеи академика Н. Марра о «классовости» языка, он представил нацию в качестве наиболее важного фактора современной истории и революционной борьбы. Несмотря на то, что в статье не было ни слова о приоритетности русского языка или об ущемлении прав языка и культуры народов СССР, последствия для них складывались не лучшим образом. В программах для системы образования уменьшаются часы на изучение родного языка, литературы, а попытки воспрепятствования данным действиям быстро пресекались центром, причем и после смерти вождя.

Время Хрущева принесло не только «оттепель». Идеологическая система в тот период живо реагировала на проявления национальных настроений в среде интеллигенции. Кроме того, Хрущев, увлеченный созданием программы коммунистического строительства, заявил в 1961 г. об отказе «консервирования национальных различий» [5]. Эти и другие дилетантские высказывания стали сигналом к подавлению всплеска различных проявлений национально-культурной жизни.

Логическим завершением на практике явилась разработка положения в законе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» (1958), по которому объявлялось, что изучение родного языка и обучение детей в школах на родном языке – дело добровольное. Постоянно и особо подчеркивалось, что «овладению в совершенстве местным и русским языком нужно уделить самое серьезное внимание».

И вновь противоречие: слова верные, а практические меры были иными. Происходил радикальный пересмотр учебных программ и планов. Национальные школы всех типов переводили на русский язык обучения, сохранив родной язык только как предмет, изучавшийся на добровольной основе.

Наука, осуществляя национальную, языковую политику партии и государства, утверждала, что «в условиях социализма могут происходить частичные процессы добровольного слияния небольших этнических и экстерриториальных национальных групп, вкрапленных в крупные социалистические нации, с этими национальностями. Особенно важным в этом процессе является усвоение сливающимися этнографическим и экстерриториальными национальными группами языка крупной передовой социалистической нации, среди которых эти группы живут». Кроме того, «языковая консолидация» не есть естественный процесс, «сближение и расцвет наций протекают не стихийно, а планомерно... в нашем многонациональном государстве это осуществляется в процессе единого государственного планирования» [6].

Предпосылкой осуществления национальной языковой политики Советского государства этих лет служило научное изучение процессов «функционального взаимодействия языков народов Сибири», начатое по инициативе Института истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск) в начале 60-х гг. [7]. Включение проблематики в планы 1967-1970 гг. и создание тематической социолого-лингвистической группы, отвечающей задачам науки, поставленным XXIII съездом КПСС (1966), ссылки на документы данного высшего форума партии не случайны. Именно на съезде прозвучал властный окрик в ответ на обращение научной и творческой интеллигенции к правительству об опасности возвращения сталинизма после отказа от идей оттепели. Страна «тихо вползала в застой».

Национальные отношения этого периода характеризовались двумя тенденциями: развитием наций и их сближением, они же распространялись и на национальные культуры. Основой сближения является «широкое и глубокое воздействие русского языка на языки народов СССР» и как следствие этого – «распространение национально-русского двуязычия» [8]. Помимо естественного влияния русского языка как средства межнационального общения шла пропаганда протекционистской политики ведущей роли русского языка как составной части общей

идеологии интернационализации, слияния и образования новой исторической нации «советский народ».

С позиций унитарного мышления все больше утверждалось мнение о беспроблемности национальных отношений. Теория межнациональных отношений разрабатывалась односторонне, а СССР представлялся только как общество дружбы народов, где быстрыми темпами происходит слияние наций и народностей в единый «советский народ». Такой подход к историческому опыту не соответствовал реалиям того периода, препятствовал объективному анализу проблем развития этносов СССР, способствовал утверждению догм, исключал возможность аль-

тернатив в развитии общества. Хронологически это связано с подготовкой и празднованием 50-летия СССР (1971-1972).

Все больше проявлялось противоречие между ожидаемым свободным этнокультурным развитием и жестким контролем со стороны центральных партийных и государственных структур.

Советское общество в целом стояло на пороге глобальных перемен. Запущенный механизм медленно набирал обороты, возможно, поэтому партийно-государственный строй уже ничего не мог противопоставить в ближайшей перспективе процессам национального сепаратизма, росту национального самосознания и формированию национальных историографий.

Литература

1. НАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 626. Л. 155.
2. Очерки истории культуры Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – Т.2. – С.51.
3. Хыпектуева Л.В. Эколого-экономические проблемы выживания коренных этносов Бурятии // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. (2-3 июля 1999 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 184-185.
4. Там же.
5. Дзюба И. Интернационализм или русификация?: пер. с укр. – Амстердам, 1970. – С.15-16, 51.
6. Каммари М.Д. Строительство коммунизма и дальнейшее сближение наций в СССР // Вопросы философии. – 1961. – №9. – С.31-32.
7. Рекомендации научно-методического совещания «Проблемы функционального взаимодействия языков народов Сибири» (Новосибирск, 1-2 декабря 1966 г.) // НАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 7422. Л. 94-95.
8. Культура Бурятии в условиях развитого социализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 13, 16.

Цыренова Зинаида Егоровна, доктор исторических наук, профессор, Бурятский государственный университет. г. Улан-Удэ, ул. Смолиан, 24а.

Tsyrenova Zinaida Egorovna, doctor of historical sciences, professor, Buryat State University. Ulan-Ude, Smolina, str., 24a.

УДК 621.39 (571.54)

© *Е.Е. Тармаханов, В.Б. Базаржапов*

История становления телефонной связи в Западном Забайкалье

Статья посвящена становлению телефонной связи в Западном Забайкалье, которая в первое время ограничивалась городом Верхнеудинском. Раскрыт процесс создания телефонной сети в Верхнеудинске, указаны правовые и финансовые основы деятельности телефонной связи.

Ключевые слова: телефонная связь, собственники телефонной сети, почтово-телефонные конторы.

E. E. Tarmakhanov, V.B. Bazarzhapov

The history of formation of telephone communication in the Western Transbaikalye

The article is devoted to the telephone communication formation in the Western Transbaikalye which at first has not been limited by Verkhneudinsk. The telephone system having arisen in the USA, quickly spread worldwide. It became more perfect in Russia. The state distributed concessions of telephone net to business owners and city managements. In the article the process of the telephone system establishment in Verkhneudinsk has been revealed, the legal and financial bases of of telephone communication activity are specified.

Keywords: telephone communication, owners of telephone net, post and telephone offices.

Коммуникативные возможности резко возросли в связи с развитием телефонной связи. Низкоскоростные телеграфные цепи уже не удовлетворяли нужды развивающегося общества, поэтому шел поиск средств более высокой пропускной способности связи. Таким средством стала телефонная связь.

Появление телефона связывают с именем американского ученого Александра Белла, который в 1876 г. изобрел телефонный аппарат, преобразующий звуковую информацию (голос) в колебания электрического тока с последующей передачей их по линии связи и обратным преобразованием в звуки. Оконечные аппараты телефонного устройства – это микрофон и собственно телефон. Изобретение телефона привело к появлению телефонограмм – письменной записи переданного по телефону сообщения [1].

Телефонная сеть расширялась очень быстро и скоро обогнала телеграфные сети, как в размерах, так и в переносимом трафике, несмотря на пессимизм телеграфных операторов, которые сомневались, что публике можно доверить обращение с «техническим оборудованием электросвязи».

В 1881 г. появились первые телефонные справочники (в Берлине и Нью-Йорке), также первые телефоны-автоматы.

В 1885 г. русский инженер П.М. Голубицкий разработал проект автономной телефонной станции с электропитанием от центральной батареи, расположенной в самой станции.

С развитием городской жизни телефонная связь приобретала все большую важность. С интенсификацией индустриального развития в конце XIX в. телефон приобретает крупное значение, в особенности в Америке – стране ускоренного промышленного темпа. В США телефон стал использоваться и в сельской местности. Для того чтобы сберечь издержки по проведению телефонной линии, американские фермеры пользовались изгородями, окружающими поля; телефонными линиями служили проволоки, которые идут по этим изгородям, и только тогда, когда нужно перебросить телефонную сеть через дорогу, для нее ставились особые столбы. Такой телефон обходился очень дешево, а между тем функционировал очень успешно, даже тогда, когда роса покрывала изгородь [2].

На первых порах телефон находился почти исключительно в руках частных компаний. Высокие дивиденды частных телефонных обществ вызывали возмущение у абонентов телефонной связи, и эксплуатация телефонной линии постепенно перешла к государству или муниципалитетам.

Эксплуатация телефона государством или муниципалитетом имела крупные преимущества перед эксплуатацией их частными обществами. В частности переход телефонных линий в руки городских самоуправлений расширил их хозяйственную деятельность в сфере водоснабжения, газоснабжения и т.д.

Иногда при передаче концессии телефонной компании частному лицу предписывался максимальный тариф за пользование телефоном; предусматривались сроки пересмотра этого тарифа, а также условия, при которых тариф должен понижаться (например, при достижении известного процента чистой прибыли компании). Характерными в этом отношении являются те правила, которые предписаны Положением Комитета министров от 21 мая 1900 г. для руководства при сдаче телефонных сообщений в Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе в руки частных предпринимателей. По этим правилам размер тарифа должен определяться на торгах, но по окончании переустройства сети, если чистый доход за какой-либо эксплуатационный год превысит 10% на затраченный капитал (приобретение, переустройство и развитие сети), концессионер обязывался обращать на понижение абонентной платы часть излишка (от 40 до 80%). Однажды пониженная плата уже не могла быть повышена [3].

Усиление регламентации телефонного дела в городах и выкуп его последними вызывались отчасти увеличением промышленного и торгового оборота. Опыт показывал, что наиболее благоприятные условия предоставлялись абонентам телефонов, находившихся в ведении городских управлений или кооперативных обществ.

7 ноября 1900 г. состоялись торги на эксплуатацию телефонной сети в 5 городах: Петербурге, Москве, Риге, Варшаве и Одессе. В них кроме частных предпринимателей приняли участие городские управления Петербурга, Москвы и Варшавы. В Одессе телефон был передан частному лицу, при условии предельной абонентной платы в 48 р. В Петербурге городское управление взяло в свои руки телефонные линии, при предельной абонентной плате в 55 р. Эти платы были предельные; при наличии известных условий (см. выше), они подлежали ответственному уменьшению [4]. В некоторых городах телефонная сеть находилась в руках правительства. В войсках также применялся военный телефон. Регламентировались случаи обмена телеграфными сообщениями. Так, в кавалерии, в крепостях и в военно-телеграфных ро-

тах применялся ручной магнитно-электрический телефон [5].

Телефонной связи Западного Забайкалья предстояло пройти долгий путь развития: нужно было построить телефонную сеть – комплекс сооружений и оборудования для телефонной связи, состоящий из станционных устройств, линейных сооружений и телефонных аппаратов.

В 1905 г. в Верхнеудинскую городскую думу поступило заявление крестьянки М.П. Башмаковой от 18 ноября 1905 г. с просьбой дать согласие на постройку в г. Верхнеудинске телефонной сети и предложением открыть телефонную сеть к 15 июня 1907 г. [6].

В 1906 г. в ведомстве Верхнеудинского почтового телеграфа находилось 11 почтово-телеграфных отделений и контор: среди них Бичурское, Урлукское, Мухоршибирское, Баргузинское, Татауровское, Красноярское отделения; Горячинская, Кабанская, Мысовская почтово-телефонные конторы; Верхнеудинская уездная телеграфная контора. Одновременно в этом же году Главное управление почты и телеграфа открыло при почтовых отделениях ряд сберегательных касс и почтово-телеграфных отделений. Так, 1 июня 1906 г. открывается Березовское почтово-телеграфное отделение в 7 верстах от г. Верхнеудинска [7]. В 1906 г. был построен деревянный 9-пролетный мост арочного типа через р. Уду по проекту инженера Ю. Эбергардта, прослуживший более тридцати лет. 13 мая 1907 г. поступило заявление от надсмотрщика Верхнеудинской почтово-телеграфной конторы Станислава Станиславовича Чернявского с просьбой дать согласие на устройство телефонной сети на 100 абонентов и предложением создать «Товарищество по оборудованию и эксплуатации телефонной сети». Уже 24 августа 1907 г. на заседании городской управы было дано согласие на бесплатное городское место на горе напротив почтово-телеграфной конторы [8].

13 апреля 1907 г. Городская дума предоставила концессию на устройство и эксплуатацию в г. Верхнеудинске городской телефонной сети самому Городскому общественному управле-

нию. Проект устройства телефонной сети взял на себя механик Чернявский за вознаграждение в 200 рублей [9].

9 апреля 1910 г. в адрес начальника Иркутского почтово-телеграфного округа для Верхнеудинской почтово-телеграфной конторы был выслан план города Верхнеудинска с нанесенной телефонной сетью и план помещений под телефонную станцию [10]. Для строительства телеграфных столбов 19 марта 1912 г. начальник Верхнеудинской почтово-телеграфной конторы Василий Иванович Волошников заключил контракт с В.В. Филипповым на заготовку и поставку столбов на сумму 1395 р.16 к. С 12 мая была начата разбивка линий для установки столбов. Однако существовали и трудности: отсутствовал кабель и коммутатор, не хватало проволоки. Строительство телефонной сети откладывалось какое-то время. 8 декабря 1912 г. Верхнеудинской почтово-телеграфной конторой было получено «Условие пользования телефонной сетью». В основном пользовались телефонными аппаратами Морзе, Бодо [11].

В 1912 г. Верхнеудинской городской почтово-телеграфной конторой была построена первая телефонная сеть с использованием коммутаторов Гилеланда, за счет средств государственной казны. Коммутатор Гилеланда был рассчитан на емкость 50 номеров и 90 соединительных линий связи с другими коммутаторами данной станции. Ручная коммутация действовала с 1912 до 1954 г. Строительством телефонной сети руководил механик Шукин. Заведующим телефонной сетью был назначен механик Благовещенский [12].

Таким образом, телефонная связь появилась в Западном Забайкалье, основная сеть была расположена в ее административном центре – г. Верхнеудинске. Телефон значительно облегчил и ускорил поступление информации, что было очень важно для экономической жизни и в быту. Телефон улучшил связь с центром и другими административными центрами России, способствовал развитию международного общения.

Литература

1. Полный энциклопедический справочник / под ред. К. Люцис и др. – М., 2002. – С. 928.
2. Хвольсон О. Эдисон и Морзе. Их жизнь и научно-практическая деятельность. Лекции об электричестве и магнетизме. – СПб., 1891. – С. 81.
3. Нестерук Ф.Я., Чеканов А.А. Очерк истории техники в России в 1861-1917 гг. – М., 1975. – С. 8.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 834.
5. Полный энциклопедический справочник / под ред. К. Люцис и др. – М., 2002. – С. 848-852.
6. ГАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д. 22. Л.6.
7. ГАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д.100. Л.3.

8. ГАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д. 22. Л. 56.
9. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 67. Л. 17.
10. ГАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д. 986. Л. 3.
11. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 549. Л. 24.
12. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1023. Л. 6.

Тармаханов Ефрем Егорович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6.

Базаржапов Владимир Батомункуевич, доктор исторических наук, профессор.

Tarmahanov Efrem Yegorovich, doctor of historical sciences, professor, department of homeland history, Buryat State University, Ulan-Ude, Ranzhurov str., 6.

Bazarzhapov Vladimir Batomunkuevich, doctor of historical sciences, professor.

УДК 81:39 (571.54)

© А.А. Елаев, Г.-Х. Ц. Гунжитова

Этноязыковые процессы в Бурятии в XX в. – начале XXI в.

В статье рассматриваются государственная языковая политика и этноязыковые отношения в Бурятии

Ключевые слова: Бурятия, этноязыковые, политика.

A.A. Elaev, G.-Kh.Ts. Gunzhitova

The ethnic and language processes in Buryatia in the XXth – beginning of the XXIst century

In the article the state language policy and ethno-linguistic relations in Buryatia are considered.

Keywords: Buryatia, ethno-linguistic, policy.

В настоящее время вопросы государственной языковой политики и этноязыковых отношений в России, где проживает около 180 этнических общностей, сохраняют свою актуальность.

Современное состояние и проблемы развития миноритарных языков в Российской Федерации во многом обусловлены политикой, проводимой государством в предыдущий период. В XX в. в России государственную политику в отношении языков населяющих ее народов можно условно разделить на три основных этапа: 1) этап (начало 1920-х – середина 1930-х гг.) активной поддержки и развития языков; 2) этап (конец 1930-х – середина 1980-х гг.) языковой ассимиляции; 3) этап возврат к политике поддержки и развития языков (с конца 1980-х гг.).

Каждый этап по-своему отразился на развитии языков народов России. Так, первый этап стал для многих бесписьменных языков началом развития письменности, литературы, обучения на данных языках. Языки, имевшие письменность, получили возможность развиваться и совершенствоваться ее дальше, расширять сферы своего применения.

В дальнейшем в политике советского государства, которая реализовывалась в течение нескольких десятилетий, возобладали ассимиляторские тенденции, породившие множество не-

гативных в плане развития языков явлений. Как отмечают многие исследователи языковой ситуации, на этом этапе изменилось отношение к этническим языкам как со стороны их непосредственных носителей, так и со стороны окружающего их иноэтничного и иноязычного населения. Почти во всех республиках значительно сократилось число лиц, признающих родным язык своей этнической группы.

По данным исследователя языковых отношений М.В. Дьячкова, в период между переписями 1979 и 1989 гг. численность людей, считающих свой этнический язык родным, снизилась у карелов с 61,8 до 51,5%, коми – с 80 до 74,4%, марийцев – с 93,7 до 88,4%, удмуртов – с 82,3 до 75,7%, мордвы – с 94,3 до 88,5%, коми-пермяков – с 87 до 82,9%, хантов – с 64,8 до 55,1%, манси – с 51,9 до 36,6%. Этот процесс охватил также и представителей других народов России [1].

В работе «Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках» приводятся данные о том, что с 1970-го по 1989 г. доля перешедших владеть языком своей этнической общности у бурят, коми, марийцев, удмуртов, якутов увеличилась вдвое, а у карелов и мордвы – в полтора раза. Более трети башкир, коми, мордвы, удмуртов, 20-25% чувашей и марийцев стали считать родным русский язык [2].

Как уже отмечалось выше, в эти годы снизился и престиж обучения в так называемых национальных школах. Во второй половине 80-х гг. лишь 9% детей нерусского населения РСФСР обучались в национальной школе. Практически лишь у башкир, татар, якутов и тувинцев в той или иной степени сохранились средняя и старшая ступени школы на родном языке. Это лишь некоторый перечень тех проблем, которые обозначились к концу этого этапа [3].

Накопившиеся языковые проблемы негативно отразились в целом на этнополитической ситуации, именно они стали одним из детонаторов межэтнической напряженности в стране. Выходом из сложившейся ситуации объективно напрашивалась необходимость изменения языковой политики, то есть возврат государства к политике поддержки и развития миноритарных языков.

Современная государственная языковая политика России нацелена, как это следует из директивных документов, на всестороннее развитие языков и культур ее народов. Однако языковая ситуация в стране продолжает оставаться достаточно сложной, характеризующейся множеством языковых проблем.

Если рассматривать в ретроспективе развитие бурятского языка, то следует отметить, что наиболее плодотворными с точки зрения языкового строительства были 1920-1930-е гг., которые характеризуются активными мерами государства по возрождению, точнее по созданию как такового бурятского языка, расширению его активного функционирования в различных сферах жизнедеятельности общества, включая образование, культуру и государственное управление. В бурятских школах было введено обучение на родном языке по основным школьным предметам, большое внимание было уделено собственно языковому строительству, формированию и конструированию нового бурятского литературного языка.

Этот этап языкового развития исследователями оценивается как начало появления и расцвета художественной бурятской литературы, активного обогащения языка за счет живой разговорной речи, произведений устного народного творчества.

Следует отметить, что формирование письменности многих региональных языков первоначально было ориентировано на генетически и типологически родственные более крупные языки и соответствующую письменность.

В республике в эти годы активно внедрялись традиции старомонгольского письменного язы-

ка, а литературный язык создавался на базе восточных говоров.

Переломными в развитии бурятского языка стали 1930-е годы. В 1931 г. бурятский язык был переведен на латинский алфавит, а за основу литературного языка было взято селенгинское наречие.

Такое коренное изменение литературного языка потребовало огромных усилий по созданию новых правил правописания, по составлению новых учебников, по подготовке педагогических кадров. Потребовалась перестройка издательского и типографского дела в той их части, где выпускались книги и периодика на бурятском языке с применением латинского алфавита.

Однако, как отмечают исследователи, несмотря на трудности, новый алфавит продолжал активно внедряться: в 1936 г. грамотность населения была доведена до 70%, а в 1938 г. – до 90%. В период с 1931 по 1936 г. латинский алфавит был использован при издании 587 наименований книг – произведений классиков марксизма-ленинизма, художественной, детской, учебной литературы. В изданных в эти годы учебниках, пособиях, словарях были заложены основы орфографической системы литературного языка и письменности бурят. Но, несмотря на достигнутые успехи, в 1936 г. было принято решение, вероятно в интересах политики, об ориентации бурятского литературного языка на восточно-бурятское наречие.

1939 год ознаменовался тем, что письменность бурятского языка, как и многих других региональных языков, была переведена на кириллицу. Естественно, это вновь потребовало огромных затрат и колоссальной работы по изменению правописания, созданию новых учебников, словарей, пособий, подготовке кадров и т.д.

Процессы «латинизации» и «кириллизации» испытал на себе не только бурятский язык. Они коснулись многих языков народов России. Насколько эти решения были оправданными, до сих пор обсуждается учеными-филологами и историками. Как известно, язык – это сложная система, в которой все тесно взаимосвязано. Такая резкая смена письменности бурятского языка в течение одного десятилетия, не только нарушила культурные и языковые традиции, но и фактически затормозила развитие языка, заставив народ дважды переучиваться новой грамоте. Это, в свою очередь, привело к активному и ускоренному усвоению нерусским населением русского языка и, соответственно, развитию национально-русского двуязычия.

Смена одной диалектной основы на другую также негативно повлияла на естественное развитие языковой системы. До сих пор существует проблема востребованности литературной формы языка его носителями. Многие носители бурятского языка используют для удовлетворения своих коммуникативных потребностей диалектные формы языка. Так, например, носители западных диалектов в большинстве своем не могут читать периодику и книги на бурятском литературном языке, не всегда понимают носителей других диалектов, что отчасти способствует переходу на русский язык общения.

Как писал Б.Я. Владимирцов, литературный язык, базирующийся на одном из собственных диалектов, со стороны представителей других диалектов вызывает неприятие [4], что зачастую наблюдается на примере бурятского языка.

Рассматриваемый период развития языков характеризуется возросшим сознательным вмешательством государства в функционирование и развитие языков. Влияние государства на состояние бурятского языка осуществлялось также опосредованно, через другие административные и социально-экономические реформы, к которым относится, например, разделение в 1937 г. единой территории проживания бурят на три административные части: Агинский бурятский национальный округ, Усть-Ордынский бурятский национальный округ и Бурят-Монгольскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Раздел БМАССР привел к тому, что удельный вес бурят в республике резко сократился, а как известно, показатель численности титульного этноса является одним из значительных факторов этноязыковой ситуации.

Другим важным социально-экономическим фактором, повлиявшим на языковую ситуацию, является начавшееся интенсивное строительство ряда крупных предприятий в республике, повлекшее за собой значительный приток русскоязычного населения из центральных регионов России, что еще больше сократило долю бурятского населения. В эти же годы усилилась мобильность сельского населения, связанная с коллективизацией сельского хозяйства.

На этноязыковой ситуации в республике сказались и массовые репрессии 1930-1940-х гг., в том числе ведущих ученых в области бурятского языка.

Кроме того, социально-политические процессы того периода затронули определенным образом и корпус языка. Так, одновременно с «чистой рядов» происходила и своеобразная «чист-

ка» самого языка. Из бурятского языка были изъяты так называемые панмонголизмы, слова монгольского и тибетского происхождения, а также многие исконно бурятские слова. Это, конечно же, отразилось на выразительности, богатстве бурятского языка. Отказ от старомонгольской письменности привел к тому, что многие материалы и документы на старомонгольском языке оказались невостребованными, бурятский народ оказался оторванным от значительного исторического пласта своей прошлой духовной культуры, философии, науки.

На развитие бурятского языка негативное влияние оказал переход в середине 1970-х годов всей республики на русский язык обучения с 1-го класса. В результате отмены преподавания на бурятском языке и обучения бурятскому языку выросло несколько поколений бурят, не владеющих письменной формой языка, не знающих бурятской литературы.

Языковое развитие определялось политикой и идеологическими целями государства. Следует подчеркнуть, что языковая политика советского государства имела негативные последствия и породила противоречивые процессы: с одной стороны, произошла дальнейшая консолидация бурятского этноса, развитие культуры, языка, а с другой – начался процесс деэтнизации, ассимиляции и аккультурации.

В 1980-е гг. в российском обществе вопросы этноязыкового развития и этноязыковые проблемы резко обострились, это стало активно обсуждаться и в Бурятии. В качестве мер по снижению остроты языковых вопросов в 1986 г. было принято постановление Бурятского обкома КПСС «О дальнейшем улучшении преподавания родного (бурятского) языка в общеобразовательных школах республики». С этого времени было восстановлено обучение на бурятском языке в начальных классах бурятских школ, во всех бурятских детских садах занятия стали проводиться на бурятском языке.

Впервые преподавание бурятского языка было введено в городских школах. Так, в 1987/88 учеб. год бурятский язык изучался в 35 школах г. Улан-Удэ и 34 русских школах районов республики. В основном он преподавался факультативно, его изучали дети-буряты. В 1991-1992 гг. он стал изучаться уже в 108 школах, или в 20% всех школ.

Значительным событием общественно-политической жизни республики этого периода стало принятие 10 июня 1992 г. закона Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия», который установил государственными

языками республики русский и бурятский языки.

Данный закон является фундаментальной основой современной государственной языковой политики в Республике Бурятия и отражает основные направления ее реализации, а также основополагающие принципы, на которых она базируется. Так, в преамбуле закона отмечается, что «язык – это духовная основа существования любой нации. Он является величайшей нацио-

нальной ценностью. Сохранение и развитие этноса прежде всего связано с сохранением и функционированием ее языка. Беречь и развивать родной язык и с уважением относиться к другим языкам – долг и обязанность каждого гражданина» [5].

Таким образом, была определена основная целевая установка современной языковой политики в республике и ее содержания.

Литература

1. Дьячков М.В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. – М., 1996. – 116 с.
2. Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994.
3. К проблеме национально-языковых отношений в СССР и других странах: (история и современность). – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 90 с.
4. Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 187 с.
5. Закон Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» от 10 июня 1992 г.

Елаев Александр Афанасьевич, д-р ист. наук, начальник Управления по делам архивов Республики Бурятия.

E-mail: alexelaev@mail.ru

Гунжитова Гарма-Ханда Цыбикжаповна, ст. преподаватель кафедры государственного муниципального управления, Бурятский государственный университет. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолиан, 24а.

Elaev Aleksandr Afanasyevich, doctor of historical sciences, head of the department for archives of the Republic of Buryatia.

E-mail: alexelaev@mail.ru

Gunzhitova Garma-Khanda Tsybikzhapovna, senior lecturer, department of state municipal governance, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24a.

УДК 902+39(5-015)

© *Н.В. Цыденова, С.В. Данилов*

Некоторые результаты работ комплексной археолого-историко-этнографической экспедиции в долине р. Селенги

Настоящая работа представляет краткие результаты работы совместной российско-монгольской комплексной археолого-историко-этнографической экспедиции, проводившейся по долине р. Селенги – от дельты и до истоков. В рамках данной статьи мы остановимся на анализе полученных археологических и частично этнографических материалов.

Ключевые слова: долина р. Селенги, археологические памятники, древнее и современное население.

N.V. Tsydenova, S.V. Danilov

Some results of works of the complex archeological-historical-ethnographic expedition in the Selenga river valley

The paper is devoted to the results of the joint Russian-Mongolian archaeological-historical-ethnographic expedition, which has been conducted in the Selenga basin, from its delta through its sources. Within this article we'll focus on the analysis of the obtained archaeological and some of the ethnographical materials.

Keywords: the Selenga basin, archaeological sites, ancient and modern population.

Долина реки Селенги, одной из главных водных артерий Забайкалья и Монголии, привлекала внимание исследователей еще с конца XIX в. Идеи проектов о сплошном обследовании бассейна реки появлялись у специалистов самых различных отраслей науки и хозяйства. Наиболее известное археологическое обследование долины от Наушек до Улан-Удэ проводилось

экспедицией под руководством академика А.П. Окладникова в 1949 г. Более ранние археологические исследования в долине Селенги осуществлялись в 1927-1928 гг. Бурят-Монгольской археологической экспедицией под руководством Г.П. Сосновского троицкосавским уездным врачом Ю.Д. Талько-Грынцевичем в конце XIX в. – начале XX в.

Одной из целей проводившихся нами работ было изучение хозяйственно-экономического и культурно-исторического состояния территорий, единых по своей исторической географии, но разделенных современными государственными границами. С российской стороны участие принимали сотрудники ИМБТ СО РАН, с монгольской – сотрудники ИИ АН Монголии (руководитель совместного проекта С.В. Данилов).

Памятники каменного века. По р. Селенге известны археологические памятники каменного века, от палеолита до неолита. На российской стороне это прежде всего серия стоянок Усть-Кяхта I-XVII, датируемых эпохами палеолита-мезолита-неолита и находящихся в районе с. Усть-Кяхта (Ташак, 2005). В среднем течении реки расположено широко известное в науке многослойное поселение Ошурково, датирующееся эпохой палеолита – мезолитом. А также стоянки в районе ст. Мостовая на левобережье р. Селенги (Окладников, 1927; Окладников, 1950). Наряду с ними известен ряд ставших теперь популярными в научной литературе стоянок среднего и верхнего палеолита, располагающихся на притоках р. Селенги и в их бассейне – р. Уда (Санный Мыс, Толбага, Барун-Алан, Каменка, Варварина гора и др.), р. Итанца (Засухино), р. Чикой (Подзвонкая) и др., раскопки которых вели экспедиции под руководством А.П. Окладникова, позже Л.В. Лбовой и В.И. Ташака [12].

На территории Монголии по р. Селенге также обнаружены памятники этого времени. Наиболее известными из них являются поселения Тулбэр-4, Тулбэр-15, находящиеся на территории Хутаг-Ундур сомона Булганского аймака. Многослойные поселения неолита – верхнего палеолита Тулбэр-4 и Тулбэр-15 расположены на р. Тулбэр (правом притоке р. Селенги), раскопки его ведутся совместной монголо-русской экспедицией. Исследователями было выявлено сходство каменной индустрии Тулбэр-4, относящейся к переходному периоду от ранних этапов верхнего палеолита к его поздним стадиям, с индустриями забайкальских стоянок Усть-Кяхта 17, Санный Мыс [7; 22].

Нами выявлено несколько объектов, где собраны единичные каменные артефакты палеолитического времени: в распадке по южному склону хребта Намнангийн нуруу (сомон Тариалан), в пади Тээль (сомон Хутаг-Ундур Булганского аймака), в распадке неподалеку от с. Хутаг-Ундур (к западу от сомонного центра), в местности Арслан Толгой (сомон Хутаг-Ундур), на переправе через р. Эгийн гол, в местности Холтой нут (р. Эгийн гол, Хутаг-Ундур сомон) и др.

Памятников эпохи неолита – бронзового века на российской стороне по р. Селенге известно также немало. Наиболее известные из них: могильники Фофаново, Никольское, поселения Посольское – в нижнем течении реки, Нижнеберезовское – в среднем ее течении и др. [14; 3; 16; 11; 19; 18].

На территории Монголии по р. Селенге неолитических стоянок и могильников практически не известно. Нами зафиксированы материалы неолитического облика на высокой береговой террасе в местности Олон голын билчээр, на правобережье р. Дэлгэр-мурэн, недалеко от устья р. Селенги. Это два каменных предмета, один из них – это переработанный в торцовый нуклеус отщеп (пластина?). Другой выявленный объект находится на террасе р. Цулхарын гол (приток р. Селенги), за восточной окраиной бага у с. Хялганат. С правой стороны автодороги на г. Эрдэнэт собраны артефакты неолитического облика – 7 экз.: нуклеидный обломок на гальке, отщеп, мелкие отщепы – 3 экз., микропластинка, фрагмент гладкостенного сосуда серого цвета.

Памятники бронзового века. В ходе экспедиции на территории Бурятии по р. Селенге и ее притоку р. Чикой были осмотрены такие крупные могильники, включающие курганы и погребения эпохи бронзового века, как Хайласын, Хара-Хапсагай, Цаган-Усун и др.

1) Керексуры: На территории Монголии известны одни из самых крупных и монументальных курганов керексуров. Так, в верхнем течении р. Селенги по маршруту экспедиции были осмотрены керексуры в местности Булганы Сайхан в Булганском аймаке, в долине Хуний-гол, в устье р. Дэлгэр-Мурен и др.

В целом можно говорить о следующем: а) керексуры как на территории Бурятии, так и на территории Монголии типологически подразделяются. Различаются они по размерам, по наличию или отсутствию сопровождающих кладок, вероятно, ритуального характера. Некоторые из них имеют кольцевые выкладки в углах ограды и т.д. Различаются и по своему пространственному расположению. Некоторые комплексы керексуров занимают широкие плато, органично вписываясь в окружающий ландшафт, часть же приурочена к склонам и располагается либо на крутых склонах, либо у подножия – у самого основания гор. Также замечено, что наиболее монументальными по размерам и по характеру организации их в ландшафте долины р. Селенги являются курганы ее верховьев. Комплексы в целом производят впечатление, и можно согласиться с Э.А. Новгородовой, пи-

савшей об оленных камнях и керексурах: «Жертвенники Западной Монголии можно рассматривать и как архитектурные памятники. Монгольские просторы подсказали древним архитекторам именно такую форму организации пространства – памятники на возвышенностях под открытым небом – с максимальным использованием и выявлением ландшафта, где человек оставался в гармонии с природой, не нарушая ее ритмов и равновесия» [13]. И действительно, ровное плато, огороженное со всех сторон высокими неприступными скалами, вероятно, использовалось и «заstraивалось» древними в согласии с окружающим ландшафтом. Здесь монументальность керексуров подчеркивается величию и красотой гор. Вероятно, можно говорить о своеобразном архетипе организации пространства вокруг керексуров и оленных камней и сознательном выборе ландшафтной ситуации для возведения этих типов памятников.

Керексуры Бурятии по ряду признаков, вероятно, следует считать провинцией культуры. Отличаются керексуры среднего течения р. Селенги (забайкальские) от монгольских и меньшими размерами. Население, оставившее керексуры, проживало практически на всем протяжении р. Селенги, от истоков и до пригорода г. Улан-Удэ (п. Сотниково). Далее по течению, в низовье реки мы их не наблюдаем.

2) Оленные камни: Наибольшая концентрация памятников этого типа по Селенге фиксируется на территории Монголии, а севернее и северо-восточнее, на российской стороне, нахождение оленных камней единично.

Использование в возведении стен плиточных могил оленных камней наблюдаем в основном на территории Монголии. Подобные случаи нами по маршруту следования экспедиции были встречены на комплексах из керексуров и плиточных могил на Хуний-гол и в местности Булганы Сайхан. Единственный подобный случай встречен нами на плиточной могиле у с. Ганзурино, где на одной из вертикально поставленных угловых плит зафиксировано выбитое на гладкой поверхности символическое изображение щита. Аналогичные выбитые рисунки щитов имеются на оленных камнях Западной Монголии наряду с изображениями других предметов вооружения – кинжалов и т.д. [13].

3) Плиточные могилы: Культура плиточных могил распространена практически на всем протяжении р. Селенги. Причем, надо заметить, что отмечены как совпадения в ареале распространения курганов-керексуров, так и несовпадения.

Так, в месте истока реки плиточных могил нет, хотя керексуры имеются. Напротив, северная граница ареала плиточных могил долины р. Селенги проходит по ее притоку – р. Итанца, в то время как курганы-керексуры далее п. Сотниково, близ г. Улан-Удэ, не наблюдаются.

Следует заметить, что как на территории Бурятии (Хайласын, Хара-Хапсагай, Тапхар и т.д.), так и монгольской стороне (Булганы Сайхан, Хуний-гол и др.) имеются комплексы, где представлены памятники обоих типов – керексуры и плиточные могилы вместе. Факт перекрытия плиточной могилой ограды керексура замечен нами только на могильнике Хара-Хапсагай.

В верхнем течении р. Селенги, в долине ее притока р. Эгийн-гол совместной монголо-французской экспедицией под руководством Д. Эрдэнэбаатара изучен могильник, оказавшийся неразграбленным. Были получены замечательные находки – бронзовые шлемы [22].

Петроглифы. Петроглифы долины р. Селенги подразделяются стилистически и хронологически. В первую очередь это наскальные рисунки, выполненные охрой.

а) На территории Монголии выделен особый тип петроглифов, главной особенностью которых является наличие Х-образных знаков, относимых исследователями к эпохе неолита [2]. Наряду с ними встречаются вертикальные линии, круги и треугольники, изображения людей в длиннополых халатах или комбинезонах с бубном в руке и т.д. Подобные Х-образные петроглифы встречены нами в Забайкалье в местности Бэшэгту, за с. Ганзурино Иволгинского р-на. Сохранность их плохая, они еле «читаемы». Для Забайкалья эти Х-образные кресты не выделялись в отдельную группу и отдельным исследованиям не подвергались, потому кресты из Бэшэгту пока относим к этой неолиту лишь предварительно.

б) Наскальные рисунки эпохи энеолита, которые имеются в долине р. Чулуут (притоке р. Идэр, правого притока р. Селенга), выполненные в технике выбивания [13, 22], на территории Бурятии не известны. Хотя каменный утяжелитель, обнаруженный нами в месте впадения р. Ажарги в р. Чулуут, вполне аналогичен подобным экземплярам, встречаемым и на территории Забайкалья.

в) Петроглифы, выполненные охрой «селенгинского» типа, есть как на территории Бурятии [17], так и на территории Монголии. Непосредственно по маршруту расположены: писаница Бэшэгту (с. Ганзурино), Боо (с. Нур-тухум), с

монгольской стороны в окрестностях г. Дархан.

г) Петроглифы с выбитыми изображениями оленей известны в Субуктуе (Кяхтинский р-н, Бурятия) и на р. Чулуут (Архангайский аймак, Монголия), относятся к тому же времени, что и оленные камни. Звери изображены с вытянутыми ногами, показаны в реалистичной манере, которая, по Э.А. Новгородовой, характерна для оленных камней с поздней датировкой [13].

д) Петроглифы, выбитые на скалах и изображающие стилизованные фигурки людей, козликов, лошадей и т.д., характерны как для Бурятии, так и для Монголии. Датируются железным веком.

Памятники хуннского времени. По р. Селенге самым северным пунктом распространения памятников хунну является Нижнеиволгинский комплекс, включающий в себя городище и могильник [4]. Далее вниз по течению не встречаются. Выше по течению как на р. Селенге – в среднем ее течении, так и на ее притоках – реках Джиды и Чикой расположены могильники хуннской знати и рядового населения, наиболее крупные из которых – Дэрэстуйский култук, Ильмовая падь, Царам, а также городища и неукрепленные поселения – Баян-Ундэр, Дурены и др.

Выше по течению реки, на территории Монголии, в западных районах по р. Селенге хуннских памятников встречено меньше. Так, в 32 км выше по течению от сомонного центра Их-Уул, на левом берегу р. Селенги известен могильник Сул-Толгой, на котором совместной российско-монгольской экспедицией было раскопано погребение рядового воина [1]. Нами по ходу работ и по маршруту на монгольской территории было осмотрено место раскопок могильника хунну Бурхан-толгой, исследовавшегося монголо-американской и монголо-французской экспедициями в долине р. Эгийн гол (приток р. Селенги) [21]. Зафиксирован некрополь хуннской элиты в районе пос. Хялганат, включающий 5-6 курганов.

Древнетюркские памятники. Памятники древних тюрков встречаются по р. Селенге только на территории Монголии, ближе к истоку реки, по эту сторону границы их нет. Ближе к верховьям р. Селенги на территории Архангайского аймака, в долине р. Хуний-гол, в местности Шивээт Улаан, расположен грандиозный погребально-поминальный комплекс Ильтерешкагана конца VII в. [8]. Далее по маршруту на окраине п. Туулант встречено каменное изваяние, заключенное в квадратную оградку из каменных плит. И уже на северном берегу Селенги, также в верховье, в местности Далхын Дэрс встречено каменное изваяние, почитаемое местным населением и обвязанное ритуальными хадаками.

Памятники уйгурского времени. Памятники периода Уйгурского каганата по нашему маршруту встречаются только на территории Монголии, ближе к истоку реки Селенги, по эту сторону границы их нет. В местности «Могойн шинэ ус», близи границы с сомоном Хайрхан (Архангайского аймака), находится поминальный комплекс, посвященный уйгурскому кагану Моюнчур: прямоугольный ров, внутри которого сооружена насыпь-курган и каменная стела с орхоно-енисейскими руническими письменами. Памятник воздвигнут в 759-760 гг. и надписи прославляют славные дела Моюнчура, уйгуров и Уйгурский каганат: «Проживающие в окрестностях Отукэни между двумя (горами)», «пили они из вод Селенги» (об уйгурах), а также «...я повелел согдийцам и табагачам на (берегу) Селенги воздвигнуть город Байбалык» (Цэвээндорж и др., 2008). Далее по маршруту на подъезде к сомону Хутаг-Ундэр, на левобережье р. Селенги нами осмотрен и сам город Байбалык. Отметим, что также в бассейне р. Селенги, на ее притоке р. Орхон располагалась древняя столица уйгурских каганов – Хар балгас (или Ордубалык) [8; 22].

Погребения монгольского времени. Встречаются в основном на территории Бурятии, в среднем и реже нижнем течении р. Селенги. В этой зоне известны и выявлены в ходе работ новые могильники на Тапхаре, близ сел Кибадино, Ганзурино, Саратовка и др. По правобережью могильники древних кочевников приурочены к долинам небольших рек Жирим, Тарбагатайка и обширной Тугнуйской долине.

На границе сомонов Сайхан Булганского аймака и Хайрхан Архангайского аймака в Монголии встречено несколько погребений, выраженных каменными кладками с вертикальным камнем-столбцом у изголовья (?), которые были отнесены нами к монгольскому периоду.

Население: этнический состав. В ходе исследований изучался этнический состав населения долины реки Селенги. На территории Бурятии население сформировано в основном из двух крупных этносов – бурят и русских. Русское население в районе дельты представлено в основном старожильческим населением, ближе к российско-монгольской границе встречается казачье население. В среднем течении, на бурятском участке основу русского населения составляют семейские. У бурят дополнительно исследовался племенной и патронимический состав населения. В дельте Селенги бурятское население в основном состоит из эхиритских племен, а также сопутствующих им племен, переселив-

шихся с верховий Лены и Куды, Приольхонья. Бурятское население западного берега Селенги в Иволгинском и Селенгинском районах преимущественно булагатского происхождения, однако на юге Селенгинского района присутствуют шонно – эхириты. По западному берегу р. Селенги в Джидинском районе бурятское население состоит в основном из сартулов и атаганов. На восточном берегу в Кяхтинском и Бичурском районах основу бурятского населения составляют табангуты и цонголы, в небольшом количестве представлены узоны. В среднем течении, в районе впадения Уды коренное бурятское население представлено хоринцами. На монгольском участке население менее разнородно. В основном представлено халха-монгольским населением. Однако в Хубсугульском аймаке в верховьях наряду с халхаским распространены близкородственные им хотогойты. На некоторых участках Булганского аймака по северному берегу присутствует бурятское население в составе хонгдоров, хурхутов, тэртэ, шаранутов. Ближе к приграничью встречается бурятское население преимущественно цонгольского происхождения.

В целом, несмотря на географическую и

геоморфологическую однородность региона, в разные исторические периоды принцип освоения этих территорий был разным. Вероятно, в древнейший период, в эпоху палеолита в условиях наиболее низкой плотности населения, а также определенного социального и культурного контекста, в которых существовали человеческие коллективы, освоение земель происходило в соответствии со стратегией адаптации к окружающей среде, т.е. выбирались земли удобные, обладавшие необходимыми для жизнеобеспечения коллективов природными ресурсами – источниками сырья, объектами охоты и т.д. С последующим развитием культур и социумов, усложнением внутри- и межколлективных, позднее межэтнических и политических отношений, и, вероятно, возрастанием плотности населения, происходит изменение принципа расселения. Со времени возникновения крупных племенных (развитой бронзовый век) и позже государственных образований границы проживания стали обозначаться более четко. Собственно, подтверждением чему являются изложенные вкратце как археологические, так и этнографические материалы и современная ситуация.

Литература

1. Асеев И.В., Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Погребение хуннского воина на горе Сул-Толгой // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985.
2. Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
3. Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975.
4. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л., 1985.
5. Отчет по проекту «Установление границ археологических объектов в Джидинском р-не РБ» / С.В. Данилов и др. – Улан-Удэ, 2008 (фонды ИМБТ СО РАН).
6. Данилов С.В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998.
7. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии / А.П. Деревянко и др. – Нуудэлчдий ов судлал, Т. VIII, вып. 1-23. – Улаанбаатар, 2008.
8. Кляшторный С. Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005. 346 с.
9. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976.
10. Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – М.: Вост. лит., 2006. 360 с.
11. Константинов М.В., Базарова Л. Д., Семина Л.В. Древнее поселение Посольское // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1995. – С. 18-25.
12. Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии: карта археологических памятников. – Улан-Удэ, 1999.
13. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. 384 с.
14. Окладников А.П. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях села Кабанска // Бурятоведческий сборник. – Иркутск: 1927. Вып. III – IV. С. 102-105.
15. Окладников А.П. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Селенги летом 1948 г. (Архив ИА РАН, Р-1, 243.).
16. Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги (Предварительное сообщение о раскопках, произведенных в 1948 г.) // КС ИИМК. – М., 1950. – С. 85-90.
17. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1, 2. – Л., 1969-1970.
18. Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970, С.172-193.
19. Сосновский Г.П. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье (по материалам Нижне-Березовской стоянки эпохи неолита) // Известия ГАИМК. – Вып. 100. – Л., 1933.
20. Тапак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ, 2005.
21. Турбат Ц. Керамика хуннского могильника Бурхан-толгой // Археологи, антропологи, угсаатан судлал. – Улан-Батор, 2003.
22. Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндэвч Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. – Улан-Батор, 2008. 240 с.

Цыденова Наталья Владимировна, научный сотрудник, ИМБТ СО РАН. Тел. +79148417621. E-mail: tsydenova@mail.ru
Данилов Сергей Владимирович, д-р ист. наук, зав. отделом истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН.

Tsydenova Natalia Vladimirovna, researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, ph. +79148417621.
E-mail: tsydenova@mail.ru

Danilov Sergey Vladimirovich, doctor of historical sciences, head of the department of history and culture of Central Asia Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS.

УДК 294.3

© Г.Е. Манзанов

Динамика религиозности в этнической Бурятии в конце XX – начале XXI в.

В статье, основанной на результатах трех социологических исследований, проведенных в рамках проекта «Религиозные представления бурятского народа», исследуется динамика религиозности на территории этнической Бурятии.

Ключевые слова: динамика, религия, буддизм, социология, респондент, обряд, культ.

G.E. Manzanov

The dynamics of religiousness in ethnic Buryatia at the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries

The article is based on the results of three case sociological studies conducted within the framework of the project «Religious concepts of the Buryat people», the dynamics of religiousness in ethnic Buryatia has been carried out.

Keywords: dynamics, religion, Buddhism, sociology, respondent, rite, cult.

Социологические исследования по отношению к религии бурятского населения Республики Бурятия, Агинского и Усть-Ордынского Бурятских округов показали, что наиболее распространенное явление по всему объему опроса – это то, что в 90-е гг. XX в. резко возросло количество верующих людей. Опросы 1999 и 2003 гг.

показывают, что религиозная ситуация становится стабильной, количество верующих практически не меняется. Опрос 2011 г. показал, что количество верующих значительно увеличилось.

На вопрос «Каково ваше отношение к религии?» ответы распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

		1999	2003	2011
1	Верующий и соблюдаю религиозные обряды, в %	43,6	45,0	56,4
2	Верующий, но не соблюдаю религиозные обряды, в %	31,0	24,6	24,7
3	Коллеблюсь, в %	4,9	5,4	3,1
4	Все равно, в %	3,6	4,4	3,3
5	Не верующий, но уважаю чувства тех, кто верует, в %	14,2	15,2	9,2
6	Я думаю, что с религией надо бороться, в %	0,3	0,5	0,9
7	Загрудняюсь, в %	2,4	4,9	2,4

Данные таблицы 1 заставляют о многом задуматься. В 70-х-80-х гг. XX в. учеными Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН проводились различные социологические исследования по отношению к религии и атеизму в Республике Бурятия, Агинском и Усть-Ордынском бурятских автономных округах. Социологические исследования, проводимые среди бурятского населения, выявляли незначительное количество верующих. Деятельность религиозных организаций практически не

ощущалась. Однако опросы фиксировали значительное количество посещений дацанов и обо. Тем не менее количество участвующих в религиозных обрядах и праздниках сокращалось. В первой половине 80-х годов XX в. казалось, что объективное социальное положение человека не зависит от церкви и религии. Утверждение социалистической культуры вместе со всеми факторами общественного бытия изменили духовный мир человека. Правда, вместе с тем опросы показывали большой процент таких уклончи-

вых, неопределенных ответов на вопросы о религии, как «не знаю», «затрудняюсь ответить». Здесь могли иметь место как действительное незнание догматов вероучения – неисполнение обрядов, безразличие к ним, так и нежелание или боязнь дать четкие ответы о своем отношении к религии. Тогда казалось, что фиксируется действительный кризис, распад и исчезновение религии. Если социологические исследования, проведенные группой научного атеизма ИМБТ СО РАН в 1982-1987 гг. в Республике Бурятия, показывали 3-4% глубоко верующих, 5-6% верующих, но не соблюдающих религиозные обряды, то в 90-е годы XX в. ситуация очень сильно изменилась. Чем это объяснить? Вероятно, тем, что бурятское население, оказавшись в духовном вакууме, вызванном крушением политической и идеологической системы, основанной на коммунистических идеалах, обратилось к религии в надежде обрести смысл жизни и нравственные ориентиры. Многие респонденты отождествляют религиозную принадлежность с этнической. Люди перестали бояться, на деле появилась свобода вероисповедания. Огромную роль в возрождении массовой религиозности сыграл системный кризис российской экономики, распад страны, бедность и нищета, в которую впала большая часть населения. Люди стали искать в религии опору и утешение.

Результаты социологического исследования показали, что доминирующей религией среди бурят является буддизм. 1) Верующими буддистами себя определили 61,2% – в 1999 г., 61,3% – 2003 г., 70% – 2011 г. Наблюдается стабилизация религиозной ситуации в 1999 и 2003 гг. и значительный рост к 2011 г. 2) Произошло некоторое уменьшение определивших себя шаманистами к 2003 г., а затем небольшой рост: 21,9% – 1999 г., 15,6% – 2003 г., 18% – 2011 г. 3) Православными определили себя: 0,4% – 1999 г., 1,6%

– 2003 г., 1,4% – 2011 г. 4) Произошло незначительное увеличение последователей различных протестантских конфессий к 2003 г., а затем произошло незначительное уменьшение: 0,1% – 1999 г. и 1,3% – 2003 г., 0,2% – 2011 г. соответственно. 5) Верят в своего Бога, но не разбираются в религиях 1,8% – 1999 г., 1,6% – 2003 г., 1,1% – 2011 г. 6) Верят в своего Бога 3,9% – 1999 г. и 3,1% – 2003 г., 2,3% – 2011 г. Здесь произошло незначительное уменьшение. 7) Значительное количество опрошенных не является последователями какой-либо религии: 10,6% – 1999 г. и 15,4% – 2003 г., 6,7% – 2011 г. Здесь наблюдается определенный рост к 2003 г., а затем произошло значительное уменьшение к 2011 г. Наблюдается интересный феномен двоеверия: 7,4% в 1999 г., 9,5% в 2003 г. и 8% в 2011 г. определили себя верующими и буддистами и шаманистами одновременно.

В целом по всему объему социологического исследования можно сделать вывод, что доминирующей религией среди бурят является буддизм. Буддийские религиозные концепции земного бытия и назначения человека служат для части бурятского населения действенным мотивом, определяющим жизненные планы, повседневную производственную и социальную деятельность.

Социологические исследования, проведенные в 1999, 2003 и 2011 гг., показали, что наиболее устойчивым компонентом религиозного комплекса является бытовая религиозная обрядность.

В настоящее время бурятское население принимает активное участие в дацанских, общеплеменных и семейных религиозных обрядах. На вопрос «Приходилось ли Вам в течение последних 12 месяцев участвовать в совершении религиозных обрядов?» ответы распределились следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

		1999, %	2003, %	2011, %
1	Да	66,7	64,1	69,8
2	Нет	29,6	30,7	24,4
3	Затрудняюсь	3,7	5,2	5,9

Самым популярным обрядом остается обогтахилга. В нем принимали участие в 1999 г. – 41,5%, в 2003 г. – 41,2%, в 2011 г. – 40,9% опрошенных. Ассимилированный буддизмом доламаистский культ обо является обрядом поклонения духам – покровителям определенной ме-

стности. Здесь произошло совмещение культа семейно-родовых покровителей и культа шаманистских предков с почитанием духов – покровителей местности. 37,7% в 1999 г., 39,1% в 2003 г., 40,7% в 2011 г. респондентов принимали участие в обряде сэргжэм. Сэргжэм в настоящее

время является одним из самых популярных обрядов. К исполнению сэргэма, обряду возлияния, обращаются во многих случаях жизни. По форме проведения сэргэм – обряд буддийско-шаманистский, исполнителями его могут быть как шаманы, так и ламы.

Довольно большое количество опрошенных – 29,1% в 1999 г., 21,3% в 2003 г., 34,2% в 2011 г. – принимали участие в обряде сахюсан. Это ассимилированный буддизмом шаманский культ онгонов, семейно-родовых и личных духов-покровителей. Буддийская церковь ассимилировала древний культ семейных и личных покровителей, но заменила онгоны буддийскими сахюсанами (покровителями), в большинстве случаев из разряда срунма, чойжинов или докшитов, а шаманские домашние моления-хэрэк – буддийскими домашними молебнами в честь сахюсанов. Одним из наиболее устойчивых жизненных обрядов является хии морин. В нем принимали участие 22% в 1999 г., 22,8% в 2003 г., 43,8% в 2011 г. Буддийский обряд хии морин, «конь счастья», воздушный крылатый конь, поэтому при повышенной сонливости, плохом настроении, частых неудачах, болезнях лама говорит, что у человека нет сулдэ, ослабла

жизненная сила.

В наши дни обряд хии морин совершается путем вывешивания куска материи с изображением «коня счастья», где пишется имя человека (или всей семьи), от имени которого водружается этот знак. Хии морин развешиваются на деревьях возле дацанов, в местах проведения обо, возле целебных источников.

Широкое возрождение бытовых обрядов природно-хозяйственного и жизненного циклов объясняется тем, что они связаны с потребностями повседневной жизни. Эти обряды играют большую роль в общественном и семейном укладе бурят, так как освящают все основные социальные устои и связи в рамках родовой и административно-территориальной общности.

В настоящее время наблюдается воспроизводство комплекса буддийских представлений среди бурятского населения. Эти явления имеют место в процессе актуализации буддийского воспитания, полученного в детстве, когда привычки религиозного поведения переходят в более регулярное соблюдение обрядов, что, в свою очередь, содействует эмоциональной настройке для становления религиозных представлений.

Манзанов Георгий Евгеньевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, E-mail: g.manzanov@yandex.ru

Manzanov Georgy Evgenevich, doctor of philosophical sciences, leading research fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies. 670047, Ulan-Ude, Sakhaynova str. 6, g.manzanov@yandex.ru

УДК 94+2 (571.54)

© *М.М. Боронова, Т.Г. Степанова*

Политика властных структур по отношению к православной и буддийской конфессиям в Бурятии (1943–1961 гг.)

Статья посвящена взаимоотношениям между советским правительством и церковью в Бурятии в военный и послевоенный период. Автор рассматривает эволюцию государственной политики в отношении к православной и буддийской конфессиям.

Ключевые слова: русская православная церковь, буддизм, политика, религиозный фактор, либерализация, благотворительная деятельность.

М.М. Boronova, T.G. Stepanova

The Policy of the Authorities to the Christian and Buddhist confessions in Buryatia. 1943-1961

This article is devoted to the relationships between the Soviet Government and the church in Buryatia in 1943-1961, in the war and postwar period. The author considers the evolution of the state policy to the Christian and Buddhist confessions.

Keywords: the Russian Orthodox church, Buddhism, policy, religious factor, liberalization, charitable activities.

Политика советской власти в области взаимоотношения церкви и государства, а также влияние религии на общественную и политиче-

скую жизнь общества представляют большой научный и практический интерес. Актуальность данной темы в наши дни возрастает в связи с

тем, что ситуация, складывающаяся в современном мире, характеризуется активизацией роли религиозного фактора в политических и социальных процессах, усилением его влияния на все сферы жизни общества.

Изменение курса государственной политики в отношении религиозных конфессий началось с 1943 г. Причины этого во многом были связаны с активной патриотической деятельностью церковного духовенства в годы войны. С первых же дней Великой Отечественной войны церковь, несмотря на отсутствие аппарата управления, печатного органа и юридического статуса, оказывала большую помощь в борьбе против фашизма и сумела, таким образом, укрепить свой авторитет и влияние в массах. Важную роль при этом сыграло обращение в ходе войны к национальным патриотическим традициям русского народа, стремление нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, выступавшей защитницей христианства. Известно, что на временно оккупированной территории СССР фашисты позволили открыть свыше 10 тысяч православных храмов.

5 июня 1943 г. Сталин подписал секретное постановление ГКО «Об утверждении мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в котором церковь была отнесена к сфере интересов советской внешней разведки.

Важнейшим событием новой религиозной политики стала знаменательная встреча Сталина с представителями духовенства. 4 сентября 1943 г. состоялось совещание, на котором присутствовали Г.М. Маленков, Л.П. Берия, представители Наркомата госбезопасности, патриарший местоблюститель Сергей (Страгородский). На этой встрече были решены вопросы об открытии приходов, духовных учебных заведений, выпуске церковных изданий, выборах патриарха.

Патриарший местоблюститель передал председателю Совнаркома СССР список священнослужителей, находившихся в тюрьме. Однако многие надежды патриархии не оправдались, т.к. для Сталина важным было создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а в реальности оставить церковь под контролем. Для осуществления контролирующей роли был создан Совет по делам русской православной церкви при правительстве СССР во главе с полковником госбезопасности Г.Г. Карповым [1].

Изменения в жизни Русской православной церкви (РПЦ) начались сразу же после этой важной встречи в Кремле. На соборе епископов

в Москве, состоявшемся 8 сентября, патриархом Московским и всея Руси был избран Сергей. В сентябре 1943 г. вышел первый номер журнала Московской патриархии. Стало возрождаться духовное образование. В ноябре 1943 г. в Москве открылся Богословский институт и Пастырские курсы, преобразованные в 1946 г. в духовную академию и семинарию.

В Бурят-Монголии первый православный храм – Вознесенский храм – открылся только в 1945 г. Согласно письму министерства финансов БМАССР о предоставлении сведений по обложению налогами служителей религиозных культов, на территории республики в 1947 г. православных священников было только 7, а в буддийской церкви, по данным на 5 февраля 1948 г., числилось 18 лам [2]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что, несмотря на официальное разрешение, властные структуры особо не спешили с открытием культовых зданий православной и буддийской конфессий.

Несмотря на некоторую либерализацию государственно-церковных отношений, власть не желала восстановления мощной церковной организации. 28 ноября 1943 г. Совнарком СССР принял постановление, согласно которому ходатайства верующих рассматривались местными органами власти и, в случае их одобрения, пересылались в Совет по делам русской православной церкви. В феврале 1944 г. Совет по делам РПЦ принял решение об официальном открытии первых 18 храмов в стране.

Аналогичная политика проводилась государством и в отношении буддийской конфессии. В годы войны буддийское духовенство Бурят-Монголии, как и представители других конфессий, включилось во всенародное движение за освобождение страны от фашистских захватчиков.

Летом 1944 г. буддисты республики обратились с воззванием к верующим о помощи Красной Армии. Из числа бывших лам была сформирована группа. Свыше 5000 экземпляров этого обращения было распространено по Бурят-Монгольской республике, Иркутской и Читинской областям. Данное воззвание оказало огромное влияние на местное население. Начался сбор денежных средств в Фонд обороны страны.

Согласно архивным материалам, от бурятских буддистов и духовенства в Фонд защиты Отечества поступило около полумиллиона рублей. Крупные денежные суммы внесли ламы: Галсанов Хайдап – 60 тыс. р., Дармаев Лубсан-Нима – 34 тыс. р., Тасарунов Чагдар – 70 тыс. р., Жамьянов Ринчин – 5 тыс. р. [3]. Впоследствии

они и другие ламы также неоднократно вносили свои личные сбережения в помощь фронту.

Активная патриотическая деятельность бурятского духовенства в годы Великой Отечественной войны по оказанию помощи Красной Армии, сбор денежных средств в Фонд обороны, помощь семьям, потерявшим своих близких на фронтах войны, заставили советское правительство пересмотреть отношение к буддийской церкви и духовенству. Деятельность бурятских лам была отмечена личной благодарностью Сталина и других деятелей компартии. Были разрешены массовые религиозные молебствия в аймаках республики.

Постановление СНК СССР № 1603 от 19 ноября 1944 г. положило начало процессу восстановления религиозных организаций в СССР в послевоенные годы. На основании этого постановления СНК Бурят-Монгольской АССР издал постановление о «Порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» № 186-ж от 3 мая 1945 г., в котором говорилось нижеследующее:

«...1. Удовлетворить ходатайство групп верующих об открытии буддийского храма «Хамбийскоесумэ» в улусе Средняя Иволга.

2. Передать помещение бывшего молитвенного дома «Мани» религиозной общине под буддийский храм «Хамбийскоесумэ».

3. Представить настоящее постановление в Совет по делам религиозных культов при СНК СССР на рассмотрение» [4].

23 мая 1945 г. в СНК СССР от уполномоченного по делам религиозных культов по БМАССР Н.Г. Гармаева была отправлена секретная докладная следующего содержания: «...На основе проверки и изучения заявлений верующих-буддистов разработаны следующие мероприятия по буддийскому духовенству:

1. Открыть буддийский храм под названием «Хамбийскоесумэ» в улусе Средняя Иволга с районом деятельности на территории БМАССР и передать группе верующих помещение бывшего молитвенного дома «Мани».

2. Зарегистрировать при «Хамбийскоесумэ» 10-15 лам, которые по приглашению верующих и с разрешения Центрального духовного совета буддистов будут разъезжать по аймакам и исполнять религиозные требы верующих на дому, а при наличии разрешения исполкома аймсовета депутатов трудящихся совершать массовые молебствия «обон», «бунхан» и т.п.» [5].

В мае 1945 г. Советом по делам религиозных культов при СНК СССР в целях руководства религиозными делами общины, проведения через нее отдельных мероприятий по религиозно-

патриотическому движению, а также в целом для борьбы с нелегальным молебствованием было принято решение о восстановлении Центрального духовного совета буддистов [6].

21-23 мая 1946 г. в г. Улан-Удэ состоялся съезд, на котором присутствовали 43 представителя духовенства и верующих мирян из БМАССР, Читинской, Иркутской областей и Тувинской автономной области [7]. Съезд обсудил и утвердил «Положение о буддийском духовенстве в СССР». В документе излагались основные принципы, которыми должно было руководствоваться буддийское духовенство в религиозной деятельности, а также принципы сотрудничества церкви и возрождающейся буддийской сангхи с властными структурами государства. На съезде было избрано Временное Центральное Духовное Управление буддистов (ВЦДУБ) под председательством Пандито хамбо-ламы Лубсан-Нимы Дармаева. Членами ВЦДУБ были избраны: Дармаев Л.-Н., ламы: Галсанов Х., Доржиев Д., Жамьянов Р., Жигжитов С. Заместителями председателя ВЦДУБ стали дидхамбо-ламы: Доржиев Д. (Иркутская область), Жигжитов С. (Читинская область), Хо-мушку Амурта (Тува) и Жамьянов Р. (БМАССР) [8]. Съезд проходил под контролем представителей из Управления по делам религиозных культов при СНК СССР.

Высшим органом буддийской церкви стал съезд служителей культа и представителей верующих. «Положение о буддийском духовенстве в СССР» 1946 г. основывалось на уставе обновленческого движения бурятского духовенства 1920-1930 гг., ставившего задачу приспособить буддийскую церковь к общественному и политическому строю социалистического государства. Положение состояло из семи разделов и 29 статей: 1) «Общие положения» – 5 статей; 2) «О руководящих органах буддийского духовенства» – 11; 3) «Об основных обязанностях лам» – 7; 4) «Об основных отречениях лам» – 4; 5) «О денежных и прочих поступлениях от верующего населения» – 2; 6) «О мерах наказания лам, не выполняющих и противоборствующих настоящему положению» – 1; 7) «О печати» – 2 статьи [9].

Деятельность буддийской конфессии послевоенных десятилетий определялась «Положением 1946 г.», которое регламентировало внутридацанскую деятельность. Каждому дацану вменялось соблюдение правил внутреннего распорядка и порядка проведения богослужений и т.п. Согласно данному «Положению», вводился запрет на деятельность эмчи-лам, в том числе и на

применение различных лекарственных средств [10]. За нарушение статей «Положения» помимо «лишения звания ламы, ученой степени и обетов, превращение его в светское состояние» был включен новый пункт – «привлечение к уголовной ответственности на общих основаниях по существующему закону» [11].

Однако, несмотря на позитивные сдвиги в церковно-государственных отношениях, число духовных учреждений в республике не увеличилось. На январь 1949 г. на территории Бурятии было зарегистрировано два православных храма и один дацан.

Как видно из справки уполномоченного совета по делам религиозных культов по БМАССР Н.Г. Гармаева «О состоянии религиозного движения и деятельности духовенства в республике», на 26 января 1949 г. на территории республики существовали две зарегистрированные общины православной церкви: храм Вознесения в г. Улан-Удэ и Успенская церковь в г. Кяхте. Кроме того, имелись 4 группы верующих, ходатайствовавших об открытии церквей в с. Читкане, д. Усть-Баргузин Баргузинского аймака, с. Кудара Байкало-Кударинского аймака и в д. Каленово Иволгинского аймака [12].

Новые тенденции в политике властных структур в отношении религиозных конфессий начинают проявляться после смерти Сталина. Изменившаяся общественно-политическая ситуация в стране, связанная с развернувшейся либерализацией и борьбой с культом личности, существенно повлияла на положение РПЦ. Началось освобождение священнослужителей, выживших в лагерях и тюрьмах ГУЛАГа. 17 февраля 1956 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий». Согласно данному постановлению, Совету по РПЦ предоставлялось право регистрировать церковные общины, фактически уже действовавшие без официального разрешения. Решения об открытии новых храмов теперь принимались Советами Министров союзных республик. В результате данных изменений количество православных храмов в стране стало расти.

Постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий» от 17 февраля 1956 г. оказало влияние на изменение религиозной политики властных структур БМАССР. Из распоряжения Совмина РСФСР от 30 мая 1957 г. следует, что Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР разрешает открыть молитвенное здание Гусиноозерского да-

цана для верующих буддистов. По данному постановлению Совету министров Бурят-Монгольской АССР было предписано передать в установленном порядке Духовному управлению буддистов здание Гусиноозерского дацана. Кроме этого, данное распоряжение разрешило Совмину БМАССР израсходовать на восстановительно-реставрационные работы дополнительно 250 тыс. рублей. При этом Министерство культуры РСФСР обязало передать из фондов Бурят-Монгольского республиканского краеведческого музея Духовному управлению буддистов дублетные материалы, относящиеся к культовому имуществу, необходимому для буддийских храмов, а также вторые экземпляры буддийской литературы [13].

Однако относительное благополучие религиозных конфессий в послевоенный период было непродолжительным. После XX съезда КПСС постепенно начинают усиливаться антирелигиозные установки, прежде всего по административной линии. 2 декабря 1957 г. Совет по делам РПЦ разослал уполномоченным указ о снятии в первом полугодии 1958 г. с учета зарегистрированных, но не действующих по разным причинам православных храмов.

Положение православной и буддийской конфессий практически не изменилось и к 1960 г. На территории Бурятской АССР по-прежнему существовали 2 церкви и один дацан: Вознесенский храм (г. Улан-Удэ), в котором служили 3 священника и 1 диакон; Успенский храм (г. Кяхта) с одним священником и Иволгинский дацан [14].

Согласно информационному отчету уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совмине Бурятской АССР Очиржапова Д.Б., от 20 января 1960 г., в Иволгинском дацане по-прежнему служили 28 ранее зарегистрированных лам. Если сравнить с 1945 г., то количество буддийских священнослужителей увеличилось только на 13 человек [15].

В начале 1960-х гг. начинается ужесточение государственной политики в отношении к церкви и ее служителей. 16 января 1961 г. вышло в свет постановление Совмина СССР «Об усилении контроля за деятельностью церкви», отменившее все ранее принятые, в том числе в годы войны, законодательные акты.

Согласно данному постановлению, основные направления перестройки деятельности РПЦ должны были заключаться в следующем:

- коренная перестройка церковного управления, отстранение духовенства от административных, финансово-хозяйственных дел в рели-

гиозных объединениях;

- восстановление права управления религиозными объединениями, выбранными из числа самих верующих;

- перекрытие всех каналов благотворительной деятельности церкви, которые ранее использовались для привлечения новых групп верующих;

- ликвидация льгот для церковно-служителей в отношении подоходного налога, обложение их как некооперированных кустарей, прекращение государственного социального обслуживания гражданского персонала церкви;

- ограждение детей от влияния церкви;

- перевод служителей культа на твердые оклады, ограничение материальных стимулов духовенства.

Таким образом, религиозные конфессии в стране ставились под жесткий административный контроль. Государство контролировало как богослужebную, так и финансовую деятельность общин. Этому способствовала перестройка церковного управления. В 1961 г. и в последующие годы в стране был проведен целый

комплекс мероприятий в отношении Русской православной церкви и других конфессий.

В 1962 г. на территории Бурятской АССР существовало только 4 зарегистрированных религиозных объединения: один – буддийского вероисповедания (Иволгинский дацан), две православные церкви (г. Улан-Удэ и г. Кяхте) и одна старообрядческая (с. Новый Заган Мухоршибирского аймака). В Иволгинском дацане на 1 апреля 1962 г. служило 26 зарегистрированных лам преклонного возраста [16].

Проведенное исследование свидетельствует о том, что положение буддийской и православной конфессий в стране по-прежнему оставалось сложным. Несмотря на позитивные сдвиги и некоторую либерализацию религиозной политики государства в годы войны и в послевоенный период государство по-прежнему стремилось подавлять активность религиозных конфессий. При этом властные структуры старались контролировать не только общественную, но и внутрицерковную деятельность религиозных учреждений.

Литература

1. Государственная безопасность и демократия. 1993. №2. С.45.
2. НАРБ. Ф.р-248. Оп. 1. Д.4. Л.44.
3. НАРБ. Ф.р-248. Оп. 4. Д. 68. Л.1-5.
4. НАРБ. Ф.р-248. Оп. 3. Д.158. Л.22.
5. НАРБ. Ф.р-248с. Оп. 4. Д.68. Л.8а-11.
6. НАРБ. Ф.р-248с. Оп. 4. Д.68. Л.8а-11.
7. НАРБ. Ф.ф.р-248. Оп. 4. Д.71. Л.93.
8. НАРБ. Ф.р-248. Оп. 1/3. Д.71. Л.93.
9. НАРБ. Ф.р-248. Оп. 4. Д.71. Л.12-14.
10. НАРБ. Ф.-248. Оп. 1. Д.71. Л.15.
11. НАРБ. Ф.р-248. Оп. 4. Д.71. Л.45.
12. НАРБ. Ф.р-1857. Оп. 4. Д.75. Л.45.
13. НАРБ. Ф.р-1857. Оп. 1. Д.13. Л.1.
14. НАРБ. Ф.р-248. Оп. 4. Д.4. Л.7-8.
15. НАРБ. Ф.р-248. Оп. 4. Д.105. Л.52-68.
16. НАРБ. Ф.р-1857. Оп.1. Д.33. Л. 10, 12-14.

Степанова Тамара Гатьповна, учитель истории (средняя школа №35 г. Улан-Удэ), аспирант кафедры истории России.

E-mail: tamara0273@yandex.ru, с.т. 89247523286

Боронова Маргарита Максимовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, Бурятский государственный университет.

Stepanova Tamara Gatypovna, a teacher of history (secondary school №35, Ulan-Ude), postgraduate student, department of history of Russia, E-mail: tamara0273@yandex.ru tel.89247523286

Boronova Margarita Maximovna, doctor of historical sciences, professor, head of the department of history of Russia, Buryat State University.

СООБЩЕНИЯ

УДК 947. 084

© *Н.Е. Жукова***Общественно-политическая жизнь Забайкалья в период 1917–1923 гг.**

В статье раскрывается деятельность политических партийных организаций Забайкалья в период радикальных политических изменений в 1917-1923 гг. Автором сформулирована мысль о постепенном переходе к советской однопартийной системе.

Ключевые слова: политическая партия, власть, политический процесс, Забайкалье, ДВР.

*N.E. Zhukova***The social and political life of Zabaikalye in the period of 1917–1923**

The article reveals the activity of political party organizations of Zabaikalye in the period of radical political changes in 1917-1923. The author has formulated the idea of a gradual transition to the Soviet one-party system.

Keywords: political party, the power, political process, Zabaikalye, Far Eastern Republic.

Общественно-политическая жизнь Забайкалья в постреволюционное время представляла собой в том числе и череду разнообразных партийно-политических событий. Ведущие российские политические партии в Забайкалье участвовали в политическом процессе – реально и декларативно – вплоть до образования Бурят-Монгольской АССР в 1923 г., после чего небольшие партийные организации ушли с исторической арены.

Участниками партийно-политической борьбы в Забайкалье стали Конституционно-демократическая партия, Партия социалистов-революционеров, РСДРП(б) и организации меньшевиков. С началом революции 1917 г. активизировалась организационная деятельность партий: 5 марта 1917 г. состоялось Учредительное собрание Верхнеудинского отдела партии Народной Свободы, на котором присутствовали 43 человека [9, л.18]. 26 августа 1917 г. в Чите состоялось организационное собрание эсеров-максималистов, председателем которых стал И.И. Жуковский-Жук [2, с. 98]. С марта по июль 1917 г. на территории Забайкалья было организовано 3 социал-демократические организации: в марте Верхнеудинский комитет, в июле – Троицкосавский и Хилоцкий комитеты [5, с. 215], а затем оформилась бурятская группа большевиков. Данные политические партии активно участвовали в общественной жизни, формируя различные общественные организации, проводя работу в различных органах власти. Например, на выборах в городскую думу г. Верхнеудинска, которые проходили 17 августа 1917 г., эсеры заняли лидирующее положение, получив 16

мест, социал-демократы только 9 [6, с. 59]. В период кратковременного установления Советской власти весной-летом 1918 г. радикальных перемен в расстановке партийных сил не произошло, однако усиливалось влияние социал-демократов. Между тем в ходе военных действий гражданской войны власть в Западном Забайкалье пала, в области установился белый режим атамана Семенова.

Отношение к политическим партиям при Семенове было различным. Организации коммунистов, левых эсеров, эсеров-максималистов и анархистов первоначально были вне закона. Даже принадлежность к большевикам считалась государственным преступлением, а сам термин «большевизм» стал для белых нарицательным и одной из основных причин придания суду.

Однако жестокий террор только загнал партии в подполье, но не уничтожил их. Для возобновления борьбы и координации борьбы против белого режима коммунисты, левые эсеры и эсеры-максималисты в конце 1918 г. создали в Чите объединенный комитет, который в феврале 1919 г. возглавил эсер А.Е. Петров. При комитете была создана боевая группа, результатом деятельности которой стало покушение на атамана Семенова в Мариинском театре. Подпольный комитет просуществовал до октября 1919 г., затем он был разгромлен, а его руководитель А. Петров убит [3].

Приветствуя падение Советской власти, партии меньшевиков и эсеров способствовали созданию временного коалиционного комитета. Среди его членов оказались эсеры С. Вологодский, А. Флегонтов и меньшевик М. Ваксберг.

Однако очень скоро белый террор сделал невозможной нормальную работу их организаций, и в мае 1919 г. Областное бюро объявило о роспуске эсеровских организаций. Следует сказать, что переход в оппозицию не вызвал репрессий против них, хотя некоторые члены партий были арестованы или погибли. Так погиб видный деятель национального движения эсер М.Н. Богданов.

Единственными партиями, которые сразу же вписались в «белую государственность», были партия Народной Свободы и партия народных социалистов. Концентрация власти в руках атамана Семенова и проведение им жесткой политики привели к изменению позиции кадетов. Кадет В. Юринский сменил на посту областного комиссара эсера А. Флегонтова, а 5 декабря на эту должность был назначен член ЦК партии кадетов С.А. Таскин. Кадет А. Виноградов возглавил Нерчинскую областную думу, а кадет Н. Ананьин стал членом Читинской городской думы, А. Булах – прокурором Читинского областного суда [3, с.211].

Большевики сосредоточились на подпольной работе. Был избран подпольный комитет во главе с И.А. Кузнецовым, при котором работало отделение Красного Креста. Прибайкальским комитетом организовывались партизанские отряды, командирами которых стали Е.В. Лебедев, Д.С. Смолин, С.Ю. Широких-Полянский и др. [5, с. 289].

По этой причине к марту 1920 г. руководство ЦК РКП(б) и Советское правительство приняло решение о создании буферного государства на востоке страны, центром которого стал город Верхнеудинск. Состоявшийся в марте 1920 г. II съезд трудового населения Западного Забайкалья одобрил решение советской власти и учредил новое государственное образование – Дальневосточную республику. На совместном заседании партийных и общественных организаций Верхнеудинска сформировалась «временная земская власть» во главе с меньшевиком И. Пятидесятниковым.

Земская буржуазная государственная форма была использована для учреждения буферного государства. В состав временной земской власти вошли по 2 представителя от партий коммунистов, меньшевиков и эсеров, 4 – от Верхнеудинской земской управы, 2 – от профсоюзов, 1 – от бурятского населения [3, с. 114].

28 марта 1920 г. по инициативе крестьянского комитета был созван съезд трудящихся Западного Забайкалья, выполнявший функции учредительного собрания. Съезд признал необходимым «установить демократическую власть,

представляющую все слои населения с привлечением всех социалистических партий, т.е. эсеров и эсеров, коммунистов-большевиков, и общегосударственные общественные учреждения в лице членов областного земства» [2, с. 120].

После освобождения Верхнеудинска 5 марта 1920 г. было решено преобразовать Верхнеудинский комитет РКП(б) в комитет партии коммунистов (большевиков) Прибайкалья. Первая Прибайкальская партийная конференция, которая состоялась в 1921 г., организационно закрепила существование комитета и образовала Областной комитет. Ранее, в мае 1920 г., при Прибайкальском губбюро была создана Бурятская секция, чьей работой руководил инструктор Дальбюро ЦК В.И. Трубочеев [5, с.111].

В то же время появляются сведения о сотрудничестве министерства внутренних дел ДВР и Верхнеудинского комитета партии РКП(б), о чем свидетельствует обращение в партийную организацию министра внутренних дел И.И. Малькова в 1920 г. с просьбой «предоставить в распоряжение министерства 6 опытных инструкторов для организации власти на местах» [10, л. 50].

К этому времени относится появление первых производственных партячеек. Например, в министерстве внутренних дел ДВР из 14 человек один являлся членом партии с 1918 г., четверо – приняты в 1920 г., двое являлись кандидатами на вступление в партию. Указанные лица служили в министерстве секретарями, письмоводителями, делопроизводителями [11, л. 65].

Тем не менее в Забайкалье еще сохранялось «двоевластие» Семенова и правительства ДВР, что отразилось на деятельности РКП(б) – до осени 1920 г. ее местная организация находилась на нелегальном положении [7, с. 219]. Ее деятельность контролировал Прибайкальский комитет партии.

После разгрома Колчака в Сибири соотношение сил на Дальнем Востоке изменилось – в результате сложной борьбы в январе – апреле 1920 г. большевики смогли перехватить инициативу у мелкобуржуазных партий и реализовать свою программу построения буферного государства.

На проходившем в июне 1920 г. съезде представителей прибайкальских бурят председательствовавший Э.Д. Ринчино так прокомментировал перспективы партийно-государственного строительства: «Необходимо принять программу большевиков-коммунистов ввиду того, что в деле государственного строительства партия меньшевиков-социалистов бессильна, а партия большевиков со времен русской революции

1917 г. энергично управляет Российским государством» [2, с. 111].

Необходимо отметить и то обстоятельство, что, пережив активную фазу гражданской войны, Забайкалье находилось далеко не в лучшем экономическом положении. В связи с этим «для оказания помощи населению власть ДВР совместно с нарревармией, партийными организациями создала комиссию «Город – Деревне», к участию в которой привлечены все свободные силы армии и партийно-общественных организаций» [11, л. 173].

Тем временем надвигающийся созыв Учредительного собрания ДВР привел к всплеску оппозиционных настроений, которым, в частности, способствовала активизация дискуссий в ЦК РКП(б). Избирательная кампания в Учредительное собрание ДВР развертывалась в обстановке продолжающейся интервенции, когда легально действовали партии эсеров и меньшевиков, другие антисоветские группы.

Учредительное собрание ДВР заседало с 12 февраля по 27 апреля 1921 г. в Чите под председательством видного организатора партизанского движения Д.С. Шилова. Коммунистов поддерживала крестьянская фракция большинства. Депутаты по фракциям распределились следующим образом: коммунисты – 92, крестьянская фракция – 183, крестьянская фракция меньшинства 44, эсеры – 18, меньшевики – 13, бурятские депутаты – 13, сибирские эсеры – 6, внепартийные демократы – 8, народные социалисты – 3.

По всем вопросам, особенно по основному – о характере политического строя ДВР, развернулась принципиальная борьба. Эсеро-меньшевистские лидеры и их единомышленники настаивали на обособлении ДВР от Советской России, стремились закрепить буржуазные формы парламентаризма, с тем чтобы превратить ДВР в буржуазно-демократическое государство западно-европейского типа [2, с. 120].

Разработка Основного закона также проходила в обстановке острой борьбы между коммунистами и представителями других политических партий. Эсеры и меньшевики, стремясь к введению в ДВР буржуазной конституции, отвергали проекты разделов, утвержденных коммунистической фракцией. Например, меньшевики и эсеры ратовали за абсолютное невмешательство в дела прессы, свободу личности, настаивали на использовании опыта крупнейших парламентских государств современного мира в практике государственного строительства ДВР. Однако

после долгих дебатов большинство Учредительного собрания отклонило все проекты и частные поправки меньшевиков и эсеров [8, с. 122].

Учредительное собрание приняло конституцию ДВР и избрало правительство республики вопреки протестам эсеров и меньшевиков, которые не одобряли действия созданного правительства. Само правительство ДВР играло роль коллективного президента, было сформировано из пяти коммунистов и двух представителей фракции крестьянского большинства. Высшим исполнительно-распорядительным органом власти стал Совет министров, сформированный на коалиционных началах, в состав которого вошли 11 коммунистов, 3 меньшевика, 1 эсер и 1 народный социалист. Председателем Совмина стал П.Н. Никифоров.

Кроме того, представляется важным, что четыре представителя так называемой цензовой буржуазии заняли кресла министров финансов, торговли и промышленности, иностранных дел и государственного контроля. Таким образом, буржуазии и деревенскому кулачеству гарантировалось «пропорциональное их численности» участие в строительстве республики.

Важной вехой в политическом становлении Бурят-Монгольской организации РКП(б) стало решение, принятое в 1922 г. Бурят-Монгольским обкомом партии (в Иркутске) о выделении ДВР в особый в партийном отношении район, во главе с областным бюро на правах уездного комитета. В 1923 г. с образованием БМССР оформилась Бурят-Монгольская областная партийная организация. Образовалось областное бюро РКП(б) в составе М.И. Амагаева, М.Д. Бермана, М.Н. Ербанова, И.М. Малозовского, В.И. Трубацеева, А.Н. Широкова, позднее в состав бюро была включена М.М. Сахьянова [5, с. 139].

Кадетские организации в Дальневосточной республике находились на легальном положении, но были малочисленны и стремились создать собственное буферное государство под покровительством Японии. Кадеты вместе с эсерами и меньшевиками составляли оппозицию коммунистам в Учредительном и Народном собрании ДВР.

В 1922 г. по данным Дальбюро ЦК РКП(б) в Дальневосточной республике находилось 550 меньшевиков и эсеров. Они вели антисоветскую деятельность в местных кооперативах, но руководство РКП(б) с помощью вливания новых кадров, их обучения и создания при обкомах партии кооперативных бюро оттеснили эсеров от участия в кооперативном движении [4, с. 246].

С образованием Бурят-Монгольской АССР в республике прекращают деятельность партийные организации социалистической направленности. Среди них партия социалистов-революционеров (максималистов) под руководством Забанова, которая в полном составе вошла в ряды РКП(б). Процесс разгрома меньшевистских партий контролировало Иркутское губчека и лично М.Д. Берман, который в 1922 г. уже докладывал о развале партийных ячеек [7, с. 4]. Начался этап строительства однопартийной советской политической системы.

Таким образом, партийные организации, несомненно, играли важную роль в общественно-политической жизни Забайкалья, являясь ее активными и деятельными участниками. За короткий отрезок исторического времени положение

и кадетов, и эсеров, и социал-демократов кардинально изменилось: от политического доминирования меньшевистских партий до лидерства РКП(б). Безусловно, на формирование однопартийной политической системы в Забайкалье повлияло включение территории в состав РСФСР, в централизованную политическую систему Советского государства. Однако сами меньшевистские партии не предлагали конструктивных политических решений, что продемонстрировали кадеты, выдвинув идею о создании буфера под покровительством Японии, тем самым способствуя упрочнению власти Российской Коммунистической партии большевиков. Становление однопартийного политического режима в Забайкалье, таким образом, стало закономерным итогом постреволюционного развития страны.

Литература

1. Аханянов Ч.А. Формирование политических партийных организаций в Забайкалье и их деятельность 1900-1918 гг. – дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004. – С. 189.
2. Демидов В.А., Демидов В.В. Бурятия: от степных дум к автономии. – Новосибирск, 2001. – С.162.
3. Василевский В.И. Забайкальская белая государственность. – Чита, 2000 г. С. 250.
4. Курас Л.В. Репрессивная политика Советского государства в Бурят-Монголии в 20-30-е гг. XX в. // Политические репрессии на территории Бурятии 1930-х гг. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007.
5. Непролетарские партии России в трех революциях: сб. ст. – М.: Наука, 1989.
6. Очерки истории Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 612 с.
7. Палхаева Е.Н. Становление и развитие самоуправления в г. Верхнеудинске–Улан-Удэ (1917-1989) // Вестник Бурятского гос. ун-та. Сер. История. – 2009. – С. 58-63.
8. Сонин В.В. Становление Дальневосточной Республики 1920-1922 гг. – Владивосток, 1990. С. 114.
9. ГАРБ. Ф.450. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.
10. ГАРБ. Ф. Р-1314. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.
11. ГАРБ. Ф. Р-1314. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.
12. ГАРБ. Ф. Р-1314. Оп. 1. Д. 1. Л. 173.

Жукова Наталья Евгеньевна, аспирант кафедры истории Отечества, Бурятский государственный университет. г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6. E-mail: nataliiuk@mail.ru.

Zhukova Natalya Evgenyevna, postgraduate student, department of the homeland history, Buryat State University, Ulan-Ude, Ranzhurov str., 6. E-mail: nataliiuk@mail.ru

УДК 02

© *А.И. Шевляков*

Нормативно-правовое регулирование в информационно-библиотечном пространстве

Статья посвящена истории создания и современному состоянию, перспективам развития Российской публичной библиотеки как всероссийского общественно-профессионального объединения, социальных перемен, происходящих в обществе на современном этапе.

Ключевые слова: Манифест о публичной библиотеке ЮНЕСКО/IFLA, миссия библиотеки, публичная библиотека информационного общества, права человека.

A.I. Shevlyakov

Standard and legal regulation in information and library space

The article is devoted to the history of establishment and the current state, prospects of development of the Russian public library, as All-Russia public professional association, the social changes occurring in society at the present stage.

Keywords: Manifesto on public library of YUNESKO/IFLA, library mission, public library of information society, human rights.

В последнее десятилетие XX в. в деятельности общедоступных библиотек России произошли существенные изменения, отвечающие основным тенденциям развития публичных библиотек в развитых странах мира, стремятся идти в ногу со временем и меняться вместе с изменяющейся Россией. Перемены происходят ускоренными темпами, и процесс этот продолжается, оставляя в стороне лишь некоторые области человеческой деятельности. Что же касается публичных библиотек, главной задачей которых является предоставление информации, то они стоят на пороге радикальных перемен во всех областях своей деятельности, включая организационную работу и практическое обслуживание. Бурное развитие информационных технологий радикально изменило методы сбора информации, ее визуального отображения и обеспечения доступа к ней. Взаимодополняемость информационных и коммуникационных технологий позволяет обеспечивать доступ к информации.

Основная миссия библиотек¹ заключается в активном содействии просвещению, непрерывному образованию, процессам социализации растущего человека, становлению личности, раскрытию творческого потенциала, формированию навыков конкурентоспособного работника на рынке труда. Этим, в частности, обусловлены активная включенность библиотек всех типов и видов в реализацию стратегии государственной политики Российской Федерации, тесное взаимодействие с комитетами, обществами. Публичная библиотека – это информационно-ресурсный центр, активно способствующий самообразованию и приобщению к достижениям мировой культуре. Для выполнения своей миссии библиотека располагает с расчетом сформированным и универсальным фондом, системой проверенных практикой инновационных методов, современными информационными технологиями.

Манифест «О публичной библиотеке» был принят в 1994 г. с учетом основных идей и принципов, которыми руководствуются публичные библиотеки, муниципальные библиотеки, региональные библиотеки Российской Федерации.

Важным документом для публичных библиотек является Манифест² IFLA/ЮНЕСКО, который определяет основополагающие принципы

службы публичных библиотек.

Манифест был переведен более чем на 20 языков и оказал важное влияние на развитие публичных библиотек. Отдельный блок представляет собой деятельность публичной библиотеки по изданию на русском языке основополагающих документов IFLA, ЮНЕСКО, Совета Европы и других международных организаций. Сегодня в мире в условиях перехода к информационному обществу происходит пересмотр концептуальных основ развития библиотечного дела.

Библиотеки в любой стране и на любом уровне развития могут совершенствоваться, и все они могут иметь как сильные, так и слабые стороны. Поэтому было решено разработать комплекс руководящих принципов и стандартов, которые могли бы распространяться на любую публичную библиотеку на определенном этапе ее развития.

Российская библиотечная ассоциация рекомендует всем библиотечным работникам России, представителям органов государственного управления и местного самоуправления Российской Федерации руководствоваться в своей деятельности принципами, изложенными в настоящем Манифесте.

Проект Положения о библиотечно-информационном фонде Российской Федерации рассматривается как подзаконный акт к новой редакции Федерального закона «О библиотечном деле», работа над которым возобновлена библиотековедами и юристами Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Данный акт призван регламентировать оптимальное формирование государственного распределенного библиотечно-информационного фонда России.

Несмотря на принятые в стране в последние 10 лет законодательные акты в информационно-библиотечной сфере, развитие отечественных информационных ресурсов в значительной степени имеет спонтанный характер под воздействием ситуативных интересов и автономных решений отдельных библиотек, органов НТИ и специализированных фондохранилищ. Результатом этого является, с одной стороны, потеря части документного потока и, соответственно, недостаточно полное удовлетворение общественных информационных потребностей, с другой стороны, дублирование в приобретении и хранении малоиспользуемой литературы, что привело к книгохранилищному кризису в библиотеках.

¹ Миссия публичной библиотеки состоит в предоставлении необходимой информации населению в целом, а не только реальным читателям.

² Оказание поддержки индивидуально и самостоятельному образованию, также формальному образованию на всех уровнях.

В Федеральном законе РФ «О библиотечном деле» подчеркнута (ст. 14), что государство поддерживает развитие библиотечного обслуживания наименее социально и экономически защищенных слоев и групп населения. Этим же законом (ст. 8) закреплена право данных групп населения «на библиотечное обслуживание в общедоступных библиотеках, специализированных государственных детских и юношеских библиотеках, а также в библиотеках образовательных учреждений в соответствии с их уставами».

Каждый посетитель библиотеки получает свободный доступ к привлекающим его ресурсам в виде книг и электронных носителей информации и, что немаловажно, находит среду общения со своими сверстниками и авторитетными для него взрослыми, включая библиотекарей-консультантов.

Библиотечное обслуживание базируется на том, как органическая часть общества со своими

особыми интересами заведомо требует применения специфических форм и методов предоставления информационных и библиотечно-библиографических услуг, дифференцированных с учетом психолого-возрастных особенностей пользователей. Библиотечное обслуживание должно содействовать поддержке и развитию чтения, непрерывному образованию, повышению информационной культуры, расширению кругозора личности, усвоению духовных ценностей в целях позитивной самореализации.

Основным направлением деятельности публичной библиотеки на ближайшие годы останется развитие социального партнерства за пределами библиотечной сферы. Суть его заключается в выработке особой технологии, в основе которой лежит «социальный диалог», для совместной реализации существующих в обществе социально значимых проблем и вопросов.

Литература

1. Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (с изменениями от 22 августа 2004 г.).
2. Гриханов Ю.А. Обновленный закон «Об обязательном экземпляре документов»: плюсы и минусы // Библиотека. – 2004. – № 3. – С.17-21.
3. Стародубова Н.З. Публичные центры правовой информации: история вопроса и настоящее их состояние // Библиотека. – 2005. – № 4. – С.54-56.

Шевляков Александр Игоревич, соискатель кафедры истории Отечества, Бурятский государственный университет. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Shevlyakov Aleksandr Igorevich, the competitor of scientific degree, department of homeland history, Buryat State University.

УДК 37-1 (571.52)

© *Н.М. Очур*

Кадровый состав учительства Тувы и тенденции его развития (конец XX – начало XXI в.)

Автор рассматривает влияние образовательных реформ, которые проводились в стране в конце XX – начале XXI в., на кадровый состав учительства Тувы, отмечает такие проблемы, как старение и феминизация школы, сокращение численности учителей, переход их в другие сферы, одновременно указывая положительные моменты в развитии кадрового потенциала республики.

Ключевые слова: образование, реформы, учительство Тувы, кадровый состав.

N.M. Ochur

The staff composition of the Tuvan teachers and the tendencies of its development (the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries)

The author considers the influence of the educational reforms which on the staff of the Tuvan teachers. These reforms were held in the country at the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries. The author focuses on such problems as aging and feminization of school, reduction of the teachers' number, teachers transfer to the other spheres, at the same time he points at the positive trends in the development of the teachers staff potential in the republic.

Keywords: education, reforms, Tuvan teachers, staff composition.

Количественные и качественные изменения, произошедшие в российской школе в конце

XX в., повлияли на кадровый состав учительства. Это ярко отражается на примере учительства

Республики Тыва.

Рассматривая перемены в кадровом обеспечении школ, автор выделяет в первую очередь изменения, связанные с половозрастным и профессиональным составом, территориальными особенностями, а также социальной характеристикой тувинского учительства.

На 1 октября 1984 г. в школах Тувинской АССР работало 3809 учителей, из них 3039, или 79% их состава, были женщинами [1]. Увеличение количества женщин-учителей продолжилось и в последующие годы: в 1993 г. из работающих в школе 5357 человек 4232 были учителями-женщинами, а в 1998 г. их количество достигло 4673 человек. Основой феминизации школы стали социально-экономические причины, в первую очередь низкая заработная плата работников образования. Согласно данным статистики, в 1985 г. средняя заработная плата учителей в Туве составила 152 р. (в промышленности – 203 р.), в 1998 г. работники образования получали 657 р. (в промышленности – 1304 р.). Сказывалась социальная незащищенность, объем рабочего времени и высокая психологическая нагрузка профессии. Привлечение мужчин в школу позволило бы решить многие сложные вопросы, связанные с воспитанием молодого поколения, в особенности юношей, оказало бы регулирующее влияние на морально-психологический климат в педагогических коллективах.

Важной характеристикой учительства являются показатели возраста и стажа их работы в школе. Анализ кадрового потенциала Тувы показал тенденцию сокращения удельного веса молодых учителей и, соответственно, увеличения общего количества учителей с большим стажем работы в школе. Такие изменения в образовании были характерны не только для Тувы, они отражали общую картину в России.

Снижение притока в общеобразовательные учреждения молодых специалистов и плохая их закрепляемость резко усилились в середине 1990-х гг. в связи ухудшением социально-экономической ситуации в республике. В 1993 г. в школах республики работало 357 учителей пенсионного возраста, из них 226 работали в сельских школах [2]. В 1998 г. их количество увеличилось в два раза и составило 713 человек, из них в сельских школах – 444 [3]. Сложившаяся обстановка указывала на критическую ситуацию с кадрами, в первую очередь в кожуунах (районах) республики. Высокий процент учителей пенсионного и предпенсионного возраста, с

одной стороны, играет положительную роль, с другой – отрицательную. Учителя, поработавшие много лет в школе, имеют большой опыт работы, исполнительны и ответственны, сохраняют лучшие традиции в школе, хотя со временем эффективность их работы снижается, они в силу возраста и здоровья в любой момент могут покинуть школу. Молодые учителя несут в школы новейшие достижения науки, современные образовательные технологии, у них лучше складываются взаимопонимание и контакт с учащимися. В Туве из общего числа учителей в 1985 г. лишь 770 человек составляли группу молодых специалистов со стажем работы до 3 лет, в 1993 г. 555 человек были со стажем работы до 5 лет [4].

С 1990-х гг. нехватка учительских кадров стала ощущаться все острее. Из системы образования продолжался отток специалистов. В 1993-/94 учеб. год в школы республики пришли работать 632 работника, в конце года по собственному желанию уволились 793 человека [5]. Главными причинами нехватки учительских кадров был их уход в условиях перехода страны к рынку в другие отрасли хозяйства из-за низкого уровня оплаты труда, социальной незащищенности (отсутствие системы материального поощрения, жилья, санитарно-курортного лечения), слабого пополнения педагогических коллективов молодыми учителями и непрестижности педагогической профессии. На начало 1993/94 учеб. года вакантными были 258 мест [6], в 1998/99 учеб. года – 354 [7]. Не хватало учителей математики, русского языка, истории, информатики, химии, географии, тувинского и иностранного языков. Чтобы решить кадровую проблему, администрации общеобразовательных учреждений прибегали к помощи учителей-пенсионеров, совместителей, увеличивали нагрузку в два раза работающим учителям. Все это сказывалось на качестве учебно-воспитательного процесса в школах.

В сложившихся условиях перед органами управления образованием стояла задача сохранения кадрового потенциала школ республики, обеспечения переподготовки и повышения квалификации педагогических работников.

Создание Тувинского государственного университета в 1995 г. было продиктовано потребностями республики в подготовке высококвалифицированных специалистов и, прежде всего, педагогических кадров [8]. В университете стали открываться новые специальности. Так, на факультете педагогики и методики начального

обучения открытие новой специальности «Методист по развитию русской речи в нерусских группах дошкольных образовательных учреждений» было обусловлено сокращением сферы функционирования русского языка в республике, особенно в кожуунах с моноязычным населением. Введение новой специальности «Валеология» было вызвано резким увеличением заболеваемости школьников из-за ухудшения социально-экономической ситуации в республике. Открытие факультета физической культуры и спорта было обусловлено необходимостью подготовки специалистов в области физической культуры и спорта в республике, так как обеспеченность учителями физкультуры составляло всего 50%. Особенно остро нуждались в кадрах сельские общеобразовательные и детско-юношеские спортивные школы, центры детского туризма. В них чаще всего занятия проводили бывшие спортсмены, не имеющие высшего физкультурного педагогического образования, или молодые люди, только что отслужившие в армии. По таким же причинам были открыты и другие специальности в ТывГУ.

Что касается исторического факультета, то он как самостоятельное звено начал функционировать в 1994 г. [9]. Республика в то время испытывала острую необходимость в квалифицированных специалистах по истории. Большинство учителей истории школ, особенно в кожуунах, не имели специального образования. Нередко часы по истории вели учителя разных предметов, в лучшем случае это были учителя русского языка и литературы, родного языка и литературы. Поэтому и у самих учителей в процессе преподавания возникала необходимость в получении базового исторического образования.

В связи с острой нехваткой учителей истории в школах республики в 1996 г. на факультете было открыто заочное отделение для лиц, имеющих высшее неспециальное образование, что позволяло получить специальность историка экстерном. Так, первый выпуск заочного отделения исторического факультета ТывГУ закончили и стали работать учителями истории в Чербинской и Баян-Кольской средних школах Кызылского кожууна, Торгалыгской школе Улуг-Хемского кожууна, г. Ак-Довурака, села Хут Пий-Хемского кожууна и многих других школ республики. Всего было осуществлено два выпуска специалистов-историков по заочной форме обучения, что позволило в какой-то степени снять остроту нехватки учителей истории с высшим специальным образованием.

Подготовка историков-профессионалов шла в сложных условиях. Смена общественных идеалов, смещение методологических принципов, исторических оценок, ухудшение материального положения работников образования повлекли за собой падение престижа профессии историка. Несмотря на эти трудности, исторический факультет проводил целенаправленную работу по подготовке специалистов. В этом большую роль сыграли доктор исторических наук, профессор З.Ю. Доржу, кандидаты исторических наук, доценты В.Л. Биче-оол, Г.А. Забелина, В.О. Опеен и В.Д. Март-оол.

Таким образом, в Тывинском государственном университете в конце 1990-х гг. были открыты новые педагогические специальности и факультеты, выпускники которых стали успешно пополнять ряды работников системы образования.

Для повышения профессионализма и педагогического мастерства учителей в республике в 1990-х гг. стала создаваться сеть методической службы, которая включала в себя Институт усовершенствования учителей (с 1996 г. Институт развития педагогического образования Республики Тыва), кожуунные и городские методические кабинеты, экспериментальные школы. В повышении профессионализма и самообразования учителей большую роль сыграли и школьные методические объединения.

Институт усовершенствования учителей ежегодно проводил различные курсы, тематика которых с учетом происходящих в системе образования изменений постоянно менялась. На курсах значительное место уделялось вопросам общеобразовательного блока, также большой интерес у слушателей вызывали темы по аттестации педагогических кадров, по экспериментальной и исследовательской работе.

Из года в год росло и количество слушателей курсов: в 1997/98 учеб. году обучалось 1365 человек, в следующем – 2406 чел. [10].

В новых социально-экономических условиях для стимулирования роста квалификации, развития творческой инициативы учителей вошла в практику аттестация педагогических работников и руководящего состава образовательных учреждений. Итоги аттестации свидетельствовали о растущем профессионализме учителей школ республики.

Другой важной стороной учительства является социально-территориальное деление. В Туве сельское население всегда преобладало над городским и составило, по данным переписи 1989 г., 53,2% численности всего населения [11]. Соответственно, численность сельских учителей была больше, чем городских: в 1990 г. из всего

состава учителей 3470 чел. работали в сельских школах (в городе – 1557) [12], в 1998 г. – 3816 в селе (в городе – 1929) [13]. Цифры свидетельствуют о росте количества учителей в городе, что было связано с ростом городского населения и сложной экономической обстановкой в кожуунах республики. Сказывалось и то, что выпускники педагогических вузов предпочитали оставаться в городах или находили работу в других отраслях народного хозяйства.

В то же время для Тувы была характерна и такая положительная тенденция, как возвращение в сельские школы их выпускников. В основном это были те, кто поступил в Тывинский государственный университет по целевому направлению и после окончания вернулся в родную школу.

Профессионально-образовательная характеристика является главным показателем в деятельности учителя. Существует внутрипрофессиональное разделение, т.е. деление учителей по предметной специальности, а также вертикальное деление учительства – это директора и завучи образовательных учреждений. Обычно это была наиболее опытная, квалифицированная часть учителей, выполняющая помимо своей профессиональной педагогической деятельности функции организации, управления и контроля за ходом учебно-воспитательной работы в школе в целом. Такая работа требовала особых усилий, качеств и профессиональной подготовки.

В конце XX в. наблюдаются следующие тенденции в составе тувинского учительства по данному направлению.

Педагоги, которые вели обучение и воспитание детей в начальной школе, составляли примерно четверть всех школьных учителей. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. удельный вес учителей начальных классов несколько снизился. Это было связано с увеличением числа учителей старших классов и педагогов, занятых преподаванием музыки, рисования, трудового обучения и физкультуры. Их количество выросло с 729 человек в 1990/91 учеб. году до 884 чел. – в 1994/95 [14].

Самой многочисленной группой среди учителей средних и старших классов были учителя русского языка – 23%, затем учителя математики – 20%, далее истории, физики, биологии, географии.

Профессиональная характеристика тувинского учительства конца 1980-х гг. отличалась стабильностью. С середины 1990-х гг., в связи с модернизацией системы образования – введением вариативности, компьютеризации, гуманитаризации, образовательный состав работников

терпит изменения, связанные с появлением новых направлений и специальностей в учительской профессии. В школах открывались новые вакансии – психолога, социального работника, валеолога, логопеда и др.

Важной качественной стороной учительства является уровень образования. Статистический анализ показывает, что с каждым годом повышался образовательный уровень тувинских педагогов. В 1985 г. из работающих 4172 человек 2830 учителей имели высшее образование (67%), в 1998 г. количество учителей с высшим образованием достигло 69%, а в 2002/03 учеб. году составило 73%. Если рассматривать по предметам, то неизменным оставался качественный состав учителей русского языка и литературы, математики, физики и начальных классов. Ниже оставался уровень образования учителей географии, истории, химии, иностранных языков. Уроки родного языка и литературы, музыки, трудового обучения, физкультуры и ОБЖ в некоторых школах вели учителя со средним специальным образованием. На начало 1998/99 учеб. году количество учителей, имеющих общее среднее образование, составляло 113 человек [15]. Все эти данные говорили о том, что руководители кожуунных отделов образования не уделяли должного внимания кадровым вопросам, в школах не велась эффективная ориентационная работа на учительские профессии.

По данным Министерства общего и профессионального образования Республики Тыва, в 2002 г. высокий уровень образования имели учителя школ г. Кызыла (87%), государственного лицея (84%), Тоджинского кожууна (77%). Самый низкий образовательный уровень был в школах Тес-Хемского, Чеди-Хольского (по 63%) и Тандынского (58%) кожуунов [16].

Не лучше обстояло дело с уровнем образования директоров и завучей школ. На 1991/92 учеб. году в Тандынском кожууне работал 1 директор, в Улуг-Хемском – 2 директора и 2 заместителя без высшего образования, среди заместителей директоров по воспитательной работе без высшего образования было 11 человек [17]. В дальнейшем положение улучшилось. В 2004/05 учеб. году 96% директоров и завучей школ республики имели высшее педагогическое образование и соответствующий стаж работы.

Таким образом, в рассматриваемый период в школах Тувы наблюдалась сложная ситуация.

Отсутствие внимания со стороны государства, низкая заработная плата, неустроенность жилищно-бытовых условий, падение престижа и

авторитета учительства привели работников образования к серьезным социальным, материальным и профессиональным трудностям. Профессия педагога стала менее престижной среди молодежи, что привело к старению и феминизации школы. Наблюдалась тенденция уменьшения общего количества учителей, перехода их в другие сферы деятельности.

Несмотря на все эти проблемы, имели место и положительные моменты: были открыты но-

вые педагогические факультеты и специальности в Тувинском государственном университете, введен внеконкурсный прием сельской молодежи на факультеты с педагогическим профилем, была начата работа по повышению профессионализма и педагогического мастерства работников образования. Это позволило удовлетворить нужды образовательных учреждений республики в квалифицированных кадрах и в некоторой степени снять остроту проблемы.

Литература

1. ЦГА РТ. Ф. Р-289. Оп.1. Д.806. Л.56.
2. ЦГА РТ. Ф. Р-289. Оп.1. Д.905. Л.21.
3. ЦГА РТ. Ф. Р-289. Оп.1. Д.957. Л.35.
4. ЦГА РТ. Ф. Р-289. Оп.1. Д.905. Л.21.
5. Отчет Министерства общего и профессионального образования РТ на начало 1993/994 учеб. года. – Кызыл, 1994. – С.11.
6. Там же.
7. Министерство образования РТ. Информационно-аналитические материалы. 1998/99 учеб. год. – Кызыл, 1999. – С. 36.
8. Тувинский государственный университет. К 10-летию юбилею Тувинского государственного университета посвящается. – Кызыл, 2006. – 65 с.
9. Проблемы исторического образования в высшей и средней школе на современном этапе: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2005. – С. 5-13.
10. Министерство образования РТ. Информационно-аналитические материалы. 1998/99 учеб. год. – Кызыл, 1999. – С. 25.
11. Республика Тыва в цифрах: стат. сб. / Тывастат. – Кызыл, 2011. – С.40.
12. ЦГА РТ Ф. Р-289. Оп.1. Д. 869. Л. 50.
13. ЦГА РТ Ф. Р-289. Оп.1. Д.957. Л.35.
14. ЦГА РТ Ф. Р-289. Оп.1. Д.921. Л.47.
15. Министерство образования РТ. Информационно-аналитические материалы. 1998/99 учеб. году. – Кызыл, 1999. – С. 34.
16. О состоянии системы непрерывного общего и начального профессионального образования в 2003/04 учеб. году и об основных направлениях развития образования на 2004/05 учеб. год: аналитический доклад. – Кызыл, 2004. – С.45.
17. ЦГА РТ. Ф. Р-289. Оп.1. Д. 890. Л.72.

Очур Надежда Михайловна, старший преподаватель кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета, г. Тыва, тел. 8 (39422) 2 18 89, сот. 8 923 381 00 96

Ochur Nadezhda Mikhailovna, senior lecturer, department of homeland history, Tuvan State University, Tuva.
Tel. 8 (39422) 2 18 89, mob. 8 923 381 00 96.

УДК 947.081.083:330.190.2

© А.С. Дикун

Организация судоходства по реке Ангаре как одна из сфер предпринимательской деятельности А.М. Сибирякова

Статья посвящена выявлению роли купца-предпринимателя Александра Михайловича Сибирякова (1849-1933) в организации судоходства по реке Ангаре. В научный оборот вводятся малоизвестные документы о деятельности купца, содействовавшего развитию торговли, промышленности, культуры, образования Сибирского региона.

Ключевые слова: А.М. Сибиряков, предпринимательская деятельность, сибирское купечество, экономическое развитие Сибири, судоходство по Ангаре в конце XIX в.

A.S. Dikun

The organization of navigation on the Angara as one of spheres of A.M. Sibiryakov's entrepreneurial activity

The article is devoted to revealing the role of merchant-entrepreneur Aleksandr Mikhailovich Sibiryakov (1849-1933) in the organization of navigation on the Angara. Little-known documents on the merchant's activity promoting the development of trade, industry, culture, education of the Siberian region are introduced into a scientific circulation.

Keywords: A.M. Sibiryakov, entrepreneurial activity, the Siberian merchant class, economic development of Siberia, navigation along the Angara in the end of the XIXth century.

Развитие транспортной инфраструктуры сибирского края во второй половине XIX в. является одной из важных проблем в изучении хозяйственного освоения региона после реформ 60-70-х гг. Экономическое развитие Сибири во многом зависело от состояния водных путей сообщения и совершенствования дорожной сети. Главной водной артерией, соединявшей Байкал с районами губернии, а также с Енисеем и Северным морским путем, была река Ангара.

Александр Михайлович Сибиряков (1849-1933) – представитель седьмого поколения купеческой династии, почетный гражданин г. Иркутска, купец первой гильдии, предприниматель, меценат, содействовавший развитию торговли, промышленности, культуры и образования Сибири. Судовладение наряду с золотопромышленностью являлось основной сферой вложения капитала и получения прибыли. Но отсутствие путей сообщения Сибири с рынками Китая и Европы тормозило развитие указанных видов предпринимательской деятельности.

Цель данной статьи – выявить роль А.М. Сибирякова в организации судоходства по реке Ангаре, ввести в научный оборот малоизвестные документы о деятельности купца.

Историографический обзор. Промыслы и торговлю сибиряков описывали проезжавшие через Сибирь в 1675 г. Н. Спафарий [1] и Ю. Крижанич [2]. Г.Ф. Миллер оставил описание основных путей сообщения Сибири, добывающих промыслов населения, внутренней и внешней торговли края [3]. Об организации торговли писал М.Д. Чулков в «Историческом описании российской коммерции», используя статистические ведомости из фонда Коммерц-коллегии [4]. П.А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири» описывал жизнь, характер купцов, их промысловые и торговые занятия [5].

Н.М. Ядринцев рассматривал купечество как элемент, осложняющий развитие региона, расхищающий его богатства, грабивший население, действуя под прикрытием государства. Кроме того, в статьях автор изобличал купцов в том, что они спаивают, эксплуатируют инородцев, держат их в кабале [6].

Более лояльной точки зрения придерживался Г.Н. Потанин. Автор отводил купечеству Восточной Сибири ведущую роль в развитии сибирских городов и региона в целом, отмечал активное участие в благотворительной и меценатской деятельности, высокий культурно-образовательный уровень купеческого сословия [7].

П.М. Головачев изучал вопросы истории Сибири, ее городов, торговли, промыслов, касался внутренней стороны жизни купеческого сословия, участия в общественной жизни города, России [8]. Особую ценность составляют материалы личного фонда Н.С. Романова, представленные летописями, записками, замечаниями, перепиской купцов [9].

Вопросы развития торговли и промыслов, формирования купеческого сословия за счет выделения купцов из крестьянства, пути миграции населения из Европейской России в Сибирь, а также вопросы регулирования предпринимательской деятельности государством нашли отражение в 5-томном труде по истории Сибири, вышедшем в конце 1960-х гг. под редакцией академика А.П. Окладникова [10].

Иркутским историком В.П. Шахеровым исследован ряд аспектов предпринимательской деятельности купечества на основе ранее не вводившихся в научный оборот комплексов источников: маклерских книг, авторских проектов купцов о преобразовании сибирской торговли [11]. В 60–80 гг. XX в. различные аспекты предпринимательской деятельности сибирского купечества рассматривались в рамках исследований общего характера, посвященных хозяйственно-экономическому освоению отдельных регионов Сибири, Р.В. Макаровой, Н.А. Миненко, А.И. Алексеевым [12].

Интерес к истории предпринимательства возрос в 1990-е гг. Рыночная экономика изучалась разными авторами, что проявилось в издании ряда трудов, энциклопедий по истории российского предпринимательства, воспоминаний и дневников купцов и промышленников. Увеличилось число исследований, посвященных конкретным аспектам, таким как самосознание и ментальность купечества, генеалогия купеческих родов, меценатство.

Важным вкладом в изучение истории сибирского купечества стала публикация сборников статей под редакцией В.А. Скубневского «Предприниматели и предпринимательство в Сибири» [13].

Непосредственно роду Сибиряковых посвящено небольшое количество исследований. Среди них статьи Ю.С. Душкина [14], Н.И. Гавриловой, рассчитанные на широкий круг читателей. На основе материалов Государственного архива Иркутской области авторы исследуют предпринимательскую и благотворительную деятельность Сибиряковых.

Историческую ценность представляют научные статьи, книги самого А.М. Сибирякова, его

переписка с редакторами газет, Императорским русским географическим обществом, неопубликованные письма из зарубежных архивов.

В доступной литературе специальное исследование о роли купеческой династии Сибиряковых или отдельных ее представителей в преобразовании Сибири на сегодняшний день отсутствует. Вопросы о вкладе А.М. Сибирякова в организацию судоходства по реке Ангаре, об изучении возможностей прокладки транссибирской водной магистрали, соединяющей запад и восток страны, рассматриваются косвенно.

Еще в первой половине XIX в. государством и частными лицами предпринимались попытки изучения возможности организации сквозного судоходства по рекам Сибири для соединения рынков центральных российских губерний с рынками Китая. Река Ангара от истока до Братского острога из-за порогов была особенно опасна для организации судоходства. По результатам работы ряда экспедиций государственная комиссия предложила устроить обводной канал, что позволило бы сделать Ангару в районе порогов свободной для судоходства. Но решение о строительстве обводного канала не было принято, так как при «умеренной пошлине казна не скоро смогла бы возратить издержки» [15].

10 июня 1875 г. в Иркутск прибыла экспедиция инженера барона Б.А. Аминова, командированная министром путей сообщения для изучения возможности преодоления ангарских порогов. Одновременно в Западной Сибири лейтенант А.К. Сиденснер начал обследование Обь-Енисейского водораздела. По итогам работы он отметил, что соединение речных систем будет способствовать улучшению транспортных путей и стимулировать народнохозяйственную деятельность в Сибири, облегчит переселенческое движение [16].

А.М. Сибиряков писал: «...в Сибири до сих пор ощущается громадный недостаток в хороших путях сообщения...», «...водяные сообщения тоже далеко неразвиты так, как могли бы они быть, принимая во внимание естественные условия Сибири: реки ее одни из первых в мире, в течение всего времени, как Сибирь существует, они совершенно между собой не были соединены, между ними нет ни одного канала, точно также и по некоторым волокам, имеющим важное значение, не существует до сих пор никаких сообщений...»; «...вследствие этого обстоятельства и торговля и промышленность в Сибири развиты очень слабо. И, несмотря на соседство с Китаем и возможность пользоваться им как рынком для сбыта разных произведений, как это давно практикуется у многих цивилизо-

ванных народов» [17].

Отсутствие судоходства по Ангаре не давало возможности объединить водные бассейны сибирских рек. Необходимо было устранить угрозу прохождения порогов, для чего требовались дополнительные средства, как технические, так и материальные. С этой целью в 1882 г. А.М. Сибиряков создает компанию сибирских купцов, в которую входят «четыре известных лица»: А.М. Сибиряков, И.И. Игнатов* [18], А.С. Губкин, У.С. Курбатов. Тогда же была отправлена новая экспедиция, в составе которой были штурман Калистратов, распорядитель Жавынского завода в Тюмени, И. Левитов, Каштанов.

Экспедиция Калистратова дала следующие результаты: ангарские пороги можно убрать, расчистив и углубив дно реки; соединение бассейнов рек Ангары и Лены возможно с помощью притока Ангары – реки Илима.

В 1883 г. Сибиряков отправил экспедицию под начальством инженера Гунберга [19]. В том же году пароходы А.М. Сибирякова совершили первые рейсы по Ангаре, доказывая, что судоходное состояние реки можно улучшить: «26 июня 1883 г. получено известие, что 11 июня штурман г. Калистратов на винтовом катере, сидящем в воде 6 четвертей, прошел ангарские пороги «Падун», «Похмельный», «Пьяный». Он отправился к Енисейску для исследования проходов катером и остальных порогов Долгого, Шаманского, по мнению его, менее уже опасных» [20].

Первые успешные проходы по Ангаре вселили надежды на достижение поставленной цели. В ноябре того же года А.М. Сибиряков и И.И. Игнатов подали генерал-губернатору прошение о получении десятилетней привилегии на пароходство в порожистой части Ангары [21].

«Высочайшее утверждение» относится только к 1885 г. Причина длительного рассмотрения вопроса в правительственном учреждении становится понятной из текста письма генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина** [22] министру путей сообщения К.Н. Посьету от

* Иван Иванович Игнатов (1833-1915) – купец первой гильдии, основатель одного из первых судостроительных заводов в Тюмени, предприниматель, инженер и меценат, организатор акционерного «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» и Жавынского судостроительного завода; ему принадлежала идея постройки первых пассажирских судов.

** Анучин Дмитрий Гаврилович (1879-1885). В 1833-1900 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири. До назначения он заведовал гражданской частью при главнокомандующем действующей армии. Генерального штаба генерал-лейтенант. Уволен от должности с назначением в Сенат.

26 сентября за №35, где он излагает свою точку зрения на предложенный вариант организации судоходства по Ангаре и условий привилегий.

Д.Г. Анучин считает, что проситель руководствуется своими личными интересами и его роль в содействии развитию торговых сообщений и та бесспорная польза для всего Сибирского края, о которой он говорит во всех своих прошениях, будет ничтожной.

Следует отметить, что сугубо личные характеристики А.М. Сибирякова на сегодняшний день не находят отражения в материалах, посвященных его деятельности, и поэтому особый интерес представляет имеющийся в нашем распоряжении документ. Д.Г. Анучин пишет, что А.М. Сибиряков не способен на какие-либо серьезные предприятия, «желая на каждом шаге выказать самостоятельность и своеобразие характера, он, несмотря на это, почти ежедневно меняет свои намерения» [23].

В другом письме «О развитии судоходства по р. Ангаре», написанном в адрес графа А.П. Игнатьева*** [24] по заданию И.И. Игнатова И.С. Левитовым, секретарем Тюменского переселенческого комитета, сообщается, что «история развития пароходства на Ангаре имеет важное государственное значение» и что он дал поручение своему доверенному лицу написать письмо, чтобы обратиться на данный вопрос «просвещенное внимание» генерал-губернатора. И.И. Игнатов отказался от участия в компании, созданной А.М. Сибиряковым, ввиду «обширности дела в Западной Сибири, но «всякий шаг к скорейшему осуществлению идеи правильного товарно-пассажирского движения в Восточной Сибири» его крайне интересовал.

С глубоким знанием вопроса И.С. Левитов перечисляет пути сообщения Сибири с Европейской Россией, обращает внимание на тот факт, что прокладывание водного пути обойдется дешевле, «если придется прибегнуть к строительству железной дороги». Автор письма сосредоточил внимание должностного лица на том, что, только исследовав Ангару, компания А.М. Сибирякова предложила правительству условия, на основании которых может быть заведено пароходство [25].

*** Генерал-лейтенант граф Игнатьев Алексей Петрович (1842 -1906). В 1885-1889 гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири. До назначения в Иркутск на штабных и командных должностях в войсках гвардии. С реорганизацией управления Сибирью в 1887 г. первый иркутский генерал-губернатор. Освобожден от должности в связи с назначением генерал-губернатором Киевским, Подольским, Волыньским. С 1896 г. – член Государственного совета.

В заключительной части письма И.С. Левитов отмечает: «Государство должно направить все свои силы к упорядочиванию внутреннего пути, тесно связывающего русские интересы с китайскими, не говоря уже о том, что этим путем будет возможность переселенцам проникнуть в самые отдаленные восточные окраины» [26].

17 августа 1885 г. император Александр III утвердил «Положение о буксирном пароходстве по реке Ангаре, учреждаемом потомственным почетным гражданином А.М. Сибиряковым». В письме на имя министра путей сообщения и генерал-губернатора Восточной Сибири от 18 ноября 1885 г. №769 сообщается о предоставлении А.М. Сибирякову права считать срок привилегии на буксирное пароходство по р. Ангаре с начала навигации 1887 г. [27]. «Привилегия дана только на буксирное пароходство в порожиистой части Ангары и именно ниже Братского острога и на проложение в порожиистых частях Ангары цепи для туерного**** [28] пароходства. Но при этом движение не паровых судов и не буксирных пароходов остается свободным», – свидетельствует иркутский летописец Н.С. Романов [29].

Иркутские газеты публикуют на своих страницах перечень обязанностей А.М. Сибирякова по устройству буксирного пароходства [30]. С момента высочайшего утверждения А.М. Сибиряков приступил к организации туерного судоходства по порожиистому участку реки Ангары: начались работы по прокладыванию специальных цепей для туерных пароходов, которые должны протягивать рейсовые суда.

Кроме грузовых судов по Ангаре совершали путешествие туерные пароходы, перевозившие пассажиров. В «Летописи...» Н.С. Романова сообщается: «22 сентября 1888 г. прибыл в Иркутск г. Левитов, доверенный И.И. Игнатова, пароходовладельца в Западной Сибири. Выехав из Красноярска 11 июля на пароходе «Святой Николай», он стал первым пассажиром, приехавшим из Красноярска в Иркутск» [31].

Вместе с пароходом «Святой Николай» следовали пароход «Святой Иннокентий» и три баржи, груженные 35 тысячами пудов хлеба. 12

**** Туерное судно, туер (англ. *tow* – тянуть, тащить). Судно, передвигающееся посредством подтягивания непрерывной цепи (троса), проложенной по дну реки или канала. Цепь проходила по металлическим шкивам вдоль туерного судна и навивалась в один или несколько оборотов на горизонтальные брашпили, приводимые в движение паровой машиной. К бортам туерного судна пришвартовывалось для буксировки несколько (до 6) барок общей грузоподъемностью не свыше 1600 т. В сутки проходили около 180 км.

августа суда достигли Брянской шиверы, где была сделана остановка в ожидании подъема воды в Ангаре. На лодке И.С. Левитов добрался до Илимска, затем до села Большая Мамырь с помощью волока расстоянием в 101 версту и далее до Иркутска водным путем.

3 октября Левитов «доложил» реферат Географическому обществу «О транзитных путях в Восточной Сибири», в котором привел пример, что Сибиряковский тракт, открытый на Печоре, позволил уменьшить цену хлеба в северных районах. Он также подчеркнул, что всякая попытка улучшить сообщение между Енисейским краем и остальной Восточной Сибирью имеет большое значение для экономической жизни и развития Сибири [32]. В дальнейшем фарватер через ангарские пороги выравнивался. В 1894 г. по реке прошел первый пароход.

Итак, деловая активность А.М. Сибирякова по освоению сибирских рек была вызвана отсталостью экономического развития региона, происходившими качественными изменениями в основе предпринимательства при переходе от традиционного к новаторскому этапу развития.

Следует отметить, что проблема устройства путей сообщения Сибири с рынками центральной России, Европы и Китая не была решена до конца XIX в. Существовавшие сухопутные пути, в частности Московский и Кругобайкальский

тракты, не могли решить возростающих задач индустриализации Сибири.

Несмотря на усиление внимания со стороны правительства к проблеме прокладки путей сообщения, реальные результаты были невелики.

Инициатива освоения водных путей как наиболее выгодных путей сообщения сосредоточилась в частных руках, в связи с чем деятельность А.М. Сибирякова можно оценивать как прогрессивную. Кроме того, сибирский предприниматель подходил к решению проблемы, осознавая важность развития водного транспорта Сибири для всего государства. Отличительной чертой деятельности А.М. Сибирякова стало привлечение к исследованиям особенностей реки Ангары известных ученых, гидрографов, что позволило обосновать возможность решения поставленной задачи с научной точки зрения.

Выполнение задачи, которую поставил перед собой А.М. Сибиряков, было связано с большими трудностями, но плавание пароходов в нижнем и среднем течении реки Ангары было освоено.

Исследование возможностей использования водных путей для развития экономики Восточной Сибири отошло на второй план и по другой причине: в конце XIX в. началось строительство Транссибирской магистрали. Перевозка грузов и людей стала намного экономичнее и безопасней.

Литература

1. Спафарий Н. Г. Описание первых части вселенной, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. – Казань, 1910; *Его же*. Сибирь и Китай. – Кипинев, 1960.
2. Крижаннич Ю. Политика. – М., 1965.
3. Миллер Г. Ф. Известия о торгах Сибирских // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб., 1755.
4. Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. – М., 1785. Т. 3, кн. 1.
5. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1886. Кн. 1-2.
6. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск, 2003.
7. Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири // Отечество: краеведческий альманах. – М., 1995. Вып. 6.
8. Головачев П.М. Состав населения и экономический быт Иркутска до 40-х годов XVIII в. // Первое столетие Иркутска. – СПб., 1902.
9. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 480. Личный фонд Н.С. Романова.
10. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Л., 1968. Т. 2.
11. Шахеров В. П. Иркутск купеческий. История города в лицах и судьбах. – Хабаровск: Приамурские ведомости, 2006.
12. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. – М., 1968; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII в. – первой половине XIX в. (историко-этнографический очерк). – Новосибирск, 1975; *Алексеев А.И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. – М., 1982; и др.
13. Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Барнаул, 1995; *Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII в. – 1920-е гг.)*. – Барнаул, 1997. Вып. 2.
14. Душкин Ю. С. «Держали имя свое грозно...»: иркутские купцы Сибиряковы // Банки. Налоги. Финансы. 1997. Октябрь (№15). С. 10-12; Душкин Ю. С. Белый дом // Вост.-Сиб. правда. 1988. 13 июля; Душкин Ю. С. Гордость города: [Из истории Белого дома в Иркутске (1814-1837 гг.)] // Вост.-Сиб. правда. 1979. 10 июня.
15. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 31. Оп. 3. Д. 642. Л. 47.
16. Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX века. – Новосибирск, 1991. – С. 136.
17. Сибиряков А. М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. – СПб., 1907. – С. 183; Сибиряков А. М. К вопросу о внешних рынках Сибири и малоизвестных волоках Сибири. – СПб., 1893. – С. 6.
18. БТЭ. Т. 2. С. 11.
19. Игнатов И.И. О развитии пароходства по р. Ангаре от 16.12.1885; Левитов И. Очерк развития пароходств по Ангаре. Тюмень, 26 октября 1885 г. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К – 2718. №29. ОЦ. 26.09.85. С.30.

20. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. – Иркутск, 1993. – С.75.
21. Там же. С. 80-81.
22. Земля иркутская. – № 8. – 1997. – С. 19 (От губернии к области. События и люди).
23. Неофициальное письмо – отзыв генерал-губернатора Д.Г. Анучина на имя министра путей сообщения Посыета К.Н. от 26 сентября за № 35. // ГАИО. Ф. 31. Д. 313. С. 100.
24. Земля иркутская. – № 8. – 1997. – с. 19 (От губернии к области. События и люди).
25. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. – Иркутск, 1993. – С.80.
26. ГАИО. Ф.31. Д. 642. Ед.хр. 313. С.163.
27. Большаков В. Н. Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. – Томск, 1991. Вып. 1. – С.100.
28. Словарь морских терминов. – URL: <http://www.marinetterms.ru>. – 10.02.2012.
29. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. – Иркутск, 1993 – С. 121.
30. Сибирь. – 1885. – № 46. – 10 нояб.
31. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. – Иркутск, 1993 – С. 184.
32. Там же. С. 184-185.

Дикун Александр Сергеевич, аспирант кафедры истории России Восточно-Сибирской государственной академии образования (г. Иркутск), 666034, Иркутская область, г. Шелехов, ул. Олега Кошевого, д. 58; тел. 89086628006 сот.

E-mail: dikunas@gmail.com, arhipova_t@mail.ru

Dikun Aleksandr Sergeevich, postgraduate student, department of history of Russia, East Siberian State Academy of Education (Irkutsk), 666034, Irkutsk region, Shelekhov, Oleg Koshevoy Str., 58; ph. 89086628006.

E-mail: dikunas@gmail.com, arhipova_t@mail.ru

УДК 325.111(091)(571.54)

© *И.С. Иванов*

Влияние сельской миграции на пополнение населения г. Улан-Удэ (1945-1970-е гг.).

Рассматриваются вопросы, касающиеся пополнения населения г. Улан-Удэ посредством переселения сельских мигрантов. Дается характеристика основных причин переезда вчерашних сельчан в столицу Бурятской АССР.

Ключевые слова: миграции, урбанизация, вчерашние сельчане, адаптация.

I.S. Ivanov

The influence of rural migration on the increase of population in Ulan-Ude (1945-1970s)

The issue, concerning the increase of population in Ulan-Ude by means of resettlement of rural migrants are considered. The characteristic of principal causes of the former peasants movement to the capital Buryat ASSR is revealed.

Keywords: migrations, urbanization, former peasants, adaptation.

Стремительность роста городского населения – один из главных результатов развития урбанизации России в XX веке. Сельско-городская миграция привела к более чем десятикратному увеличению численности горожан, коренным образом изменив облик страны, всю картину расселения и размещения ее населения.

Становление городской цивилизации с самого начала катастрофически отставало от роста городов, колоссального наплыва сельского населения в урбанизированные центры. С таким наплывом вчерашних крестьян, их социальной адаптацией к городской среде, с иными правилами игры и новой системой ценностей справиться было сложно.

Политика правительства СССР в период четвертой пятилетки (1946-1950-е гг.), направленная на восстановление социалистической промышленности и транспорта, привела к усилен-

ному переезду сельских жителей на работу и жительство в города. Это предопределило уменьшение колхозного населения в послевоенные годы.

По данным сводных годовых отчетов колхозов республики, приведенным в таблице, видно, что в 1945-1953 гг. происходило общее сокращение численности наличного населения колхозов Бурят-Монгольской АССР на 18,8 тыс. чел., или 10,2%. Уменьшение числа трудоспособных мужчин в колхозах Бурят-Монгольской АССР наблюдалось после их демобилизации. С 1948-1953 гг. снижение составило 4,6 тыс. чел., или 14,1%. Количество трудоспособных женщин в колхозах республики с 1945-1953 гг. неуклонно сокращалось, хотя некоторый рост наблюдался до 1949 г., но к 1953 г. их количество уменьшилось на 5,7 тыс. чел., или 11,7% [2].

**Численность колхозного населения Бурят-Монгольской АССР
в 1945-1953 гг. (тыс. чел.) [1]**

Годы	Наличное население	В том числе трудоспособное	В том числе мужчин	В том числе женщин
1945	185,8	72,7	23,7	48,9
1946	179,9	73,0	28,3	44,7
1947	183,3	77,5	32,1	45,4
1948	182,9	80,2	32,7	47,4
1949	182,5	79,9	32,4	47,5
1950	183,6	76,8	30,0	46,8
1951	172,2	75,7	29,8	45,9
1952	172,5	73,7	28,5	45,2
1953	167,0	71,3	28,1	43,2

Снижение численности колхозного населения за счет активной миграции из деревни в город являлось объективным процессом, определявшимся резко увеличившейся потребностью города в рабочей силе. Перераспределение трудовых ресурсов между городом и селом осуществлялось двумя путями: через государственную систему организованного набора рабочих и в результате неорганизованного перехода части населения из колхозов.

Перемещение вчерашних крестьян из сел республики в г. Улан-Удэ было обусловлено его ключевой ролью в экономическом и культурном развитии региона.

Рост населения г. Улан-Удэ определялся в изучаемый период совокупностью разнообразных факторов. Улан-Удэ являлся крупнейшим промышленным, торговым центром республики, важным транспортным узлом региона. Экономическое развитие города требовало огромного количества рабочей силы.

Улан-Удэ сконцентрировал в себе большое количество промышленных предприятий. Так, в состав Улан-Удэнского промышленного узла входили ЛВРЗ, моторемонтный и судостроительный заводы, «Электромашин», «Теплоприбор», ТЭЦ, завод крупнопанельного домостроения, стеклозавод, авиазавод, тонкосуконная фабрика и фабрика первичной переработки шерсти, завод мостовых металлических конструкций, мясокомбинат, городской молочный завод, фабрика верхнего трикотажа и некоторые другие [3]. В конце 1970-х гг. Улан-Удэнский промышленный узел производил 80% валовой продукции республики.

Скопление больших масс людей в столице республики требовало развития внутригородской транспортной системы, коммунального хо-

зяйства, здравоохранения, службы быта, культурно-просветительных учреждений. Для этого нужны были трудовые ресурсы, что само по себе стимулировало дальнейший рост населения. Иными словами, само существование крупного города являлось фактором его роста. Улан-Удэ как крупный город и столица обладал определенными преимуществами и в плане удовлетворения материальных потребностей людей.

Улан-Удэ концентрировал основную долю культурно-бытовых учреждений, широкую сеть учебных заведений, являясь культурным и научно-образовательным центром Бурятской АССР. Для получения высшего и средне-специального образования молодежь из сельской местности приезжала в столицу республики, а после окончания учебы старалась закрепиться здесь.

Развитию производительных сил региона в 1960-е гг. был придан новый импульс. В г. Улан-Удэ разворачивалось крупномасштабное строительство индустриальных объектов. В ноябре 1963 г. легкая промышленность пополнилась новым предприятием – Улан-Удэнской фабрикой первичной обработки шерсти [4]. В годы восьмой пятилетки в строй вступила макаронная фабрика, был построен завод крупнопанельного домостроения.

В годы девятой пятилетки были сооружены завод мостовых металлоконструкций (ЗММК), первая очередь завода «Бурятферммаш», приборостроительный завод, а также кондитерская фабрика и завод по переработке птицы на мясокомбинате. Годы десятой пятилетки отмечены вступлением в строй молочного завода, фабрики верхнего трикотажа, ликероводочного завода.

Все это не могло не заинтересовать трудоспособных сельских жителей, которые по большей части работали на селе за отмеченные бригадиром

трудодни или получали плату, неадекватную затраченному труду. Трудодень в новых условиях переставал удовлетворять требованиям жизни и отвечать практическим нуждам колхозников.

Осознавало крестьянство и свою своеобразную социальную ущербность в обществе. Бывшие крестьяне под разными предлогами старались покинуть деревню. Их привлекал твердый, заранее известный заработок на городских предприятиях, а также потенциальная возможность со временем получить государственную жилплощадь. Главное же заключалось в том, что стать рабочим для них означало быть гражданином «первого сорта», а будучи колхозником, крестьянин ощущал себя во многих отношениях ущемленным, дискриминированным.

Как показывают статистические данные, среди 61,2% мужчин, прибывших в город из сельской местности на протяжении 1947-1958 гг., а среди 58,6% женщин возраст молодежи составлял от 16 до 29 лет [5]. Данная возрастная группа служила основным источником дешевой неквалифицированной рабочей силы, в которой остро нуждались предприятия и стройки.

Многие вчерашние сельчане имели определенную цель: получить высшее или средне-специальное образование в городе и влиться в ряды городского населения столицы республики. Определенную группу лиц составляли демобилизованные из армии молодые люди.

Среди причин, по которым население Бур. АССР меняло постоянное место жительства в 1968-1969-х гг., называются приезд на учебу – 7262 чел., направление на работу после окончания учебного заведения – 148 чел., приезд на работу по общественному призыву – 28 чел., приезд на работу по оргнабору – 4 чел., перевод по службе – 523 чел., личная причина – 5423 чел., иная причина – 220 чел. [6].

Например, в Кабанском районе из выпуска восьмилетних и средних школ 1968 г. выехало не менее 800 человек в техникумы, специальные учебные заведения, вузы, а также были призваны в ряды Советской Армии, из Заиграевского района – 500 человек.

Среди прочего, вероятными мигрантами в город становились колхозники, систематически не вырабатывавшие обязательного минимума трудодней, вследствие этого подлежащие исключению из артели [7].

За 1972 г. число прибывших в Улан-Удэ 20-25-летних крестьян составило 4309 чел. 35-40-летних сельских жителей в количественном отношении выехало на порядок меньше – 551 чел. [8].

Доля выезжающих из сел в города с каждым годом увеличивалась, а уезжающих из городов в село – уменьшалась. Интересен тот факт, что на вступительных экзаменах в вузы республики предпочтение при зачислении отдавалось абитуриентам из села, в результате доля студентов из деревень и улусов превышала 60-70% от общего числа студентов.

После окончания учебных заведений сельская молодежь обычно направлялась на работу в промышленность, транспорт, строительные организации и постепенно теряла связь с родным селом. Выпускники учебных заведений, которых готовили для работы в сельском хозяйстве, предпочитали устраиваться на работу в городе, лишь за редким исключением возвращались в село.

Промышленность в городе притягивала регламентированностью труда в условиях пятидневной рабочей недели (переход на которую произошел в течение июня-октября 1967 г.) [9], более механизированным его характером, возможностями профессионального повышения квалификации.

Переезды жителей из села в город происходили из-за неудовлетворенности сельским трудом, большими социально-экономическими различиями между городом и деревней. На селе хуже, чем в городе, было поставлено медицинское обслуживание. В неравном положении с горожанами находились сельские жители при получении услуг из общественных фондов потребления.

Массовые перемещения вчерашних крестьян из сельской местности республики в г. Улан-Удэ требовали жилищного и сопряженного с ним строительства. При переездах в город сельские жители сталкивались с проблемами «адаптационного характера». Жилищный вопрос был одним из актуальных. Как правило, они жили в «коммунальных» квартирах, часто со многими соседями, в общежитиях, бараках с очень низким, примитивным уровнем благоустройства и практически нуждались в новых квартирах.

Жилищное строительство в республике так же, как и по всему СССР, не поспевало за бурным ростом городского населения. Первоначально в столице республики вводились в строй бараки, здания каркасно-засыпного типа. Водопровод и канализация в таких «жилых» помещениях обычно отсутствовали. Только со второй половине 1950-х гг. в связи с программой расширения жилищного строительства в городах и рабочих поселках стали возводиться так называемые «хрущевки».

В большинстве своем сельским мигрантам приходилось проходить процесс адаптации к городской среде в тяжелых условиях. Поначалу недавние крестьяне пытались, насколько возможно, приспособить новые условия проживания к существовавшим. До сих пор часть городских деревянных домов возводится вчерашними деревенскими жителями по сельским образцам, некоторые дома перевозятся из деревни в город.

Массовый приток вчерашних крестьян в город привел к широкому использованию догородских форм организации общественной жизни жителями Улан-Удэ (ведение личного подсобного хозяйства, содержание в нем свиней, коров, птицы, а также ежегодные высадки и сбор картофеля горожанами на участках в черте города и т.д.). Использование сельских традиций и способов организации социальной жизни, что усу-

губляется идеологическими ориентирами коммунистической партии, явилось формой адаптации крестьянства к новым для них условиям жизнедеятельности.

В заключение следует отметить тот факт, что миграция в город вчерашних сельчан не сопровождалась созданием подлинно городского образа жизни. Многие «горожане» продолжали репродуцировать элементы сельского образа жизни на урбанизированной территории. Данный процесс характерен не только для недалекого прошлого, но и для современных условий.

Миграционные перемещения огромного количества сельских жителей, с одной стороны, придавали мощный импульс развитию индустриального комплекса городов, а с другой – в разы ускорили печально известный процесс разрушения деревни.

Литература

1. Составлено по данным НАРБ. Ф.691. Оп.7. Д. 5433. Л.7, Л.36; Д. 5434. Л.8; Д.5435. Л.1; Д.5436. Л.1; Д.5437. Л.4; Д.5438. Л.2; Д.5439. Л.2; Д.5440. Л.9.
2. Митупов К.Б.-М. Рабочий класс в социальных процессах Бурятии (1930-1970 гг.). – Улан – Удэ, 2002. – С.115.
3. Санжиева Т.Е. Индустриализация городов Бурятии в 1960-1985 гг. // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии // Материалы международного научного семинара-совещания. Улан-Удэ, 2006. – С. 28.
4. Там же. С. 29.
5. ГАРФ Ф.А. 374, Оп. 30, Д. 3963. Л. 2-12.
6. НАРБ Ф.Р-196, Оп. 8, Д. 55, Л. 58.
7. Вербичкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву (середина 40-х - начало 60-х гг.). – М., 1994. – С. 88.
8. НАРБ Ф.Р-196, Оп. 8, Д. 58, Л. 3.
9. НАРБ Ф.Р-195, Оп. 13, Д. 2030, Л. 2.

Иванов Игорь Сергеевич – аспирант кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета. г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6. Тел.: 89503933432. E-mail: Igor862008@yandex.ru
Ivanov Igor Sergeevich, postgraduate student, department of homeland history, Buryat State University.
E-mail: Igor862008@yandex.ru; tel.: 89503933432

УДК 338.2 (520)

© *Д.Д. Васильева*

Политика стимулирования экономической конъюнктуры Японии (2008–2010 гг.)

В статье освещается проблема экстренной государственной помощи экономике Японии в ходе глобального финансового кризиса. Дается анализ влияния выдвинутых правительственных мер на экономическую конъюнктуру страны.

Ключевые слова: кризис, правительственные меры, антикризисная политика, стимулирование экономики, индексные показатели, «долговая спираль».

D. D. Vasilyeva

Japan's Policy of Stimulation the Economic Conjuncture in 2008–2010

The article highlights the problem of special state aid to Japanese economy in the course of global financial crisis. It has analyzed the influence of government package of measures on the economic conjuncture in the country.

Keywords: crisis, government package of measures, anti-crisis policy, economy stimulation, index indicators, «debt spiral».

Начавшийся в условиях глобализации кризис 2008 г. охватывает практически все динамично развивающиеся страны и регионы. Причем он сильнее сказывается на более успешных в последнее десятилетие; напротив, застойные же страны и регионы пострадали от него в меньшей степени. Характерно это и для внутриэкономической ситуации в отдельных странах, включая Россию. Самые серьезные проблемы наблюдаются там, где был экономический бум, тогда как депрессивные регионы почти не чувствуют изменений.

Современный кризис носит структурный характер, что предполагает серьезное обновление структуры экономики и ее технологической базы. Пока трудно сказать, какие структурные изменения ожидают нас в ближайшем будущем, однако в результате будет перераспределение сил в отраслевом и территориальном аспектах.

В новейшей истории Японии это уже третий глубокой экономической кризис. Как она сможет преодолеть эту ситуацию на этот раз, вопрос будущего. Однако меры необходимы уже сейчас, и правительство Японии тратит огромные средства на решение как текущих задач, так и на реализацию стратегии дальнейшего развития своей страны. Насколько эффективны принятые меры, смогут ли они реанимировать японскую экономику, предстоит разобраться в ходе изучения данной проблемы.

Выбор данной темы обусловлен, прежде всего, большим количеством пока еще не обработанной в полной мере информации и возможностью рассмотрения данной проблемы, опираясь на официальные данные правительственных институтов Японии.

Ввиду того, что мы выбрали в качестве хронологических рамок 2009 – первый квартал 2010 г., в ходе изучения пришлось пользоваться в большей мере оригинальными источниками. Была активно использована официальная статистика на японском языке, опубликованная на официальном сайте Банка Японии, Министерства финансов Японии, сайте премьер-министра и кабинета министров Японии, Министерства экономики, торговли и промышленности и статистика издательства Nikkei. При рассмотрении данной темы мы опирались на статьи таких авторитетных информационных агентств, как New York Times, Asahishinbun, Yomiuri, Telegraph, Bloomberg, Reuters. Из российских электронных изданий мы использовали материалы Прайм-Тасс, информационных агентств РБК, РосБалт, BFM и др.

В ходе решения поставленных задач исполь-

зовались статьи российских и зарубежных аналитиков, занимающихся проблемами АТР. Среди них работы и публикации А. Островского, В.А. Бондаренко, В.О. Кистанова, А. Федоровского, а также зарубежных коллег Хироко Тобути, Адама Шахим, Джейкоба Гребера.

Япония – это страна, которая в течение сорока лет, с 1950 по 1990 год, была ярким примером блестящего экономического успеха. Она стала первой страной за пределами европейской цивилизации, которую все без колебаний признавали высокоразвитой; более того, в экономической и технологической сферах она была одним из очевидных мировых лидеров. Стремительный рост японской экономики оставался стабильным и казалось, что скоро внутренний рынок этой страны будет уже не вторым в мире после американского, а первым. Ведь по сравнению с американцами японцы гораздо больше думали о будущем и охотнее отказывались от текущего потребления ради серьезных выигрышей завтра. К тому же в Японии были довольно низкие налоги, не слишком расточительные социальные программы и твердая валюта.

Однако ситуация значительно изменилась во многих сферах экономической жизни Японии. Вполне справедливо утверждать, что Япония переживает экономическую депрессию, которая длится уже 20 лет. Страна не может оправиться после кризиса 1990-х гг. и краха экономики «мыльного пузыря».

Для предотвращения закручивания экономики в кризисную спираль правительство Японии предложило принятие следующих мер: в первую очередь возобновить активность бизнеса, в среднесрочной перспективе перестроить систему государственного финансирования, в дальнейшем поддерживать экономический рост путем взвешенных реформ.

Оперативные меры правительства, заложенные в 2 дополнительных бюджетах на 2008 г. и бюджете 2009 г., премьер-министр Японии охарактеризовал как «трехступенчатая ракета». Исходя из этого, общая стоимость дополнительных (антикризисных) мер составила 154 млрд долларов, это около 3% ВВП Японии. На апрель 2009 г. Япония потратила 270 трлн иен (около 270 млрд долларов) на различные меры по стимулированию экономики¹. Масштаб антикризисных мер – один из крупнейших в мире.

Правительством были определены три сферы

¹ Tobuchi, Hiroco Japan drafts \$154,4 billion stimulus. URL: <http://www.ytlcommunity.com/commnews/shownews.asp?newsid=45192> (дата обращения: 29.03.2009)

финансирования: повседневная жизнь людей; малый и средний бизнес; региональное развитие.

По мнению премьера, достигнуть душевного спокойствия граждан Японии в повседневной жизни можно только благодаря уверенности в системе социального обеспечения, особенно в том, что касается выплаты пенсий, медицинского обслуживания и ухода за больными. В связи с этим были приняты следующие меры, направленные на поддержание повседневной жизни людей и занятости.

Во-первых, упрощение процедуры страхования по безработице, а также уменьшение страховой выплаты по безработице, что позволит среднестатистической японской семье сэкономить порядка 200 долларов в год. Во-вторых, предоставление субсидий собственникам предприятий для поощрения постоянного найма. В частности, тем предприятиям, которые продлят срок действия контракта для временных работников, студентов и пожилых людей, выделены денежные средства в размере 4 млрд долларов. Ожидалось, что в течение 3 лет это позволит создать 1,6 млн рабочих мест. В-третьих, введение ежегодной субсидии по 12 тыс. иен на взрослого, 20 тыс. иен на ребенка и престарелого (таким образом, семья из 4 человек с двумя детьми будет получать 64 тыс. иен; совокупные бюджетные выплаты составят 2 трлн иен). В-четвертых, увеличение единовременного пособия по рождению ребенка и уходу за ним до 420 тыс. иен; предоставление 14 бесплатных медосмотров в течение беременности и послеродового ухода за ребенком; расширение сети центров по уходу за ребенком на 150 тыс. мест в течение года. В-пятых, снижение налоговых ставок уменьшит налоговые выплаты физических лиц на 1 трлн иен (в частности, не облагаемые налогом расходы на приобретение жилья составят 6 млн иен – исторически максимальная сумма налоговых вычетов).

Что касается помощи среднему и малому бизнесу, то были приняты следующие меры: к концу 2008 г. было удовлетворено 220 тыс. заявок малых и средних предприятий на общую сумму 4,5 трлн иен (гарантии по чрезвычайным займам и специальные кредиты). Помимо этого, существенной помощью было снижение налога на прибыль малых и средних предприятий до 18% (с 22%)¹.

В области региональной политики была проведена децентрализация, предусмотрено расширение полномочий местных и региональных ор-

ганов власти и обеспечение необходимыми финансовыми ресурсами; предоставлена компенсация сокращения налоговых поступлений; была увеличена доля национальных налогов, остающихся в распоряжении регионов, на 1 трлн иен; разработаны гранты для создания фондов регионального развития с целью развития инфраструктуры регионов.

Таким образом, государственный бюджет 2009 г. имел беспрецедентный на тот момент размер в 88,5 трлн иен. Финансовые средства, выделенные в этом бюджете на стимулирование экономики, являются составной частью пакета стимулов, содержащихся в двух дополнительных бюджетах, принятых в 2008 г. 10 апреля 2009 г. правительством был принят дополнительный пакет стимулов на финансовый год в объеме 15,4 трлн иен. Этот пакет в 2 раза превышает рекордный дополнительный бюджет 1998 г. в размере 7,6 трлн иен. В итоге общий объем стимулов для японской экономики составил на апрель 2009 г. 56,8 трлн иен, включая гарантии по кредитам для малого и среднего бизнеса².

Продолжая анализ основных краткосрочных мер Правительства по преодолению кризиса, важным также будет упомянуть опубликованный 10 апреля 2009 г. «Комплекс стратегических мер по преодолению кризиса»³.

В этом документе утверждалось, что Япония столкнулась с кризисом, характеризуемым двойной фазой воздействия на национальную экономику. Первая краткосрочная фаза кризиса была вызвана мировым финансовым кризисом и синхронно развивающимся глобальным спадом деловой активности. Для японской экономики это выразилось в быстром сокращении объемов экспорта продуктов и услуг при одновременном ухудшении финансового климата. В этих условиях возник риск дальнейшего снижения деловой активности в стране, сопровождаемый ростом безработицы и обострением социальной напряженности, что в совокупности привело к ухудшению состояния реального сектора экономики и к дальнейшей дестабилизации финансовой системы страны.

Предполагалось, что вторая долговременная фаза этого кризиса в Японии будет носить структурный характер, связанный с глубокими изменениями во всех сферах экономической

² Кистанов В. О. Экономика Японии: сильнейший кризис в послевоенное время // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. - №4. – С. 47-58.

³ Policy Package to Address Economic Crisis URL: <http://www5.cao.go.jp/keizai1/2009/0420summary-english.pdf> (дата обращения: 17.02.2010)

¹ Policy speech by Prime minister Taro Aso... Ibid

деятельности, происходящих в глобальной экономике. Это будет вызвано стремлением национальной экономики приспособиться к изменениям, происходящим в структуре потребления на внутренних и международных рынках, вызванных последствиями мирового кризиса. Экономика Японии должна реагировать на это путем дальнейшего развития экспортного потенциала, ориентированного на удовлетворение новых потребностей на мировых рынках, при одновременном сокращении зависимости от внешних источников сырья и энергетических ресурсов. Предполагалось, что обновленная японская экономика будет стремиться к сокращению углеводородной энергетики, к развитию ресурсосберегающих и безотходных производств, обеспечивающих оздоровление окружающей среды. Этому, в частности, будут препятствовать негативные демографические явления, проявляющиеся в постепенном сокращении трудовых ресурсов и увеличении доли населения в престарелом возрасте. Это в значительной мере связано с тем, что в течение длительного времени в стране происходит постепенное старение населения и снижается рождаемость при одновременном сокращении занятости во всех секторах экономики, особенно в секторе малого и среднего предпринимательства.

Япония также вносит большой вклад в преодоление мировой экономической нестабильности. Считая, что центром мирового бизнеса в ближайшем времени станет именно Азия, правительство Японии вкладывает немалые средства на возобновление бизнеса активности в развивающихся азиатских странах.

С середины 2010 г. экономика демонстрирует положительные тенденции. Другими словами, несмотря на сохранение нисходящей динамики, эта тенденция слабеет и в определенных случаях даже переходит в рост. Эта же тенденция относится и к экономике Японии в частности. Дно японской экономики достигнуто, падение было очень резким, и экономика только начала разворачиваться в обратном направлении, хотя она все еще находится на весьма низком уровне и дальнейший путь ее восстановления не ясен. В ходе нынешнего глобального экономического кризиса рецессия в Японии началась в 2008 г. Острота нынешнего экономического кризиса Японии вызвана беспрецедентным падением спроса на ее автомобили и электронную продукцию на зарубежных рынках, прежде всего в США и Европе, поскольку автомобильная и электронная промышленность являются факти-

чески двумя основными двигателями японской экономики. Текущий кризис наглядно продемонстрировал такое уязвимое место японской экономики, как огромный разрыв между предложением и внутренним спросом, который остается на низком уровне. Ему способствует нежелание банков выдавать кредиты производственным и другим компаниям. С целью ослабления этого негативного явления Банк Японии был вынужден понизить учетную ставку до 0,1%. Фактически исчерпав меры монетарной политики, Япония сделала упор на кейнсианские методы регулирования экономики, выражающиеся в массивном накачивании экономики государственными денежными средствами с целью расширения внутреннего спроса и ликвидации дисбаланса между спросом и предложением.

Эти меры дали свои плоды, ряд показателей японской экономики благодаря масштабным денежным вливаниям правительства пошел вверх. Однако остается ряд неопределенностей, таких как сложная ситуация в сфере занятости и доходов. Прибыльность предприятий по-прежнему остается большой проблемой, поэтому не приходится надеяться на то, что занятость будет возрастать быстрыми темпами.

Позитивные данные за первый квартал 2010 г. и последний квартал 2009 г. дают основания новому японскому правительству быть уверенным в выборе экономического курса. Многие аналитики предупреждают, что усиление дефляционных тенденций (т.е. снижение цен на товары и услуги, сопровождаемое сокращением капиталовложений, производства и занятости) может оказать негативное воздействие на развитие экономики в долгосрочной перспективе.

Сокращение численности населения ослабляет внутренний спрос. На уровень последнего отрицательно воздействуют снижение оплаты труда и усиление пессимистических настроений среди основной массы японских потребителей.

Одновременно государственные расходы недостаточны для компенсации вялого потребительского спроса, характерного на нынешнем этапе для сектора домохозяйств. Меры в бюджетно-финансовой сфере дали позитивные результаты для предотвращения двойной рецессии, однако не смогли радикальным образом повлиять на ослабление дефляционных ожиданий. Ситуацию усугубляет и наличие крупного государственного долга, величина которого относительно ВВП выше соответствующего показателя у других развитых стран.

Очевидно, что прогнозирование экономики Японии на ближайшее время является нелегким делом, что объясняется невозможностью учесть все многообразие внешних факторов, воздействующих на нее. Однако тенденция, наметившаяся

в последнем квартале 2009 г., дает надежду на восстановление японской экономики и возвращение ей статуса одной из сильнейших экономик мира.

Литература

1. Policy speech by Prime minister Taro Aso to the hundred and seventy first Session of the Diet [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.kantei.go.jp/foreign/asospeech/2009/01/28housin_e.html
2. Policy Package to Address Economic Crisis [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www5.cao.go.jp/keizai1/2009/0420summary-english.pdf>
3. World economic situation and prospects [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.un.org/esa/policy/wess/wesp2010files/pr_en2010.pdf
4. 麻生内閣総理大臣講演「新たな成長に向けて」日本記者クラブにて [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.kantei.go.jp/asospeech/2009/04/09speech_e.html
Речь премьер-министра Японии Таро Асо о стратегии развития на выступлении перед национальным пресс клубом.
5. 第144回 全国企業短期経済観測調査 Режим доступа: http://www.boj.or.jp/type/stat/boj_stat/tk/gaiyo/tka1003.pdf
144-й ежеквартальный отчет Банка Японии (Танкан).
6. Бондаренко В.А. Политика Японии по преодолению кризиса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gias.ru/content/document_r_%7B27CED5EF-980C-4B9C-8CC5-5F8918B89607%7D.html
7. Кистанов В. О. Экономика Японии: сильнейший кризис в послевоенное время // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №4. – С. 47-58.
8. О перспективах развития мировой экономики // БИКИ. – 2010. – №20. – С. 1-3.
9. Тимонина И.Л. Долгосрочная стратегия экономического роста: японский подход [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.japan-assoc.ru/en>
10. Федоровский, А. Возможности и проблемы регионального сотрудничества в Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №1. – С. 82-91.

Васильева Дарья Дмитриевна, аспирант кафедры истории отечества, Бурятский государственный университет.
Vasilyeva Darya Dmitrievna, postgraduate student, department of homeland history, Buryat State University.

УДК 930

© *О.А. Мальгина*

Статус губернатора в имперской системе управления Россией в отечественной историографии

В статье проанализированы основные научные труды, где исследуется институт губернской власти Российской империи.

Ключевые слова: историография, губернатор, власть.

O. A. Malygina

The status of governor in the imperial system of Russia governance in the national historiography

The article analyzes the major scientific works researching the institution of the provincial power in the Russian Empire.

Keywords: historiography, governor, power

Возрождение и развитие института губернской власти в современной России требует осмысления исторического опыта ее территориального управления и анализа процесса формирования и взаимодействия разных уровней власти. В связи с этим весьма актуальным становится рассмотрение указанных процессов в исторической ретроспективе на разных этапах общественного развития.

Вопросы управления отдельными территориями приобрели свою значимость с начала формирования централизованного государства в

XVI в. Позже, в 1708 г., Петр I поделил страну на губернии. Именно это деление дало начало институту губернской власти как таковому. В дальнейшем, в правление Екатерины II, империя была разделена на сорок губерний во главе с губернаторами, роль посредников между губерниями и центром играли наместники (генерал-губернаторы) [1, с.112]. Все последующие преобразования по сути были развитием основных положений, заложенных данным административным делением. В частности, в 1837 г. Николай I издает «Наказ губернаторам», где офици-

ально был введен термин «хозяин губернии» [2, с. 5].

Интерес к изучению данной проблематики сохранялся в течение практически всего периода формирования и развития системы местного управления. Исследователи досоветского и советского периодов изучали роль губернатора в сложившейся системе власти и его взаимоотношения с центральным руководством [3], рассматривали место губернатора в структуре местных государственных учреждений [4], проявляли интерес к проблемам организации и функционирования губернаторской власти в контексте внутренней политики самодержавия пореформенного времени [5], оценивали отношения губернаторов и органов земского самоуправления [6]. В досоветский период авторы больше изучали юридический аспект проблемы, практически не касаясь реалий местного управления. Большинство обобщающих трудов советского периода по дореволюционному государственному устройству были скованы жесткими рамками коммунистической идеологии, а отсутствие объективной информации о дореволюционной внутренней политике привело к некоторой предвзятости в оценке отдельных вопросов. Тем не менее труды советского периода создали мощную фундаментальную базу для дальнейших исследований.

Постсоветский период, возродивший институт губернаторства, характеризуется всплеском интереса к данной проблематике. С одной стороны, появилась необходимость в фундаментальных исследованиях процесса формирования имперской системы власти, с другой – в изучении отдельных аспектов проблемы, в первую очередь истории региональной административной политики. Исследования стимулировались открытием новой источниковой базы и доступностью ранее не известной зарубежной литературы.

В рамках изучения общероссийской проблематики административного управления институт губернаторства упоминается редко. Гораздо лучше история губернаторской власти изучена на региональном уровне. Здесь в исторических исследованиях четко просматривается два основных направления: комплексное изучение истории регионального управления и анализ отдельных аспектов его функционирования.

При анализе степени изученности первого направления необходимо отметить монографию М.М. Шумилова, в которой он указывает, что правительство обращало внимание на необхо-

димость реформы местного управления, не будучи в то же время уверенной в губернаторах как ее проводниках [7, с. 67-69]. Л.М. Лысенко, изучая институт губернаторства в исторической динамике, приходит к выводу, что из властного, сильного органа на местах, каковым он был в XVIII в. – начале XIX в., в конце XIX – начале XX в., он превращается в консервативную и даже реакционную силу. Раскрывая роль и место института губернаторства в системе власти Российского государства, автор резюмирует, что он имел двойственную природу: губернатор был наместником царя и хозяином губернии [8, с. 135]. Схожей точки зрения придерживается А.С. Минаков, в своем исследовании также отмечающий двойственное положение губернатора. «Несмотря на то, что губернаторы назначались императором и были представителями монаршей власти на местах, на практике они были более связаны деловыми и личными отношениями с министрами внутренних дел. МВД руководило повседневной деятельностью губернатора, прямо или косвенно держало в своих руках судьбу каждого чиновника-губернатора» [9, с. 29]. Г.В. Алексушин в диссертационном исследовании выдвинул идею о тройственности института губернаторства. «Одним из ключевых для понимания губернаторской власти является вопрос о ее двойственности или тройственности. Но губернатор действительно «играл» 3 различные роли, зачастую весьма противоречивые, синтезированная диссертантом 3-я роль (как представителя дворянства) в известных работах по исследуемой теме не выделена. Итак, начальник губернии назначался государем и лично ему подчинялся (в силу чего обладал обширными полномочиями в отношении всех правительственных учреждений в губернии). С другой стороны, губернатор постепенно превратился в чиновника МВД и находился в фактическом подчинении министру. С 3-й стороны, на него сильно влияла его корпоративная дворянская среда. Лишь трудно определяемое в динамике и пропорции (и, видимо, часто субъективное) наличие этих факторов и делало чиновников истинными российскими губернаторами» [10, с. 23-24].

Второе направление исследований истории региональной власти, как уже указывалось, касается изучения ее отдельных аспектов. Вопросы кадрового обеспечения губернаторского корпуса впервые глубоко были исследованы А.Н. Бикташевой. В работе подробно рассмотрен механизм назначения губернаторов на примере Казанской губернии в первой половине

XIX в. Исследователь делает вывод о том, что процедура назначения губернаторов не была жестко регламентированной: и император, и министр периодически вносили в нее корректировки. В то же время существовали определенные правила и порядок губернаторских назначений. Со временем больше внимания стало уделяться образовательному цензу. Если к началу XIX в. губернаторы в лучшем случае имели кадетское образование, то в середине века предпочтение отдавалось образованным гражданским чиновникам [11, с. 39]. В статье В. М. Марасанова утверждается, что кандидатуры губернаторов по-прежнему подбирались в зависимости от знатности и личных связей, но при этом все чаще появлялись люди, пришедшие к власти благодаря служебным заслугам и деловым качествам [12]. Эту точку зрения поддерживают М.М. Шумилов [13] и Б.Н. Миронов [14].

Эффективность губернаторской власти была рассмотрена С.В. Любичанковским [15] и И.А. Христофоровым [16]. По их мнению, к концу XIX – началу XX в. она была невысока, поскольку губернатор был перегружен функциями, при этом отмечалась недостаточная полнота соответствующих полномочий. А. Н. Бикташева также отмечала, что «один только перечень дел, за который губернатор отвечал перед МВД, к середине XIX в. вырос до 33 пунктов. Даже слом обветшавших зданий и строительство мостовых губернатор не имел право осуществлять по собственному усмотрению. Начальники губерний буквально тонули в бумажном потоке» [17, с. 20].

Социальный состав губернаторства на примере Курска рассмотрен в статье Т.И. Шатохина. Он так оценивал губернаторов: «Несомненно, что это были неординарные государевы слуги, которые на этом посту не только делали свою служебную карьеру, но и, как правило, усердно управляли вверенной им территорией... Однако губернаторы отнюдь не были ангелами и мудрыми, добрыми правителями, у них были те же пороки, что и у всего государственного аппарата и у российского общества той поры» [18, с.65]. В том же ключе давали оценку личности губернатора В.М. Марасанова [12], В.А. Иванов [19], Е.А. Трунина [20].

Весомый вклад в изучение административной политики имперских властей по отношению к окраинным регионам России внесли сибирские историки. Взаимоотношения разных звеньев власти проанализированы в работах А.В. Ремнева [21], Л.М. Дамешека [22], И.Л. Дамешек [23], Н.П. Матхановой [24], А.В. Гимельштейна [25],

М.В. Шиловского [26].

Комплексное изучение административной политики в Сибири провел А.В. Ремнев, отмечавший, что важной особенностью правительственной политики в Сибирском регионе в XIX в. – начале XX в., «продолжало оставаться стремление охранять и сохранять» [21, с. 28]. А.В. Ремнев исследовал основные проблемы местного управления, взаимоотношения центра и регионов, вопросы кадрового обеспечения губернской власти на местах. Он считал что, «определение имперской системы регионального управления возможно путем изучения отдельных регионов, чтобы на этой основе реконструировать основные принципы и методы имперской региональной политики» [21, с. 8]. М.В. Шиловский в своей статье поддерживает выделенную А.В. Ремневым отличительную специфику территориально-административной организации Сибири, а также соглашается с выводами С. Беккера о том, что «натиск имперской политики России в XIX в. продолжался в давно уже выбранном направлении – административной интеграции периферии с центром» [26, с. 33]. И.Л. Дамешек и Л.М. Дамешек в своих работах выявляют специфику административного управления Сибирью, сосредоточивая основное внимание на деятельности высших институтов государственной власти и институте генерал-губернаторства, оставляя в то же время «за кадром» более низкое звено – губернаторскую власть [22, 23]. Сибирской региональной специфике в имперской системе власти посвящена и статья А. Гимельштейна, в которой он рассмотрел взаимоотношения генерал-губернаторства с советами главных управлений Западной и Восточной Сибири – совещательными органами при главном территориальном начальнике края, совершенно уникальное, характерное только для данного региона явление сочетания единоначалия генерал-губернатора и попытки ограничить его единовластие деятельностью коллегиальных советов [27, с.15].

Заметную роль в новейшей историографии вопроса сыграла монография Н.П. Матхановой, результаты исследования которой, безусловно, необходимы для понимания особенностей царской политики на окраинах империи и роли высшей администрации Сибири в этом процессе [28].

Различным аспектам истории регионального управления посвящен изданный в Омске сборник научных статей «Азиатская Россия: люди и структуры империи» [29]. В сборнике нашли отражение проблемы управления окраинными

территориями Российской империи, влияние на эти процессы объективных (природно-географических, этнических, геополитических) и субъективных (личных качеств проводников имперской политики на местах) факторов. Интересны высказанные Е.В. Безвиконной и И.Л. Дамешек версии о «естественных границах» как идеологическом обосновании политики Российской империи в азиатском пограничье, не изменившем, тем не менее, содержания административной политики, направленной на установление четких границ властных устремлений Центра [29, с. 138-139], и географическом факторе, активно влияющем не только на административно-территориальное устройство регионов (что вполне естественно), но и на функции органов власти и полномочия должностных лиц [29, с. 160].

В целом губернаторское управление Российской империей оказалось в центре внимания большого числа исследователей, которые обозначили основные направления изучения истории института губернаторства: процесс его формирования и факторы, на него влияющие, взаимоотношения региональной и центральной власти, основные функции губернской власти,

личностные качества отдельных представителей губернаторского корпуса. Есть все основания говорить о сложившейся в Сибири школе истории регионального управления. Однако если институт генерал-губернаторства является объектом постоянного внимания сибирских историков, то губернаторы как следующее звено имперской власти на местах еще изучено слабо, а институт военного губернатора Забайкалья, появившийся в сложившейся системе власти одним из последних (Забайкальская область выделена из Иркутской губернии в 1851 г.), так и не стал предметом специального исследования. Его изучение на сегодняшний день ограничивается серией популярных очерков о военных губернаторах Забайкалья Т.А. Константиновой [30] и фрагментарными сведениями об их деятельности в контексте исследований вопросов городского самоуправления [31], благотворительности [32], экономического развития [33] и территориально-административного устройства края [34]. С учетом важного стратегического и геополитического положения Забайкальской области вопросы управления данной территорией приобретают особую значимость и ждут своего исследователя.

Литература

1. Секиренский С. Российские генерал-губернаторы («обличенные доверием и лично известные императору») // Проблемы теории и практики управления. 2001. №5. С.112-115
2. Губернаторство в России: история, современность и перспективы: круглый стол // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1996. №3. С. 3-22.
3. Градовский А.Д. Собр. соч. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – Т.1. – 181 с.
4. Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. – СПб.: Типо-лит. Л.К. Пентковского, 1905. – 368 с.
5. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавия России в XIX в. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
6. Ерошкин Н.П. Местное государственное управление дореформенной России (1800-1860 гг.). – М.: Высшая школа, 1985. – 358 с.
7. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. – М.: Прометей, 1991. – 251 с.
8. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII в. – начало XX в.). – М.: Изд-во МПГУ, 2001. – 358 с.
9. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний черноземного центра во второй половине XIX – начале XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2011. – 41 с.
10. Алексупин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708-1917 гг.): исторический опыт и уроки: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2009. – 41 с.
11. Бикташева А.Н. Механизмы назначения губернаторов в России в 1-й половине XIX века // Отечественная история. 2006. № 6. С. 31-41.
12. Марасанова В.М. Социальная характеристика губернского чиновничества пореформенной эпохи (на ярославских материалах) // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – С.3-7.
13. Шумилов М.М. Губернаторские назначения в России 60-70-х гг. XIX в. // Россия в XIX-XX вв. – СПб., 1998. – С.204-209.
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 1116 с.
15. Любичанковский С.В. Кризис губернского управления регионами в позднимперской России // Федерализм. 2007. №1. С.128-132; Любичанковский С.В. Преобразование местного управления в России: столичное и региональное видение проблемы (начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2007. – №16. – С. 78-90.
16. Христофоров И.А. В поисках единства: административные преобразования в контексте Великих реформ (1850-1870-е гг.) // Административные реформы в России: история и современность. – М., 2006. С.187.
17. Бикташева А.Н. Должностные полномочия губернатора: бюрократическая реальность (первая половина XIX века) // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Т.152, кн. 3. Ч. 2. – С. 19-24.
18. Шадохин И.Т. Курские губернаторы середины-второй половины XIX в. в воспоминаниях современников // Научные

ведомости Белгородского гос. университета. Сер. История, политология, экономика, информатика. 2007. – Т. 2, № 3. – С.60-65.

19. Иванов В.А. Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. – 2009. – №9. – С.82-88.

20. Трунина Елена Александровна. Вологодская губернская администрация в 1860-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2008. – 229 с.

21. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. – 384 с.; Ремнев А.В. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. – 240 с.

22. Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – нач. XX в. – Иркутск: Вост.-Сиб. издат. кампания, 2007. – 316 с.

23. Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX века). – Иркутск: Отгиск, 2005. – 208 с.

24. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: проблемы социальной стратификации. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 300 с.

25. Региональная власть и общественность Сибири. XIX – начало XX в. / А.В. Гимельштейн [и др.] Иркутск: Вост.-Сиб. издат. кампания, 2007. – 252 с.

26. Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство Азиатской России в XIX – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2011. №1 25-34 с.

27. Гимельштейн А. Имперский регионализм и единоначалие: сибирская попытка // История и культура Восточной Сибири: гуманитарные исследования. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2007. – С. 13-19.

28. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: проблемы социальной стратификации. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 300 с.

29. Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. ст. / под ред. Н.Г. Суворовой. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 600 с.

30. Константинова Т.А. Губернаторы Забайкалья 1851-1917 гг. – Чита: Тип. Богданова Г.Г., 2001. – 91 с.

31. Паликова Т.В. Города Забайкалья II половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое и культурное развитие). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – 310 с.

32. Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. – 232 с.

33. Кальмина Л.В. Экономическая стратегия самодержавия в начале XX в. в геополитическом пространстве Забайкалья // Власть. – 2010. – № 4. – С. 110 – 113.

34. Константинов А.В., Константинова Н.Н. Забайкалье: ступени истории (с древнейших времен до 1917 г.). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – 272 с.

Малыгина Ольга Анатольевна, аспирант ИМБТ СО РАН. E-mail: kirienko-o@mail.ru

Malygina Olga Anatolyevna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS.

E-mail: kirienko-o@mail.ru

УДК 944. 072:959.7

© М.И. Гарри

Геополитические подходы Франции при завоевании Вьетнама (1858-1884 гг.)

В статье анализируется геополитика Франции при завоевании Вьетнама в 1858-1884 гг. Особое внимание уделяется системности и пространственной обоснованности происходивших событий.

Ключевые слова: геополитика, история, Франция, Вьетнам, Индокитай

M.I. Harry

Geopolitical approaches of France during the conquest of Vietnam (1858-1884)

The article is devoted to the analysis of French geopolitics during the conquest of Vietnam in 1858-1884. The special attention is paid to the systematic part and spatial determinism of the events occurred.

Keywords: geopolitics, history, France, Vietnam, Indochina

В последние десятилетия существенно возрос интерес к геополитике – научной дисциплине, изучающей основы, возможности, механизмы и формы контроля пространства со стороны политических институтов, в первую очередь государств и союзов государств.

В свете образующегося в наши дни многопо-

лярного мира повсеместно ученые, теоретики геополитики и общественно-политические деятели различных стран заняты разработкой новейших концепций и методов относительно развития государств в новых условиях. Однако зачастую в их взглядах присутствует ошибочное мнение о том, что многополярный мир – это не-

что совершенно новое и, занятые разработкой новых подходов, они забывают обращаться к опыту предыдущих эпох. В связи с этим важным представляется изучение колониальной эпохи, когда мир так же, как и сейчас, находился в состоянии многополярности.

Изучение геополитики в истории является ключом к правильному пониманию современных международных процессов, способствует выработке политической элитой эффективной *геостратегии*¹ на фоне современного динамичного международного процесса. Геополитические подходы Франции на Дальнем Востоке являют собой наглядный пример для изучения и позволяют рассмотреть геополитику конкретного государства не в теории, а «в деле».

В данной статье автор предпринимает попытку рассмотреть действия Франции на Дальнем Востоке с позиций геополитики, т. е. уделяя должное внимание системности и пространственной обоснованности политических процессов. В отличие от традиционной историографии, где обращается большое внимание на описательные моменты, в данной статье автор ставит задачу – сконцентрироваться на «объяснительных» моментах, т. е. вопросах геополитического и стратегического характера, которые имели решающее значение в ходе завоевания и освоения французами Вьетнама. Нам хотелось бы осмыслить, почему завоевание шло именно таким, а не иным образом. Описательная же составляющая представлена в самом лаконичном виде, достаточном для понимания читателем общей канвы событий. Специфические термины геополитики, использованные в статье, выделены курсивом, разъяснения представлены в соответствующих сносках.

Первые контакты европейцев и, в частности, французов с Вьетнамом начались с деятельности католических миссионеров, которая имела три основные функции. Во-первых, это агентурно-разведывательная функция. Во-вторых, это «этнокультурное переформатирование народных масс путем изменения религиозной идентичности»¹ с целью создания преданных французам религиозных общин, противопоставлявших себя обычному населению и правящему режиму. И, в-третьих, это так называемый «идеологический наполнитель»¹, который имеет решающее значение для обоснования захвата чужих территорий в геополитических целях.

Для сравнения «распространение демократии» является «идеологическим наполнителем» современной геостратегии США. Франция же

обосновывала свое вторжение в дела Вьетнама «наполнителем» виде защиты прав верующих-католиков. Мы используем слово «наполнитель», а не «прикрытие» или «обоснование», ввиду более глубокой интеграции идеологии с геополитикой.

Когда во Франции в 1852 г. была провозглашена Вторая империя, в стране окончательно утвердился капитализм, быстрое развитие промышленного производства требовало новых рынков сбыта. В связи с этим *геополитическая парадигма*¹ Франции того времени заключалась в стремлении к колониальным захватам с целью приобретения новых рынков сбыта, источников сырья и стратегических позиций для дальнейшей экспансии. Изначальной геополитической целью французов во Вьетнаме был путь в Южный Китай, славившийся своими богатствами и рассматривавшийся как перспективный рынок сбыта французских товаров. *Национальный интерес*¹ Франции во Вьетнаме объяснялся тем, что он обладал удобным географическим положением для подхода морской державы. С одной стороны, гранича с богатыми южными провинциями Китая – Юньнань и Гуанси, Вьетнам мог стать отличным плацдармом для проникновения в Китай, а с другой, обладая протяженным морским побережьем, почти отовсюду открыт для атаки с юга и востока.

В середине XIX века Вьетнам был географически децентрализованной страной и не являлся с точки зрения геополитики *тотальным полем*¹. Так, если северную часть Вьетнама можно считать вьетнамским *эндемическим*¹ пространством, то отдаленный от центра и отрезанный горами Юг не мог в полной мере контролироваться центральными властями, свидетельством чего были длительные самостоятельные отношения Юга с европейскими странами.

Принимая во внимание этот факт и преследуя цель подорвать экономические связи между Северным и Южным Вьетнамом, французы выбрали направлением первого удара г. Дананг, находящийся как раз в центре Вьетнама, в ста километрах от столицы Аннамской империи (Так европейцы называли Вьетнам) – Хюэ, захват которой мог привести к капитуляции всего вьетнамского государства.

Первоначально расчет на Дананг себя оправдывал. Французская военная эскадра, стоявшая у берегов Дананга, практически блокировала доставку риса с Юга на Север, создав в Центре и на Севере едва ли не угрозу голода. Тем не менее выполнить главную задачу в этом направле-

нии – прорваться к столице Хюэ – французам не удалось. Как показывает история, план «молниеносной» войны редко себя оправдывает, не удалось реализовать его и французам во Вьетнаме.

Новой стратегией стало ведение затяжной войны, рассчитанной на истощение сил противника. В целях успешного ведения такой войны французское командование решило захватить жизненно важный и вместе с тем наиболее уязвимый район Вьетнама – Южный (центр – г. Сайгон).

Помимо объективных факторов данного выбора, которые мы приведем ниже, необходимо отметить и напряженную конкурентную обстановку в регионе: французские колонизаторы опасались английского соперничества. Как отмечал французский историк Томази, «английское правительство часто делало попытки через своих купцов в Гонконге и Сингапуре обосноваться в Сайгоне» [Thomazi A. La conquête de l'Indochine. Цит. по: 9, с. 23].

Оккупируя Южный Вьетнам, французские захватчики прежде всего рассчитывали нанести удар по всей хозяйственной жизни страны, так как именно этот регион был основным поставщиком риса для Центрального и Северного Вьетнама, следовательно, и для находившейся там вьетнамской армии. Во-вторых, Южный Вьетнам был очень удобен для нападения и с собственно военной точки зрения: его многочисленные реки и каналы были судоходны на большом протяжении. В-третьих, с Запада Южный Вьетнам граничил с Камбоджей, сложность отношений которой с Вьетнамом могла быть использована французами в собственных целях. Наконец, географическая удаленность Южного Вьетнама от центра, несомненно, затрудняла его оборону.

Первая сайгонская кампания, как и данангская, в целом завершилась для французов неудачей, поставленные цели не были в полной мере достигнуты. Причиной этого, с одной стороны, были много событий в Европе (в середине 1859 г. Франция вела войну в Италии против Австрии), а также тот факт, что для вьетнамцев война начинала принимать народный характер.

Южновьетнамская кампания возобновилась после окончания второй опиумной войны в Китае, где Франция принимала участие совместно с Англией. На этот раз французы обладали более внушительными силами, чем на предыдущих этапах (70 боевых кораблей и приблизительно 4000 солдат, это на 30 кораблей больше, чем в предыдущую кампанию).

В результате боев с февраля 1861 по апрель 1862 г. к французам перешли четыре провинции, составлявшие более половины всей территории

Южного Вьетнама и составлявшие огромную долю в производстве основного во Вьетнаме продукта питания – риса. Контроль над этими провинциями позволял французам экономически воздействовать на вьетнамский двор.

Однако граница французских владений в Кохинхине (Французское название Южного Вьетнама) пребывала в состоянии «размытости» с владениями, оставшимися за Вьетнамом вследствие действий вьетнамских партизан, постоянно атаковавших французские укрепления. Французам была необходима такая маркировка границы, которая отражала бы не только формально-правовые, но и естественно-рациональные аспекты. Иными словами, необходимо было выведение четкой и надежной *геополитической границы*¹ как линии раздела сфер действия суверенитетов французского и вьетнамского срединных пространств.

После операции адмирала де Ла Грандьера в 1867 г. Франция односторонним актом объявила о присоединении оставшихся трех провинций к своим владениям, заменив тем самым свои «искусственные» границы «естественными»: на юге и юго-востоке таковой стало море, на севере – горы.

Однако, захватив весь Южный Вьетнам, не забыли французы и свою изначальную геополитическую цель – использовать Индокитай как плацдарм в Китай. После захвата Кохинхины под французским контролем оказалась р. Меконг, которая рассматривалась ими как естественный и удобный путь в Поднебесную. Неудивительно поэтому, что в целях освобождения себе пути проникновения в Южный Китай французские колонизаторы решили вслед за Южным Вьетнамом подчинить соседствующую с ним Камбоджу как территорию течения Меконга.

Установив свой контроль над средним течением Меконга (территория Камбоджи), в 1866 г. французы предприняли экспедицию по этой реке с целью выяснить возможности использования ее в качестве водного пути в Южный Китай. Но их надеждам не было суждено сбыться. По словам подполковника Н.С. Ермолова, российского офицера, участвовавшего в Тонкинской экспедиции 1883-1885 гг., «комиссия эта (*экспедиция по р. Меконг. – М.Г.*) выяснила два главных обстоятельства, совершенно неожиданных: во-первых, что р. Меконг в среднем течении вовсе не судоходна, во-вторых, что в провинции Юньнань берет начало другая великая река, текущая в юго-восточном направлении и впадающая в океан в пределах Тонкинской территории (*Тонкином французы называли Северный Вьетнам. – М.Г.*). Река эта оказалась судоходной как

раз от границ Китая и носила название р. Красной» [3, с. 11].

Так, геополитические реалии изменили ход событий, и перед Францией встала новая цель – Тонкин. Необходимо отметить, что Тонкинская кампания была начата на фоне жесточайшего поражения Франции во Франко-Прусской войне 1870-1871 гг. Лишившись Эльзаса и Лотарингии, Франция стала еще в большей степени зависеть от ресурсов из колоний. Очевидно, в определенной мере этот факт повлиял на быстрое покорение Северного Вьетнама. В результате операции знаменитого морского офицера, шпиона, а также активного агитатора экспансии Франции на Дальнем Востоке Франсиса Гарнье в 1874 г. река Красная была открыта для торговой навигации. Для торговли этого было достаточно, однако в реальной ситуации заключенные договоренности не отражались из-за деятельности китайских отрядов Черных Флагов (Тайпинская группировка, обосновавшаяся в приграничном вьетнамо-китайском районе, превратившаяся в вооруженное бандформирование) на Красной реке, всячески затруднявших торговлю. Таким образом, началась настоящая Тонкинская экспедиция Франции с целью прогнать Черных Флагов и установить протекторат над Северным Вьетнамом.

В то же время вокруг тонкинского вопроса сложилась следующая обстановка: обеспокоенный угрозой утверждения у своих южных границ европейской державы, Китай вводит свои войска в пограничные с Китаем вьетнамские провинции, атакует французов с Севера; вьетнамские войска группируются с Юга, Черные

Флаги продолжают дестабилизировать ситуацию на северо-западе. Принимая во внимание, что сообщение в Северном Вьетнаме было очень затруднительным, овладение Ханоем, являвшимся узлом путей сообщения Северного Вьетнама, становится для Франции главной стратегической целью ввиду того, что только из Ханоя французы получают возможность атаковать на всех трех направлениях.

В результате ожесточенных боев Ханой был взят. К лету 1883 г. весь Северный Вьетнам был подчинен. 25 августа 1883 г. был подписан договор об установлении французского протектората над всем Вьетнамом, а 6 июля 1884 г. был подписан окончательный Тяньцзиньский договор о мире, дружбе и торговле между Францией и Китаем. Завоевание было окончено, цели французов достигнуты.

В заключение отметим, забота о судьбе католических миссионеров во Вьетнаме была всего лишь «идеологическим наполнителем» французской военной экспансии, в основе которой были геополитические цели использования вьетнамского пространства в качестве плацдарма для проникновения в Южный Китай. Конкретный ход завоевания: «Дананг – Южный Вьетнам – Камбоджа – Северный Вьетнам» определялся геополитическими и стратегическими соображениями французов, а также объективными пространственными факторами Индокитайской территории.

Геостратегия – направление внешнеполитической деятельности государства, основанное на геополитике.

Примечания

1. Подробнее об этом вопросе см. работы В.Н. Колотова.
2. Термин заимствован из статьи В.Н. Колотова «Классические религиозно-миссионерские методики и изучение новых религий: опыт политологического анализа на примере Вьетнама». М., 2005.
3. Геополитическая парадигма – понятие, дающее возможность увидеть стратегические закономерности развития политических систем в пределах определенного пространства. Греческое слово *paradeigma* (*para* –сверх, *deigma* – проявление) дословно означает: «то, что предопределяет характер проявления».
4. Национальный интерес – осознание коренных потребностей общества и их отражение в деятельности государственных лидеров.
5. Тотальное поле – непрерывное пространство, находящееся под контролем национальной общности.
6. Эндемическое геополитическое поле – пространство, контролируемое государством продолжительное время, а принадлежность этой территории данной национальной общности признают соседи.
7. Геополитические границы – линии раздела зон действия суверенитетов.

Литература

1. Берзин Э.О. Католические миссии в Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1966.
2. Дементьев Ю.П. Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского Союза (1858-1907). М.: Наука, 1975.
3. Ермолов Н.С. Тонкинская экспедиция 1883-1885 годов. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1890.
4. Колотов В.Н. Классические религиозно-миссионерские методики и изучение новых религий: опыт политологического анализа на примере Вьетнама // Религиоведение. 2005. №4.
5. Нартов Н.А. Геополитика. Золотой фонд российских учебников. М.: Юнити, 2007.
6. Новакова О.В., Цветов П.Ю. История Вьетнама. М., 1995.

7. Шилтова А.П., Мордвинов В.Ф. Национально-освободительное движение во Вьетнаме (1858-1945). М., 1958.
8. Thompson V. French Indo-China. L., 1937.

Гарри Михаил Игоревич, аспирант Пекинского государственного университета. Email: mikhailgarri55@gmail.com. Tel.: +8613760218600

Harry Mikhail Igorevich, postgraduate student, Beijing State University. Peking University Campus, University Town, Nanshan District, Shenzhen, 518055 China, Building 1, 801. Email: mikhailgarri55@gmail.com. Tel.: +8613760218600

УДК 621.39(091)

© *А.П. Федоров*

История создания и развития междугородной правительственной связи

В статье отражена история создания и развития междугородней правительственной связи, а также основные моменты становления и развития специальной связи. Также в статье рассматриваются современные задачи, выполняемые подразделениями специальной связи РФ.

Ключевые слова: связь, аппаратура ВЧ-связи, правительство, спецсвязь, радио, телефон, станция, засекреченная.

A.P. Fyodorov

History of creation and development of long distance governmental communication

The article is devoted to the history and development of intercity government communication. This paper contains the main points of the formation and development of special communication. The article also considers the modern problems that are solved by units of Special communication of the Russian Federation.

Keywords: communication, high-frequency equipment, government, the Special communication, radio, telephone, station, security restricted.

В начале 1920-х гг. Кремлевская сеть телефонной связи все чаще упоминается как правительственная, а АТС Кремля получает негласное наименование – «кремлевка».

После окончания гражданской войны, когда выдвинулась на первый план потребность в наличии мощной системы оперативного управления государством и его вооруженными силами, были предприняты все меры по созданию в СССР современной промышленности средств связи. Вместо многих устаревших типов телефонной и телеграфной аппаратуры (в основном иностранного производства) органы связи получили унифицированную отечественную радио-, телеграфную и телефонную технику.

В период первых пятилеток появилось множество новых индустриальных центров. Надо было надежно связать их с Москвой и между собой. Это определило бурный рост всех видов связи.

Важнейшее значение для обеспечения высоких темпов развития телефонной связи имело внедрение аппаратуры высокочастотного телефонирования по медным цепям воздушных линий связи. Создание аппаратуры, позволявшей по одной паре проводов вести несколько телефонных разговоров, было новым шагом в повышении эффективности использования дорогостоящих медных проводов воздушных линий, а также в обеспечении устойчивости и дальности

действия телефонной связи.

Первые опыты многоканального телефонирования проводились еще в 1921 г. коллективом инженеров радиоотдела и радиолaborатории Московского завода «Электросвязь» под руководством В.М. Лебедева. В том же году по кабельной линии была осуществлена одновременная передача трех телефонных разговоров.

В 1923 г. ученый П.В. Шмаков завершил опыты по одновременной передаче двух телефонных переговоров на высоких частотах и одного на низкой частоте по кабельной линии протяженностью 10 км.

В 1925 г. на Ленинградской научно-испытательной станции под руководством П.А. Азбукина была разработана и изготовлена первая отечественная аппаратура высокочастотного телефонирования для медных цепей. Первый образец одноканальной аппаратуры уплотнения был установлен в 1926 г. на линии Ленинград-Бологое.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. применение принципа ВЧ-телефонирования (переноса разговорного спектра частот в область более высоких частот) считалось гарантом обеспечения секретности ведущихся телефонных переговоров. Кроме того, телефонная ВЧ-связь имела еще два достоинства: эффект личного общения и оперативность передачи информации. Эти три фактора однозначно обусловили выбор высшего руко-

водства в пользу именно этого вида связи как материальной основы государственного управления.

Задача обеспечения этой функции в конце 1920-х гг. была возложена на 4-е отделение Оперативного отдела (ОПЕРОДа) ОГПУ, которое приняло на себя ответственность за организацию и создание системы телефонной правительственной связи страны.

Эту систему планировалось создать как надстройку над связями Народного Комиссариата связи (НКС) с использованием высокочастотного спектра. В отдельных случаях предполагалось также строительство собственных цепей ОГПУ, но с передачей НЧ-спектра НКС.

Принадлежность подразделений специальной связи к органам государственной безопасности была обусловлена прежде всего государственной важностью выполняемых ими задач, а также режимом строжайшей секретности, в котором проводились все организационные и технические мероприятия. Немалую роль здесь играло и требование высокой профессиональной компетентности и лояльности привлекаемых специалистов.

Уже в 1930 г. благодаря усилиям сотрудников отделения удалось начать создание сети междугородной высокочастотной телефонной связи для высшего эшелона власти СССР. В эксплуатацию были сданы линии ВЧ-связи Москва-Ленинград и Москва-Харьков, оборудованные отечественной аппаратурой уплотнения.

Статус отделения ВЧ-связи в рамках ОГПУ был закреплен приказом ОГПУ № 308/183 от 01.06.1931 г., в соответствии с которым обслуживание высокочастотной телефонной связи в СССР было возложено на 5 отделение ОПЕРОДа ОГПУ, руководил которым до 1937 г. И.Ю. Лоренс, кадровый работник оперативных служб ОГПУ-НКВД.

1 июля 1931 г. считается датой образования междугородной правительственной связи России. Несколько раньше (в 1930 г.) вступил в эксплуатацию временный вариант связи высшего руководства «Спецсвязь». Он не требовал больших капитальных вложений, так как был рассчитан на использование уже имевшейся в европейской части страны небольшой сети каналов дальней связи НКС. «Спецсвязь» была организована по радиальной схеме с задачей обеспечить связь только Москве (связь других городов между собой не предусматривалась). Отличительной ее чертой была работа по расписанию: каждому городу, входящему в сеть «Спецсвязи», предоставлялся 1 час в сутки. В областных цент-

рах абонентами «Спецсвязи», как правило, были только первые секретари обкомов ВКП(б), председатели облисполкомов и полномочные представители ОГПУ.

При всех своих недостатках «Спецсвязь» все же сыграла положительную роль в обеспечении телефонной связью ЦК ВКП(б) и Советского правительства. По мере ввода в действие новых ВЧ-станций она постепенно отмирала, передавая своих абонентов новой, более перспективной системе.

Структурная принадлежность ВЧ-связи была подтверждена в июле 1934 г., когда отделение специальной связи в Москве после реорганизации органов госбезопасности и внутренних дел (ОГПУ вошло в состав вновь образованного Народного Комиссариата внутренних дел на правах Главного управления госбезопасности – ГУГБ) получило наименование «5 отделение ОПЕРОДа ГУГБ НКВД СССР».

С начала 1930-х гг. в стране развернулось строительство магистральных постоянных воздушных линий связи средней и большой протяженности. Необходимость их пуска в эксплуатацию диктовалась возросшими требованиями к системе управления в ходе индустриализации, а также укреплением обороноспособности государства.

На каждой из строящихся линий в ведение органов госбезопасности передавались, как правило, две цепи, для эксплуатации которых оборудовались промежуточные и оконечные станции правительственной связи (ВЧ-станции, или ПМ-станции). В 1930-1932 гг. ВС-связь была установлена кроме Ленинграда и Харькова с Минском и Смоленском, в 1933 г. – с Горьким, Ростовом-на-Дону, в 1934 г. – Киевом, в 1935-1936 гг. – Ярославлем, Тбилиси, Сочи и Севастополем, в 1936 г. – Баку, Воронежем, Камышинь и Краснодаром. В 1938 г. вошли в строй 25 новых ВЧ-станций, в том числе в Саратове, Свердловске, Тамбове, Орле, Мурманске, Сталинграде, Архангельске и других. Оборудованием ВЧ-связи на построенной в 1939 г. самой протяженной в мире воздушной магистрали Москва-Хабаровск (8615 км) было в основном завершено создание общегосударственной сети секретной связи управления, соединившей Москву с важнейшими административными, хозяйственными и оборонностратегическими центрами СССР.

Очевидно, что функционирование систем высокочастотного телефонирования было бы невозможным без наличия соответствующей аппаратуры, задача создания которой в начале 1930-х гг.

значительно опережала экономические возможности страны. И только благодаря целенаправленной работе инженерно-технического состава завода «Красная заря» (г. Ленинград) в 1934 г. была разработана и пущена в серийное производство отвечающая требованиям времени трехканальная аппаратура ВЧ-телефонирования СМТ-34. Оснащение центральной и территориальных ВЧ-станций этим типом аппаратуры уплотнения воздушных цепей позволило к концу 1930-х гг. практически исключить использование в системе правительственной связи подобной аппаратуры иностранного производства (в частности, поставлявшейся фирмой «Стандарт», Великобритания). Помимо СМТ-34 во второй половине 1930-х гг. на сети ВЧ-связи для уплотнения цветных цепей применялись оконечная аппаратура ОСМТ-35 и промежуточная ОВЧТ-35, а также выпущенная в 1938 г. одноканальная аппаратура типа ВЧТ.

К 1930-м гг. восходит и воплощение идеи автоматического засекречивания телефонных переговоров. С началом выпуска в 1937 г. заводом «Красная Заря» простейшего типа аппаратура засекречивания ЕС-2 (названной так по начальным буквам фамилий изобретателей – инженеров завода К.П. Егорова и Г.В. Старицына) применение подобной аппаратуры на каналах ВЧ-связи стало нормой. Общий технический прогресс в стране стимулировал разработку и промышленный выпуск более совершенной аппаратуры засекречивания типа МЕС-2М и МЕС-2А, а затем и еще более сложной – ПЖ-8 и ЕИС-3, принцип действия которых был основан на инверсии передаваемого спектра с одновременной подачей в канал мешающего тона с высоким уровнем.

К концу 1930-х гг. инверторами ЕС-2 и МЕС-2 были закрыты (засекречены) основные каналы правительственной связи.

С увеличением количества ВЧ-станций и соответственно числа обслуживаемых ими абонентов возникла потребность в разработке и налаживании производства автоматических междугородных телефонных станций (АМТС) для ВЧ-связи. В 1937 г. на заводе «Красная Заря» были разработаны первая междугородная автоматика ВЧ-связи типа МА-5 (на 5 абонентов и 10 каналов) и ее уменьшенный вариант на 3 абонента МА-3. Оснащение этой аппаратурой ВЧ-станций на важнейших направлениях позволило повысить оперативность предоставления связи и значительно улучшить ее качество.

В 1937 г. отделение специальной связи ГУГБ НКВД возглавил И.Я. Воробьев (до этого глав-

ный механик АТС НКВД, а затем начальник отделения связи Административно-хозяйственного управления НКВД), а с 17 июня 1939 г. – М.И. Ильинский (талантливый инженер, соавтор разработок аппаратуры ЕИС-3, МА-3).

В 1939 г. в эксплуатацию было введено еще 11 новых ВЧ-станций (в Новосибирске, Оренбурге, Ташкенте, Чите и др.), Московская ВЧ-станция в это время представляла собой довольно крупный узел связи, не имеющий площадей для дальнейшего развития. В связи с этим в 1939 г. под Москвой в г. Люберцы был построен выносной линейно-аппаратный зал Московской ВЧ-станции, вначале работавший как оконечный пункт магистрали Москва-Хабаровск, а в дальнейшем выполнявший функцию передачи на центральную станцию каналов, организуемых по воздушным цепям южного и восточного направлений.

По состоянию на март 1940 г. в стране функционировало 82 станции правительственной связи, обслуживавших 325 абонентов в центре и на местах.

Кроме отделения правительственной связи ГУГБ НКВД с середины 1930-х гг. средства правительственной и служебной связи в Москве обслуживались еще тремя подразделениями.

В 1935 г. на базе бывшего отдела связи ВЦИК был образован отдел технической связи Управления коменданта Московского Кремля (начальник отдела Г.Д. Любимов, а с 1937 г. – П.И. Платонов). Отдел занимался обслуживанием телефонных станций городской правительственной связи, кабельной сети, абонентских установок, средств часификации и кино в Кремле. Главной функцией отдела была организация связи высшего звена руководства страны в пределах Москвы и Московской области. В 1940 г. в отделе было сформировано радиоотделение, в обязанности которого входило обслуживание средств звукоусиления открывшегося зала заседаний Верховного Совета СССР в Большом Кремлевском дворце, а также на Красной площади.

Как самостоятельное подразделение в этот период существовал и отдел связи Главного управления охраны (ГУО НКВД), начальником которого до реорганизации 1946-1947 гг. был П.А. Потапов. Отдел обслуживал правительственную связь в кабинетах, на квартирах и дачах членов Политбюро ЦК ВКП(б) вне Кремля, а также средства звукоусиления при проведении партийно-правительственных мероприятий, например торжественных заседаний, которые в то время в основном проходили в Большом театре

и Думе Советов. Радиоотделение этого отдела выполняло также задачи по эксплуатации средств радиоподвижной связи охраны.

В 1936 г. был образован отдел связи Административно-хозяйственного управления (АХОЗУ) НКВД, в задачи которого входило обслуживание спецсвязи оперативных подразделений НКВД в Москве. Этот отдел обеспечивал работу станции городской связи, кабелей и абонентских установок этой связи и другого оборудования. Начальником отдела в этот период был Н.А. Болдов.

Однако основной объем работ по наращиванию и совершенствованию общегосударственной сети ВЧ-связи выполняло отделение правительственной связи ГУГБ НКВД, которое в 1939 г. было введено в штат 2 спецотдела НКВД СССР, а с 01.07.1940 г. стало именоваться 11 отделением 2 спецотдела НКВД СССР. Одновременно с этим были осуществлены количественные штатные изменения и в территориальных подразделениях ВЧ-связи.

В течение всего 1940 г. продолжала интенсивно расширяться и совершенствоваться Московская (центральная) ВЧ-станция. Ее штат в это время составлял 36 человек.

После вхождения в состав СССР на правах союзных республик Прибалтийских государств (август 1940 г.) мероприятия по организации правительственной ВЧ-связи проводились и там, по мере оборудования ВЧ-станций в Риге, Таллине и Каунасе.

В феврале 1941 г. Наркомат внутренних дел СССР был разделен на два наркомата – НКВД и НКГБ. Отделение правительственной связи при этом вошло в состав Особого технического бюро НКВД СССР, руководимого генерал-майором В.В. Кравченко.

К середине 1941 г. сеть правительственной ВЧ-связи включала в себя 116 станций, 20 объектов, 40 трансляционных пунктов и обслуживала около 600 абонентов. Таким образом, задача, поставленная перед ОГПУ в конце 1920-х гг., была в основном решена. Распоряжением СНК N 5-рс от 06.05.1941 г. было утверждено «Положение о порядке эксплуатации правительственной ВЧ-связи».

Официальный статус правительственной был присвоен именно системе междугородной высокочастотной телефонной связи. Это обуславливалось рядом факторов, в том числе:

- потребностью системы централизованного управления, сложившейся в СССР к середине 1930-х гг., в наличии структуры конфиденциальной связи высших органов государственного руководства;

- наличием научно-производственной базы для создания передовых систем передачи информации;

- преимуществом телефонной связи перед другими видами связи, как обеспечивающей возможность непосредственного общения;

- разработкой и организацией производства аппаратуры автоматического засекречивания, решившей вопрос криптографической защиты ведущихся телефонных переговоров;

- принадлежностью подразделений правительственной связи к органам государственной безопасности, имевшим большой опыт в области обеспечения сохранности государственной тайны;

- оперативностью в решении задач создания и эксплуатационного обслуживания сети высокочастотной телефонной связи.

Таким образом, созданная в 1931 г. система междугородной засекреченной телефонной высокочастотной связи наиболее полно соответствовала потребностям государственного управления, что позволило ей стать по назначению и сути правительственной. Процесс становления и развития системы правительственной связи в России завершился созданием мощной организационно-технической инфраструктуры, обеспечивающей не только высокое качество сбора, обработки и передачи информации, но и необходимый уровень ее защиты от несанкционированного доступа.

Дальнейшее совершенствование этой инфраструктуры определяется, с одной стороны, все возрастающей потребностью управляющих структур в объективной, достоверной и своевременной информации о реальном положении дел во всех областях общественно-политической и экономической жизни страны, а с другой – необходимостью развития функций государственного управления и координации.

Свой вклад в дело обеспечения государственной безопасности и защиты государственных интересов России вносят и организации Федеральной службы охраны Российской Федерации.

В настоящее время организации ФСО России выполняют важные и ответственные задачи по обеспечению государственной охраны, устойчивого функционирования систем президентской и других видов специальной связи, надежной защиты конфиденциальной информации, обеспечению руководства страны стратегически значимыми аналитическими материалами, необходимыми для принятия решений в интересах управления государством и обеспечения его безопасности.

Сотрудники ведомства с честью выполняют

свой долг по разработке и реализации мер по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации, противодействию техническим разведкам и защите сведений, составляющих государственную тайну, участвуют в информационно-технологическом и информационно-аналитическом обеспечении государственных органов, техническом обслуживании и

программном сопровождении информационно-телекоммуникационных систем и ситуационных центров, а также информационном обеспечении управления государством в ходе контртеррористических операций и при чрезвычайных ситуациях, вносят достойный вклад в обеспечение и укрепление безопасности Родины.

Литература

Учебно-методические материалы Академии ФСО России.

Федоров Артем Павлович, соискатель кафедры истории Отечества, Бурятский государственный университет.
Fedorov Artem Pavlovich, the competitor of scientific degree, department of homeland history, Buryat State University.

УДК 94:[796:340.130.53]

© *Я.Ю. Ратушная*

**Законодательная база проведения государственной политики
в области развития физической культуры и спорта (1991 – 2007 гг.)**

В статье представлен анализ основных законов о физической культуре и спорте, определяется их значение для развития отрасли в социально-экономических условиях 1991-2007 гг. Предложены пути усовершенствования законодательства в новых условиях развития общества.

Ключевые слова: государственная политика, физическая культура, спорт, законодательство.

Ya.Yu. Ratushnaya

**The legislative basis on provision of state policy in the field
of the development of physical education and sport (1991-2007)**

In the article the analysis of the principal laws on physical culture and sport is presented, their value for branch development under social and economic conditions of 1991 – 2007 is defined. The ways of the improvement of legislation under new conditions of the development of society have been proposed.

Keywords: state policy, physical culture, sport, legislation.

Физическая культура и спорт в настоящее время являются одним из приоритетных направлений в государственной политике Российской Федерации. Успешная политика по развитию сферы физической культуры и спорта напрямую зависит от законодательной базы, которая устанавливает правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в Российской Федерации. Автором сделана попытка выявить адекватность законодательной базы социально-экономическим условиям в период с 1991 по 2007 гг.

После распада СССР новому государству в сложных социально-экономических условиях предстояло решить такие проблемы как: отъезд спортсменов и тренеров за рубеж, восстановление массовости физкультурно-спортивного движения, сокращение государственного финансирования сферы. Кроме того, после наделе-

ния субъектов Российской Федерации значительными полномочиями предстояло решить вопрос о месте и роли регионов в государственной политике по развитию сферы физической культуры и спорта.

Автором были проанализированы основные документы, на основании которых государство определяло вектор направления в политике по развитию физической культуры и спорта. За рассматриваемый период на федеральном уровне было принято три комплексных закона о физической культуре и спорте в Российской Федерации.

Большое значение для развития физической культуры и спорта в стране и в регионах имели «Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте» (далее – «Основы законодательства»), принятые постановлением Верховного Совета РФ от 27 апреля 1993 г. № 4870-1 [1]. Этот документ стал базой законодотворческой деятельности регионов Рос-

сии, установив основные принципы правового регулирования отношений в области физической культуры и спорта. Была разделена компетенция федерального органа исполнительной власти в области физической культуры и спорта, соответствующих органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления (статьи 4-6). В статье 5 о компетенции субъектов Российской Федерации в области физической культуры и спорта записано, что «они самостоятельно и в полном объеме осуществляют развитие физической культуры и спорта». Это, несомненно, повлияло на законодательскую деятельность субъектов Федерации.

«Основы законодательства» заложили норму – около 2% расходной части бюджета – на развитие физической культуры и спорта. По нашему мнению, согласно «Основам законодательства» государство сделало акцент на развитии массовой физической культуры и спорта. Во-первых, это подтверждается распределением финансирования: на спорт высших достижений предлагалось направлять не более тридцати процентов всех средств (ст. 25 п. 4). Во-вторых, отмечалось, что при подготовке специалистов «содержание образования в государственных образовательных учреждениях в области физической культуры и спорта должно отвечать требованиям приоритетности развития массового спорта, оздоровительно-профилактической и лечебной физической культуры» (ст. 32 п. 2).

Образовательным учреждениям «Основами законодательства» были предоставлены большие возможности в самостоятельном выборе форм, средств и методов физического воспитания детей на основе государственных образовательных программ и нормативов физической подготовленности, но при этом продолжительность занятий в неделю должна была составлять не менее 8 часов для дошкольников и не менее 5 часов – для учащихся. Причем в дошкольных учреждениях занятия должны были проводиться бесплатно.

Кроме того, позитивным моментом «Основ законодательства» была очевидная социальная направленность: прописаны категории населения, на которых распространялись социальные льготы при использовании физкультурно-спортивных услуг; государство предоставляло социальные гарантии спортсменам – трудоустройство после завершения ими спортивной карьеры. Как отмечает Н.В. Уловистова, «Основы законодательства» являлись примером последовательного регулирования формировавшихся общественных отношений [2]. Однако

некоторые из статей отличались декларативностью и не содержали разработанных положений. Так по вопросу допинга в спорте отмечается, что «использование допинга с целью достижения спортивных результатов не допускается». Это лишь подтверждает тот факт, что «Основы законодательства» были направлены поддерживать в первую очередь массовую физическую культуру, а вопросы профессионального спорта основательно не прорабатывались.

Таким образом, «Основы законодательства» закрепили самостоятельность субъектов Российской Федерации, предоставив свободу в выборе политики по развитию физической культуры и спорта, тем самым подтолкнув к законодательной инициативе на местах. Уже в 1990-е гг. регионы начинают разработку законов о физической культуре и спорте. Так, в Западной Сибири в 1990-е гг. приняли региональные законы о физической культуре и спорте Омская, Томская и Тюменская области.

Оценивая принятые в 1993 г. «Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте», можно прийти к выводу о достаточной проработанности вопросов в направлении развития массовой физической культуры и приобщении населения к регулярным занятиям спортом (социальные льготы и гарантии, стандарты физического воспитания, приоритет в финансировании). Однако, как показало исследование, данные обязательства государства не были подкреплены необходимым бюджетным финансированием. «Основы законодательства» не содержали положений, которые бы способствовали благотворительной, спонсорской и инвесторской деятельности в сфере. Тем не менее следует отметить, что некоторые из вопросов физической культуры и спорта остались без должного внимания: несмотря на положительную оценку государственной поддержки, не проработаны вопросы правового статуса спортсменов, нет четких положений по организации и проведению антидопинговых мероприятий.

«Основы законодательства» действовали до 1999 г., когда по предложению Олимпийского комитета России был принят Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (№ 80-ФЗ от 29.04.1999 г.) [3], в котором значительная часть функций федерального органа исполнительной власти в области физической культуры и спорта была передана Олимпийскому комитету России. Анализ законов показал: если в «Основах законодательства» олимпийскому движению в России была

посвящена только одна статья, то в Законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» 1999 г., кроме специальной статьи «Олимпийский комитет России», вопросы деятельности и полномочий Олимпийского комитета затрагиваются еще в 15 статьях. Кроме того подчеркивалось, что именно Олимпийский комитет разрабатывает и проводит политику по развитию спорта высших достижений. По мнению В.В. Бобровского, данный закон является попыткой усиления влияния общественных физкультурно-спортивных организаций и объединений в управлении физической культурой и спортом в России, но с обязательным государственным финансированием [4].

Главным условием развития массовой физической культуры, спорта высших достижений, физического воспитания населения в Законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» 1999 г. утверждалось укрепление материально-технической базы. Следует отметить, что эта проблема стала особенно актуальной в 1990-е гг., когда из-за недостаточного финансирования спортивные сооружения, оставшиеся еще со времен Советского Союза, находились в аварийном состоянии, использовались не по назначению или были полностью разрушены. На наш взгляд, с точки зрения развития массовой физической культуры и спорта важным фактором стала нормативно установленная обязанность предприятий, учебных заведений содержать спортивные сооружения, работников спортивных баз, прописанная в статье 16.

Однако закон «О физической культуре и спорте» не сформировал постатейно направлений, необходимых для государственной политики в сфере физической культуры и спорта. Во-первых, не определил финансовую политику отрасли, процентное отношение от расходной части бюджета, как было записано в «Основах законодательства». Во-вторых, не были разграничены полномочия между федеральными органами управления и субъектами Российской Федерации. В-третьих, не установлено льготное налогообложение органами государственной власти с целью активизации инвесторов и спонсоров. Кроме того, негативным моментом, на наш взгляд, стала замена перечня лиц, попадающих под социальные льготы на формулировку в законе 1999 г. о возможности на федеральном и местном уровнях предоставлять льготы населению.

В 2007 г. был принят новый федеральный закон «О физической культуре и спорте» (№ 329-ФЗ от 04.12.2007 г.) [5]. В новом федеральном

законе существенно расширен и уточнен понятийный аппарат. Впервые введены такие понятия, как массовый спорт, национальные виды спорта, паралимпийское и сурдоолимпийское движения, спорт высших достижений, спортивные сооружения и другие. Также федеральным законом вводится новый вид общественного объединения – спортивная федерация, целью которой является развитие одного или нескольких видов спорта, их пропаганда, проведение спортивных мероприятий и подготовка спортсменов спортивных сборных команд.

Устанавливается четкое разграничение полномочий федеральных и региональных органов государственной власти по вопросам физической культуры и спорта: организация и ресурсное обеспечение межрегиональных, российских физкультурно-спортивных мероприятий, организационные вопросы и отправка сборных команд Российской Федерации на международные соревнования и Олимпийские игры возлагается на федеральный орган управления в сфере физической культуры и спорта. Проведение региональных физкультурно-спортивных мероприятий, развитие физической культуры и спорта инвалидов, поддержка национальных видов спорта – в компетенции регионов. Кроме того, регионы имеют право устанавливать дополнительное материальное обеспечение спортсменам и тренерам за выдающиеся достижения (ст. 8). Учитываются также вопросы, связанные с полномочиями органов местного самоуправления.

Законом предполагается проведение политики государства по гармоничному и равному развитию как массовой физической культуры, так и спорта высших достижений. Отмечается принцип государственной политики в области физической культуры и спорта – взаимодействие федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по проведению государственной политики, нормативно-правовому регулированию, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере физической культуры и спорта, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления со спортивными федерациями. В отличие от закона 1999 г. в новом законе «О физической культуре и спорте» отмечается, что Олимпийский комитет России «участвует в разработке и осуществлении мер, направленных на обеспечение необходимого уровня подготовки российских спортсменов для участия в Олимпийских играх и других международных спортивных мероприятиях, проводимых под патронажем Меж-

дународного олимпийского комитета» (ст. 11 п. 3, 6) и способствует развитию не только спорта высших достижений, но и массового спорта.

Законом (2007 г.) были созданы необходимые правовые условия для решения многих вопросов спорта высших достижений, которые остро встали еще в начале 1990-х гг.: обозначены правовые отношения (права и обязанности спортсменов – ст. 24, правила видов спорта – ст. 25, спортивный паспорт – ст. 27), прописаны принципы медицинского обеспечения спорта высших достижений, определен механизм формирования спортивных сборных команд Российской Федерации. Лишь в 2007 г. на законодательном уровне начала решаться проблема допинга в спорте – в статье 26 прописываются меры по противодействию, порядок проведения антидопингового контроля и ответственность сторон. Разработан вопрос по обеспечению общественного порядка и безопасности на физкультурных и спортивных мероприятиях. Большое внимание, в отличие от предыдущих законов, уделяется инвалидному спорту.

Однако, по нашему мнению, не решены в соответствующих статьях некоторые вопросы в государственной политике по развитию сферы физической культуры и спорта. Например, нет четко установленного процента расходов, направляемого на сферу физической культуры и спорта, как это было в «Основах законодательства о физической культуре и спорте», не прописано льготное налогообложение органами государственной власти с целью активизации инвесторов и спонсоров. Большим минусом, на наш взгляд, стало отсутствие закрепленных со-

циальных льгот и гарантий как для населения при пользовании физкультурно-спортивными услугами, так и для спортсменов, работников физической культуры и спорта. Кроме того, государство оставляет без внимания вопросы развития физической культуры и спорта по месту работы: по закону все вопросы решаются путем коллективных, трудовых договоров между работодателем и работниками (ст. 30).

Таким образом, проведенные исследования позволяют заключить, что в процессе становления нового общества государство своим законодательством реагировало на актуальные для того времени вопросы в сфере физической культуры и спорта (утверждение государственных нормативов, акцент на развитии материально-технической базы, определение правового статуса спортсменов и др.). Однако к 2007 г. в законодательстве о физической культуре и спорте остались нерешенные вопросы: в первую очередь это возможность внебюджетного финансирования за счет спонсорства, благотворительной деятельности и инвестирования.

На наш взгляд, наиболее действенным в управлении сферой физической культуры и спорта на законодательном уровне стало бы: во-первых, использование опыта «Основ законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте» 1993 г. (фиксация процента расходов, направляемого на развитие отрасли, определение в законе социальных льгот и гарантий, предоставляемых государством), во-вторых, предоставление льготного налогообложения с целью активизации инвесторов и спонсоров.

Литература

1. «Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте» от 27.04.1993 № 4868-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 03.06.1993. № 22. ст. 784.
2. Уловистова Н.В. Нормативно-правовое регулирование в сфере физической культуры и спорта. – М.: Советский спорт, 2003. – 148 с.
3. Федеральный закон от 24.04.1999 № 80-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.05.1999. № 18. ст. 2206.
4. Бобровский В.В. Государственная политика Российской Федерации в области физической культуры и спорта: 1991-2000 гг.: дис... канд. ист. наук. – Астрахань, 2005. – 217 с.
5. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.12.2007. № 50. ст. 6242.

Ратушная Яна Юрьевна, соискатель кафедры истории и культуры России, Кемеровский государственный университет.
Ratushnaya Yana Yurievna, competitor of scientific degree, department of history and culture of Russia, Kemerovo State University. 650043, Kemerovo, Krasnaya str., 6. Tel.: 8 950 580 34 81. e-mail: yana_27.09_ratushnaya@mail.ru

УДК 94(571)

© А. А. Белькова

Процессы десекуляризации в постсоветской Бурятии

Статья посвящена изучению тенденций изменения религиозной ситуации в постсоветской Бурятии. В работе проанализированы основные процессы религиозного роста и расширения влияния религии на общество. Динамика религиозных изменений в Бурятии в 1990-2000-х гг. рассматривается на примере двух крупнейших централизованных религиозных организаций: Русской православной церкви и Буддийской традиционной сангхи России.

Ключевые слова: десекуляризация, Бурятия, история религии, общество, церковь.

A.A. Belkova

The processes of desecularization in post-Soviet Buryatia

The article is devoted to the study of tendencies of change in religious situation in Post-Soviet Buryatia. The main processes of religious growth and expansion of the influence of religion on society are analyzed in the work. The dynamics of religious changes in Buryatia in 1990-2000s is considered on the example of two largest centralized religious organizations: the Russian Orthodox church and Buddhist Traditional Sangha of Russia.

Keywords: desecularization, Buryatia, history of religion, society, church.

В статье анализируются тенденции изменений религиозной ситуации в постсоветской Бурятии. В качестве методологии исследования нами была выбрана концепция «десекуляризации», сформулированная П. Бергером в 1999 г. [7]. Десекуляризация – это процесс, противоположный секуляризации, выражающийся в религиозном возрождении, которое является реакцией на предыдущие и/или сопутствующие процессы секуляризации [8, с. 240].

Религия и государство

Взаимоотношения религии и государства в России носят специфический характер. Официально Россия является светским государством: сегодня религиозные организации имеют лишь косвенное отношение к политике. Если в начале 1990-х гг. многие священнослужители непосредственно занимались политикой¹, в том числе избирались депутатами в различные представительные органы власти [4], то сегодня функции религии здесь ограничены, контролируются и смещаются в совещательно-декларативную сторону, когда на примере сотрудничества органов власти и религиозных организаций показывается открытость власти обществу. В то же время республиканские органы власти активно привлекают религиозные организации к своей деятельности. Рассмотрим механизмы инклюзии религиозных организаций в деятельность органов государственной власти.

Во-первых, религиозные деятели включаются в состав различных советов и комиссий при органах власти республики и города Улан-Удэ. С 2002 г. работает Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Бурятии. Уже в первый состав совета были введены по 2 представителя Русской православной

церкви и Буддийской традиционной сангхи [6]. Официально в задачи этого органа входят: обеспечение взаимодействия Президента Республики Бурятия с религиозными объединениями, участие в разработке концепции взаимоотношений государства и религиозных объединений, возрождение церквей и дацанов в Республике Бурятия, определение первоочередных объектов, реставрируемых культовых сооружений. Заседания обычно состоят из серии докладов участников, полученная в результате обсуждения информация суммируется и направляется на рассмотрение Президенту РБ. Функциональная ограниченность работы совета проявляется в том, что пределы полномочий этого органа позволяют лишь составлять рекомендации по вопросам религии и взаимоотношений государства и религиозных объединений. На их дальнейшую судьбу совет не влияет.

Религиозные деятели также являются постоянными участниками круглых столов, проводимых органами власти по разнообразным вопросам воспитания молодежи, борьбы с наркоманией и преступностью и т.д. Вся эта деятельность широко освещается в СМИ. Во-вторых, часто конкретный государственный орган заключает соглашение с той или иной религиозной организацией для проведения совместного мероприятия. В качестве иллюстрации можно привести серию акций ГИБДД по снижению аварийности на дорогах в городе Улан-Удэ в 2011 г. Тогда весной священнослужитель Русской православной церкви совершал молебны и окроплял святой водой городские дороги и остановленные сотрудниками ГИБДД транспортные средства. В продолжение этой акции летом 2011 г. ламы Буддийской традиционной сангхи России провели молебен о снижении аварийности и безо-

пасного движения на одной из самых аварийных участков улиц города.

Религия и образование

В течение 1990-2000-х гг. религия все сильнее закреплялась в системе образования. Условно этот процесс можно разделить на два направления: восстановление и создание институтов религиозного образования и проникновение религии в светское образование.

Институты религиозного образования в Бурятии формировались постепенно, и к концу 2000-х гг. сложилась следующая ситуация. Русская православная церковь концентрируется на создании церковно-приходских школ, т.е. ее целью является транслирование основ православия широким слоям населения. На 1 января 2010 г. в Бурятии работало 23 церковно-приходские воскресные школы. На занятиях в таких школах коллективно читаются священные тексты, объясняются содержание и смысл церковного богослужения, учатся молитвы, преподается история православной церкви, т.е. даются основы православия. В буддийской традиции нет специальных учреждений, дающих прихожанам начальное религиозное образование. Эти функции исполняют ламы – они разъясняют основы буддизма верующим во время посещения.

Буддийская традиционная сангха сосредоточилась на создании институтов высшего образования, предназначенного для подготовки священнослужителей. Итогом стало создание буддийского университета, который формировался постепенно с 1991 г. В 1999 г. университет получил лицензию и официальное название «Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева». В основе занятий лежит философия школы гелугпа, которая дополняется изучением тибетского, английского, русского и бурятского языков, основ информатики, истории и этнографии, культуры и искусства народов Центральной Азии. В университете им. Заяева действуют четыре факультета: философский, тантрический, иконографический и медицинский. Для обучения принимаются юноши 15-20 лет, имеющие неполное среднее и среднее образование.

Русская православная церковь не имеет аналогичного учреждения на территории республики. Православные священнослужители обучаются в различных духовных семинариях за пределами Бурятии, на очных/заочных специализированных курсах. Таким образом, мы видим, что формирование институтов религиозного образования напрямую зависит от стратегий развития религиозных организаций.

В светское образование религия проникает

при активной поддержке государства. Однако за период 1990-2000-х гг. подобные тенденции наметились лишь в конце 2000-х гг. В первую очередь это касается введения в средних школах учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики», апробация которого началась в 19 субъектах Российской Федерации с 2010 г. Однако Бурятия не попала в этот список, и преподавание этого курса начнется только в 2012 г. В высшее образование религия проникает не так активно, но существует некоторое движение и в этом направлении. В Бурятском госуниверситете открыт философско-теологический центр при научной библиотеке университета, основным направлением деятельности которого является «работа со студенчеством по постижению ценностных основ религиоведения, по осмыслению и изучению духовного опыта наших предков» [3]. В 2007 г. открылся прием на отделение философии на базе исторического факультета по специализации «Философия религии». В качестве лекторов наряду с преподавателями университета приглашаются священнослужители-богословы [1]. На этой специальности, а также на некоторых других, многие священнослужители получают высшее светское образование.

Религия в сфере семьи и брака

Значение религии в сфере семьи и брака на протяжении всего постсоветского периода увеличивалось. Например, религия стала играть определенную роль при заключении брака. В советское время интерес к религии при заключении брака был сравнительно намного ниже, чем сейчас. С началом перестройки у православных наблюдался рост интереса к обряду венчания, буддисты стали обращаться в дацан при проведении свадебного обряда. Но светский процесс государственной регистрации брака по-прежнему остался важен. Русская православная церковь, например, отказывается совершать таинство венчания, если брак не зарегистрирован официально. В данной ситуации невозможно говорить о полной десекуляризации. Скорее, наблюдается параллельное сосуществование секулярных и антисекулярных тенденций. При этом они тесно связаны между собой.

Освящение брачного союза у православных и буддистов различаются. Если среди «номинально православного населения»² только часть решается дополнительно к светской свадьбе совершить обряд венчания, то у буддистов религиозная составляющая вплетена в свадебный процесс. Практикуются обращения к ламе-астрологу для выбора дат сватовства, бракосочетания. В день свадьбы совершается специальный обряд (молодожены и гости обходят ступы

и храмы, молятся, ставят лампы перед алтарем за благополучие новой семьи, в это время лама читает благопожелания, одаривает ритуальными предметами, а также вручает специальную грамоту с печатью дацана и именами сочетающихся в браке) [5].

Частота венчаний с начала 1990-х снизилась и установилась на стабильной отметке. Этому способствует в том числе и ужесточение норм и правил церемонии и допуска к ней. Например, в первой половине 2000-х гг. число венчаний в РБ колебалось от 138 (в 2003 г.) до 98 (в 2005 г.) [2]. Ужесточение правил связано с тем, что большое количество венчаний повлекло за собой увеличение количества разводов. Создававшаяся ситуация заставила Улан-Удэнскую и Бурятскую епархию сформировать комиссию по второбрачным для рассмотрения прошений на расторжение церковного брака, притом что христианский брак нерасторжим. Теперь перед таинством венчания пары должны пройти пост, молитвы, покаяние и причащение. Принятые меры в конце концов снизили популярность венчания, однако она не упала, а лишь остановилась на стабильной отметке.

Рождение ребенка также постепенно становится неразрывно связано с религией. Крещение – один из самых популярных обрядов в Русской православной церкви. Если в 1986 г. крестили 284 человека, то в 2001 г. было совершено

11 108 крещений, а в 2005 – 9496. Буддисты также обращаются к религии при рождении ребенка, заказывая обряды, советуясь с ламой при выборе имени новорожденному. Аналогичная динамика прослеживается в соблюдении религиозных обрядов, сопровождающих похороны человека. В дацане заказывается молебен за упокой души, в православной церкви молятся или совершают полноценный обряд отпевания.

* * *

Проведенное исследование показало, что роль религии как в публичном, так и в частном пространстве в Бурятии растет с начала 1990-х гг. Религия постепенно проникает во многие институты, подвергшиеся секуляризации в советское время. Однако есть сферы, в которых доступ религии ограничен или в которых строго очерчены границы религиозного влияния. Это касается образования, государственного и муниципального управления, политики.

Нормы взаимодействия церкви и власти, церкви и общества формировались постепенно на протяжении всего изучаемого периода. Некоторые из них поменялись на противоположные: религиозные деятели из активных членов органов власти перешли в класс приглашенных консультантов и представителей общественности. С другой стороны, религиозный подъем в Бурятии продолжается, принимая все новые формы.

Примечания

¹ Религиозные деятели входили в состав депутатов Народного Хурала РБ I созыва.

² Здесь идет речь о тех, кто называет себя православными.

Литература

1. Васильева С.В. Университет – территория конфессиональной толерантности (на примере Республики Бурятия) // Преподаватель высшей школы в XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.t21.rgups.ru/Arhiv2008s9> (5.02.2012).
2. Митьшова Г.С. Православная церковь в Бурятии: XX-XXI вв. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2006. С. 66.
3. Бурятский госуниверситет: [сайт]. URL: <http://www.bsu.ru/?src=335> (Последнее посещение 5.02.2012).
4. Постановление Совета по делам религий при Совмине РСФСР «О взаимодействии в решении служебных задач с народными депутатами, в том числе с избранными народными депутатами священнослужителями г. Москва 20 апреля 1990 г.» // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: сб. докум. / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др.; Ин-т «Открытое об-во». – М., 2001.
5. Буддийская традиционная сангха России (Иркутская община): [сайт]. URL: <http://irkdacan.ru/?rubr=2&doc=25> (Последнее посещение 5.05.2012).
6. Указ Президента Республики Бурятия от 19.09.2002 № 198 «Состав Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия».
7. Berger P. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics Grand Rapids, Mich.: William B. Eerdmans Publishing Co., 1999, 135 pp.
8. Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework // Journal of Church and State. – 2010. – Vol. 52, № 2. – P. 232-270.

Белькова Анастасия Анатольевна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

E-mail: afan-project@mail.ru, 670017, г. Улан-Удэ, а/я 4048.

Belkova Anastasiya Anatolyevna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS, afan-project@mail.ru, 670017, Ulan-Ude, p.o. box 4048.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Защита докторских диссертаций на историческом факультете

Исторический факультет БГУ – крупный региональный научно-исследовательский центр. Особое внимание на факультете уделяется подготовке научных и преподавательских кадров. За последние годы защитили докторские диссертации ведущие преподаватели нашего факультета: Светлана Владимировна Васильева, Виктория Владимировна Номогоева, Татьяна Вадимовна Паликова, Елизавета Николаевна Палхаева.

Проблематика диссертационных работ наших преподавателей является логическим продолжением научных направлений, заявленных на кафедрах факультета. Высокая оценка новизны исследований подтверждается тем, что в научный оборот введен большой объем неизвестных архивных материалов, государственно-правовых документов. Исследования имеют собственную научную концепцию, что значительно повышает значимость разработок и их прикладной характер. Для факультета важным моментом является тот факт, что основные положения диссертационных исследований прошли апробацию при чтении авторских лекционных курсов по истории России, истории Бурятии, спецкурсов (по темам исследования) для студентов исторического факультета.

Так, диссертация **Светланы Владимировны Васильевой** «Государственная и церковная политика в отношении старообрядчества Байкальского региона (XVII-XXI вв.)» посвящена исследованию основных направлений политики Российского/Советского государства и Русской православной церкви по отношению к старообрядчеству Байкальского региона на протяжении длительного исторического периода (вторая половина XVII – начало XXI вв.) На основе вводимого в научный оборот массива архивных документов **впервые** проведены отбор, систематизация и изучение обширной правовой, религиозно-исторической информации, позволившей выявить региональные особенности взаимоотношений государства и старообрядчества. Важным аспектом новизны является исследование форм и направлений сотрудничества государственных структур (на примере Респуб-

лики Бурятия) со старообрядческими сообществами региона на протяжении более чем двадцатилетнего периода истории.

Представляет интерес новое осмысление социального статуса русской интеллигенции в стране в целом и в ее национально-государственных образованиях. В работе М.И. Добрыниной на основе данных государственной и региональной статистики, эмпирических исследований доказано, что основными детерминантами изменения социального статуса русской интеллигенции в процессе трансформации российского общества являются в экономической сфере: разгосударствление и плюрализация общенародной собственности на средства производства; специфические методы приватизации, сопровождавшиеся ростом коррупции и криминала, переход к рыночным отношениям; в социальной – кардинальные изменения в сфере распределительных отношений, рост социального расслоения, плюрализация общества, падение жизненного уровня преобладающей части интеллигенции; в политической – ликвидация советской и формирование новой политической системы, включающей в себя государство, политические партии, общественные организации и движения, муниципальные органы управления, развитие демократии, обострение межэтнических отношений, социально-политическая нестабильность; в духовной – изменения в области идеологии, общественного сознания; ослабление, а в ряде случаев и разрушение, материальной базы культуры, переоценка системы ценностей.

Автором установлено, что в процессе трансформации российского общества произошло падение социального статуса преобладающей части русской интеллигенции в республиках Сибири: снизился ее уровень жизни, произошла резкая социальная дифференциация, в ее среде появилась значительная часть безработных, резко возросли масштабы миграционных процессов, у преобладающей части оказалась утраченной уверенность в своем будущем.

Доказано, что русская интеллигенция республик Сибири как в годы советской власти, так

и в настоящее время занимала и занимает доминирующее положение в сфере материального производства, хотя в процессе трансформации российского общества в связи с некоторым сужением данной сферы (закрытие, перепрофилирование многих предприятий, роспуск совхозов и колхозов и т.п.) произошло снижение ее экономического и социального статуса по сравнению с предыдущим этапом развития страны.

Выявлено снижение статусных позиций русской интеллигенции в политической и управляющей сфере национально-государственных образований Сибири, что нашло свое выражение в уменьшении доли ее представителей в органах законодательной, исполнительной судебной ветвей государственной власти и снижении участия в политической жизни регионов.

Аргументировано положение о том, что социальный статус русской интеллигенции существенным образом детерминирован ее важнейшими духовно-нравственными качествами (гуманизмом, любовью к родине, уважительным отношением к другим народам, взаимопомощью и др.), сыгравшими огромную роль в укреплении доверия, сотрудничества, в утверждении государственного единства.

Научная новизна диссертационного исследования **Номогоевой Викторией Владимировны** «Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920-1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия)» заключается в том, что **впервые** осуществлен комплексный анализ процесса социально-культурной модернизации Бурятии, происходившего в период – 1920-1930-х гг. Критически переосмыслены существовавшие в историографии недостаточно аргументированные представления о содержании и результатах модернизационного процесса в культуре Бурятии. Работа является обобщающим исследованием советской культуры в Бурятии в 1920-1930-х гг., позволяющим интерпретировать советскую модель социально-культурной модернизации в национальных районах Восточной Сибири. Этим прежде всего и определяется научная новизна работы.

Впервые проведены выявление, систематизация и глубокое изучение исторической информации, позволившие пояснить региональные особенности социально-культурных преобразований в национальных районах Восточной Сибири.

Основополагающее значение в формировании важнейших научных направлений исследований Бурятии сыграли Бурятский ученый ко-

митет (Буручком) и лучшие представители бурятской интеллектуальной элиты. При этом осуществлен анализ деструктивных факторов в сфере научных исследований, выразившихся в преимущественном развитии гуманитарных исследований и отсутствии исследований естественнонаучного и прикладного характера, складывавшихся в условиях нового политического устройства общества.

Использование новых информационных технологий позволило впервые серьезно осмыслить национальную программу культурного просвещения в Бурятии в рамках государственной политики, реализуемой через ликвидацию неграмотности, национально-языковые процессы, политико-массовую и культурно-просветительную работу, создание национальных средств массовой информации и библиотечного дела.

Установлено, что ради политических целей создания образа обреченного народа были разработаны идеологические мифы о мировом распространении социальных и эпидемических болезней среди коренного населения Бурятии.

Обоснована **авторская периодизация** истории культуры Бурятии в рассматриваемый период.

Диссертационное исследование **Татьяны Вадимовны Паликовой** «Социальное, экономическое и культурное развитие городов Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в.» посвящено исследованию социальных, экономических и культурных процессов в городах Забайкальской области второй половины XIX – начала XX в., выявлению специфики городских социально-экономических и социокультурных деятельностных структур.

Научная новизна диссертационного исследования основывается на большом массиве архивных документов, введенного в научный оборот целого ряда неизвестных или не использованных ранее архивных материалов: протоколов и журналов заседаний, обязательных постановлений городских дум и управ, посемейных списков мещан и купцов, оценочных ведомостей; описей имущества по смерти владельца, аукционных продаж; протоколов заседаний, материалов обследований полицейско-медицинских комиссий; дневников, воспоминаний и личной переписки горожан Забайкалья.

Новшеством данного исследования является изучение пространственного развития городов, формирование их селитебной территории. Городская среда исследовалась как место развития социально-экономических, культурных и повседневных практик горожан, как форма,

постепенно наполняемая содержанием при активной преобразующей деятельности человека, пытавшегося создать условия максимально комфортного проживания.

В рамках представленного проекта впервые на материалах Забайкальского края проанализированы важнейшие составляющие повседневной частной жизни горожанина.

Научная новизна исследования **Палхаевой Елизаветы Николаевны** определяется прежде всего тем, что в диссертации на основе большого массива документов осуществлено комплексное научно-историческое обобщение трансформации государственности бурят в XX – начале XXI вв.

Новаторским для отечественной историографии является исследование процесса формирования и эволюции правовой базы национального строительства на протяжении длительного исторического периода.

На основе массива архивных документов впервые проведены отбор, систематизация и изучение обширной правовой, исторической информации, позволившей выявить региональные особенности национального строительства. Для полного охвата рассматриваемой проблемы потребовалось более глубокое и всестороннее изучение материалов, содержащих свидетельства очевидцев, а зачастую и участников описываемых событий (известных государственных и общественных деятелей), и сопоставление их с документальными источниками в рамках изучаемого периода.

Научная новизна диссертации определяется введением в научный оборот ряда неизвестных архивных материалов, а также современным анализом уже изученных документов внутреннего служебного пользования секретариата ВЦИК СНК, СМ БМАССР, Комитета по международным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия, Админист-

раций губернаторов Иркутской области и Забайкальского края; протоколов, стенограмм заседаний рабочей группы ВАРК и др.

В исследовании **впервые** в научной исторической литературе предпринят подробный и предельно объективный всесторонний анализ причин, влиявших на национально-государственное строительство.

Для более полного и глубокого понимания государственности бурят в работе проведен сравнительно-исторический анализ основных положений Конституций республики, Уставов и др. документов с целью выявления общего и особенного в системе органов государственной власти и управления, в системе административно-территориального деления изучаемого региона

Своеобразие исследования заключается в том, что Конституции России и Бурятии рассматриваются как этапы федеративного строительства и национально-государственного развития. Принятие Уставов автономных округов рассматривается как условие и предпосылки совершенствования национальной государственности.

Новизна исследования заключается в комплексной реконструкции механизма руководства государственных ведомств и структур советской и постсоветской системы, курирующих национальную политику. Важным аспектом новизны является исследование форм и направлений сотрудничества государственных структур трех автономных образований с центром на протяжении более чем 75-летнего периода истории.

Преподаватели Светлана Владимировна Васильева, Виктория Владимировна Номогоева, Татьяна Вадимовна Паликова, Елизавета Николаевна Палхаева сделали прекрасный научный подарок к 80-летию юбилею исторического факультета. В преддверии юбилея хочется пожелать новым докторам исторических наук дальнейшего профессионального и научного роста, замечательных побед и достижений.

Декан исторического факультета
А.А. Буркина

III Межрегиональная научно-практическая конференция «Развитие городских поселений Байкало-Азиатского региона»

15 декабря 2011 г. проведена III Межрегиональная научно-практическая конференция «Развитие городских поселений Байкало-Азиатского региона», посвященная 345-летию г. Верхнеудинск – Улан-Удэ.

В научном форуме приняли участие 43 участника из различных регионов Сибири и Дальнего Востока. На конференции были представлены доклады, освещавшие вопросы истории городов региона в дореволюционный, советский и постсоветский периоды, что дало возможность проследить основные этапы городского развития, модернизационных и урбанизационных процессов в Забайкальской области, Иркутской и Енисейской губерниях, Приамурском генерал-губернаторстве (дореволюционный период), в Республике Бурятия, Забайкальском и Алтайском краях, Иркутской области, Хакасии, Дальнем Востоке, Монголии на современном этапе. Обращение к истории города и различным аспектам его жизни – социальным, экономическим, политическим, духовным – обусловлено радикальными изменениями в жизни современного российского государства, пристальным вниманием к региональным особенностям модернизации XIX–XXI вв. в России.

Для современного этапа городских исследований, итогом которого явилась конференция, характерно расширение тематики за счет более заинтересованного внимания исследователей к проблемам развития социальных институтов: взаимодействия власти и городского сообщества, ее влияния на развитие городов; регулирования трудовых отношений, особенностям развития торговой составляющей города; социально-бытовым и досуговым практикам городов и горожан. Особое внимание было уделено проблемам интеллигенции, художественной культуры, средствам массовой коммуникации и их влиянию на повседневную жизнь городов. Среди озвученных проблем выделим проблемы современного города: формирование, развитие и сохранение его историко-культурного ландшафта, современные социальные, демографические проблемы городов региона, религиозные предпочтения городской молодежи. Важной составляющей городской проблематики стало изуче-

ние государственной и региональной символики, ее задач, вопросов формирования и содержания как части имиджа региона, города.

Конференция выявила процесс постепенной смены традиционных доиндустриальных форм жизни индустриальными, показала роль модернизационных изменений, которые способствовали активизации общественных отношений в социальной и экономической сферах, местном самоуправлении.

Можно констатировать, что сегодня город стал объектом серьезного исследования, расшилось тематическое и пространственное поле изучения отдельных сторон его жизни, введены ранее не освоенные (телевидение, повседневность, досуг, историко-культурный ландшафт и др.) темы. Наряду с традиционными методами исследования все большей популярностью пользуются компаративный и культурологический анализ, используются методы «истории повседневности», «новой локальной истории», помогающие найти новый ракурс исследований, переосмыслить процессы, протекавшие и протекающие в регионе.

Отмечая высокий уровень представленных докладов и их заинтересованное обсуждение во время дискуссии, выделим перспективные с точки зрения дальнейшего изучения проблемы советского и современного города: взаимодействие властных структур и городского сообщества, вопросы формирования гражданского общества и опыт самоуправления городов и самоорганизации горожан, междисциплинарные исследования в области городоведения. Интересны для дальнейшего изучения исследования городской проблематики, позволяющие сравнивать аспекты развития городов обозначенных регионов.

На заключительном заседании участники конференции приняли решение объединить усилия исследователей Улан-Удэ, Читы и Иркутска для сравнительного и комплексного изучения городов региона XVII – XXI вв., в связи с этим был создан межрегиональный координационный центр городских исследований.

Председатель оргкомитета конференции
Т.В. Паликова, д-р ист. наук

ЮБИЛЕИ

90 лет профессору Ефрему Егоровичу Тармаханову

5 октября 2011 г. 90-летний юбилей отметил доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и заслуженный деятель науки РБ Ефрем Егорович Тармаханов.

Е.Е. Тармаханов родился в улусе Ирхидей Боханского аймака в большой семье крестьянина-середняка Егора Тармахановича и Екатерины Никоновны Махутовых. Ефрем Егорович окончил Ирхидейскую начальную школу. Когда он учился в 7 классе Бильчирской школы, то потерял отца. Ему пришлось взять на себя обязанности отца в хозяйстве, несмотря на это мать сделала все возможное, чтобы он получил образование. Окончив неполносреднюю Бильчирскую школу, Ефрем Егорович поступил в Боханское педучилище. Затем он учился на рабфаке в г. Улан-Удэ.

Ефрем Егорович – участник Великой Отечественной войны, он участвовал в первом прорыве блокады Ленинграда 12 января 1943 г., открывшем дорогу жизни. «Дорога жизни» заметно улучшила жизнь блокадников, умирающих от голода, от взрывов бомб, брошенных с самолетов, артиллерийских снарядов и мин. Е.Е. Тармаханов был старшим сержантом, командиром отделения стрелкового взвода, командиром которого был лейтенант Васильев из Барнаула. Он считал его земляком, берег молодого солдата. 30 января 1943 г. Ефрем Егорович был тяжело ранен и более месяца лежал в госпитале в блокадном городе.

Е.Е. Тармаханов был старшим сержантом, командиром отделения стрелкового взвода. Как тяжело раненый, небоеспособный, он был эвакуирован из Ленинграда на «большую землю» через «дорогу жизни». Лежал в госпиталях в г. Вологде и Усолье на Урале. Оттуда в августе 1944 г. был демобилизован из армии.

Е.Е. Тармаханов награжден боевыми наградами, в том числе медалью «За оборону Ленинграда».

Ефрем Егорович Тармаханов в сентябре 1945 г. поехал в Ленинград, поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Он слушал лекции известных ученых-академиков Е.В. Тарле, В.В. Струве, Д.С. Лихачева, профес-

соров В.В. Мавродина, Н.А. Карнатовского, А.И. Молока и др. В Ленинграде прошел большую научную школу.

С пятого курса до окончания аспирантуры Е.Е. Тармаханов преподавал историю в школе №33 на 13-й линии Василеостровского района г. Ленинграда.

В 1953 г. Е.Е. Тармаханов на ученом совете исторического факультета ЛГУ успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. После защиты по приглашению директора Бурятского педагогического института он приехал в г. Улан-Удэ на кафедру истории, заведующим ее был тогда доцент В.П. Тюшев. Работая в БГПИ, читал курсы лекций по истории СССР XIX в., истории Бурятской АССР и основам советского государства и права.

26 ноября 1969 г. он защитил докторскую диссертацию на ученом совете исторического факультета Ленинградского университета. Защита прошла успешно, но при свечах, погас свет. Оппонентами выступили известные ученые доктора наук, профессора Николай Арсентьевич Карнатовский (ЛГУ), Владимир Зиновьевич Дробижев (МГУ) и Виктор Анатольевич Ежов (ЛГУ). Оппоненты дали высокую оценку диссертации. Председателем диссертационного совета был декан исторического факультета ЛГУ, известный ученый, доктор исторических наук, профессор Владимир Васильевич Мавродин.

В 1970 г. Е.Е. Тармаханов получил звание профессора. Он 26 лет заведовал кафедрой истории СССР, разработал и читал курсы лекций истории XIX в., истории Бурятии, по историографии истории СССР. Много лет он был членом диссертационного совета при Иркутском университете, в Якутском научно-исследовательском институте, Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО АН СССР. Десять лет был председателем диссертационного совета на историческом факультете БГУ. Оппонировал докторские диссертации в Ленинграде, Новосибирске, Владивостоке и Улан-Удэ. Под его научным руководством было защищено 25 кандидатских диссертаций, 4 докторские диссертации. Им опубликовано около 200 работ, из них 8 моно-

графий, 6 учебников по истории Бурятии, Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, по историографии Бурятии.

Е.Е. Тармаханов занимается исследованием индустриального развития республик Сибири. Наряду с другим известным ученым Б.М. Митуповым он впервые в историографии рассмотрел индустриализацию Бурятии: создание крупной промышленности и формирование рабочего класса. Е.Е. Тармаханов поставил вопрос о хронологических рамках этого процесса. В отличие от других исследователей, в частности Б.М. Митупова, он пришел к выводу, что индустриализация в Бурятии не была завершена до 1941 г. Концепция создания индустриальной базы Ефрема Егоровича вносит большой вклад в изучение истории Бурятии.

Е.Е. Тармаханова по праву называют ведущим историографом в РБ: им написан ряд статей по историографии Бурятии, также учебное

пособие «Историография истории Бурятии», он был научным редактором сборников статей по историографии.

В последние годы Е.Е. Тармаханов занимается исследованием локальной истории. Им написаны в соавторстве с Е.Н. Палхаевой монографии по истории Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, Осинского и Боханского районов, а также научно-популярный очерк по истории его малой родины – с. Ирхидей.

Имя Ефрема Егоровича включено в биографический словарь «Историки России XX в.». За заслуги в научно-педагогической деятельности Е.Е. Тармаханов награжден орденами «Знак Почета», Дружбы, орденом Чингисхана (Монголия) и многими медалями. В настоящее время профессор-консультант Бурятского государственного университета.

Желаем Ефрему Егоровичу крепкого здоровья, семейного благополучия и творческих успехов.

Е.Н. Палхаева, д-р ист. наук

К юбилею Василия Митрофановича Пыкина

Доценту кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета, кандидату исторических наук, профессору, заслуженному работнику народного образования Республики Бурятия, почетному работнику высшего профессионального образования РФ Василию Митрофановичу Пыкину исполнилось 70 лет. Это еще один повод задуматься о том, что означают труды этого ученого и педагога для исторической науки, что является источником плодотворности его деятельности.

Будущий историк родился 11 января 1942 г. в с. Десятниково Тарбагатайского района БМАССР в семье старообрядцев, поселенных в 1767 г. в числе «выведенных из Польши». Поначалу ничего не предвещало, что Василий станет известным ученым. Вообще-то сам он был активным спортивным молодым человеком. Окончил Десятниковскую семилетнюю школу, продолжил учебу в Тарбагатайской средней школе, затем поступил в строительное училище №3, г. Улан-Удэ. В 1959 г. по окончании техникума начал работать в отделе капитального строительства Паровозовагоноремонтного завода в г. Улан-Удэ каменщиком 5-го разряда. Параллельно учился в Школе рабочей молодежи №3, после окончания был призван в ряды Советской Красной армии, в 1964 г. был принят в члены

КПСС. В этом же году, после демобилизации, поступил на историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова. Уже во время учебы почувствовал большой интерес к истории Бурятии. Но в связи с тяжелым семейным положением был вынужден перейти на заочное отделение и работать на Улан-Удэнском ЛВРЗ в качестве слесаря. Выполняя партийное поручение, руководил кружком в сети комсомольского просвещения, читал лекции в обществе «Знания».

В 1966 г. был переведен на работу в аппарат Бурятского областного комитета ВЛКСМ. Работу совмещал с учебой в институте.

После окончания БГПИ в 1969 г. коллектив комсомольской организации института избирают Василия Пыкина секретарем комитета ВЛКСМ. Одновременно по совместительству работал ассистентом кафедры философии и научного коммунизма. Первой научной работой стало исследование молодого поколения интеллигенции Бурятии. Она была представлена на научных конференциях в Улан-Удэ и Иркутске. В итоге он был удостоен звания лауреата конкурса молодых ученых Бурятского обкома ВЛКСМ.

В 1975-1978 гг. обучался в целевой аспирантуре при кафедре истории КПСС Иркутского государственного педагогического института, по

окончании защитил кандидатскую диссертацию.

С 1978 по 1980 г. – проректор по заочному обучению, 1986 по 1988 г. – декан историко-филологического факультета, 1988 по 1990 г. – декан филологического факультета. С 1997 по 2001 г. – заведующий кафедрой истории России. 2001-2002 – консультант администрации президента РБ. С 2002 г. доцент кафедры истории России.

Василий Митрофанович Пыкин широко известен как талантливый и многосторонний ученый, наделенный универсальным талантом, работающий во многих областях и сферах исторической науки. Он является автором более 100 научных трудов, среди которых 5 монографий, 13 учебных пособий и методических рекомендаций. Постоянно выступает с докладами на республиканских и международных конференциях.

Сфера научных исследований: история политических партий России и Бурятии, история ВЛКСМ и молодежного движения, история старообрядцев (семейских) Забайкалья, история высшей школы Бурятии, история волейбола. Большой популярностью пользуются труды Василия Митрофановича «Бурятский педагогический институт. Ректоры», «М.П. Хабаев: педагог, ученый, человек», «Современные общественно-политические объединения России и Бурятии», «Пахари и ратники Тарбагатайской и Куйтунской волостей Забайкальской области в начале XX века», «История комсомола Бурятии. Документы, факты, имена», «Свет немеркнущей звезды».

В.М. Пыкин внес весомый вклад в исследование истории старообрядцев, с которыми он связан биографически. Он автор работ о семейских Бурятии, предисловий и научных комментариев в различных изданиях. По итогам этого направления деятельности опубликованы труды, такие как «Важный источник по истории тарбагатайских старообрядцев», «К вопросу о времени поселения в Забайкалье старообрядцев-семейских».

В последние годы в сферу интересов Василия Митрофановича попали многие проблемы истории, ранее не доступные для исследователя. В частности, им исследован целый пласт документов, касающихся истории селенгинских полков. По результатам этих исследований будут опубликованы научные статьи.

Много лет ученый ведет поиски документов по основанию Удинского зимовья. Несколько лет ученый серьезно работал в фондах Национального архива РБ, где изучал документы. И поиски Василия Митрофановича были небезус-

пешными. Он обнаружил документы, проливающие свет на историческое прошлое столицы нашей республики.

Общественная деятельность Василия Митрофановича получила широкое признание в общественных и административных кругах Улан-Удэ. Обостренное чувство правды и справедливости, базирующееся на богатом научном и жизненном опыте, проявлялось у него при обсуждении многочисленных злободневных проблем. С 1965 г. является активным членом и лектором общества «Знание». В настоящее время В.М.Пыкин является членом коллегии Комитета по делам архивов РБ, где проводит большую работу по изучению и обследованию районных архивов, подготовке к печати архивных документов и материалов. Выступает рецензентом научных трудов, является членом редакционной коллегии, главным редактором сборников архивных документов, а недавно избран Председателем Бурятского республиканского отделения Общероссийской общественной организации «Российское общество историков-архивистов».

Что касается его личных пристрастий и привычек, то и они вызывают симпатию и уважение. Активный член волейбольной команды факультета, преданный российскому спорту патриот, до сих пор с юношеским азартом он играет на площадке. В составе сборной РБ по волейболу участвовал в международных и зональных соревнованиях, член команд «Локомотив», «Трудовые резервы», «Звезда», «Динамо», «Спартак» и др. Игрок, тренер, судья, журналист, автор учебно-методических работ по истории волейбола. В 1986-1992 гг. являлся председателем Федерации волейбола РБ

Нам посчастливилось годами общаться с Василием Митрофановичем в разных ситуациях и по различным поводам. Все это время мы видим, как гармонично в нем сочетаются глубинное понимание культуры, традиций и обычаев нашего народа и умение следовать им в своей жизни. Судьба не баловала его, но сохранила главное – поразительную верность долгу, редкую ответственность, неиссякаемую веру в добро и справедливость.

Однако подводить итоги рано – безгранично преданный науке исследователь, В.М. Пыкин продолжает активно работать, выступая с докладами на конференциях самого разного уровня, читая лекции и проводя семинары в Бурятском университете и за его пределами, ежегодно публикуя несколько статей. У него много учеников, ставших доцентами и профессорами, просто

коллег, кто приходит к нему, чтобы получить консультацию по самым разнообразным проблемам истории. Василий Митрофанович всегда

готов помогать, делиться своими поистине энциклопедическими знаниями, просто «по-хорошему» разговаривать...

В.В. Номогоева, д-р ист. наук, доц.

Служение любимому делу

К юбилею доктора исторических наук Татьяны Вадимовны Паликовой

25 апреля 2012 г. исполнилось 50 лет доктору исторических наук, доценту кафедры истории Отечества Татьяне Вадимовне Паликовой.

Она поступила на исторический факультет БГПИ-БГУ в 1982 г. и в 1987 г. с отличием окончила его. Вся научно-педагогическая деятельность Татьяны Вадимовны связана с Бурятским государственным университетом. Пройдя путь от ассистента кафедры культурологии до доцента кафедры истории Отечества исторического факультета БГУ, она стала высококвалифицированным специалистом. С успехом читает курс «История России второй половины XIX в.» и спецкурс «Город как социокультурное явление». Уже во время учебы на факультете определилась сфера научных интересов Татьяны Вадимовны – социально-экономическая и культурная история городов Забайкалья. Отсюда и выбор научного направления – дореволюционная история России.

Итогом научной деятельности Т.В. Паликовой стала кандидатская диссертация «Культура городов Прибайкалья второй половины XIX в. – 1917 г.», которую успешно защитила в 1997 г.

Можно назвать целый ряд направлений научных изысканий Т.В. Паликовой, в которых ей удалось сформулировать свое оригинальное понимание отечественной истории: «Теория культуры», «История мировой и отечественной культуры». Так, на протяжении уже многих лет Т.В. Паликова читает для специализирующихся на кафедре истории Отечества студентов новаторский курс «Теория и история мировой и отечественной культуры». Этот курс существенно дополняет общеизвестные толкования нашей истории исследователями и выводит их на уровень фундаментальных культурологических обобщений. Во многом благодаря данной авторской программе за последние годы на кафедре под руководством Т.В. Паликовой было подготовлено и успешно защищено несколько дипломных работ, а также кандидатская диссертация.

Заметной вехой в сибирской историографии

стали книги «Развитие культуры городов Забайкалья второй половины XIX – начала XX в.» (2008) и «Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое и культурное развитие)» (2010).

Свою позицию, при всем «исследовательском консерватизме» и осторожном отношении к разного рода новомодным способам работы с историческими источниками, Т.В. Паликова неоднократно лично заявляла и последовательно придерживалась в собственных научных изысканиях и в руководстве работой учеников.

Профессионализм Татьяны Вадимовны как историка наглядно подтверждается умением работать и с такими нетрадиционными для историка источниками, как художественная литература, живопись и киноискусство. Способность проникнуть в исторический контекст сквозь хитросплетения прозаического нарратива, поэтической строфы или рисунка приносит неожиданные результаты. Появляется возможность по-новому взглянуть и на иные тексты, вышедшие из-под пера тех же самых авторов художественных произведений, – тексты, которые мы традиционно воспринимаем как привычные исторические источники. Яркий тому пример – работы «Проблемы современного города в русской литературе Бурятии» и «Город в художественном мире Р.В. Белоглазовой».

Т.В. Паликова относится к тому типу исследователей, которые видят свою основную миссию не столько в обретении новых источников и создании на их основе очередных «уточняющих» версий прошлого, сколько преподавателем, стремящимся донести до своих учеников все самое, с ее точки зрения, значимое и существенное из достигнутых научных результатов. В этом смысле особую роль в творческой биографии Татьяны Вадимовны сыграло ее участие в городских проектах «Купечество Верхнеудинск–Улан-Удэ», «Улан-Удэ – сердце Азии». Именно там наиболее полно была изложена авторская концепция ученого, которую можно

считать главным ее достижением последних лет – «Урбанизационные процессы в дореволюционном Забайкалье», «Церковь в городском пространстве Забайкалья конца XIX – начала XX века», «Развитие исторических селитебных территорий Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в.», «Формирование и состав органов общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX – начала XX в.», «Вещно-предметная среда горожанина Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в.», «Брак и семья в городах Забайкалья конца XIX – начала XX в.».

Публикация 7 монографий и защита Т.В. Паликовой докторской диссертации «Социальное, экономическое и культурное развитие городов Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в.» свидетельствуют о высоком

уровне бурятской школы историков, а также о ее праве занять достойное место среди знаковых ученых Сибири.

Т.В. Паликова успешно сочетает научную, педагогическую деятельность с работой ученого секретаря Ученого совета БГУ и директора музея БГУ.

Коллеги по кафедре, редколлегия журнала «Вестник Бурятского государственного университета. Сер. История» от всей души поздравляют Татьяну Вадимовну с юбилеем, выражают восхищение ее проникнутыми безграничной любовью к Забайкалью трудами, желают Татьяне Вадимовне дальнейших творческих и преподавательских успехов, сохранения и приумножения той личностной и исследовательской чуткости, которая столь высоко оценивается ее учениками и коллегами.

Коллеги по кафедре истории Отечества

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Калмыков С.В.</i> Университет Байкальской Азии в современных условиях (к 80-летию БГПИ-БГУ, 1932-2012 гг.)	3
<i>Буркина А.А., Митупов К.Б.-М.</i> Исторический факультет БГУ в год восьмидесятилетия . . .	7
<i>Тармаханов Е.Е.</i> 80 лет историческому факультету БГПИ-БГУ	10

История, историография и источниковедение

<i>Цыбиктаров А.Д.</i> Особенности исторического развития населения степных районов Монголии и Забайкалья в эпоху бронзы и раннем железном веке (середина II – середина I тыс. до н.э.)	13
<i>Худяков Ю.С.</i> Копье и стрела как символы воинской государственной власти у древних и средневековых кочевников Центральной Азии	20
<i>Цыренов Ч.Ц.</i> Буддийская антология «Хунминцзи» и ранний период китайского буддизма	26
<i>Миронова А.Г.</i> Агван Доржиев и ступа, возведенная в память об Учителе Далай ламы XIII	33
<i>Шабалов А.С.</i> Проблемы этнической принадлежности хунну в трудах современных чувашских ученых	35
<i>Лиштованный Е.И.</i> Доржи Банзаров в Иркутске	40
<i>Очиров В.О., Батуева И. Б.</i> Охотничья культура бурят	42
<i>Будаева Ц.Б., Дугарова А.А.</i> Из истории управления инородческим населением	46
<i>Семенов Е.В.</i> Участие польских политических ссыльных в разработке золотых месторождений на территории Западного Забайкалья в 1870-1880 гг.	51
<i>Богучкий А.Е.</i> Призыв хакасского и бурятского населения в Енисейское и Иркутское казачьи войска в период гражданской войны	56
<i>Мамышева Е.П.</i> Г.П. Бытогов: просветитель, политический деятель Хакасии (1902-1938)	62
<i>Амоглонова Д.Д.</i> Возвращение хамбо-ламы Итигэлова и новая концепция возрождения Бурятии	65
<i>Зайцева Л.А., Яковлев А.Л.</i> Становление и развитие высшего сельскохозяйственного образования в Восточной Сибири (1931 – середина 1980-х гг.)	70
<i>Митупов К.Б.-М., Горковенко О.Н.</i> Влияние демографической политики на ситуацию в Бурятии в условиях трансформации общества (конец XX – начало XXI в.)	74
<i>Малеев Н.Г., Санжиева Т.Е.</i> Таможенная служба Предбайкалья	78
<i>Барабаш В.П.</i> Деятельность культурно-просветительских школ Восточной Сибири в послевоенные годы	80
<i>Константинов М.В.</i> Судьбы сибирских ученых эпохи ГУЛАГа	84
<i>Олзоева Н.В.</i> Организация, нормирование и оплата труда крестьян в колхозах Бурят-Монгольской АССР в 1945-1953 гг.	91
<i>Балакирев А.Н.</i> Пионерская организация в Бурятии в послевоенные годы	95
<i>Гельман В.А.</i> Формирование общественных организаций поддержки предпринимателей в Бурятии	100
<i>Дамешек Л.М.</i> Буряты в административной системе империи (конец XVII – середина XIX вв.)	104
<i>Полянская О.Н.</i> Монголоведные исследования В.Л. Котвича (1872-1944). К 140-летию со дня рождения	108
<i>Василенко В.А.</i> «Урянхайский вопрос» в политике России и Монголии (1912-1914 гг.)	114
<i>Цыренова З.Е.</i> Политика национально-культурного строительства в Восточной Сибири (1920 – конец 1980-х гг.)	119
<i>Тармаханов Е.Е., Базаржапов В.Б.</i> История становления телефонной связи в Западном Забайкалье	122
<i>Елаев А.А., Гунжитова Г.-Х.Ц.</i> Этноязыковые процессы в Бурятии в XX в. – начале XXI в.	125
<i>Цыденова Н.В., Данилов С.В.</i> Некоторые результаты работ комплексной археолого-историко-этнографической экспедиции в долине р. Селенги	128
<i>Манзанов Г.Е.</i> Динамика религиозности в этнической Бурятии в конце XX – начале XXI в.	133
<i>Боронова М.М., Степанова Т. Г.</i> Политика властных структур по отношению к православной и буддийской конфессиям в Бурятии (1943–1961 гг.)	135

Сообщения

<i>Жукова Н.Е.</i> Общественно-политическая жизнь Забайкалья в период 1917-1923 гг.	140
<i>Шевляков А.И.</i> Нормативно-правовое регулирование в информационно-библиотечном пространстве	143
<i>Очур Н.М.</i> Кадровый состав учительства Тувы и тенденции его развития (конец XX – начало XXI в.)	145
<i>Дикун А.С.</i> Организация судоходства по реке Ангара как одна из сфер предпринимательской деятельности А.М. Сибирякова	149
<i>Иванов И.С.</i> Влияние сельской миграции на пополнение населения г. Улан-Удэ (1945-1970 гг.)	154
<i>Васильева Д. Д.</i> Политика стимулирования экономической конъюнктуры Японии (2008–2010 гг.)	157
<i>Малыгина О.А.</i> Статус губернатора в имперской системе управления Россией в отечественной историографии	161
<i>Гарри М.И.</i> Геополитические подходы Франции при завоевании Вьетнама (1858-1884 гг.) .	165
<i>Федоров А. П.</i> История создания и развития междугородной правительственной связи	169
<i>Ратушная Я.Ю.</i> Законодательная база проведения государственной политики в области развития физической культуры и спорта (1991–2007 гг.)	173
<i>Белькова А.А.</i> Процессы десекуляризации в постсоветской Бурятии	177

Научная жизнь

Защита докторских диссертаций на историческом факультете	180
III Межрегиональная научно-практическая конференция «Развитие городских поселений Байкало-Азиатского региона»	183

Юбилеи

Палхаева Е.Н. 90 лет Ефрему Егоровичу Тармаханову	181
Номогоева В.В. К юбилею Василия Митрофановича Пыкина	185
Васильева С.В. Служение любимому делу. К юбилею доктора исторических наук Татьяны Вадимовны Паликовой	187

CONTENTS

Kalmykov S.V. The university of Baikalian Asia in modern conditions (to the 80 th anniversary of BSPI- BSU, 1932-2012)	3
<i>Burkina A.A., Mitupov K.-B.M.</i> Department of History in the 80 th anniversary of BSU	7
<i>Tarmahanov E.E.</i> 80 years of historical faculty of BSU-BSPI	10

History, historiography and source study

<i>Tsybiktarov A.D.</i> The peculiarities of the historical development of population in Mongolian and South Transbaikalyian steppe areas in the Bronze era and the early Iron age (the middle of the II–middle of the I millennium B.C.)	13
<i>Khudyakov Yu.S.</i> A Spear and an arrow as symbols of military and state power in ancient and medieval nomads of Central Asia	20
<i>Tsyrenov CH.Ts.</i> Buddhist anthology «Hunmitszi» and the early period of Chinese Buddhism	26
<i>Mironova G.A.</i> Agvan Dorzhiev and a mortar erected in memory of the Teacher Dalai lama XIII	33
<i>Shabalov A.S.</i> The problems of Huns' ethnical identity in the works of contemporary Chuvashian scientists	35
<i>Lishtovanny E.I.</i> Dorzhi Banzarov in Irkutsk	40
<i>Ochirov V.O., Batueva I.B.</i> Hunting culture of Buryats	42
<i>Budaeva Ts. B., Dugarova A.A.</i> From the history of governance the indigenous population	46
<i>Semenov E.B.</i> The participation of Polish political exiles in the exploiting of golden deposits on the territory of Western Transbaikalye in 1870-1880s	51
<i>Bogutsky A.E.</i> The call-up of the Chakas and Buryat population to the Yenisei and Irkutsk cossack troops in the period of the Civil war	56
<i>Mamysheva E.P.</i> G.P. Bytotoy: enlightener, political leader of Khakassiya (1902-1938)	62
<i>Amogolonova D.D.</i> Hambo lama Itigelov's return and a new concept of revival of Buryatia	65
<i>Zaitseva L.A., Yakovlev A.L.</i> The Formation and Development of the Higher Agricultural Education in the Eastern Siberia (1931 – mid. 1980s)	70
<i>Mitupov K.B.-M., Gorkovenko O.N.</i> The influence of population policy on the situation in Buryatia, under the conditions of transformation of society (the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries)	74
<i>Maleev N.G., Sanzhieva T.E.</i> The Custom Service of Prebaikalye	78
<i>Barabash V.P.</i> The activity of the cultural and educational schools in the Eastern Siberia in post-war years	80
<i>Konstantinov M.V.</i> The fates of the Siberian scientists in the GULAG epoch	84
<i>Olzoeva N.V.</i> The organization, rationing and compensation of peasants labor in collective farms of the Buryat-Mongolian ASSR in 1945-1953	91
<i>Balakirev A.N.</i> Young pioneer organization of Buryatia in the post-war years	95
<i>Gelman V.A.</i> The formation of public organizations of businessmen support in Buryatia	100
<i>Dameshek L.M.</i> Buryats in the administrative system of the empire (the end of the XVIIth – the middle of the XIXth centuries)	104
<i>Polyanskaya O.N.</i> The Mongolian studies of V.L. Kotwich (1872-1944). To the 140 anniversary of his birthday	108
<i>Vasilenko V.A.</i> The «Uryanghai issue» in the politics of Russia and Mongolia (1912-1914)	114
<i>Tsyrenova Z.E.</i> The Policy of National and Cultural Development in the Eastern Siberia (1920 – the end of 1980s)	119
<i>Tarmakhanov E.E., Bazarzhapov V.B.</i> The history of formation of telephone communication in the Western Transbaikalye	122
<i>Elaev A.A., Gunzhitova G.-Kh.Ts.</i> The ethnic and language processes in Buryatia in the XXth – beginning of the XXIst century	125
<i>Tsydenova N.V., Danilov S.V.</i> Some results of works of the complex archeological-historical-ethnographic expedition in the Selenga river valley	128
<i>Manzanov G.E.</i> The dynamics of religiousness in ethnic Buryatia at the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries	133
<i>Boronova M.M., Stepanova T.G.</i> The Policy of the Authorities to the Christian and Buddhist confessions in Buryatia. 1943-1961	135

Reports

<i>Zhukova N.E.</i> The social and political life of Zabaikalye in the period of 1917–1923	140
<i>Shevlyakov A.I.</i> Standard and legal regulation in information and library space	143
<i>Ochur N.M.</i> The staff composition of the Tuvan teachers and the tendencies of its development (the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries)	145
<i>Dikun A.S.</i> The organization of navigation on the Angara as one of spheres of A.M. Sibiryakov's entrepreneurial activity	149
<i>Ivanov I.S.</i> The influence of rural migration on the increase of population in Ulan-Ude (1945-1970s)	154
<i>Vasilyeva D.D.</i> Japan's Policy of Stimulation the Economic Conjuncture in 2008–2010	157
<i>Malygina O.A.</i> The status of governor in the imperial system of Russia governance in the national historiography	161
<i>Harry M.I.</i> Geopolitical approaches of France during the conquest of Vietnam (1858-1884)	165
<i>Fyodorov A.P.</i> History of creation and development of long distance governmental communication	169
<i>Ratushnaya Ya.Yu.</i> The legislative basis on provision of state policy in the field of the development of physical education and sport (1991-2007)	173
<i>Belkova A.A.</i> The processes of desecularization in post-Soviet Buryatia	177

Scientific life

Protection of doctoral dissertations on department of history	180
III Interregional scientific and practical conference «Development of city settlements of the Baykalo-Aziatsky region»	183

Anniversaries

<i>Palhaeva E.N.</i> 90 years to Yefrem Egorovich Tarmakhanov	181
<i>Nomogoeva V.V.</i> To Vasily Mitrofanovich Pykin's anniversary	185
<i>Vasil'eva S.V.</i> Service to favourite affair. To anniversary of the doctor of historical sciences of Tatyana Vadimovna Palikova	187